Лю Цыцинь
УДЕРЖАТЬ НЕБО
От создателя трилогии «Задача трех тел»
刘慈欣
fanzon

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Самый популярный китайский писатель-фантаст, получивший ряд жанровых премий как в Китае, так и в США (первый иностранный писатель с премией "Хьюго"). Сборник рассказов, написанных за последние двадцать лет. Сборник повестей великого китайского фантаста Лю Цысиня, создателя блистательной трилогии «Задача трех тел». Лю Цысинь предлагает взглянуть на будущее человечества сквозь призму неповторимой китайской культуры. Наука переплетается с простыми человеческими жизнями. От сельского учителя зависит выживание всей планеты. Вселенная несется вспять, возвращая потерянных любимых. Род людской, сталкиваясь с беспрецедентным безразличием пришельца из других миров, делает то, что у него лучше всего получается — борется за жизнь. Война или создание неповторимых произведений искусства — во всем этом видна истинная природа человека, его жертвенность, изобретательность и отвага. «Инновационный и полный сострадания взгляд на то, как знания формируют и изменяют человечество. Лю основывает свои рассказы на современной китайской жизни и обществе, используя жанр научной фантастики для решения вопросов о месте человечества во Вселенной. Это обязательное чтение для всех поклонников твердой научной фантастики». — Publishers Weekly «Всесторонний взгляд на творчество Лю, показывающий его работы как в стиле, знакомом читателям трилогии "ЗАДАЧИ ТРЕХ ТЕЛ", так и в других, возможно, более неожиданных стилях. Настоятельно рекомендуется». — Booklist «Эти истории превосходно сочетают жесткую научную фантастику и мягкую эмоциональность. В произведениях Лю сохраняется спокойная, деловая стилистика, даже тогда, когда они передают изобретательную жестокость и красивые образы». — Shelf Awareness «Это волшебство. Это машина времени; туннель, который позволяет вам вернуться назад во времени, чтобы увидеть, как выглядела китайская версия 1985, 2010, 2020 или 3000 года. Сборник дарит нам окно, из которого открывается вид на иной научно-фантастический пейзаж, отличный от того, что мы наблюдали десятилетиями». — NPR

- Лю Цысинь
  -
  - Предисловие
  - Сельский учитель

- Переселенцы во времени
  - Отъезд
  - Путь
  - Остановка 1: Темные века
  - Путь
  - Остановка 2: Эпоха вестибюля
  - Путь
  - Остановка 3: Невидимая эпоха
  - Путь
  - Остановка 4: Возвращение домой
- 1 апреля 2018 года
- Пылающие недра
  -
  - Двадцать лет спустя
  - Отцовская шахта. Моя шахта
  - Через год
  - 120 лет спустя
- Поворотный пункт
- Зеркало
  -
  - Слежка
  - Заключенный и подследственный
  - Громкое дело
  - Большой взрыв
  - Фальсификация
  - Суперструнный компьютер: немыслимые возможности, цифровое зеркало
  - Исходное состояние
  - Игра в Сотворение
  - Исследование истории
  - Исследования настоящего
  - Бесконечная рекурсия
  - Эпоха зеркала
  - День рождения
  - Будущее
  - Эпоха Зеркала
- Ода «К радости»
  - Концерт
  - Зеркало
  - Музыкант
  - Аккомпанемент
  - Солнечная музыка
  - Ода «К радости»
- Заградительные помехи полного спектра

- 5 января, Смоленский фронт
- 5 января, околосолнечная орбита, борт «Вечного бурана»
- 5 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации
- 5 января, Москва
- 5 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации
- 6 января, Московский театр военных действий
- 7 января, Минск, полевой командный пункт сил НАТО
- 8 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации
- 9 января, околосолнечная орбита, «Вечный буран» проходит мимо Меркурия
- 10 января, Смоленский фронт
- 11 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации
- 12 января, Московский оборонительный рубеж
- 12 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации
- 12 января, околосолнечная орбита, борт «Вечного бурана»
- 13 января, планета Земля
- 13 января, Московский театр военных действий

○ Море сновидений
- Первая половина
  - Низкотемпературный художник
  - Заготовка льда
  - Диалог двух художников
  - Море сновидений
- Вторая половина
  - Памятник и волновод
  - Восстановление океанов
  - Ледяные метеоры
- Эпилог

○ Поэтическая туманность
-
- Дар
- Мы пойдем другим путем
- Полный свод поэзии
- Поэтическая туманность

○ Мыслитель
- Солнце

- Первый раз
- Альфа Центавра А
- Второй раз
- Сириус
- Третий раз
- Альтаир
- Мыслитель

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

Лю Цысинь
Удержать небо

Liu Cixin
TO HOLD UP THE SKY

Copyright © by Liu Cixin
Russian language translation rights © 2021 by FT Culture (Beijing) Co., Ltd
"Contraction" Copyright © 1985 by Liu Cixin;
"Full-Spectrum Barrage Jamming" Copyright © 2001 by Liu Cixin;
"The Village Teacher" Copyright © 2000 by Liu Cixin;
"Fire in the Earth" Copyright © 2000 by Liu Cixin;
"The Time Migration" Copyright © 2014 by Liu Cixin;
"Ode to Joy" Copyright © 2005 by Liu Cixin;
"Cloud of Poems" Copyright © 2003 by Liu Cixin;
"Mirror" Copyright © 2004 by Liu Cixin;
"Sea of Dreams" Copyright © 2002 by Liu Cixin;
"2018-04-01" Copyright © 2009 by Liu Cixin;
"The Thinker" Copyright © 2003 by Liu Cixin

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Предисловие

Большинство рассказов, вошедших в этот сборник, были опубликованы более десяти лет назад. В то время научная фантастика прозябала в Китае в весьма маргинальном положении. У этого жанра было мало читателей, и он не пользовался сколько-нибудь заметным интересом публики. В Китае научная фантастика воспринимается как нечто иностранное; ее фундаментальные элементы никогда не были частью китайской культуры. На протяжении долгой истории Китая жизнь текла стабильно, мало меняясь от поколения к поколению, поэтому люди подсознательно верят, что жизнь всегда будет такой, как сегодня. Исторически сложилось, что сам термин «будущее» употреблялся в основном в буддийских текстах, которые тоже пришли из других стран; люди редко думали о будущем или обращали на него внимание в своей повседневной жизни.

Но в последние годы ситуация кардинально изменилась. Китай вступил в процесс быстрой модернизации, и каждый день вокруг происходят ошеломляющие перемены. Будущее внезапно предстало перед нами в ярких деталях и обрело огромную притягательность. Древний Китай внезапно превратился в нацию с чрезвычайно острым чувством будущего. Неудивительно, что при таких обстоятельствах публика уделяет научной фантастике беспрецедентное внимание.

В Европе и США мне чаще всего задают вопрос: «Что делает китайскую научную фантастику китайской?» Со своей стороны я никогда сознательно не пытался подчеркнуто «китаизировать» свою научную фантастику. Рассказы, включенные в этот сборник, затрагивают множество научно-фантастических тем, имеющих одну общую черту: все, о чем говорится в книге — проблемы, кризисы, научные открытия и технические изобретения, — влияет на человечество в целом, и разбираться со всем этим народы должны вместе. Действительно, когда читаешь или создаешь научную фантастику, восприятие автоматически смещается от идей, связанных с этнической принадлежностью и нацией, к более высокой идее единого человечества; с этой точки зрения человечество естественным образом становится коллективной единицей, а не собранием различных частей, разделенных этнической принадлежностью и нацией. Это чувство все равно останется хоть у читателя, хоть у писателя, даже если в научно-фантастическом произведении излагается явно тривиальная, обыденная или индивидуальная история. Я считаю это одной из

самых ценных черт жанра научной фантастики.

В Китае растет новое поколение, образ мышления которого кардинально меняется по сравнению с родителями и предками. Эти люди постепенно отворачивают взгляды от реальности своего непосредственного окружения и обыденности жизни и обращаются к далекому звездному небу и будущему. Они все больше и больше начинают ощущать себя членами человечества, а не просто китайцами. Они также начинают интересоваться теми важнейшими вопросами, над которыми редко задумывались их предки: откуда взялись люди и Вселенная, и что их ждет в дальнейшем. Это изменение в мышлении глубоко повлияет на будущее не только Китая, но даже всего человечества. Научно-фантастические рассказы из этой книги являются ярким отражением этого нового образа мышления.

Но тем не менее я китаец, и, намеренно или нет, этим рассказам неизбежно будет присущ сильный китайский колорит, слагающийся из культуры, истории и нынешней реальности Китая.

Создавая научную фантастику, я всегда изо всех сил стараюсь представить и описать отношения между Великим и Малым.

«Малое» в данном случае относится к человеческой малости. Как индивидуумы мы действительно малы, да и коллективно взятое человечество тоже мало. Представьте себе концерт, на котором присутствовало бы все человечество. Какое помещение ему понадобится? Не настолько большое, как я себе представил сначала — хватит места размером примерно с шанхайский район Пудун. А вот вам еще один извращенный мысленный эксперимент: если сделать из всего человечества фрикадельку, ее диаметр окажется меньше километра.

«Великое» относится, конечно, ко Вселенной. Каждому человеку присуще глубокое ощущение ее огромности. Самый далекий свет, который мы видим, был послан более десяти миллиардов лет назад. Если уменьшить Солнечную систему до размеров обеденной тарелки, диаметр соответственно уменьшившегося Млечного пути все равно составил бы сто тысяч километров.

В своей научной фантастике я ставлю перед собой непростую задачу: представить отношения между Маленькими людьми и Великой Вселенной — не в метафизическом философском смысле, но и не в психологическом, когда некто смотрит на звездное небо и испытывает такие чувства и пафос, что у него меняются взгляды на человеческую жизнь и Вселенную. Такие взаимоотношения между людьми и Вселенной — предмет не научной фантастики, а реализма. Я же, работая над научной

фантастикой, стремлюсь представить прямую, осязаемую связь между людьми и Вселенной. В таком ракурсе эволюция и метаморфозы Вселенной неотделимы от человеческой жизни и человеческой судьбы.

Это очень трудная работа и самая большая из тех проблем, с которыми я сталкиваюсь, когда пишу научную фантастику. Здравый смысл подсказывает нам, что таких отношений не существует. Расширяется или сжимается Вселенная, превратилась ли в сверхновую звезда, находящаяся в десяти миллиардах световых лет от нас, — все это никак не связано с обыденными, незначительными событиями моей жизни. И все же я твердо верю, что между человечеством и Вселенной существует взаимосвязь. Родившись, Вселенная была меньше атома, и все в ней было перемешано в единое целое; таким образом сложилась естественная связь между малыми частями Вселенной и ее великой целостностью. И хотя Вселенная расширилась до своих нынешних размеров, эта связь все еще существует, и если мы не способны увидеть ее сейчас, это не значит, что нам не удастся сделать этого в будущем. Я усердно стараюсь представить себе всевозможные варианты отношений между людьми и Вселенной и превратить свои представления в захватывающую фантастику. Часть результатов моих трудов содержится в этом сборнике, что должно быть понятно по его названию.

Спасибо вам всем!

Сельский учитель

Этот рассказ немного отличается от моих более ранних работ. Не стоит искать в нем очень уж глубокого содержания. Я стремился прежде всего создать настроение. Пусть начало рассказа не вводит вас в заблуждение — это не то, чем кажется. Конечно, не мне рассуждать о качестве собственного произведения, но уверен, что оно окажется одним из самых выразительных и неожиданных явлений научной фантастики современного Китая.

Лю Цысинь

Впервые опубликован под названием 乡村教师 в журнале «Мир научной фантастики» в Чэнду, 2000 г.

Он знал, что следующий, завтрашний, урок станет для него последним.

Печень опять резануло болью, да так сильно, что он чуть не потерял сознание. У него не было сил на то, чтобы выбраться из постели; он смог лишь с огромными усилиями подтянуться к окошку над своим ложем, сквозь бумагу которого просвечивал лунный свет. Окошко казалось дверью в иной мир, где все сияет серебристым светом, напоминающим диораму, выстланную серебряным искусственным снегом, который не обжигает стужей. Он поднял дрожащую голову, посмотрел через дыру в бумаге, и фантазия о серебряном мире сразу рассеялась. Перед собой, вдалеке, он видел ту самую деревню, где провел всю жизнь.

Деревня безмятежно дремала в лунном свете и выглядела так, будто люди покинули ее уже добрую сотню лет назад. Домики с плоскими крышами были почти не видны из-за окружавших их груд земли. В лунном свете все цвета были приглушены, и казалось, будто деревня и вся округа растворяются в холмах, на которых расположены. Ясно виднелось лишь старое рожковое дерево, на корявых ветвях которого лепилось несколько черных вороньих гнезд, похожих на неопрятные пятна черной туши на серебряной бумаге.

В деревенской жизни есть свои периоды подъемов и затишья.

К первым относится, например, сбор урожая. Молодые мужчины и женщины, толпами уезжавшие в поисках работы, возвращались на это время, наполняя деревню жизнью и веселым смехом. На крышах блестели кукурузные початки, дети кувыркались в кучах стеблей на гумне. Еще одним веселым событием был праздник весны, когда гумно освещали газовыми светильниками и украшали красными фонариками. Жители деревни собирались там, чтобы показать друг дружке бумажные кораблики на счастье и станцевать танцы львов. Теперь от львов остались только грохочущие деревянные каркасы с полностью облезшими головами. У деревни не было денег, чтобы купить новые шлейфы для голов, поэтому в качестве тел львов использовались простыни, что кое-как сходило. Но как только праздник весны заканчивался, вся местная молодежь снова разъезжалась по дальним краям, где имелась работа, и деревня опять погружалась в оцепенение. Каждый день в сумерках, когда из труб домов поднимались тонкие струйки дыма, то один, то два пожилых жителя деревни с морщинистыми, как ядра грецких орехов, лицами стояли, глядя на дорогу, ведущую за горы, пока последний луч сумеречного света не зацеплялся за рожковое дерево, чтобы вскоре исчезнуть. Тогда деревенские выключали свет и рано ложились спать. Электричество стоило дорого — 1,8 юаня за киловатт-час.

Где-то в деревне негромко взлаивала и поскуливала собака: должно быть, во сне. Он смотрел через разодранную бумагу на желтую землю вокруг деревни, похожую в лунном свете на безмятежную водную гладь. О, если бы это и впрямь была вода… шел уже пятый подряд год засухи, и воду для полива приходилось таскать на поля ведрами. Он подумал о полях, и его взгляд переместился вдаль, туда, где на склонах гор приткнулись эти самые поля, в лунном свете походившие на следы прошедшего мимо великана. Крохотные, разбросанные тут и там клочки земли — на каменистой почве этих горных мест росли только виноградники и кустарники. В этой местности очень трудно было использовать сельскохозяйственную технику — да что там, даже волы не справлялись со сплошными косогорами, так что обрабатывать землю приходилось исключительно вручную. В прошлом году заезжий представитель завода сельхозмашин предлагал мотоблок — нечто вроде маленького трактора, которым управляешь, держа его за две длинные ручки, но деревенские подумали и не стали его покупать. Много ли зерна вырастишь с этой машинкой? Возделывание земли здесь было кропотливой работой, сродни скорее шитью, нежели земледелию в обычном смысле этого слова; если урожая хватало семье на весь

год, это считалось большим успехом. А в засушливые периоды, такие, как сейчас, урожай не окупал даже зерно для следующего посева. Трактор за 5000 юаней да дизельное топливо по два юаня за литр… приезжие просто не понимают, насколько трудно жить здесь, в горах.

Мимо окна прошли несколько небольших силуэтов. Они собрались в кружок на пригорке между двумя полями и заговорщицки пригнулись друг к другу. Он знал, что это его ученики — если они оказывались рядом, он мог определить их присутствие, даже не видя их. Эта интуиция развивалась у него всю жизнь и сейчас, на пороге кончины, сделалась особенно острой.

Он сумел даже узнать ребятишек в лунном свете. Прежде всего Лю Баочжу и Го Цуйхуа. Они были родом из этой деревни, и им вовсе не обязательно было жить в школе, но все же он поселил их здесь. Отец Лю Баочжу десять лет назад заплатил выкуп за невесту из Сычуаня, она приехала и родила Баочжу. Пять лет спустя, когда Баочжу немного подрос, отношения между супругами разладились, и жена сбежала обратно в Сычуань, прихватив все деньги семьи. После этого отец Баочжу сбился с пути. Он начал играть в азартные игры, совсем как старые деревенские холостяки, и вскоре потерял все, кроме четырех стен и кровати. Потом он начал пить. Каждый вечер он продавал жареный сладкий картофель по восемьдесят фыней за килограмм и напивался на эти деньги до бесчувствия. Он озлился и колотил сына всякий раз, как только тот попадался под руку, а дважды в неделю и вовсе бил смертным боем. Однажды ночью, всего месяц назад, он чуть не забил своего сына до смерти шпажкой для жарки бататов. Трудно поверить, но Го Цуйхуа жилось еще хуже. Ее отец нашел себе невесту с солидными связями, что здесь большая редкость, и очень гордился этим. На этом все хорошее кончилось, и сразу после свадьбы стало очевидно, что мать Цуйхуа сумасшедшая. На свадьбе никто этого не заметил — скорее всего, ей тогда дали какое-то сильное успокоительное лекарство. Да и с какой стати женщина из респектабельных кругов стала бы смолоду хоронить себя в деревне, да еще такой, как эта, настолько бедной, что даже птицы брезгуют гадить, пролетая над ней? Тем не менее Цуйхуа родилась и выросла, а ее матери становилось все хуже и хуже. Днем она нападала на людей с кухонными ножами, а ночью то и дело пыталась поджечь дом. Бóльшую часть времени она смеялась неизвестно чему, издавая при этом жуткие, достойные упыря звуки, от которых у неосведомленного человека волосы встали бы дыбом.

Остальные дети были из других деревень, ближайшая из

которых находилась, по меньшей мере, в тридцати ли[1] от горной дороги, так что им волей-неволей приходилось жить в школе. Так они и жили целую четверть, от каникул до каникул, в деревне, где не имелось никаких развлечений и удобств. Школьники привозили из дома постельные принадлежности и по мешку пшеницы или риса, из которых сами готовили себе еду на большой школьной плите. Зимними вечерами они собирались у плиты и смотрели, как в кастрюле пузырится и багровеет готовящееся зерно, а их лица освещало соломенно-оранжевое пламя. Это было самое умилительное зрелище, которое он когда-либо видел. Он заберет его с собой в следующий мир.

На пригорке, в кругу ребятишек, вспыхнули огоньки, похожие с этого расстояния на небесные звезды. Даже в эту лунную ночь они горели ярко. Дети жгли самодельные ритуальные бумажные деньги и благовония, и отсвет костерка окрашивал их лица в красный цвет на фоне серебристо-серой ночи. Это снова напомнило ему сцену у плиты. И тут же в памяти всплыл еще один эпизод. Он вел вечерний урок, и вдруг в школе погас свет — то ли проводка испортилась, то ли не смогли вовремя оплатить электричество (что бывало чаще). Он зажег свечу, чтобы осветить ею написанное на доске. «Видно?» — спросил он, и дети, как всегда, ответили: «Не очень». Действительно, в полумраке разобрать надписи было трудно, но так уж получилось, что и без того было пропущено много занятий, которые необходимо было наверстывать, так что без дополнительных вечерних уроков нельзя было обойтись. Он зажег вторую свечу. «Темно!» — кричали школьники, и он зажег третью свечу. Света все равно не хватало, и он отлично понимал это, но ученики успокоились. Они знали: учитель не зажжет больше ни одной свечи, как бы они ни кричали. Просто не может позволить себе этого. Он смотрел сверху вниз на их лица, освещенные неровным светом свечей, на лица детей, отрицающих темноту всеми фибрами своих душ.

Дети и свет огня, дети и свет огня. Перед его мысленным взором всегда дети и свет огня, всегда дети в ночи, при свете огня. Этот образ навеки впечатался в его сознание, невзирая даже на то, что он никогда не придавал ему особого значения.

Он знал, что дети жгут благовония и ритуальные деньги ради него, как делали много раз прежде, но на сей раз у него не было сил бранить их за суеверие. Он всю жизнь старался зажечь в детских сердцах пламя знаний и культуры, но отдавал себе отчет в том, что среди тумана невежества и суеверия, окутывающего эту затерянную в горах деревню, это даже не пламя, а робкий огонек, вроде огоньков трех свечей в классе тем памятным темным вечером. За несколько месяцев до того случая несколько

деревенских жителей заявились в школу, намереваясь разобрать стропила и без того ветхого спального помещения, чтобы подновить храм у входа в деревню. Он спросил, где же спать детям, если их жилье останется без крыши, на что они ответили, что дети преспокойно могут жить в классе.

— В классе? Его же ветер продувает насквозь. Дети не смогут спать там зимой!

— А нам какое дело? Они не местные.

Он схватил кол, бросился на них и прогнал, отделавшись двумя сломанными в драке ребрами. Другой местный житель, более добросердечный, не только помог ему прийти в себя, но и проводил в ближайший город, где была больница — больше сорока ли по горной дороге.

Обрабатывая травмы, врач обнаружил у него рак пищевода. Эта болезнь была весьма распространена в здешних местах, и диагностировать ее было нетрудно. Врач сказал, что пациенту повезло — рак у него пока не сильно развился, еще не дал метастазов и вполне поддавался хирургическому лечению; рак пищевода на ранней стадии эффективно удаляется при помощи операции. Так что, можно сказать, сломанные ребра спасли ему жизнь.

Тогда он отправился в центр провинции, где имелась онкологическая клиника, и спросил, сколько может стоить такая операция. Врач ответил, что, учитывая его положение, его вполне могут положить в благотворительное отделение, что существенно сократит предстоящие расходы. И получится не так уж и много — около 20 000 юаней. Учитывая то, что он приехал из дальней глуши, врач подробно объяснил, как будут проходить операция и последующее лечение. Учитель молча слушал, а потом спросил:

— А сколько я проживу без операции?

Врач довольно долго смотрел на него с деланым равнодушием и наконец сказал:

— Месяцев шесть, вряд ли дольше.

Учитель вздохнул с неожиданным облегчением, совсем введя врача в недоумение.

Он все же успеет довести выпускной класс до конца.

Он никак не мог заплатить 20 000 юаней. Конечно, возможность скопить хоть что-то у него была. Зарплаты у сельских учителей отнюдь не высокие, но он проработал много лет, никогда не был женат и не имел никаких иных финансовых обязательств. Но все заработанное он тратил на детей — своих учеников. Он никогда не считал, скольким детям он оплатил обучение, сколько всяких мелких и крупных непредвиденных расходов было у него в связи со школьниками. Сейчас он учил за

свой счет Лю Баочжу и Го Цуйхуа, а кроме того, частенько случалось так, что, заглядывая в большой школьный котел, он видел там невразумительное варево даже без растительного масла, так что приходилось срочно покупать для детей мясо и сало. У него, правда, оставалось немного денег, но их было в десять раз меньше, чем требовалось на лечение.

Он в одиночестве брел по широкому городскому проспекту к железнодорожному вокзалу. Уже стемнело, и полосы и пятна неоновых надписей залили город переливающимся разноцветным светом, ошеломляя непривычного к такому зрелищу приезжего. Ночью городские многоэтажные здания представлялись рядами новомодных ламп, возносившихся прямо к облакам. И поминутно сменялись обрывки музыки, то буйной, то нежной.

Оказавшись в этом чуждом городском мире, он начал неторопливо разбирать свою короткую жизнь. Он спокойно, философски признавал, что собственный жизненный путь выпадает каждому и что свой он выбрал двадцать лет назад, когда, закончив педагогическое училище, решил вернуться в деревню. Вообще-то его судьбу предопределил другой деревенский учитель. Он сам вырос в этой самой школе. Еще ребенком он лишился отца и матери, и школа заменила ему дом. Учитель относился к нему как к сыну, так что, хоть он и жил небогато, но не мог пожаловаться на недостаток любви. Однажды учитель решил взять его с собой на зимние каникулы в свою деревню. Она находилась вдали от школы, снега в тот год выпало много, и пробираться по горной дороге было трудно. Лишь за полночь они увидели впереди огни родной деревни учителя. И тут, оглянувшись, они заметили невдалеке, позади, четыре зеленых огонька — глаза пары волков. В те годы волков в горах водилось много, и даже вокруг школы то и дело обнаруживались кучки волчьего помета. Однажды он схулиганил — взял такую беловато-серую кучку, поджег ее и бросил в класс. Помещение наполнилось едким вонючим дымом, учитель пришел в ярость. А сейчас, увидев неторопливо приближавшихся волков, учитель отломил с ближайшего дерева толстую ветку и с яростным криком бросился навстречу волкам. А мальчик, лишившись от страха всякого соображения, со всех ног помчался в деревню. Он боялся, что волки не станут связываться с учителем и кинутся в погоню за ним, боялся, что натолкнется на бегу на еще одного волка, но благополучно добежал до домов. Несколько мужчин схватили охотничьи ружья и бросились туда, где остался учитель, и мальчик пошел с ними. Учителя нашли в луже крови и обрывках одежды и тела с отъеденными рукой и половиной ноги. Его понесли в городскую больницу, но он скончался по дороге.

Мальчик видел его глаза в свете факелов. Волчьи зубы вырвали кусок щеки учителя, он не мог говорить, но глаза его выражали настойчивую мольбу, которую мальчик понял и запомнил.

Окончив педагогическое училище, он отказался от заманчивого предложения работать в городском управлении. Он вернулся прямиком в ту горную деревню, в ту школу, которую погибший учитель умолял его спасти, хотя у него не было здесь ни родни, ни друзей. Вернувшись, он узнал, что школа уже несколько лет не работает, поскольку там нет учителя.

Незадолго до того Министерство образования ввело новую практику замены сельских учителей, живших и работавших на деньги сельской общины, учителями, получавшими государственное пособие. Старые учителя тоже могли получить такой статус, нужно было лишь сдать экзамены. Он сдал их, получил соответствующий диплом и был доволен, что подтвердил свои знания и будет теперь получать государственную зарплату. Большинство сотоварищей по профессии радовались куда сильнее. Ему же было безразлично, откуда пойдет его зарплата — от сельской общины или от государства, он всего лишь хотел обучать детей, которые выйдут в мир, окончив его начальную школу. И неважно, покинут ли они горы или останутся здесь, — их жизнь все равно будет чем-то отличаться от жизни тех детей, которые никогда не ходили в школу.

Эти горы были одним из самых бедных районов страны. Но даже хуже бедности было безразличие местных жителей к условиям своего существования. Он крепко запомнил, как много лет назад, когда вместо общей нормы выработки на всю деревню были введены раздельные нормы на каждое домохозяйство, жители деревни разделили между собой поля, а потом и весь инвентарь. В деревне имелся трактор, и жители никак не могли достичь согласия по поводу того, как разложить на всех оплату горючего и, что еще хуже, как распределить время его работы в индивидуальных хозяйствах. И они не придумали ничего лучше, кроме как разделить трактор в самом буквальном смысле — развинтили на детали, один забрал руль, другой — колесо и т. д. А всего два месяца назад какой-то завод привез в качестве поддержки для бедных погружной насос, и, учитывая дороговизну электричества, дизельный генератор для него и большой запас солярки. Едва благодетели покинули деревню, как жители деревни продали и насос и генератор всего за 250 юаней. Выручки хватило на два хороших обеда для каждого — такого они не видали много лет. Был еще случай, когда кожевенный фабрикант купил в деревне участок земли, чтобы построить кожевенный завод; как у деревенских оказалась земля на

продажу, наверно, никто никогда не узнает. Как только предприятие заработало, щелочь и селитра потекли в реку и просочились в колодезную воду. У людей, которые пили оттуда, тела усыпало красными фурункулами — но никто не обращал на это внимания! Они были просто счастливы, что земля продана по хорошей цене. Это была деревня старых, ни на что не годных холостяков-бездельников, которые не желали тратить силы на крестьянский труд и проводили целые дни в пьянстве и азартных играх, в которых проигрывали друг другу свои жалкие деньги и скудное имущество, чтобы когда-нибудь возместить проигрыш столь же жалким выигрышем. При этом им вполне хватало хитрости понимать: оставаясь нищими, они и впредь будут ежегодно получать дотации, выделяемые окружными властями для помощи бедным. Пусть деньги небольшие, но все равно больше, чем они могли бы заработать, возделывая свои крошечные поля, состоящие из камней и пыли. Они могли мириться с такой жизнью, потому что были необразованны. Бесплодная земля деревни и ядовитая вода приводили в уныние, а вот тусклые глаза жителей деревни по-настоящему порождали отчаяние.

Он устал от долгой ходьбы и сел на скамейку на тротуаре передохнуть. Перед ним находился большой шикарный ресторан с фасадом из сплошного стекла, сквозь которое свет роскошных люстр озарял улицу. Ресторан походил на гигантский аквариум, а разодетые посетители — на стайку пестрых рыбок. За столиком у окна сидел тучный мужчина. Его волосы и лицо были густо умащены каким-то кремом, отчего он походил на раскрашенную восковую статую. По обеим сторонам от него сидели две высокие, скудно одетые (или, может быть, лучше сказать: полураздетые?) молодые женщины. Толстяк повернулся к одной из них и сказал что-то такое, что заставило одну залиться хохотом, и он сам тоже расхохотался. Вторая женщина скорчила недовольную гримасу и вдруг вскинула кулачки, намереваясь стукнуть мужчину. Удивительно было видеть таких высоченных женщин. Пожалуй, Сюсю во весь рост была бы им по пояс… Он вздохнул: как ни старался он избегать этих мыслей, но снова и снова вспоминает о Сюсю.

Сюсю, единственная из девушек, не поспешила выйти замуж за кого-нибудь из дальних мест, чтобы покинуть горную местность. Возможно, она боялась мира за пределами деревни, потому что никогда не бывала там. Возможно, для этого была какая-то иная причина. Они тесно общались более двух лет, и вроде бы все складывалось вполне благополучно — ее семья просила довольно скромный, всего лишь 1500 юаней, выкуп «за

родовые боли»[2]. Но тут неожиданно вернулись несколько деревенских парней, которым удалось что-то заработать в дальних краях. Один из них, примерно ровесник учителя, оказался толковым, несмотря на неграмотность. В городе он нашел работу трубочиста — ходил по домам, чистил вытяжки на кухнях и за год заработал кучу денег. Два года назад он на месяц приехал в деревню и за это время сумел очаровать Сюсю. Ее родные делали вид, будто не замечали ее новой симпатии. Облепленная шелухой от дынных семечек, корявая стена их дома была сплошь исчерчена записями о том, кому и сколько задолжал ее отец за минувшие годы. Сюсю не ходила в школу, но с детства питала слабость к людям, которые умели читать. Именно этим ее учитель и привлек. Но ловкий трубочист подарил ей флакон дешевых духов и позолоченное ожерелье, и этого вполне хватило, чтобы завоевать ее расположение. «От умения читать еда на столе не появится», — сказала она ему. Он знал, что это не совсем так, но действительно его работа могла обеспечить только плохую еду, особенно по сравнению с тем, что мог предложить ей бывший односельчанин, сделавшийся горожанином. Ему нечего было ей ответить. Сюсю вышла за дверь, оставив после себя только запах духов, от которого у него засвербело в носу.

Через год после женитьбы Сюсю умерла в родах. Он до сих пор помнил, как акушерка секунду подержала ржавые щипцы над огнем, прежде чем ввести их в роженицу. Кровь Сюсю до краев наполнила подставленный медный таз. Она умерла по дороге в городскую больницу. Муж потратил на свадьбу 30 000 юаней; такой роскоши деревня еще не видела. Почему он не захотел потратить еще немного, чтобы Сюсю смогла родить в больнице? Он выяснил, сколько стоили бы такие роды — всего двести-триста юаней. Но в деревне свои порядки, и ни одна местная жительница никогда не рожала в больнице. Никто не винил молодого мужа. Все воздевали руки к небу и твердили, что такова ее судьба. Позже он услышал, что Сюсю еще повезло по сравнению с участью матери ее мужа. У той тоже случились трудные роды. Акушерка сказала его отцу, что должен родиться мальчик, и тот решил спасти младенца. Роженицу посадили на спину осла и водили его по кругу, чтобы «раскрутить» ребенка. Очевидцы рассказывали, что в пыли образовалось кольцо из ее крови.

Он тяжело вздохнул, в очередной раз ощутив беспросветность и безнадежность деревенской жизни.

А вот у детей надежда все еще оставалась, невзирая даже на то, что зимой им приходилось сидеть в холодном классе и при свете свечи всматриваться в написанное на доске. Он и был свечой. Он будет гореть душой и телом ради этих детей так

долго, как сможет, с таким пылом, на какой способен.

Он поднялся с неудобного сиденья, прошел еще немного и свернул в книжный магазин. У города все-таки имеются достоинства — даже книжные магазины здесь работают допоздна. Он потратил все имевшиеся деньги на книги для скудной школьной библиотечки, оставив лишь на билет. Глубокой ночью, навьюченный двумя тяжелыми связками книг, он сел в поезд и отправился домой.

* * *

В центре Млечного Пути, за пятьдесят тысяч световых лет от Земли, близилась к завершению межзвездная война, длившаяся двадцать тысяч лет.

На фоне сияющих звезд был отчетливо виден как будто вырезанный ножницами беззвездный квадрат со сторонами по 6000 миль, выделявшийся чернотой даже в черноте космоса — пустота внутри пустоты. В этом квадрате начали появляться какие-то предметы. Все они были разной формы; общим был их размер — с земную Луну — и ослепительно серебристый цвет. Их становилось все больше и, появляясь, они сразу собирались в правильную кубическую фигуру. Куб постепенно рос над черным квадратом, как мозаичная панель, вставленная в вечную стену самой Вселенной; основой ее служила полная бархатная чернота квадрата, а плитками — светящиеся серебряные объекты. Они были подобны космической симфонии, обретшей физическую форму. Постепенно черный квадрат вновь растворился в пространстве, и среди звезд остался зловеще плавать кубический массив из серебристых небесных тел.

Межзвездный флот Галактической федерации углеродной жизни завершил первое искривление пространства-времени на своем пути.

Высший архонт Углеродной федерации смотрел с флагманского корабля на металлический, серебряный пейзаж. Замысловатая сеть путей змеилась, словно схема, выгравированная на бесконечно широкой серебристой печатной плате. Время от времени на поверхности появлялись каплевидные машины; они стремительно, так, что в глазах расплывалось, проносились по путям и через несколько секунд бесшумно исчезали в портах, которые внезапно раскрывались, чтобы принять их, и тут же закрывались без следа. За время путешествия через искривленное пространство флот густо облепила космическая пыль, и сейчас она висела над

ландшафтом облаками, которые, ионизируясь, слабо светились красным.

Высший архонт славился невозмутимостью. Его обычно окружала безмятежно спокойная лазурная умственная аура, которая воспринималась чуть ли не как символ его личности. Однако в этот момент в его ауре появились следы того желтого света, каким пылали ауры тех, кто сейчас находился рядом с ним.

— Ну, наконец-то всё. — Умственная аура Высшего архонта завибрировала, передавая сообщение сенатору и адмиралу флота, которые стояли по сторонам от него.

— Да, все кончено. Война тянулась слишком долго — настолько долго, что мы забыли, как она началась, — ответил сенатор.

Флоту теперь предстояло двигаться немного медленнее скорости света. Одновременно включились субсветовые двигатели кораблей, и вокруг флагмана засияли тысячи голубых солнц. Серебряная плата под ними отражала пламя двигателей, как немыслимо громадное, поистине бескрайнее зеркало, и каждое голубое солнце находило в нем свое отражение.

Начало войны запечатлелось в давних, древних воспоминаниях, которые не сгорели в пламени сражений, а напротив, сохранились у всех и каждого. Эта память передавалась через сотни поколений, но для триллионов жителей Углеродной федерации событие оставалось совершенно свежим и было накрепко впечатано в их сердца и сознание.

Двадцать тысяч лет назад Империя кремниевой жизни с периферии галактики предприняла широкомасштабное нападение на Углеродную федерацию. Пять миллионов боевых кораблей империи атаковали звезды на фронте протяженностью десять тысяч световых лет. Каждый корабль выкачивал из звезды энергию, чтобы открыть червоточину сквозь пространство-время, и переходил через нее к следующей звезде, где все повторялось. Открытие червоточины забирало значительную часть энергии звезды, из-за чего ее излучение смещалось в красную область спектра. После того как корабль совершал прыжок, свет звезды постепенно возвращался к своему прежнему состоянию. Совокупный эффект от таких действий миллионов кораблей был ужасающим. На краю галактики возникла красная полоса, удлинявшаяся к ее центру; это явление оставалось невидимым для обсерваторий, ведущих наблюдение в световом диапазоне, но гиперпространственные мониторы сразу заметили его. Полоса, образуемая красными звездами — кровавый прилив шириной в 10 000 световых лет, — разворачивалась от границ Углеродной империи.

Первой планетой Углеродной федерации, попавшей под удар Кремниевой империи, оказалась Зеленоморье, симпатичная планетка, вращавшаяся вокруг двойной звезды. На ней вовсе не было суши, только океан, по которому плавали леса мягких длинных растений, похожих на лозы или лианы. В этих лесах жили, ловко плавая между растениями, совершенно безобидные миловидные обитатели Зеленоморья, создавшие буквально райскую цивилизацию. И вдруг небо планеты прорезали десятки тысяч световых лучей, исторгаемых лазерами флота Кремниевой империи, которые начали нагревать океан. Очень быстро планета превратилась в бурлящий котел, и вся ее жизнь, включая пять миллиардов разумных жителей, погибла в страшных мучениях в кипящей воде. Довольно скоро вся вода испарилась, и прекрасная еще совсем недавно планета Зеленоморье превратилась в серый ад, окутанный густым водяным паром.

В галактике практически не осталось мест, не затронутых войной. Шла разрушительная битва на выживание между двумя цивилизациями, основой жизни одной из которых служил углерод, а другой — кремний. Враги не ожидали, что она растянется на двадцать тысяч галактических лет!

Никто, кроме историков, не помнил, сколько битв состоялось между флотами в миллион и даже больше кораблей. Крупнейшей из них считалась битва во Втором рукаве, состоявшаяся, как ясно из названия, во втором спиральном рукаве галактики Млечный Путь. С обеих сторон в ней участвовало свыше десяти миллионов боевых кораблей. Исторические хроники свидетельствуют, что в обширной зоне боев образовалось более двух тысяч сверхновых, вспыхнувших в черной бездне, как неимоверный фейерверк. В результате весь рукав заполнился сверхмощной радиацией, в которой плавали, как призраки, скопления черных дыр. К концу сражения оба флота погибли почти полностью. С тех пор минуло пятнадцать тысяч лет, и история сражения могла бы восприниматься как античный миф, если бы не существовала та самая область, где оно проходило. Космические корабли старались не входить туда, поскольку этот район стал самым страшным во всей галактике, и не только из-за радиации и множества черных дыр. Во время боя целые эскадры кораблей обоих немыслимо громадных флотов то и дело совершали тактические маневры в форме пространственно-временных скачков на короткие дистанции. Утверждалось, что в ближнем бою некоторые межзвездные истребители совершали считавшиеся практически невозможными из-за мизерности расстояния прыжки всего на несколько миль! В результате колоссальная область пространства оказалась сплошь пробита дырами, а точнее говоря

— истрепана в лохмотья. Любой корабль, которому выпало бы несчастье оказаться здесь, почти неминуемо влетел бы на участок искаженного пространства, после чего его судьба оказалась бы незавидной: он мог бы, например, превратиться в длинный тонкий металлический стержень или размазаться в лист площадью в миллионы квадратных миль и толщиной в несколько атомов, который жесткое излучение немедленно разодрало бы на мельчайшие кусочки. Впрочем, чаще корабль, угодивший в такую ловушку искаженного пространства-времени, молодел до состояния разрозненных деталей перед началом сборки или, напротив, мгновенно старел и превращался в изъеденную коррозией дряхлую оболочку, а все внутри нее рассыпалось в пыль. Живое существо, находившееся на борту, мгновенно превратилось бы в зародыш или, напротив, в груду ветхих костей…

А вот решающая битва отнюдь не относилась к области мифологии. Она произошла всего год назад. Кремниевая империя сконцентрировала остатки своих сил, полтора миллиона кораблей, в глубоком космосе между первым и вторым спиральными рукавами галактики. Свое расположение они окружили барьером из антиматерии, расположив его сферой радиусом в тысячу световых лет. Первая идущая в атаку эскадра Углеродной федерации совершила скачок прямо к барьеру и с разгона вошла в него. Барьер был очень тонок, но тем не менее смертоносен для кораблей, которые мгновенно объяло пламя. Оставляя за собой длинные огненные хвосты, переходящие в флуоресцентные полосы, обреченные корабли отважно устремились к своей цели. Лавина из тридцати с лишним тысяч искрящихся звезд, несущаяся выбранным курсом, стала самым величественным, самым трагическим образом в истории Углеродно-кремниевой войны. Поток быстро редел, и в непосредственной близости от боевого построения Кремниевого флота аннигиляция прикончила всех атакующих, ни один из них не долетел до врага. Однако своим самопожертвованием они открыли туннель для остальных сил атакующего флота. В результате сражения последний флот Кремниевой империи вынужден был отступить в самый отдаленный уголок Млечного Пути — в оконечность первого спирального рукава.

И сейчас флот Углеродной федерации готовился приступить к завершающему шагу войны — созданию в рукаве изолирующего пояса шириной в пятьсот световых лет. Для этого нужно было уничтожить практически все звезды в этой полосе. Это лишило бы Кремниевую империю возможности совершать межзвездные прыжки. А ведь только этот метод позволял боевым кораблям

предпринимать быстрые дальние рейды, причем предельная дальность прыжка составляла всего двести световых лет. После создания пояса могучим кораблям Кремниевой империи, чтобы попасть в центр галактики, придется преодолевать дистанцию в пятьсот световых лет на субсветовой скорости. Фактически Кремниевая империя окажется запертой в самой дальней части спирального рукава и больше не будет представлять серьезной угрозы для цивилизаций на основе углеродной жизни, сгруппированных в центре галактики.

Умственная аура сенатора завибрировала; он обращался к Высшему архонту.

— Сенат единодушно выдвинул требование: прежде чем приступить к уничтожению звезд, необходимо создать экран, обеспечивающий защиту жизни на уровне живого существа.

— Я понимаю обеспокоенность Сената, — ответил Высший архонт. — На протяжении этой чрезмерно длительной войны пролилось столько крови самых разных форм жизни, что ею можно было бы наполнить океаны многих тысяч планет. Теперь, когда война практически завершилась, прежде всего надлежит восстановить в галактике уважение к жизни — не только к жизни на основе соединений углерода, но в равной степени к кремниевой жизни. Именно поэтому Федерация остановилась в шаге от полного истребления кремниевой цивилизации. Увы, Кремниевой империи чужды подобные соображения. У ее обитателей врожденное пристрастие к войне и завоеваниям. Так было всегда, даже задолго до Углеродно-кремниевой войны. Воинственность впечатана в каждый их ген, в каждую цепочку генетического кода, это фактически единственный смысл существования империи. Цивилизация жизни на кремниевой основе далеко опережает нас в хранении и обработке информации. Даже здесь, в дальнем закоулке первого спирального рукава, она быстро восстановится и перейдет к дальнейшему развитию. Потому-то нам жизненно необходимо создать как можно скорее изолирующий пояс между федерацией и империей. При таких обстоятельствах обследовать каждую из сотен миллионов звезд на предмет наличия жизни просто невозможно. Пусть даже первый спиральный рукав — это самый пустынный участок галактики, но здесь, несомненно, немало звезд с обитаемыми планетами, находящимися в пределах прыжковой досягаемости одна от другой. Корабли средних размеров вполне способны пересечь пояс, опираясь на них, а ведь любой боевой рейдер Кремниевой империи, достигнув пространства федерации, может причинить там очень серьезный ущерб. Поэтому мы можем пойти лишь на создание

жизнезащитных экранов цивилизационного уровня. Нам придется пожертвовать примитивными формами жизни в поясе, чтобы сохранить в остальной галактике развитые и такие же примитивные формы жизни. Я уже представлял Сенату эти соображения.

— Да, почтенный, Сенат принял во внимание ваши соображения. Их подробно объяснили и вы сами, и Комитет обороны федерации. И заявление Сената — лишь пожелание, а не постановление. И все же звезды в поясе, на которых жизненные формы достигли уровня 3В и выше, необходимо защитить.

— В этом можете не сомневаться, — ответил Верховный архонт, и его аура полыхнула алым светом безусловной искренности. — Мы проведем цивилизационные тесты на всех планетных системах пояса самым тщательным образом!

Аура адмирала завибрировала впервые за все время беседы.

— Думаю, вам не о чем беспокоиться, — передал он. — Первый спиральный рукав — самая пустынная и безжизненная область галактики. Здесь просто не может быть цивилизаций даже уровня 3Б, а уж высших ступеней тем более.

— Надеюсь, что вы правы, — в один голос ответили Высший архонт и сенатор. Их ауры завибрировали в точно совпадающем резонансе и выбросили в небо над металлической почвой строго идентичные всплески плазмы.

Флот приступил ко второму скачку, направляясь с практически бесконечной скоростью в сторону первого спирального рукава галактики.

* * *

Стоял поздний вечер. Дети собрались при свете свечи у одра болезни своего учителя.

— Учитель, вам надо отдохнуть. Этот урок вы вполне можете провести завтра, — сказал один из мальчиков.

Он заставил себя улыбнуться, скрывая боль.

— Завтра будет завтрашний урок.

«Если доживу до завтра», — мысленно добавил он. Правда, интуиция подсказывала, что эта ночь станет для него последней.

Он сделал слабый жест, и один из детей положил ему на грудь, поверх одеяла, маленькую черную доску. Так он и проводил уроки весь последний месяц. Другой ученик подал коротенький, стершийся от длительного употребления кусочек мела; учитель неловко взял его и с большим трудом поднес кончик мела к доске. Его пронзил сильный приступ резкой боли.

Рука затряслась так, что мелок ударялся о доску, оставляя на ней белые точки. После возвращения из города он ни разу не был у врачей. Печень начала болеть два месяца назад — рак добрался до нее. Боль стремительно усиливалась, и, когда она стала невыносимой, учитель полез под подушку за болеутоляющим — простыми, продающимися без рецепта таблетками в пластиковом блистере. Они были бесполезны при мучениях, вызванных раком на последней стадии, но все же вроде бы оказывали некоторый эффект плацебо. Существовал недорогой демерол, но, во-первых, его разрешали употреблять только в больничных условиях и, во-вторых, если бы даже удалось добыть его и доставить в деревню, тут все равно не нашлось бы никого, кто смог бы сделать укол. Как обычно, он выдавил из оболочки две таблетки. Потом подумал, извлек еще двенадцать — все, что оставалось, — и проглотил разом. Все равно больше не понадобятся. После этого он вернулся к уроку и начал было записывать на доске то, что запланировал на сегодня, но снова пришлось прерваться — теперь из-за кашля. Он отвернулся, и кто-то из детей поспешно поднес к его рту миску. Учитель сплюнул туда полный рот красно-черной крови и откинулся на подушку, чтобы перевести дыхание.

Несколько ребятишек громко всхлипывали.

Учитель отказался от попыток писать на доске. По его знаку дети убрали ее. И он заговорил слабым голосом, почти шепотом:

— Как и те уроки, которые были у вас вчера и позавчера, сегодняшний вообще-то должен был предназначаться для учеников не начальной, а средней школы. В вашей программе такого нет. Вряд ли кому-то из вас выпадет возможность продолжить обучение в средней школе, поэтому я решил дать вам попробовать на вкус, что такое более глубокое погружение в сущность предмета. Вчера мы с вами читали «Записки сумасшедшего» Лу Синя. Наверняка вы мало что поняли, но я хотел бы, чтобы вы несколько раз перечитали этот рассказ, а еще лучше будет, если вы выучите его наизусть. Вы поймете его, когда повзрослеете. Лу Синь был замечательным человеком. Его книги следует прочитать каждому китайцу. Уверен, что все вы рано или поздно это сделаете.

Он умолк и лежал, глядя на мерцающее пламя свечи и пытаясь отдышаться. На память ему пришел другой отрывок из Лу Синя — не из «Записок сумасшедшего». Этого текста не было в хрестоматии, имевшейся в школе, он попался в одном из принадлежавших лично ему замусоленных разрозненных томов «Избранных сочинений». С тех пор — а прошло уже немало лет — он не забыл ни единого слова.

«…Представь себе, что в железной камере нет ни окон, ни дверей, в камере, которую невозможно сломать, люди спят крепким сном. Их много. Они скоро погибнут, но расстанутся с жизнью в забытьи. Так стоит ли поднимать шум, чтобы немногие, самые чуткие, проснулись и испытали все муки неизбежного конца?

— Но ведь некоторые уже проснулись — значит, появилась надежда сломать камеру»[3].

Собрав последние силы, он продолжил урок.

— Сегодня мы проведем урок по физике из программы средней школы. Возможно, вы даже не знаете, что такое физика. Это наука о том, как, по каким принципам устроен вещественный мир — немыслимо обширная и глубокая область знания.

Мы будем говорить о трех законах Ньютона. Ньютон — знаменитый английский ученый, живший очень давно. Он установил три важнейших правила, которым подчиняется все на Земле и в небесах, от Солнца и Луны, которые находятся высоко над нашими головами, до воды и воздуха нашей родной планеты. Нет ничего такого, что было бы неподвластно трем законам Ньютона. Зная их, мы можем с точностью до секунды рассчитать, когда случится солнечное затмение; в нашей деревне старики говорят об этом явлении: «собака съела солнце». Знание трех законов Ньютона позволяет людям летать на Луну.

Первый закон гласит: «Всякое тело будет находиться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения до тех пор, пока к нему не будет приложена сила, которая заставит его изменить это состояние».

Дети, не отрывая взглядов, смотрели на него, никто даже не шевелился.

— Это значит, что, если взять большой жернов с мельницы, поставить его на ребро и толкнуть хорошенько, он должен покатиться прямо до горизонта. Что ты смеешься, Баочжу? Ты прав, такого не может случиться. Потому что сила, именуемая *трением*, заставит жернов остановиться. На свете нет ничего такого, что не испытывало бы трения.

«Это верно, — подумал он, — нет ничего на свете, что не испытывало бы трения, в частности его жизнь». Он не принадлежал ни к одному из семейств исконных жителей деревни, о чем прямо говорила его фамилия, и поэтому его слово не имело здесь веса. А ведь он был еще и страшно упрям! За много лет, прожитых здесь, он умудрился так или иначе оскорбить практически всех деревенских. Он по многу раз заходил в каждый дом, уговаривая родителей отдать детей в школу, ему случалось отрывать ребятишек от работы, которой

они с малолетства занимались вместе с отцами, обещая оплачивать их учебу за свой счет, — и всегда выполнял эти обещания. Все это отнюдь не вызывало у деревенских симпатии к нему. Ну а главная причина состояла в том, что его представления о том, как следует жить, очень сильно отличались от их представлений. Он постоянно говорил что-то, в чем они не видели смысла, и это их злило. Незадолго до того, как обнаружилась его болезнь, он съездил в город и выпросил в управлении образования денег на ремонт школы. Деревенские жители изъяли часть переведенных денег, чтобы нанять на два дня оперную труппу, которая должна была бы развлекать их во время предстоящих праздников. Он ужасно разозлился, снова поехал в город и привез оттуда главу округа, который заставил деревенских вернуть деньги. А ведь они уже построили сцену для певцов. Ремонт в школе удалось сделать, но отношения с местными жителями он испортил окончательно. Прежде всего деревенский электрик, племянник старосты, отключил школу от электросети. Потом школе перестали давать кукурузные стебли, которыми он всегда топил печи и кухонную плиту, и ему пришлось забросить огород и подолгу собирать хворост в горах, вместо того чтобы заниматься с детьми. Потом он пострадал, спасая крышу спального помещения. Непрерывное, неослабевающее трение измотало его тело и душу, он больше не мог двигаться по прямой с постоянной скоростью. Пришло время остановиться.

Возможно, в месте, куда ему предстоит попасть, трения не существует, а напротив, сплошная тишь да гладь. Но ему-то что делать в таком месте? Его сердце все равно останется в этом мире с его неумолимым трением и вездесущей пылью, в начальной школе, которой он отдал всю свою жизнь. Как только его не станет, двое других учителей сразу же уедут, и школа со скрипом остановится в своем движении, как деревенская мельница. Он ощутил глубокую скорбь — ему не суждено обрести покой ни в этом мире, ни в следующем.

— Второй закон Ньютона немного сложнее, поэтому мы оставим его напоследок. А третий закон звучит так: если на тело действует с какой-то силой другое тело, то на это другое тело действует точно такая же сила, но в противоположном направлении.

Ученики долго молчали.

— Вы поняли? Кто сможет объяснить, что я сказал?

С места поднялся Чжао Лабао, лучший ученик.

— Я вроде понял, но смысла не уловил. Вот сегодня утром я подрался с Ли Цюаньгуем, и он угодил мне кулаком в лицо. У,

вон, щека опухла! Нет, силы тут неравные!

Учитель с трудом перевел дыхание и объяснил:

— Больно тебе потому, что твоя щека мягче, чем кулак Цюаньгуя. А силы и от кулака к щеке, и от щеки к кулаку были приложены одинаковые.

Он хотел подкрепить свои слова жестом, но не смог поднять руку с постели. Казалось, что руки и ноги у него стали тяжелыми, как железо, и совсем скоро его тело отяжелеет настолько, что проломит топчан и погрузится в землю.

Совсем скоро.

* * *

Номер цели: 1033715.

Абсолютное притяжение: 3,5.

Стадия эволюции: верхняя часть главной последовательности.

Обнаружены две планеты; средний радиус орбит 1,3 и 4,7 единицы расстояния.

Жизнь обнаружена на планете 1.

Докладывал корабль «Красный 69012».

Сто тысяч боевых кораблей межзвездного флота Углеродной федерации растянулись ровной цепью длиной десять тысяч световых лет, чтобы приступить к созданию изолирующего пояса. Первым этапом должно было стать пробное уничтожение пяти тысяч звезд. Лишь у 137 из них имелись планеты, и на одной из них была обнаружена жизнь.

— Первый спиральный рукав — действительно пустынная область, — вздохнул Верховный архонт. Его аура завибрировала, призывая голографическую проекцию, которая перекрыла участок палубы на мостике флагмана и звезды над головой. Теперь казалось, будто архонт, адмирал и сенатор плавают в беспредельной пустоте. Затем архонт включил показ информации, присланной разведчиками, и среди пустоты повис шар, сияющий голубым пламенем. Аура Верховного архонта ввела в поле зрения белый квадрат; он сразу же изменил форму, переместился и закрыл изображение звезды, отчего пространство снова погрузилось в почти полную тьму, где выделялась лишь маленькая желтая светящаяся точка. Изображение тут же сфокусировалось, и желтая точка переместилась на передний план, заняв половину пустоты и залив всех троих отраженным оранжевым сиянием.

Планета обладала густой неспокойной атмосферой, похожей на оранжевый океан. Движение газа отражалось чрезвычайно сложным, непрерывно меняющимся узором линий. Изображение планеты продолжало расти, пока не заслонило собой всю Вселенную; наблюдателей поглотил ее оранжевый газообразный океан. Зонд провел их сквозь плотные облака туда, где туман был не столь густым, что позволило увидеть формы жизни на планете.

В верхних слоях атмосферы плавала стая животных эллипсоидной формы. Их тела покрывали очень приятные на вид калейдоскопические узоры, мгновенно менявшиеся с набора полос на точки и так далее; вероятно, это был своеобразный визуальный язык. Каждый эллипсоид имел длинный хвост, на кончике которого то и дело возникала яркая вспышка, пробегавшая по всей длине хвоста и заполнявшая баллон рассеянным свечением.

«Начинайте четырехмерное сканирование», — прозвучал голос командира «Красного 69012».

По «воздушным шарам» с невероятной скоростью пробежался чрезвычайно тонкий луч. Несмотря на толщину всего в несколько атомов, внутренняя часть луча имела на одно пространственное измерение больше, нежели обычное пространство. Данные сканирования поступили на корабль, где главный корабельный компьютер так же быстро виртуально препарировал существа-шары на сотни миллиардов тонких ломтиков. Каждый срез представлял собой поперечное сечение толщиной в атом, где с почти идеальной точностью, вплоть до состояния каждого кварка, отражалось все содержимое шара.

— Приступайте к сборке зеркала данных!

Корабельный компьютер перебрал сотни миллиардов изображений срезов, находившихся в памяти, и объединил их в первоначальном порядке. Вскоре в обширной цифровой вселенной компьютера появился полый вытянутый воздушный шар — идеальная копия формы жизни, обнаруженной на планете.

— Начать цивилизационный тест на уровень 3Б!

Компьютер быстро определил мыслительный орган существа, эллиптическую структуру, которая висела в центре сложного сплетения нервов, мгновенно проанализировал структуру мозга и установил с ним прямой высокоскоростной информационный интерфейс, минуя все периферийные органы чувств существа.

Цивилизационный тест состоял из набора вопросов, выбранных случайным образом из огромной базы данных. Три правильных ответа считались проходными. Если форма жизни не давала правильных ответов на все три первых вопроса, тестировщик мог либо завершить тест и объявить, что

испытуемый не соответствует требуемому уровню, либо мог продолжать задавать вопросы. Их могло быть сколько угодно, но наличие трех правильных ответов считалось положительным завершением теста.

— Цивилизационный тест на уровень 3Б, первый вопрос: опишите малейшую частицу вещества, известную вам.

— Ди-ди, ду-ду-ду, ди-ди-ди-ди, — ответил шар.

— Неверно. Цивилизационный тест на уровень 3Б, второй вопрос: каково мнение вашей науки по поводу направленности движения термальной энергии сквозь материю? Можно ли обратить направление этого движения в обратную сторону?

— Ду-ду-ду, ди-ди-ди, ди-ди-ду-ду, — ответил шар.

— Неверно. Цивилизационный тест на уровень 3Б, третий вопрос: каково отношение длины окружности к ее диаметру?

— Ди-ди-ди-ди-ду-ду-ду-ду-ду, — ответил шар.

— Неверно. Цивилизационный тест на уровень 3Б, четвертый вопрос…

— Достаточно, — сказал Верховный архонт после десятого вопроса. — У нас слишком мало времени. — Он повернулся и подал знак адмиралу.

— Сингулярную бомбу к пуску! — приказал адмирал.

Если сильно упростить описание, то сингулярная бомба представляет собой объект, практически не имеющий размера, точку в пространстве, которая в бесконечное количество раз меньше атома. При этом она обладает массой: самые крупные сингулярные бомбы — в миллиарды тонн, и даже самые мелкие — более десяти миллионов тонн. Бомба, покинувшая арсенал «Красного 69012», сначала приняла облик сферы диаметром в несколько тысяч метров, потом начала слабо светиться — излучение, генерируемое миниатюрной черной дырой, поглощало космическую пыль на своем пути. Эта миниатюрная черная дыра была не из тех, что образуются в результате коллапса звезд, она являлась крошечной моделью космологической сингулярности, образовавшейся в начале Вселенной и предшествовавшей Большому взрыву. И Углеродная федерация, и Кремниевая империя содержали флотилии кораблей, которые бороздили пустое пространство за галактическим экватором, собирая эти первичные черные дыры. Жители некоторых морских планет называли эти флотилии «глубоководными траулерами». «Уловы» этих флотилий были одним из самых мощных видов оружия в галактике и единственным оружием, способным уничтожить звезду.

Сингулярная бомба сорвалась с направляющих и, ускоряясь под действием луча силового поля, устремилась от корабля к

своей цели — звезде. Очень скоро насыщенная космической пылью черная дыра нырнула в огненную оболочку звезды. Подхваченная вихрем звездная материя со всех сторон устремилась к центру черной дыры и бесследно исчезла там. Взамен изливалось обильное излучение, и черная дыра теперь выглядела как ослепительный шар света на поверхности звезды, бриллиант на опоясывающем ее невидимом колье. По мере того как черная дыра погружалась в недра звезды, сияние шара становилось все слабее, зато окружавший его вихрь увеличивался и охватывал уже сотню миллионов миль. В этом вихре свет шара рассеивался на калейдоскопические брызги, образуя нечто, походившее с того расстояния, на котором находился корабль, на отвратительное призматическое лицо. Мгновение спустя шар исчез, а за ним исчез и вихрь, хотя и не так быстро. Звезда, казалось, вернулась к своим первоначальным цвету и яркости. Это был эпицентр бури, последний момент тишины перед аннигиляцией. Ненасытная черная дыра опускалась к плотному центру звезды, пожирая все на своем пути. Менее чем за секунду она поглотила массу звездного вещества, превышающую сотни планет среднего размера. От черной дыры к поверхности звезды распространялось сверхсильное излучение. Некоторая его часть вырывалась наружу, но бóльшая оказалась заблокирована звездным веществом, добавив звезде столько энергии, что конвекция нарушилась и все звездные процессы вышли из равновесия. Цвет звезды начал меняться, сначала от красного к ярко-желтому, затем к ярко-зеленому, затем к глубокому сапфирово-синему и, наконец, к неприятному фиолетовому. Сила излучения черной дыры к тому времени уже на несколько порядков превышала излучение от самой звезды, и чем больше энергии вытекало из звезды в виде невидимого света, тем интенсивнее становился ее фиолетовый цвет — агонизирующий дух, парящий в просторах космоса. Всего за час продолжавшееся несколько миллиардов лет путешествие звезды подошло к концу.

Вспышка света, казалось, охватила всю Вселенную, а затем медленно угасла. Там, где только что была звезда, теперь находилась сфера с тонкой оболочкой, быстро расширяющаяся, как надуваемый воздушный шар. Это была поверхность звезды, выброшенная наружу взрывом. По мере расширения оболочка делалась прозрачной, и стало видно, как в центре зародилась вторая полая сфера, а затем и третья. Эти волны вещества походили на изящно раскрашенные стеклянные шары, расположенные один внутри другого, и даже самые маленькие из них имели площадь поверхности в десятки тысяч раз бóльшую, чем первоначальная площадь поверхности звезды. Первая волна в

одно мгновение испарила оранжевую планету, хотя увидеть ее разрушение на таком великолепном фоне было невозможно. По сравнению с размерами расширяющегося звездного слоя планета была даже не точкой на поверхности шара, а пылинкой.

Ауры Высшего архонта и сенатора потемнели.

— Вам не нравится эта работа? — напрямик спросил адмирал.

— Еще одна разумная раса испарилась, как роса под солнечным светом.

— Вспомните о битве во Втором рукаве, ваше превосходительство — более двух тысяч звезд вспыхнуло сверхновыми, сгорело сто двадцать тысяч обитаемых планет. Сентиментальность для нас — недопустимая роскошь.

Сенатор сделал вид, будто не заметил этой реплики, и прямо обратился к Верховному архонту.

— Результаты выборочных проверок планет случайным способом ненадежны. Признаки цивилизации могут находиться в любом месте поверхности планеты. Нам необходимо использовать еще и сканирование местности.

— Я обсуждал возможность такого подхода с Сенатом, — ответил архонт. — Чтобы создать надежный изолирующий пояс, необходимо уничтожить сотни миллионов звезд. По предварительным прикидкам у десяти миллионов из них должны иметься планетные системы с примерно пятьюдесятью миллионами планет. Запас времени у нас очень мал; мы просто не в состоянии провести скрупулезное обследование каждой планеты. Единственное, что мы можем сделать, — это расширить поисковый луч, чтобы при случайном просмотре охватывать бóльшие участки поверхности… и молиться, чтобы цивилизации, которые могут там оказаться, равномерно распространялись по поверхности своих планет.

* * *

— Теперь мы рассмотрим второй закон Ньютона.

Он говорил насколько мог быстро, чтобы за короткое время, которое ему осталось, успеть рассказать детям как можно больше.

— Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе. Чтобы понять это, нужно знать, что такое ускорение. Ускорение — это скорость, с которой скорость объекта изменяется с течением времени. Это понятие отличается от скорости — тело, которое движется быстро, необязательно *ускоряется*, а сильно ускоряющийся объект

может двигаться совсем не быстро. Например, предположим, что предмет движется со скоростью 110 метров в секунду. Через две секунды его скорость будет 120 метров в секунду. Его ускорение составляет 120 минус 110, деленное на два… это пять метров в секунду — нет, пять метров в секунду в квадрате. Другой предмет движется со скоростью десять метров в секунду, но через две секунды его скорость окажется уже тридцать метров в секунду. Его ускорение составляет тридцать минус десять, деленное на два… десять метров в секунду в квадрате. Второй предмет, как вы, наверно, заметили, не такой быстрый, как первый, но его ускорение больше! Я упомянул квадраты: квадрат — это просто число, умноженное само на себя…

Он с удивлением заметил, что внезапно стал очень ясно мыслить. Он знал, что это значит: если жизнь — свеча, то его жизнь сгорела до основания, а фитиль упал, расплавив последний кусочек воска, и пламя вспыхнуло в десять раз ярче, чем раньше. Боль, терзавшая его, прошла, и тело больше не казалось тяжелым; вообще-то он почти не ощущал своего тела. Жизнь, с которой он расставался, казалось, вся сосредоточилась в мозгу, заставляя его яростно работать, чтобы передать все знания детям, собравшимся вокруг него. Мешала необходимость говорить: он знал, что у него очень мало времени. Ему представлялось, что знания, которые он накапливал всю свою жизнь, не так уж велики, но все они дороги ему — застряли в его мозгу, как маленькие жемчужины, и что, пока он говорил, хрустальный топор выбивал жемчужины из его мозга на пол, а дети торопливо подбирали их, как сладости в Новый год. Эта фантазия на миг наполнила его счастьем.

— Вы поняли? — тревожно спросил он. Зрение уже отказало ему, и он уже не видел собравшихся вокруг ребятишек, но все еще слышал их.

— Мы поняли! Учитель, отдохните, пожалуйста!

Он почувствовал, что его огонек начал гаснуть.

— Я знаю, что вы не поняли значения того, о чем я говорил, но все равно заучите это наизусть. Пусть не завтра, но когда-нибудь эти понятия обретут для вас смысл. *Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе.*

— Учитель, мы поняли, правда, поняли! А теперь, пожалуйста, ну пожалуйста — отдохните!

Собрав последние крохи силы, он приказал:

— Повторите!

И дети сквозь слезы заговорили нараспев:

— Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе. Ускорение тела

прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе…

Несколько сот лет назад в Европе родился один из величайших умов мира, который записал эти слова и вернулся в прах. Теперь, в двадцатом веке, они звучали в глухой, заброшенной горной деревушке в исполнении хора детских голосов, говоривших с резким сельским акцентом. Под звуки этого умиротворяющего гимна свеча учителя погасла.

Дети, собравшиеся вокруг его мертвого тела, зарыдали.

* * *

Номер цели: 500921473.
Абсолютное притяжение: 4,71.
Стадия эволюции: средняя часть главной последовательности.
Обнаружены девять планет.
Докладывал корабль «Синий 84210».

— Просто редчайшая планетная система! — воскликнул адмирал.

— О да! — согласился Верховный архонт. — Маленькие каменные планеты и газовые гиганты сочетаются в поразительной гармонии, и пояс астероидов искусно вплетен во все это, будто ожерелье. А самая удаленная планета, карлик, покрытый метановым льдом, символизирует завершение одного шага и начало следующего подобно заключительной ноте музыкальной каденции…

— Докладывает «Синий 84210». Приступаем к поиску жизни на планете номер один. Планета не имеет атмосферы, вращение медленное, очень большой перепад температур. Поисковый луч включен. Первый случайно выбранный участок: пусто. Второй участок: пусто… Третий участок: пусто. «Синий 84210» докладывает: на планете нет жизни.

— На солнечной стороне этой планеты можно плавить сталь, — заявил адмирал. — Можно было и не тратить на нее времени.

— Приступаем к поиску жизни на планете номер два. Планета имеет плотную атмосферу с мощным кислотным облачным покровом и практически одинаковую температуру повсюду. Поисковый луч включен. Первый случайно выбранный участок: пусто. Второй участок: пусто… Третий участок: пусто. «Синий 84210» докладывает: на планете нет жизни.

— У меня сильное подозрение, что на третьей планете жизнь найдется. Осмотрите тридцать случайно выбранных участков, — сказал Верховный архонт; четырехмерный коммуникатор мгновенно передал его реплику вахтенному офицеру «Синего 84210», находившегося в тысяче с лишним световых лет от флагмана.

— Ваше превосходительство, у нас очень плотный график, — заметил адмирал.

— Вы получили приказ, — непререкаемо ответил архонт.

— Так точно, ваше превосходительство.

— Приступаем к поиску жизни на планете номер три. Планета имеет атмосферу умеренной плотности; бóльшая часть ее поверхности покрыта океаном…

Первая вспышка луча системы поиска жизни накрыла кружок в глубине Азии диаметром около пяти километров. Даже при свете дня воздействие луча было видно невооруженным глазом — все неживые объекты в зоне действия поля делались прозрачными. Поле легло в горы северо-западного Китая; при свете дня наблюдатель увидел бы захватывающее зрелище: прозрачный горный хребет преломляет лучи солнца, а земля под ногами словно исчезла, разверзнув пропасть в глубины планеты. Живые организмы — люди, деревья, трава — при этом оставались непрозрачными, и их формы четко выделялись бы на хрустальном фоне. Однако этот эффект длился всего полсекунды, которые требовались лучу для калибровки, и зрители, скорее всего, подумали бы, что им это померещилось. Кроме того, на данном участке стояла ночь.

Точно в центре поля, сформированного лучом, находилась сельская начальная школа.

— Первый случайно выбранный участок… зеленый! Докладывает «Синий 82410»: на планете номер три цели 500921473 обнаружена жизнь!

Луч начал автоматически сортировать множество выявленных форм жизни, внося их в свою базу данных в порядке сложности и в соответствии с предположительной оценкой интеллекта. В верхней части списка оказалась группа форм жизни внутри квадратного укрытия. Луч сузился и сфокусировался на этом укрытии.

Изображение с корабля «Синий 84210» пришло в интеллектуальную ауру Верховного архонта. Тот спроецировал его на черный фон и мгновенно оказался внутри проекции деревенской школы. Система обработки изображений скрыла материальный объект, отделявший ограниченное пространство от внешнего, но находившиеся там формы жизни все же было трудно

разглядеть, поскольку их тела были весьма похожи на раскинувшуюся вокруг желтую поверхность планеты с высоким содержанием соединений кремния. Компьютер удалил из поля зрения все неживые объекты, включая более крупное безжизненное тело, окруженное другими существами, и теперь существа как будто висели в пустоте. И все равно они оставались тусклыми и бесцветными, как пучок желтых растений. Этот вид определенно не обладал какими-либо примечательными фенотипическими особенностями.

Межзвездный военный корабль «Синий 84210», размером равный земной Луне, находился за орбитой Юпитера и мог сейчас рассматриваться как дополнительная планета Солнечной системы. От него исходил четырехмерный луч, практически мгновенно перемещающийся в трехмерном пространстве. Почти не затратив времени, луч достиг Земли и миновал крышу спальни сельской школы. Там он просканировал находившихся внутри восемнадцать детей вплоть до элементарных частиц, и с невообразимой скоростью передал огромное количество данных обратно в космос. Память главного компьютера «Синего 84210» превышала емкостью саму Вселенную; в одно мгновение там были созданы и сохранены цифровые копии детей.

Теперь эти восемнадцать детей плавали в бесконечной пустоте, цвет которой вряд ли можно было описать. Строго говоря, у нее вообще не было определенного цвета — во все стороны простиралась безграничная прозрачность. Дети инстинктивно попытались схватиться за кого-нибудь из находившихся рядом одноклассников, но руки проходили сквозь призрачные тела, не встречая никакого сопротивления. Они пришли в ужас. Компьютер обнаружил их страх, решил, что им для комфортного ощущения среды требуется что-то знакомое, и изменил цвет фона симуляции на близкий к небу их родной планеты. Дети сразу же увидели безоблачное, без солнца, темно-синее небо. Но земли под ногами у них не было, только бесконечная синева, такая же как и наверху, и они были единственными существами в ней. Компьютер провел повторную оценку цифровых клонов детей и обнаружил, что они все еще паникуют. За стомиллионную долю секунды он понял причину: в то время как большинство форм жизни в галактике не боялось парения, эти существа отличались тем, что жили на поверхности планеты и не владели полетом. Компьютер добавил к модели земную гравитацию и грунт. Дети с изумлением обнаружили у себя под ногами чистую белую равнину, простирающуюся в бесконечность во всех направлениях и похожую на огромный лист писчей бумаги, так как ее пересекала аккуратная, правильная

черная сетка. Сразу несколько детей присели на корточки, чтобы потрогать пол, и оказалось, что это самая гладкая поверхность, к которой им случалось прикасаться; кто-то попытался пройтись, но пол совершенно не имел трения, и от него невозможно было оттолкнуться. Школьники удивлялись, почему они не падают. Один из них снял башмак и толкнул его перед собой: башмак скользил с неизменной скоростью, и дети долго смотрели, как он удалялся по прямой, не замедляясь и не ускоряясь.

Они видели в действии Первый закон Ньютона.

По цифровой Вселенной разнесся мелодичный призрачный голос.

— Приступаем к цивилизационному тесту на уровень 3Б. Первый вопрос: пожалуйста, изложите основные принципы биологической эволюции на вашей планете. Является ли она результатом естественного отбора или спонтанных мутаций?

Дети совершенно не поняли, о чем их спросили, и недоуменно промолчали.

— Цивилизационный тест на уровень 3Б, второй вопрос: пожалуйста, расскажите вкратце об источниках энергии звезды.

Молчание.

…

— Цивилизационный тест на уровень 3Б, десятый вопрос: пожалуйста, назовите химический состав жидкости, составляющей океан вашей планеты.

Дети снова промолчали.

Башмак продолжал скользить к горизонту, вот он удалился настолько, что превратился в черную точку, а потом и вовсе исчез.

— Хватит! — сказал Верховному архонту адмирал, находившийся в тысяче световых лет от него. — Такими темпами мы никогда не закончим первую стадию проекта.

Аура Верховного архонта чуть заметно завибрировала, выражая согласие.

— Сингулярную бомбу к пуску!

Луч в мгновение ока перенес команду сквозь четырехмерное пространство на «Синий 84210», осуществлявший операцию в Солнечной системе. Слабо светящийся шар плавно скатился с длинной направляющей в носовой части корабля и начал, ускоряясь под действием невидимого силового поля, приближаться к Солнцу.

Верховный архонт, сенатор и адмирал сосредоточились на другом регионе изолирующего пояса, где было обнаружено несколько обитаемых планетных систем, на которых самой высшей формой жизни являлись безмозглые черви, ползающие в

грязи. Вся область заполнилась вспышками взрывающихся звезд, явственно напоминая о битве во Втором рукаве.

Вскоре незначительная часть ауры Верховного архонта обособилась от общей массы и вернулась в Солнечную систему. Он услышал голос командира «Синего 84210»:

— Приготовиться покинуть радиус взрыва. Минус тридцать до скачка. Начать отсчет!

— Подождите немного. Через сколько времени сингулярная бомба достигнет цели? — совершенно неожиданно для адмирала и сенатора спросил Верховный архонт.

— Приближается к орбите первой планеты. До соприкосновения около десяти минут.

— Значит, у нас есть еще минут пять для того, чтобы продолжить тест.

— Так точно, ваше превосходительство.

Вахтенный офицер «Синего 84210» запустил продолжение теста.

— Цивилизационный тест на уровень 3Б, одиннадцатый вопрос: каково соотношение между сторонами прямоугольного треугольника на плоскости в трехмерном пространстве?

Молчание.

— Цивилизационный тест на уровень 3Б, двенадцатый вопрос: какое положение занимает ваша планета по отношению к другим планетам вашей звездной системы?

Молчание.

— Ваше превосходительство, это бесполезно, — вмешался адмирал.

— Цивилизационный тест на уровень 3Б, тринадцатый вопрос: как движется тело, если к нему не приложены внешние силы?

И вдруг дети, жавшиеся друг к другу под бескрайним синим небом моделированной Вселенной, хором ответили:

— Всякое тело будет находиться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения до тех пор, пока к нему не будет приложена сила, которая заставит его изменить это состояние.

— Ответ верный. Цивилизационный тест на уровень 3Б, четырнадцатый вопрос:

— Подождите! — крикнул сенатор, прерывая вахтенного офицера, проводившего тест. — Следующий вопрос также касается эвристики в нерелятивистской механики. Разве это не нарушает правила тестирования? — обратился он к Верховному архонту.

— Поскольку вопрос имеется в базе данных, никакого

нарушения не будет, — ответил вместо архонта адмирал. Он был не на шутку поражен тем, что столь непритязательная форма жизни смогла дать верный ответ, и сразу настроился на продолжение опроса.

Цивилизационный тест на уровень 3Б, четырнадцатый вопрос: пожалуйста, скажите, как соотносятся силы двух взаимодействующих тел?

— Если на тело действует с какой-то силой другое тело, то на второе тело действует точно такая же сила, но в противоположном направлении.

— Ответ верный! Цивилизационный тест на уровень 3Б, пятнадцатый вопрос. Пожалуйста, охарактеризуйте взаимосвязь между массой и ускорением тела, на которое действует внешняя сила.

И дети снова ответили нестройным хором:

— Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе.

— Ответ верный! Вы прошли тест, подтверждающий, что цивилизация третьей планеты звезды-цели 500921473 достигла уровня 3Б.

— Отклоните сингулярную бомбу!!! Взрыв отменяется!!! — Пока приказ передавался через гиперпространство на «Синий 8420», аура Верховного архонта яростно вибрировала.

Разгонный силовой луч длиной в несколько сотен миллионов миль, бывший до этого мгновения прямолинейным, начал отгибаться от Солнца, как ветка дерева, гнущаяся под тяжестью спелых плодов. Генератор силового поля на борту «Синего 84210» работал с предельной нагрузкой; его огромный радиатор засветился сначала темно-красным, а затем ярко-белым свечением. Новый вектор тяги луча начал влиять на траекторию сингулярной бомбы, отклоняя ее от цели. Однако она находилась уже внутри орбиты Меркурия, очень близко к Солнцу, и никто не был уверен, что генератор силового поля сможет изменить курс бомбы настолько, чтобы предотвратить столкновение. Вся галактика с замиранием сердца следила из гиперпространства, как расплывчатый темный шар менял направление движения, но при этом становился все ярче; это служило тревожным признаком того, что бомба вошла в насыщенное частицами околосолнечное пространство. Капитан держал руку на красной кнопке гиперпространства, чтобы успеть в последнее мгновение увести корабль из Солнечной системы, если столкновение все же произойдет. В конце концов бомба взорвалась, не дойдя до поверхности Солнца совсем чуть-чуть, всего несколько десятков миль, и, проносясь мимо, начала всасывать огромное количество

вещества из атмосферы звезды. При этом бомба вспыхнула бело-голубым светом, и на мгновение показалось, что у Солнца появилась более яркая звезда-близнец, запертая на близкой двойной орбите; этому явлению предстояло стать непосильной вечной загадкой для жителей Земли. На обращенной к бомбе стороне огненной поверхности Солнца появилась темная полоса, сходная с кильватерной струей скоростного катера на спокойной воде, гравитация несущейся черной дыры поглотила солнечный свет, оставив на поверхности Солнца темный шрам в виде полумесяца, который быстро рос и затмил все солнечное полушарие. Когда же бомба начала удаляться от Солнца, она потащила за собой огромный протуберанец — красивую огненную нить длиной в миллион миль. Кончик протуберанца яростно выбрасывал наружу, в космос, массу вращающихся плазменных вихрей.

Удаляясь от Солнца, сингулярная бомба постепенно темнела и вскоре исчезла в бесконечной вселенской ночи.

— Мы чуть не уничтожили цивилизацию на основе углеродных соединений, — сказал сенатор, испустив вздох облегчения.

— В этой пустыне — и вдруг цивилизация уровня 3Б! До сих пор не верится! — воскликнул адмирал.

— Да. Ни Углеродная федерация, ни Кремниевая империя не рассматривали эту область в своих планах расширения и освоения. Если эта цивилизация развивалась самостоятельно, это и впрямь неслыханная редкость, — сказал Верховный архонт.

— «Синий 84210», вам предписывается остаться в звездной системе и провести на третьей планете цивилизационный тест в полном объеме, — приказал адмирал. — Ваше первоначальное задание будет поручено другому кораблю.

* * *

С учениками деревенской школы, в отличие от их цифровых дубликатов, оказавшихся за орбитой Юпитера, не случилось ничего необычного. Они все так же плакали над телом учителя в спальне, освещенной лишь тусклыми свечами, и успокоились нескоро.

— Нужно сообщить взрослым, — сказала, всхлипнув, Го Цуйхуа.

— Зачем? — отозвался Лю Баочжу, глядя в пол. — Его никто в деревне и при жизни терпеть не мог. Зуб даю, они ему даже гроб не купят.

В конце концов дети решили, что сами похоронят своего учителя. Кирками и лопатами они стали рыть могилу на холме рядом со школой, и бриллиантово-ясные звезды молча смотрели с высоты на их работу.

* * *

Сенатор изучал результаты обследования, проведенного «Синим 84210», мгновенно преодолевавшие расстояние в тысячу световых лет.

— Цивилизация на этой планете вовсе не 3Б! — воскликнул он в изумлении, — а все 5Ж!

На голограмме адмиральского салона флагмана возникла зубчатая череда небоскребов.

— Они уже начали использовать атомную энергию и могут летать в космосе, используя двигатели на химическом топливе. Они даже добрались до спутника планеты.

— Каковы основные особенности их расы? — спросил адмирал.

— Не могли бы вы сформулировать конкретнее? — осведомился офицер «Синего 84210».

— Ну, скажем, насколько развита их наследственная память?

— У них вообще нет наследственной памяти. Они всю жизнь накапливают собственные, индивидуальные воспоминания.

— Какие методы передачи информации от особи к особи они используют?

— Очень примитивный и редко встречающийся способ. У них в теле имеется небольшой по размеру орган, который создает вибрации, распространяющиеся волновым образом в атмосфере планеты; она состоит в основном из азота и кислорода. Модулируя эти волны, они кодируют информацию. Для приема модулированных волн у них имеются отдельные органы — тонкие мембраны.

— И какую же скорость передачи данных обеспечивает этот способ?

— Примерно от одного до десяти бит в секунду.

— Что? — Все, находившиеся в салоне, дружно расхохотались.

— Именно так. Мы сами сначала не поверили, но многочисленные проверки подтвердили эти данные.

— Капитан, вы что, шутить с нами вздумали?! — взревел адмирал. — Вы пытаетесь убедить нас, что организмы, *вовсе* не имеющие наследственной памяти, передающие информацию

посредством звуковых волн со скоростью *от одного до десяти бит в секунду,* способны создать цивилизацию уровня 5Ж? И что они достигли этого уровня исключительно собственными силами, без поддержки со стороны развитых цивилизаций?

— Так точно, ваше превосходительство.

— В таком случае они не могут передавать знания от поколения к поколению. А эволюционное развитие цивилизации невозможно без накопления знаний!

— У них существует класс особей, составляющий небольшую часть всего населения, равномерно распределенную по всей цивилизации. Они осуществляют функции посредников при передаче знаний между поколениями.

— Это совсем уже сказки!

— Вовсе нет, — возразил сенатор. — Такая концепция существовала в галактике в доисторические времена, но и тогда она представляла собой чрезвычайно редкое явление. Вряд ли о ней знает кто-нибудь, кроме историков эволюции цивилизаций тех звездных систем, в которых она наблюдалась.

— Говоря о «концепции», вы имеете в виду передачу знаний между поколениями конкретной расы?

— Совершенно верно. Такая особь именовалась «учитель».

— Учи-тель?..

— Архаичное слово, бывшее в ходу у нескольких давно не существующих цивилизаций. Настолько редкое, что даже не вошло в большинство старинных словарных баз данных.

Масштаб голографической проекции, транслируемой из Солнечной системы, изменился; теперь она изображала шар Земли, медленно вращающийся в космосе.

— Цивилизаций, которые развивались бы самостоятельно, очень мало, — сказал Верховный архонт, — а уж о таких, что своими силами достигли бы уровня 5Ж, на Млечном Пути вообще никто не слыхал, во всяком случае, в эпоху Углеродной федерации. Мы должны предоставить этой цивилизации возможность продолжать эволюцию без внешнего воздействия, а сами будем наблюдать за ней. Это позволит нам не только глубже понять древние, утраченные цивилизации, но и, возможно, расширить наши представления о путях галактической цивилизации в более широком смысле этого понятия.

— Я прикажу «Синему 84210» немедленно покинуть звездную систему и создать вокруг нее бесполетную зону радиусом сто световых лет, — сказал адмирал.

* * *

Кто-то из страдающих бессонницей в Северном полушарии, возможно, видел, как небольшая группа звезд начала чуть заметно трепетать, затем дрожь распространилась на звезды, расположенные вокруг этой кучки, и пробежала дальше по всему ночному небу; так по неподвижной воде разбегаются круги, если опустить туда палец.

Пространственно-временная ударная волна, вызванная гиперпространственным прыжком «Синего 84210» значительно ослабла, пока достигла Земли. Все часы на планете перескочили на три секунды вперед. Люди, ограниченные трехмерным пространством, не заметили этого возмущения.

— Жаль, — сказал Верховный архонт. — Без вмешательства более развитой цивилизации они еще две тысячи лет будут ограничены субсветовыми скоростями и трехмерным пространством. Не раньше чем через тысячу лет они научатся использовать энергию аннигиляции материи и антиматерии. Еще две тысячи лет на то, чтобы освоить передачу и прием многомерных сообщений… а что касается гиперпространственных галактических путешествий, на это у них уйдет не менее пяти тысяч лет. И лишь через десять тысяч лет — это самое меньшее — они достигнут минимальных условий для вхождения в галактическое семейство углеродосодержащих форм жизни.

— Независимая эволюция такого рода имела место лишь в доисторическую эпоху галактики, — ответил сенатор. — Если наши записи о тех временах верны, мои далекие предки жили в глубинах океана морской планеты. Они жили и умирали там во тьме, их правительства образовывались и сдавали полномочия, а затем в какой-то момент они почувствовали жажду приключений. Они запустили летательный аппарат — плавучий прозрачный шар, который медленно поднимался к поверхности океана. На поверхности они оказались глубокой ночью. Путешественники в этом корабле стали первыми из моих предков, кто увидел звезды. Вы способны представить себе их чувства? Способны представить, каким великолепным и таинственным было для них это зрелище?

— Эта эпоха была исполнена страстей и стремлений, — подхватил Верховный архонт. — Планеты земного типа были для наших предков завершенным безграничным миром. Из своего дома в зеленых водах планеты или на ее пурпурных лугах они с благоговением смотрели на звезды. Таких чувств мы не испытывали уже десятки миллионов лет.

— Я испытываю их сейчас! — сказал сенатор, указывая на голографическое изображение Земли — сияющий голубой шар, над поверхностью которого плыли, струясь и вздымаясь, белые облака. У сенатора было такое чувство, словно он нашел

жемчужину в глубинах океанского дома своих предков. — Такая маленькая планета, населенная организмами, живущими своей жизнью, лелеющими свои мечты, совершенно ничего не ведающими о нас и о раздорах и разрушениях, происходящих в их галактике. Им Вселенная должна казаться бездонным колодцем надежд и мечтаний. Это похоже на древнюю песню.

И он запел. Ауры всех троих стали единым целым, покрывшись рябью розовых волн. Он пел старую песню, дошедшую от забытых истоков цивилизации. Она звучала непривычно, таинственно, одиноко, но, когда эти звуки разнеслись через гиперпространство к сотням миллиардов звезд в галактике, бесчисленные существа услышали их и ощутили первозданные мир и покой.

— Самое непостижимое в этом мире — то, что он постижим[4], — сказал Верховный архонт.

— Самое главное, что можно постичь, изучая Вселенную, — это ее непостижимость, — ответил сенатор.

* * *

К тому времени когда дети закончили рыть могилу, на востоке уже брезжил свет. Они отнесли туда тело своего учителя на двери, которую сорвали с классной комнаты, и опустили вместе с ним в могилу две коробки мела и потрепанный учебник. А на холмике они положили большой плоский камень и написали на нем мелом: «Могила господина Ли».

Корявые иероглифы смоет первым же дождем, и довольно скоро местные жители забудут и о могиле, и о том, кто лежит в ней.

Краешек солнца вылез из-за холмов, бросив золотой луч на спящую деревню. Заросшая густой травой долина все еще лежала в тени, но в росинках уже ярко играли отблески зари. Одна-две птицы начали робко пробовать голоса.

Дети возвращались в деревню по узкой дороге. Вскоре их не по росту длинные тени рассеялись и пропали в бледной утренней туманной дымке, поднявшейся над долиной.

Им предстояло жить на этой древней бесплодной земле, но даже неизменная скудость урожаев не сможет изгнать надежду из их сердец.

Переселенцы во времени

— Что впереди? —
Тех, кто придет, я вовеки не встречу.
— Что позади? —
Древние люди меня не встречали.
Думаю я:
Небо с Землею бескрайни, бескрайни —
И одиноко
слезы роняю в глубокой печали.

Чэнь Цзыан. Песня, написанная, когда я поднялся на террасу в Ючжоу[5]

Впервые опубликован под названием 时间移民 *в «Jiangsu Phoenix Literature and Art Publishing House», Нянцзы, 2014 г.*

Отъезд

Открытое письмо ко всему человечеству.

Из-за невыносимого экологического и демографического давления правительство было вынуждено начать программу переселения во времени. Первая группа из 80 миллионов переселенцев во времени переедет на 120 лет.

* * *

Посол уходил последним. Он стоял на пустой площадке перед огромным холодильником, в котором находилось 400 000 замороженных людей. Еще 200 таких же сооружений были разбросаны по всему миру. «С виду это больше всего походит на гробницу», — с содроганием подумал посол.

Хуа отказалась отправиться с ним. Она соответствовала всем требованиям к переселенцам и обладала вожделенной миграционной картой, но в отличие от тех, кто стремился к новой жизни в будущем, испытывала неразрывную привязанность к нынешнему, реальному миру. Она останется здесь, а посол в одиночку отправится в путешествие протяженностью в 120 лет.

Посол отбыл час спустя, утонув в жидком гелии, который заморозил его тело почти до абсолютного нуля, как и еще 80 миллионов людей, отправившихся под его руководством в перелет по трассе времени.

Путь

Мимо скользило недоступное для восприятия время, Солнце неслось по небу падающей звездой, рождения, любовь, смерти, радости, печали, потери, погони, борьба, неудачи и все прочее, что присуще внешнему миру, неслось мимо, как товарный поезд…

…10 лет… 20 лет… 40 лет… 60 лет… 80 лет… 100 лет… 120 лет.

Остановка 1: Темные века

На всем протяжении гиперсна при самой низкой температуре, какая только бывает в природе, сознание замерзало, как и тело, и потому само существование времени оставалось незаметным, пока посол не проснулся с ощущением, что система охлаждения вышла из строя и он оттаял, едва только его успели заморозить. Но гигантский плазменный дисплей атомных часов напротив сообщил ему, что прошло 120 лет, то есть полторы жизни, и что они сделались изгнанниками во времени.

Передовая группа из 100 человек проснулась на прошлой неделе, чтобы установить контакт. Ее капитан сейчас стоял перед послом, который еще не совсем пришел в себя и был не в состоянии говорить. Капитан же в ответ на вопрошающий взгляд лишь покачал головой и вымученно улыбнулся.

Глава правительства пришел прямо в зал управления морозильника, чтобы приветствовать прибывших. Он казался усталым и каким-то потрепанным (впрочем, точно так же выглядела и вся его свита), что немало изумило посла — тот никак не ожидал увидеть такое через 120 лет после своей прежней жизни. Посол вручил письменное обращение от правительства своего времени и передал приветствия своего народа. Глава государства был немногословен, но крепко пожал руку посла. Жест был таким же грубым, как и лицо правителя, и у посла возникло ощущение, что за прошедшее время положение изменилось не настолько сильно, как он себе представлял когда-то. Ему от этого стало теплее.

Но это тепло напрочь исчезло в тот же момент, когда он вышел из морозильника. Снаружи все оказалось черным: черная земля, черные деревья, черная река, черные облака. Автомобиль на воздушной подушке, в котором они ехали, поднимал клубы черной пыли. Колонна приближающихся танков образовала линию черных пятен, движущихся по дороге, а группы вертолетов, совершенно бесшумно проносящиеся низко над головами, казались роем черных призраков. Землю будто опалило небесным огнем. Они миновали огромную яму размером с карьер из первой части жизни посла.

— Кратер.

— От… бомбы? — с великим трудом выговорил посол.

— Да. Килотонн, наверное, пятнадцать, — небрежным тоном бросил глава правительства, словно речь шла о совершенной мелочи.

Атмосфера встречи поколений, разделенных промежутком в

век с лишним, делалась все более напряженной.

— И когда же началась война?

— Эта? Два года назад.

— Вы сказали: эта?

— С тех пор как вы отбыли, их случилось несколько.

И правитель тут же сменил тему. Он был на полтора века моложе посла, но казался ему одним из тех пожилых современников, которых всегда можно было встретить на производственных предприятиях и сельскохозяйственных фермах; эти люди неизменно замечали любые имеющиеся трудности, не позволяя ни одной ускользнуть из поля зрения.

— Мы примем всех иммигрантов и позаботимся о том, чтобы они жили в мире.

— Возможно ли это вообще — в нынешних обстоятельствах? — Вопрос был задан кем-то из сопровождающих посла, который сам хранил молчание.

— Действующая администрация и весь народ сделают все возможное, чтобы обеспечить это. Таков наш долг, — сказал правитель. — Конечно, иммигранты со своей стороны должны приложить все силы для адаптации. Это может оказаться непростой задачей, учитывая существенные изменения, произошедшие за 120 лет.

— Какого рода изменения? — спросил посол. — Здравомыслия как не было, так и нет, люди все так же воюют, все так же истребляют друг друга…

— Вы видите только внешнюю сторону событий, — сказал генерал в полевой форме. — Взять, к примеру, войну. Ведь как в наши дни сражаются между собой две страны? Во-первых, они объявляют типы и количество всего своего тактического и стратегического оружия. Затем компьютер может определить исход войны, исходя из скорости возможного взаимоуничтожения. Оружие предназначено исключительно для устрашения и никогда не используется. Война — это компьютерное моделирование, по результатам которого определяют победителя и проигравшего.

— А как определяют показатели взаимного уничтожения?

— Этим занимается всемирная организации по испытаниям оружия. Вот в ваше время существовала… э-э… Всемирная торговая организация…

— Войны столь же упорядоченны и планомерны, как и экономика?

— Война и есть экономика.

Посол посмотрел через окно машины на черный мир.

— Но, глядя в окна, трудно поверить, будто война — это

всего лишь система уравнений.

Глава государства окинул посла тяжелым взглядом.

— Мы провели все расчеты, но не поверили их результатам.

— И поэтому начали войну в стиле вашего времени. «Настоящую» войну, — добавил генерал.

Правитель снова сменил тему.

— Сейчас мы направляемся в столицу, чтобы изучить проблемы, связанные с размораживанием иммигрантов.

— Отвезите нас назад, — сказал посол.

— Что?

— Отвезите нас назад. Вам совершенно ни к чему дополнительная нагрузка, да и время — это нельзя назвать подходящим для иммигрантов. Мы продвинемся немного дальше.

Летающий автомобиль вернулся к холодильнику № 1. Прежде чем проститься, глава правительства вручил послу книгу в прочной обложке.

— Хроника минувших 120 лет, — сказал он.

Затем чиновник ввел в зал мужчину 123 лет от роду, единственного, насколько было известно, человека этой эпохи, появившегося на свет до отбытия иммигрантов и сейчас настоявшего на встрече с послом.

— После вашего ухода так много всего произошло. Так много! — Старик достал два кубка того давнего времени и до краев наполнил их спиртным. — Мои родители тоже ушли вместе с вами, когда мне было три года. Они оставили мне эти чаши, чтобы я выпил с ними, когда они оттают. Но, увы, я их так и не увижу. И вы больше не увидите ни одного человека своего времени. Я последний.

Они выпили. Посол посмотрел в сухие глаза старика, и как раз в тот момент, когда он задавал себе вопрос, почему люди этой эпохи, кажется, разучились плакать, у старика выступили слезы. Он опустился на колени и сжал руки посла.

— Берегите себя, господин. «К западу от заставы Янгуань нет старых друзей»[6].

Прежде чем тело посла ощутило стремительное охлаждение в жидком гелии, его распадающемуся сознанию внезапно явился образ Хуа. Она стояла на палых осенних листьях, а потом листья почернели, и вместо них появилась надгробная плита. Ее ли могила это была?

Путь

Во внешнем мире, недоступное для восприятия, падающей звездой неслось по небу Солнце, и скользило мимо время…

…120 лет… 130 лет… 150 лет… 180 лет… 200 лет… 250 лет… 300 лет… 350 лет… 400 лет… 500 лет… 600 лет.

Остановка 2: Эпоха вестибюля

— Почему вы не разбудили меня в положенное время и так надолго затянули перемещение? — спросил посол, с изумлением глядя на атомные часы.

— Передовая группа мобилизовывалась пять раз с интервалом в столетие и в одну эпоху даже провела десятилетие без сна, но будить вас мы не стали, потому что ни в одном из случаев иммиграция не была возможна. Таково было ваше собственное распоряжение, — напомнил капитан передовой группы. Посол наконец-то понял, что капитан выглядит заметно старше, чем при их предыдущем разговоре.

— Продолжаются войны?

— Нет. С войнами покончено навсегда. И хотя в течение первых трех столетий состояние природы продолжало ухудшаться, двести лет назад началось постепенное восстановление. Последние две эпохи отказывали иммигрантам, но эта согласилась их принять. Окончательное решение остается за вами и комиссией.

В вестибюле морозильной камеры никого не было. Когда гигантская дверь с тяжелым рокотом распахнулась, капитан прошептал послу:

— Приготовьтесь к тому, что перемены гораздо серьезнее, чем вы себе представляете.

Первые шаги, которые посол сделал в новую эпоху, сопровождались навязчивыми звуками, похожими на перезвон на ветру какой-то древней музыкальной подвески. Глубоко в хрустальной почве под ногами он увидел игру света и теней. Твердый на вид хрусталь ощущался под ногами мягким, как ковер, и каждый шаг вызывал этот перезвон колокольчиков, порождал концентрические цветные ореолы, расходящиеся от точки соприкосновения с поверхностью, как круги по спокойной воде. И такой вот, хрустальной, поверхность земли была повсюду, насколько хватал глаз.

— Этим материалом сплошь покрыта вся земля. Весь мир кажется искусственным, — сказал капитан и рассмеялся, увидев растерянное выражение лица посла, как бы говоря: погодите удивляться — это еще только цветочки! Посол же разглядел в хрустале свою собственную тень — или скорее тени, разбегающиеся во все стороны. Он поднял глаза…

Шесть солнц!

— Сейчас глубокая ночь, но ночь отменили двести лет назад. То, что вы видите, — это шесть зеркал на синхронизированных

орбитах, отражающих солнечный свет на темную сторону земли. Каждое площадью в несколько сотен квадратных километров.

— А где горы? — Посол наконец-то понял, что не видит зубчатой линии гор на горизонте. Граница между землей и небом была прямой, будто ее провели по линейке.

— Их нет. Все сровняли. Все континенты теперь представляют собой плоские равнины.

— Почему?

— Понятия не имею.

Посол вдруг подумал, что шесть солнц точь-в-точь похожи на шесть ламп в вестибюле. Вестибюль! В голове у него начала складываться какая-то картинка. Он вдруг понял, что оказался в чистой эпохе. Нигде ни пылинки, даже пятнышка. В это трудно было поверить. Земля была голой, как огромный стол. И небо было таким же чистым, сияло ясной голубизной, хотя присутствие шести солнц уменьшило его прежнюю ширину и глубину, так что оно больше напоминало купол вестибюля. Вестибюль! Его смутная идея выкристаллизовалась: весь мир превратился в вестибюль. Устланный ковром из звенящего хрусталя и освещенный шестью подвесными лампами. Безупречная, изысканная эпоха, резко контрастирующая с предыдущей тьмой. И в хрониках кочевников во времени она получит название Эпохи Вестибюля.

— Они не сочли нужным явиться, чтобы приветствовать нас? — полуутвердительно заметил посол, окидывая взглядом широкую равнину.

— Нам пришлось самим оправиться в их столицу. Несмотря на внешнюю прилизанность, этот век равнодушен и лишен даже элементарного любопытства.

— Что они думают о нашей иммиграции?

— Они согласны принять нас лишь с тем условием, чтобы мигранты жили в резервациях и не соприкасались с обществом. А где будут эти резервации — на Земле, или на других планетах, или же в космическом городе (который мы должны будем построить сами), — решать нам самим.

— Это совершенно неприемлемо! — яростно воскликнул посол. — Все мигранты должны влиться в общество и в жизнь этого времени. Мигранты не будут второсортными гражданами! Это основополагающий принцип переселения во времени.

— Невозможно, — ответил капитан.

— Это их позиция?

— И моя тоже. Но позвольте мне закончить. Вы только что оттаяли, ну а я живу в этой эпохе уже больше полугода. Поверьте, прошу вас, — жизнь гораздо изобретательнее, чем мы привыкли

считать. Даже в самом буйном воображении вы не смогли бы представить себе и десятой доли того, что она собой нынче представляет. Первобытному человеку каменного века и то гораздо легче было бы понять нашу с вами эпоху!

— Мы учитывали такую возможность еще при разработке всей программы. Именно по этой причине среди мигрантов не было никого старше 25 лет. Мы приложим все силы, чтобы выучиться всему и адаптироваться к любой обстановке!

— Выучиться? — Капитан с улыбкой покачал головой. — У вас найдется книжка? — Он указал на багаж посла. — Какая угодно.

Сбитый с толку посол достал томик «Фрегата «Паллада» Ивана Александровича Гончарова, который начал читать перед отправлением и так и оставил на середине. Капитан взглянул на заглавие и сказал:

— Откройте наугад и назовите мне номер страницы.

Посол послушно раскрыл книгу на странице 239. Капитан с точностью до буквы рассказал о том, что штурман видел в Африке.

— Понимаете? Теперь учиться вообще не нужно. Они импортируют знания непосредственно в мозг, подобно тому, как мы копировали данные на жесткие диски. Человеческая память достигла невообразимого развития. А если и ее не хватит… взгляните-ка. — Он достал из-за уха предмет размером со слуховой аппарат. — Это блок квантовой памяти, в котором можно сохранить все книги, возникшие на протяжении истории человечества, — или, если угодно, вообще все письменные памятники вплоть до последнего клочка бумаги для заметок. Мозг может извлекать отсюда информацию, как компьютер, и делать это намного быстрее, чем при использовании своей естественной памяти. Теперь понимаете? Я — вместилище всех человеческих знаний. Если захотите, вы тоже сможете получить все это, и потребуется вам менее часа. Так что для них обучение, которое вы имели в виду, — таинственный, непостижимый древний ритуал.

— Значит, их дети с самого рождения обладают всеми знаниями человечества?

— Дети? — капитан снова рассмеялся. — У них нет никаких детей.

— Как это — нет?

— Я разве не упомянул о том, что семьи давным-давно исчезли?

— Вы хотите сказать, что это последнее поколение?

— Концепции поколения теперь тоже не существует.

Изумление посла сменилось недоумением, но он попытался понять услышанное. И кажется, ему это в некоторой мере удалось.

— Из этого следует, что они живут вечно, да?

— Если какой-то орган тела выходит из строя, его заменяют новым. Если из строя выходит мозг, его информацию копируют и передают в трансплантат. После нескольких столетий таких замен от человека остается одна только память. Кто может сказать, молодые они или старые? Может быть, они считают себя старыми и именно поэтому не пришли знакомиться с нами. Конечно, они могут иметь детей, если захотят, путем клонирования или старомодным способом. Но мало кто это делает. Это поколение просуществовало более трехсот лет и будет точно так же существовать дальше. Вы способны представить себе, в какой степени это определяет форму быта их общества? Эрудиция, красота и долголетие, о которых мы мечтали, в эту эпоху достигаются без всякого труда.

— Послушать вас, так они создали идеальное общество. Но есть ли все же хоть что-нибудь, чего они желают, но не могут достичь?

— Ничего такого нет. Но именно потому что у них все есть, они всего лишились. Нам трудно это понять, но для них это серьезная проблема. Так что их общество далеко не идеально.

Растерянность посла сменилась задумчивостью. Шесть солнц двигались к западу и вскоре начали скрываться за горизонтом. Когда их осталось только два, взошла Венера, а потом с востока пробились лучи восходящего истинного Солнца. Его мягкий свет немного успокоил посла: по крайней мере, хоть кое-что во Вселенной оставалось неизменным.

— Пятьсот лет — не так уж много. Почему же перемены оказались столь значительными? — спросил он, обращаясь не столько к капитану, сколько ко всему мирозданию.

— Ускорение прогресса человечества. Скажем, пятьдесят лет прогресса в наше время соответствовали предшествовавшим пяти векам. А этим пяти векам, пожалуй, можно поставить в соответствие и пятьдесят тысяч. Вы все еще считаете, что мигранты смогут адаптироваться?

— И каков же конечный пункт этого ускорения? — недобро прищурившись, спросил посол.

— Не знаю.

— В полном своде человеческих знаний, которым вы обзавелись, нет ответа на этот вопрос?

— Если можно сказать, что пребывание в этой эпохе в чем-то меня убедило, так лишь в том, что мы вышли за пределы того

времени, когда все можно было объяснить знанием.

— Ну что ж, едем дальше! — решил посол. — Возьмите этот чип с собой, ну и прибор для закачки знаний в мозги.

Перед тем как погрузиться в марево гиперсна, посол снова увидел Хуа — всего один взгляд через 620 лет, незабвенный, рвущий сердце в клочья взгляд; но в стремительном потоке времени этот взгляд маяком указывал ему дом. Ему снилось облако пыли, плывущее над хрустальной землей, — неужели именно такую форму сейчас приняли ее кости?

Путь

Во внешнем мире, недоступные для восприятия, падающей звездой неслось по небу Солнце, и скользило мимо время…

…600 лет… 620 лет… 650 лет… 700 лет… 750 лет… 800 лет… 850 лет… 900 лет… 950 лет… 1000 лет.

Остановка 3: Невидимая эпоха

Герметичная дверь холодильника с глухим рокотом открылась, и посол в третий раз переступил порог неведомого века. На сей раз он мысленно подготовил себя к совершенно новой эре, но обнаружил, что перемены не столь велики, как он себе представлял.

Землю все так же покрывал хрустальный ковер, все так же сияли в небе шесть солнц. Но впечатление от этого мира было совсем не тем, что он испытал в Эпоху Вестибюля. Прежде всего, хрустальный ковер казался мертвым; он все еще светился из глубины, но свет сделался тусклым, и шаги по нему уже не отдавались чистым звоном и не сопровождались великолепными узорами на поверхности. Четыре из шести солнц потускнели, тусклый красный свет, который они излучали, лишь обозначал их положение, но нисколько не помогал освещать лежащий внизу мир. Самым заметным изменением оказалась пыль, тонким слоем покрывавшая весь хрусталь. Небо не было чистым, его сплошь затягивали серые облака, и горизонт уже не был прямой линией. Все это создавало ощущение, что вестибюль предыдущей эпохи опустел и в него начал вторгаться мир окружающей природы.

— Оба мира отказались принять мигрантов, — сообщил капитан, возглавлявший авангардную группу.

— Оба мира?..

— Видимый и невидимый миры. Видимый — тот, который мы знаем, хотя отнюдь не такой, что нам известен. Это примерно такие же люди, как и мы, хотя большинство из них изначально состоят не из органического вещества.

— На равнине, как и в прошлый раз, никого нет, — отметил посол, напряженно вглядывавшийся вдаль.

— Люди уже несколько сотен лет практически не ходят по земле. Смотрите. — Капитан указал вдаль и вверх, и посол разглядел сквозь пыль и облака неясные летающие объекты, на таком расстоянии казавшиеся лишь скоплением черных точек. — Возможно, это самолеты, а возможно, люди. Любая машина может быть чьим-то телом. Например, корабль в океане — тело, а управляющая им компьютерная память — копия человеческого мозга. У людей обычно есть по несколько тел, одно из которых похоже на наше. И это, хотя и самое хрупкое, считается у них самым важным, возможно, из-за своеобразной ностальгии.

— Нам что, сны снятся? — пробормотал посол.

— По сравнению с видимым миром невидимый все равно что сон.

— Я, кажется, понимаю, что это может представлять собой. Люди даже не заменяют тела машинами, а вовсе обходятся без них.

— Совершенно верно. Невидимый мир существует в суперкомпьютере, и каждый индивидуум — это особая программа для него.

Капитан указал вперед, на одиноко возвышавшуюся на горизонте вершину, сверкающую металлическим синим в свете искусственных солнц.

— Это континент невидимого мира. Помните маленькие чипы квантовой памяти, которые видели в прошлый раз? Эта гора состоит только из них. Не уверен, что вы в состоянии вообразить, какова мощность этого компьютера.

— Но что же представляет собой жизнь внутри машины, где люди — всего лишь набор квантовых импульсов?

— Потому-то человек может делать все, что заблагорассудится, и создавать все, что пожелает. Можно построить империю с населением в сто миллиардов человек и царствовать в ней, или можно крутить тысячу любовных романов, или сражаться в десяти тысячах войн и погибнуть сто тысяч раз. Каждый является полновластным хозяином своего личного мира, где он могущественнее, чем бог. Можно создать даже свою собственную Вселенную с миллиардами галактик, содержащих миллиарды планет, каждая из которых может быть не похожей на любой другой мир, какой вы пожелаете, или даже такой, какой не рискнете пожелать. И не стоит тревожиться из-за того, что не хватит времени все это испытать. При компьютерных скоростях каждую секунду проходят столетия. Для тех, кто обитает внутри, единственное ограничение — собственное воображение. В невидимом мире воображение и реальность — это одно и то же. Все, что появляется в воображении, становится реальностью. Конечно, как вы сказали, реальность в квантовой памяти — это набор импульсов. Люди этой эпохи постепенно переселяются в невидимый мир, и сейчас их там больше, чем в видимом мире. Копия мозга может находиться в обоих мирах, но невидимый мир подобен наркотику. Никто из испытавших жизнь там не хочет возвращаться обратно. Наш мир с его заботами для них все равно что ад. Невидимый мир одерживает верх и постепенно берет под свой контроль всю реальность.

Словно лунатики в тысячелетнем забытьи, они, забыв о времени, смотрели на гору квантовой памяти и вернулись к реальности лишь после того, как истинное Солнце появилось на востоке, как неизменно делало на протяжении миллиардов лет.

— И что же будет дальше? — спросил посол.

— Будучи программой в невидимом мире, легко создать множество копий самого себя, а любые элементы своей личности, которые почему-то не нравятся — например, чрезмерные эмоциональность и ответственность, — можно ликвидировать или изъять про запас, на случай если они когда-нибудь понадобятся. И это еще не все. Можно разделить себя на несколько частей, представляющих различные аспекты вашей личности. Можно объединиться с кем-то еще, чтобы сформировать новое «я» из двух разумов и воспоминаний. Причем слиться можно не с одним, а с несколькими, с десятками, с сотнями людей… Но я лучше остановлюсь — от одного этого перечисления вполне можно спятить. В невидимом мире в любой момент может случиться все что угодно.

— А потом?

— Тут я могу только предполагать. Самые явные признаки указывают на исчезновение личности; все обитатели невидимого мира сольются в единую программу.

— Ну а после этого?

— Просто не знаю. Это философский вопрос, ну а я после стольких разморозок опасаюсь философии.

— А я напротив. Теперь я стал философом. Вы совершенно правы в том, что вопрос философский и искать ответ нужно с философских позиций. Вообще-то задуматься об этом следовало уже давно, но и сейчас еще не поздно. Конечно, философия — это туманная материя, но, по крайней мере для меня, в этом тумане имеется просвет, и на мгновение или, может быть, почти на мгновение, я вижу, куда ведет этот путь.

— Пора завершать наше кочевье, — сказал капитан. — Чем дальше мы полезем, тем труднее будет мигрантам адаптироваться к новым условиям. В крайнем случае можно восстать и начать борьбу за свои права.

— Это невозможно. И в этом нет никакой нужды.

— Вы считаете, что у нас есть иной выбор?

— Конечно есть. Более того, этот выбор столь же очевиден, как солнце, что встает сейчас перед нами. Пригласите, пожалуйста, инженера.

Инженера разморозили вместе с послом, и сейчас он осматривал и ремонтировал оборудование. Ему приходилось просыпаться чаще всех, и теперь он из молодого человека превратился в старика. Когда совсем ничего не понимающий капитан привел его, посол спросил:

— Сколько времени проработают наши морозильники?

— Изоляция в отличном состоянии, и термоядерный реактор работает нормально. В Эпоху Вестибюля мы заменили все

холодильное оборудование на их технологию и пополнили термоядерное топливо. Все двести морозильных камер без какой-либо замены оборудования или иного технического обслуживания прослужат 12 000 лет.

— Отлично. В таком случае установите на атомном будильнике окончательное назначение. Все вновь укладываются в гиперсон. И чтобы никто не просыпался, пока мы не прибудем в нужное время!

— И точка назначения…

— 11 000 лет от начала пути.

Снова Хуа вошла в распадающееся сознание посла. Она выглядела реальнее, чем когда-либо: ее длинные волосы развевались на холодном ветру, в больших глазах стояли слезы, и она звала его. Прежде чем погрузиться в пустоту бессознательного состояния, он сказал: «Хуа, мы возвращаемся домой! Мы возвращаемся домой!»

Путь

Во внешнем мире, недоступном для восприятия, падающей звездой неслось по небу Солнце, и скользило мимо время…

…1000 лет… 2000 лет… 3500 лет… 5500 лет… 7000 лет… 9000 лет… 10 000 лет… 11 000 лет.

Остановка 4: Возвращение домой

На сей раз время казалось бесконечным даже в гиперсне. За долгую десятитысячелетнюю ночь, за сто веков ожидания, в сон погрузился даже компьютер, неустанно контролировавший работу двухсот суперфризеров, разбросанных по всему миру. За последнее тысячелетие начали выходить из строя его детали, один за другим закрывались бесчисленные сенсорные глаза, постепенно впадали в паралич нервы интегральных схем, термоядерный реактор почти прекратил выработку энергии, в результате чего несколько последних десятилетий морозильные камеры сохраняли абсолютный холод только благодаря изоляции. Затем температура стала повышаться, быстро достигнув опасного уровня, и жидкий гелий начал испаряться. Давление внутри камер гиперсна резко возросло, и казалось, что все скитальцы, совершившие путь длиной в 11 000 лет, вот-вот погибнут во взрыве, так и не узнав, что с ними произошло. Но затем последняя оставшаяся пара открытых глаз компьютера заметила время на атомных часах, и тиканье последней секунды вынудило его древнюю память послать слабый сигнал, включающий систему пробуждения. Импульс ядерного магнитного резонанса за долю секунды расплавил клеточную жидкость в телах капитана авангардной группы и сотни его подчиненных членов отделения от абсолютного нуля, а затем нагрел ее до нормальной температуры тела. Через день люди вышли из морозильной камеры. Еще через неделю они разбудили посла и всю миграционную комиссию.

Стоило тяжеленной двери холодильника чуть-чуть приоткрыться, как внутрь ворвался ветерок. Посол вдохнул наружный воздух; здесь пахло не так, как во время трех предыдущих пробуждений — здесь пахло цветами. Пахло весной, пахло домом. Он практически не сомневался в том, что давным-давно принял верное решение.

Посол и комиссия, приданная ему в помощь, первыми вступили в эпоху своего конечного назначения.

Земля, бесспорно, была землей, хоть ее и нельзя было толком рассмотреть сквозь зеленую траву, которая покрывала ее, насколько хватало глаз. Совсем рядом с дверью холодильника по ложу из россыпи камней изумительных цветов протекал ручей с абсолютно прозрачной водой, в которой лениво плавали непуганые рыбы. Двое молодых людей из авангардной группы прошлись босиком по размокшей почве, умыли лица, и ветерок разнес по ближней округе их радостный смех. С голубого неба, по

которому плыли снежно-белые облака, смотрело только одно солнце. В зените, не шевеля крыльями, описывал круги орел, а вокруг перекликались птицы помельче. Горизонт снова замыкал поросший густым лесом горный хребет, исчезнувший много тысяч лет назад, в Эпоху Вестибюля…

После предыдущих трех эпох мир, открывшийся перед ним, показался послу довольно безликим, но именно эта безликость вырвала у него горячие рыдания. После странствия длиной в 11 000 лет ему — и всем им — она была позарез нужна, был позарез нужен мир, мягкий и теплый, как гусиный пух, к которому они могли бы приложить свои растерзанные, измученные умы.

На равнине, тянувшейся до самых гор, не было видно и следа человеческой жизни.

Капитан авангардной группы подошел и демонстративно встал перед послом и толпившейся за его спиной комиссией, пытавшимися осознать, что все они пережили судный день человечества.

— Все кончено, — сказал он.

Все совершенно правильно поняли, что он имел в виду. Люди еще довольно долго стояли молча под священным голубым небом на зеленой траве и с деланым спокойствием осознавали реальное положение дел.

— Вы узнали причину? — спросил посол.

Капитан отрицательно покачал головой.

— Природные катаклизмы?

— Нет, природа здесь ни при чем. И войны тоже не было. Вообще никаких причин, которые могли бы прийти на ум…

— Останки?

— Никаких. Вообще ничего не осталось.

Члены комиссии собрались в кружок и принялись наскоро обсуждать обстановку.

— Может быть, признаки переселения в космос?

— Нет. Все ближайшие планеты вернулись к тому состоянию, какое было до их освоения человечеством. И никаких признаков, позволяющих предположить межзвездную миграцию.

— Совсем ничего не осталось? Ни крошки?

— Именно так. Ровным счетом ничего. Горы восстановлены из камня и грунта с океанского дна. Растительность и вообще природа отлично возродились, но никаких следов человеческого труда не видно. Имеются памятники древности, существовавшие хотя бы за век до того, что когда-то называлось «нашей эрой», а вот ничего более нового нет. Экосистемы самостоятельно существуют не менее пяти тысяч лет, а природа сходна с

неолитической, хотя и не столь богата видами.

— Как могло случиться, что ничего не осталось?

— Во всяком случае, предшественники определенно не хотели ничего сообщать нам.

И все снова умолкли.

Тишину нарушил капитан.

— Вы ведь предвидели это, верно? — обратился он к послу. — И, несомненно, у вас есть соображения о причинах.

— Мы можем даже точно знать причины, но никогда не поймем их. Их корни лежат глубоко в философской области. Коротко говоря, достигнув высшей точки в своем медитативном бытии, они решили, что самым рациональным выбором будет небытие.

— Я в прошлый раз говорил вам, что боюсь философии.

— Ладно. Давайте тогда временно отбросим философию. — Посол сделал несколько шагов вперед и повернулся к комиссии.

— Мигранты прибыли в пункт назначения. Приступайте к всеобщей разморозке!

Последний мощный энергетический всплеск 200 термоядерных реакторов позволил произвести импульс ЯМР, который разморозил 80 миллионов человек. На следующий день человечество вышло из морозильных камер и расселилось по континентам, которые оставались безлюдными в течение нескольких тысяч лет. На равнине перед морозильной камерой № 1 собрались десятки тысяч людей, перед которыми на большом балконе над входом стоял посол. Ближайшие слушали, что он говорил, и передавали его слова, и они, как круги на воде, расходились все дальше и дальше, до границ толпы.

— Сограждане! Мы намеревались переместиться на 120 лет, но оказались за 11 000 лет от момента старта. Вы сами все видите. Все, кто был до нас, исчезли, и от человечества остались только мы. Они ничего не оставили нам и в то же время оставили всё. Последние несколько дней мы искали хоть какое-нибудь послание от них, хотя бы пару слов, но так ничего и не нашли. Вообще ничего. Может быть, им было нечего сказать? Отнюдь не так! Они все сказали своими деяниями. Голубое небо, зеленая трава, горы и леса, воссозданная природа — вот их прощальное послание нам. Посмотрите на зеленеющую землю — это наша мать. Источник нашей силы! Основа нашего существования и место вечного упокоения! Человечеству предстоит еще много ошибаться, предстоит одолевать пустыни невзгод и отчаяния, но если мы не порвем корни, связывающие нас с матерью-землей, то не исчезнем подобно им. Какими бы ни были трудности, жизнь и человечество все преодолеют. Сограждане, теперь это наш мир, и

мы вступаем в новый круг человеческого бытия. Мы начинаем, не имея ничего, если не считать всего наследия человечества.

Посол вскинул над головой руку, держа двумя пальцами квантовый чип из Эпохи Вестибюля, содержавший в себе полный свод человеческих знаний. И вдруг он осекся и уставился на крошечную черную точку, быстро пробиравшуюся сквозь толпу. Когда она приблизилась, он разглядел черные волосы, которые видел бесчисленное количество раз в своих снах, и глаза, которые, как он считал, превратились в прах сто веков назад. Хуа не осталась в прошлом 11 000 лет назад, она все же пошла за ним и пересекла бесконечную пустыню времени по его следу. Когда они обнялись, небо, земля и человек стали единым целым.

— Да здравствует новая жизнь! — выкрикнул кто-то.

— Да здравствует новая жизнь! — раскатилось по просторной равнине. Над головами людей, весело распевая, кружились стаи птиц.

И конец всего стал началом.

1 апреля 2018 года

Первая публикация под названием «2018–04–01» в журнале «Esquire China», Пекин, 2009 г.

И сегодня я опять не могу принять решение. Уже пару месяцев я еле волочу ноги, как будто бреду через болото по густому слежавшемуся илу. Я чувствую, что моя жизнь проходит в десятки раз быстрее, чем раньше, где «раньше» — это до того как я придумал план, до того как Генетическое продление стало коммерческим предприятием.

Я смотрю вдаль из окна верхнего этажа офисного здания. Город расстилается подо мной, как кремниевая матрица, и я не более чем один из электронов, бегущих по его плотно уложенным дорожкам нанометровой ширины. Я действительно ничего особенного собой не представляю. Решения, которые я принимаю, не имеют большого значения. Как бы мне решиться… Но и сегодня, как и много раз раньше, решиться мне не удается. Колебания продолжаются.

Адрон снова приходит с опозданием; вместе с ним в офис врывается порыв ветра. На лице у него синяк. На лбу повязка, но он, кажется, полностью владеет собой. Голову он держит высоко, как будто демонстрирует медаль. Его стол напротив моего. Он садится, включает компьютер, затем пристально смотрит на меня, явно ожидая от меня вопроса. Однако меня не интересует, что с ним случилось.

— Ты смотрел телевизор этой ночью? — взволнованно спрашивает Адрон.

Он явно имеет в виду нападение «Справедливой жизни» на больницу в центре города, где находится крупнейший в стране Центр генетического продления. Два длинных черных шрама от копоти уродуют белоснежный фасад больницы, как будто по ухоженному, гладкому, как нефрит, личику красавицы мазнули испачканными сажей пальцами. Устрашающий вид. «Справедливая жизнь» — самая многочисленная и притом самая экстремистская из многих групп, выступающих против генетического продления. Адрон состоит в ней, но по телевизору я его не разглядел. Толпа у больницы бурлила, как океанский прилив.

— У нас только что прошло общее собрание. Ты же знаешь политику компании. Нет, конечно, ты можешь продолжать в том же духе, но потом не удивляйся, что будет не на что еды купить, — говорю я.

Генетическое продление — это разговорное сокращение

названия «Технология продления жизни путем преобразования генов». Удалив те сегменты генов, которые отвечают за биологические часы, управляющие старением, среднюю продолжительность человеческой жизни можно продлить до 300 лет. Эта технология начала коммерциализироваться пять лет назад. Поскольку дело очень дорогое, то программа стала источником социального возмущения, охватившего все нации и государства мира. В здешних краях генетическое продление для одного человека стоит столько же, сколько особняк. Очень мало кто может себе позволить такое.

— Плевать, — говорит Адрон. — Мне не прожить и сотни лет. И чего же я буду переживать из-за этого?

Он закуривает сигарету. Курение в офисе строго запрещено. Он ведет себя так, будто хочет показать, как мало его это волнует.

— Завидуешь. Зависть опасна для здоровья. — Я отмахиваюсь от дыма, который лезет в глаза. — В прошлом тоже очень много людей умирало, не дожив даже до старости, потому что у них не было денег на медицинское обслуживание.

— Это не одно и то же. Медицинское обслуживание может позволить себе практически любой. Но теперь девяносто девять процентов беспомощно смотрят на один процент, который забрал себе все деньги и благодаря этому доживет до трехсот. Я не боюсь признаться, что завидую. Именно зависть делает общество справедливым. — Он наклоняется ко мне из-за стола. — Ты так уверен, что не завидуешь? Присоединяйся к нам.

От пристального взгляда Адрона меня пробирает дрожь. На мгновение мне кажется, что он видит меня насквозь. Да, я хочу стать одним из тех, кому он завидует. Я хочу генетически продлить свою жизнь.

На самом деле денег у меня не так уж много. Мне за тридцать, но я пока ничего не добился в жизни. И работаю до сих пор на весьма низовой должности. Зато в финансовом отделе. Масса возможностей для хищения средств. Много лет я готовился и планировал, и теперь все на мази. Осталось щелкнуть мышкой — и пять миллионов, которые нужны мне для генетического продления, поступят на мой секретный банковский счет. Оттуда они будут переведены на счет Центра генетического продления. Как-никак это моя специальность. Я установил в лабиринте финансовой системы многослойный камуфляж. Пропажа денег обнаружится самое раннее через полгода. После этого меня уволят с работы, отдадут под суд, который лишит меня всего, что имею, я буду страдать от неодобрительных взглядов бесчисленного множества людей…

Но к тому времени я получу возможность прожить триста лет.

И все же я продолжаю сомневаться.

Я тщательно изучил законы. Хищение наказывается штрафом в пять миллионов юаней и лишением свободы не более чем на двадцать лет. А через двадцать лет у меня все равно останется впереди двести с лишним лет полноценной жизни. Ну, и поскольку арифметика настолько проста, остается вопрос: неужели никто, кроме меня, не догадается провернуть подобное? Вообще-то для того чтобы попасть в число генетически продленных, можно пойти на любое преступление, за исключением тех, что караются смертной казнью. Итак, много ли таких, как я, — которые подготовились к этой процедуре, но все еще колеблются? Как подумаю об этом, хочется начать прямо сейчас, но в то же время непроизвольно содрогаюсь.

Главная причина моего колебания — Цзянь Цзянь. И она вовсе не связана с вопросом «зачем?». До встречи с Цзянь Цзянь я не верил, что в мире есть любовь. После встречи с нею я не верю, что в мире есть что-то, кроме любви. Если я оставлю ее, какой смысл будет жить хоть две тысячи лет? На одной чаше весов жизни лежат два с половиной столетия жизни, на другой — боль от расставания с Цзянь Цзянь. И они практически уравновешивают друг друга.

Начальник отдела созывает совещание. По выражению его лица я могу догадаться, что оно посвящено не планированию работы. Скорее речь пойдет о каком-то определенном человеке. Конечно же, шеф начинает с того, что сегодня хочет поговорить о недопустимом поведении некоторых сотрудников. Я не смотрю на Адрона, но знаю, что его ждут неприятности. Шеф, однако, называет другое имя.

— Лю Вэй, согласно достоверным источникам, вы записались в «IT-республику»?

Лю Вэй кивает с выражением несломленной решимости, какое было у Людовика XVI, идущего к гильотине.

— Это не имеет никакого отношения к работе. И вовсе незачем противопоставлять работу моим личным свободам.

Шеф сурово покачал головой и ткнул пальцем в его сторону.

— В мире найдется очень мало такого, что не было бы связано с работой. Не стоит переносить свои юношеские идеалы, уместные для студента колледжа, на рабочее место. Если страна может позволить во всеуслышание осуждать своего президента прямо на центральной улице, это называется демократией. А вот если все перестанут слушаться своих начальников, то страна определенно рухнет.

— Виртуальная нация вот-вот будет признана.

— Признана? Кем? Организацией Объединенных Наций? Или

мировыми державами? Пустые фантазии!

Произнося последнюю фразу, шеф кривил душой. Территория, подвластная человечеству, разделена на две части. Одна часть — это континенты и острова планеты Земля. Другая часть — киберпространство. Эволюция последнего повторяет историю человечества, только идет в сто раз быстрее. Каменный век с его разобщенностью прошел в киберпространстве за несколько десятков лет, после чего сами собой возникли нации. Виртуальные нации формировались на двух основах. Первая — всевозможные системы электронных досок объявлений, собранные воедино. Вторая — массовые многопользовательские онлайн-игры. Виртуальные нации сходны устройством с традиционными — у них также имеются главы государств и законодательные органы. У них даже есть онлайн-вооруженные силы. А вот границы и гражданство у них определяются по-другому. Основными организующими принципами виртуальных наций являются убеждения, добродетели и профессии. Граждане каждой виртуальной нации разбросаны по всему миру. Виртуальные нации с общим населением более двух миллиардов человек создали виртуальную Организацию Объединенных Наций, сопоставимую с реальной. Это огромное политическое образование, которое пересекается с традиционными нациями.

IT-республика — это сверхдержава в виртуальном мире. Ее население, уже перевалившее за восемьдесят миллионов человек и продолжающее быстро расти, состоит в основном из IT-специалистов, а сама страна обладает огромным силовым потенциалом в противостоянии реальному миру и предъявляет к нему агрессивные политические требования. Я не знаю, какое гражданство у Лю Вэя. Говорят, что глава IT-республики — обычный сотрудник какой-то IT-компании. И наоборот, уже не одного главу реальной нации разоблачили как обычного гражданина нации виртуальной.

Шеф делает всем строгое предупреждение: никому не допустимо иметь второе гражданство. Он спокойно позволяет Лю Вэю пройти в кабинет президента и на этом заканчивает собрание. Но мы не успели встать с мест, как Чжэн Лили, которая, как всегда, слушала, не сводя глаз с экрана своего компьютера, издает оглушительный вопль. Случилось что-то ужасное. Все кидаются смотреть новости.

Я, даже не дойдя до стола, тоже прерываю обычную работу компьютера и переключаю его на новостной канал. Диктор программы новостей в ступоре. Он объявляет, что Организация Объединенных Наций проголосовала против резолюции 3617, то есть отвергла запрос IT-республики о дипломатическом

признании, который перед этим поддержал Совет Безопасности. В ответ IT-республика объявила войну реальному миру и полчаса назад начала атаку на мировые финансовые системы.

Я смотрю на Лю Вэя. Похоже, это его тоже удивило.

Картинка меняется на изображение большого города с высоты птичьего полета: улицы с высокими зданиями и транспортные пробки на них. Люди по одному выскакивают из машин, цепочками высыпают из зданий и обнимаются. То, что нам показывают, похоже на последствия сильного землетрясения. В кадре появляется большой супермаркет. Толпа наплывает, как прилив. Обезумев, люди хватают банки и пакеты с едой. Стеллажи трясутся, шатаются и падают, увлекая соседние, как песчаные отмели, разбитые приливной волной…

— Что происходит? — спрашиваю я в ужасе.

— Ты все еще не понял?! — кричит Чжэн Лили. — Больше нет ни богатых, ни бедных. Все остались без гроша. Теперь только воруй или помирай с голоду!!!

Конечно, я понимаю, но не смею поверить, что кошмар сделался реальностью. Монеты и бумажные деньги перестали циркулировать три года назад. Даже для покупки пачки сигарет в киоске на уличном тротуаре требуется устройство для считывания карт. Что такое богатство в наш тотально информационный век? В конечном счете это не более чем цепочки импульсов и магнитных меток внутри компьютерной памяти. Что касается этого грандиозного офисного здания, то, если удалить электронные записи в соответствующих отделах, даже если компания имеет право собственности, никто того права не признает. Что такое деньги? Деньги ни хрена не стоят. Деньги — это всего лишь цепочка электромагнитных меток, даже мельче бактерий, и импульсов, которые могут бесследно исчезнуть в мгновение ока. Что касается IT-республики, то ее граждане — почти половина IT-работников в реальном мире. Так что технически стереть эти метки чрезвычайно просто.

Программисты, сетевые инженеры и администраторы баз данных из основного подразделения IT-республики. Они представляют собой новую инкарнацию промышленной армии XIX века в XXI веке с той лишь разницей, что физический труд с тех пор сменился умственным, который делается все изощреннее и сложнее. Они работают с кодом, расплывчатым, как густой туман, с невероятно сложным сетевым оборудованием и запутанным программным обеспечением. Подобно докерам двухсотлетней давности, они несут на своих спинах тяжелый груз. Они, как проститутки, спешат максимально использовать ночное время, чтобы вовремя выполнить свои задания.

Информационные технологии развиваются семимильными шагами. И у каждого, за исключением тех, кому посчастливилось подняться на руководящую должность, знания и навыки быстро устаревают. Свежеиспеченные айтишники сыплются из университетов, как голодные термиты. Стариков (они на самом деле вовсе не старые, в основном лет тридцати с небольшим) вытесняют на обочину, заменяют и бросают на произвол судьбы. Новичкам, однако, не стоит обольщаться насчет своего будущего. Подавляющее большинство из них не имеют никаких долгосрочных перспектив… Этот класс получил новое название: технологический пролетариат.

Не говорите, что мы ничем не владеем. Мы близки к тому, чтобы переформатировать мир! Интернационал в новой, извращенной, форме.

Мысль поражает меня, как молния. О, нет. Мои деньги, те, что еще не принадлежат мне, но купят мне более двухсот лет жизни, — неужели их тоже уничтожат? Но разве результат не будет таким же, если все переформатируют? Мои деньги, мое генетическое продление, мои мечты… У меня темнеет перед глазами. Я мечусь по офису, как обезглавленная курица.

Чжэн Лили разражается диким хохотом, и я останавливаюсь. Она продолжает хохотать, скрючившись, упершись руками в колени, совсем рядом со мной.

— С Днем дурака! Первое апреля! — говорит рассудительный Лю Вэй, бросая взгляд на сетевой коммутатор в углу офиса.

Офисная сеть не подключена к внешнему миру. Ноутбук Чжэн Лили стоит рядом с коммутатором, выступая в качестве сервера. Ах ты, сука! Должно быть, ей пришлось немало потрудиться, чтобы разыграть эту первоапрельскую шутку, прежде всего отыскать эпизоды из новостей и смонтировать их. Впрочем, сляпать эти кадры мог бы и любой из штатных специалистов, успешно прикидывающихся серьезными людьми, с помощью 3D-моделирования. Это не так уж трудно.

Вроде бы никому больше шутка Чжэн Лили не показалась чересчур дерзкой. Адрон снова смотрит на меня с тем же выражением, что и раньше: «Ой, да ладно! Если все сделать правильно, у них волосы дыбом встанут. Чего тут бояться?» Он указывает пальцем вверх, подразумевая высшее начальство.

Я покрываюсь холодным потом и снова задаюсь вопросом: неужели он и впрямь видит меня насквозь? Однако сильнее всего меня пугает не это.

Действительно ли переформатирование мира — просто безумный бред экстремистов IT-республики? Действительно ли то, что нам только что показали по телевизору, всего лишь

первоапрельская шутка? Долго ли еще выдержит волосок, на котором висит меч?

И словно вспыхивает яркий свет, разгоняющий тьму. Мои сомнения исчезают. Я принимаю решение.

Я прошу Цзянь Цзянь встретиться со мной сегодня вечером. Когда я вижу ее на фоне моря городских уличных фонарей, мое ожесточенное сердце снова смягчается. Она кажется нежной, как пламя свечи, которое может погаснуть от малейшего дуновения ветерка. Нет, я не в состоянии причинить ей боль! Когда она подходит ближе и я вижу ее глаза, чаша весов в моем сердце уже полностью склонилась в другую сторону. Зачем мне вообще эти двести с лишним лет — без нее? И разве можно верить банальной фразе, что, дескать, время лечит все раны? Будущее вполне может оказаться просто двумя столетиями непрерывного страдания. Меня, в сущности, чрезвычайно эгоистичного человека, любовь возносит на поднебесные высоты.

Однако Цзянь Цзянь заговаривает первой. Неожиданно я слышу от нее именно то, что приготовился ей сказать, слово в слово:

— Знаешь, я давно уже собиралась сказать тебе, но никак не могла решиться. Я думаю, нам следует расстаться.

— Почему? — спрашиваю я, совершенно ошарашенный.

— Пройдет много времени, а я все еще буду молода. А ты постареешь.

Я долго не могу понять, что же она имеет в виду. Но потом до меня доходит, что на самом деле означало выражение ее лица, разбившее мне сердце. Я-то было решил, что она видит меня насквозь или догадывается, что я собираюсь сделать. Меня раздирает смех. Сначала я сдерживаюсь, но он все же прорывается, и я уже хохочу в голос, запрокинув голову. Какой же я идиот! Я совершенно не думал о том, в какую эпоху мы живем и какие соблазны она раскрывает перед нами. Отсмеявшись, я чувствую облегчение. Даже тело ничего не весит, и меня может унести ветерком. И при этом я искренне рад за Цзянь Цзянь.

— Откуда у тебя столько денег? — спрашиваю я.

— Мне только-только одной хватит, — чуть слышно отвечает она и отводит глаза от моего взгляда.

— Я понимаю. Да это и неважно. Я имею в виду, что ведь и для одной тоже обойдется очень дорого.

— Папа немного подкинул. Ста лет вполне достаточно. Я и сама немного сэкономила. К тому времени должны набежать большие проценты.

Я ошибся в своих предположениях. Она не генетическое продление затеяла. Она хочет залечь в спячку. Так называют в

просторечии гибернацию — еще одно из достижений биологии, недавно пущенное в коммерческий оборот. При температуре около пятидесяти градусов ниже нуля специальные химические препараты и система искусственного кровообращения снижают метаболизм до одного процента от нормы. Тот, кто впадает в спячку на сто лет, состарится только на один год.

— Жизнь слишком утомительна и скучна. Я просто хочу сбежать, — говорит Цзянь Цзянь.

— Но удастся ли тебе снова сбежать через сто лет? К тому времени все твои научные заслуги будут никому не нужны. Придется приспосабливаться к совершенно новому обществу. Как ты думаешь — справишься?

— Со временем все меняется к лучшему. Если уж мне не удастся сразу снова впасть в спячку, можно будет заняться генетическим продлением жизни. К тому времени цены на него должны стать общедоступными.

На этом наш разговор с Цзянь Цзянь завершается, и мы расходимся в разные стороны. Возможно, через сто лет мы сможем встретиться снова, но я ничего ей не обещал. К тому времени она будет такой же, как сейчас, ну а мне будет уже более ста тридцати лет, и я неизбежно изменюсь.

С ее уходом мои колебания заканчиваются. Я достаю мобильный телефон, вхожу в систему онлайн-банкинга и немедленно перевожу пять миллионов на банковский счет Центра генетического продления. Время уже близится к полуночи, но, несмотря на поздний час, мне сразу же звонит директор Центра. Он говорит, что процедуры по улучшению моих генов могут начаться завтра. Если все пойдет благополучно, все закончится через неделю. Он по собственной инициативе подтверждает обязательство Центра хранить тайну. Когда все это только начиналось, личности новоявленных долгожителей не скрывали, и уже трое из них убиты.

— Вы не раскаетесь в своем решении, — говорит директор. — Ведь вы же получите не только два с лишним столетия жизни, но, может быть, и целую вечность.

Я понимаю, что он имеет в виду. Кто знает, какие технологии могут появиться через два века? Возможно, к тому времени научатся копировать сознание и память, создавать постоянные резервные копии, которые можно будет при желании вложить в новое тело. Возможно, мы научимся и вовсе обходиться без тел. Наши сознания будут, как боги, перемещаться по сети и познавать мир и Вселенную через бесчисленные сенсоры. Это действительно вечная жизнь.

Директор продолжает:

— Поистине, имея время, имеешь все. Будь у обезьяны достаточно времени, она, произвольно нажимающая клавиши пишущей машинки, сможет напечатать полное собрание сочинений Шекспира. И как раз временем вы располагаете.

— Я? Не мы?

— Я не проходил генетического продления.

— Почему?

Следует продолжительная пауза, потом он говорит:

— Мир меняется слишком быстро. Слишком много возможностей, слишком много соблазнов, слишком много желаний, слишком много опасностей. У меня голова идет кругом при мыслях об этом. Когда все сказано и сделано, ты все тот же, каким был. Но не волнуйтесь. — И он слово в слово повторяет то, что недавно сказала Цзянь Цзянь: — Со временем все меняется к лучшему.

Сейчас я сижу в своей тесной квартирке и делаю запись в дневнике. Никогда прежде я не вел дневников. Но теперь я буду вести, потому что необходимо что-то оставить после себя. Время тоже позволяет любому лишиться всего, что имел. Я знаю. Я — не просто долгожитель. Тот человек, которым я стану через два века, наверняка будет совсем чужим. На самом деле, если хорошенько подумать, то, что я представлял себе сначала, очень сомнительно. Союз моего тела, памяти и сознания постоянно меняется. Я до расставания с Цзянь Цзянь, я до того как заплатил украденные деньги, я до разговора с директором, даже тот я, что был перед тем как напечатал «даже», — все они уже разные люди. И от осознания этого мне становится легче.

Но я должен что-то оставить после себя.

В темном небе за окном предрассветные звезды источают свой последний бледный свет. В городе, залитом ярким морем уличных фонарей, звезды кажутся тусклыми. Я могу просто сделать вид, будто не замечаю их. Однако они являются символом вечности. Нынче ночью я не имею понятия о том, сколько существует таких, как я, сколько людей насчитывается в новом поколении, отправляющемся в путешествие. Хорошо ли, плохо ли, но мы будем первым поколением, которое по-настоящему прикоснется к вечности.

Пылающие недра

Первая публикация под названием 地火 *в «Science Fiction World», Чэнду, 2000 г.*

Жизнь отца подошла к самому концу. Он даже дышал с большим трудом, тратя на каждый вздох больше усилий, чем мы — ворочая стокилограммовые стойки крепи в шахте. Лицо его сделалось совсем белым, глаза выпучились, а губы посинели от недостатка кислорода. Казалось, будто вокруг его шеи медленно затягивалась невидимая веревка, сводя все немудрящие надежды и мечты его тяжелой жизни к всепоглощающей жажде воздуха. Но легкие отца, как и у всех шахтеров с третьей стадией силикоза, представляли собой клубок пыльных черных кусков ретикулярных волокон, которые больше не могли передавать в кровоток кислород из вдыхаемого воздуха. Отец двадцать пять лет работал в шахте и все время понемногу вдыхал угольную пыль, собиравшуюся в эти сгустки, — крошечную часть того угля, что он добыл за свою жизнь.

Лю Синь стоял на коленях перед кроватью; его сердце разрывалось от этих тяжелых хрипов. Вдруг он уловил в хрипе какой-то иной отзвук и понял, что отец пытается говорить.

— Что, папа? Что ты хочешь сказать?

Взгляд отца уперся ему в лицо. Хрип со странным отзвуком прозвучал снова; на сей раз с бóльшим усилием.

Лю Синь повторил свои вопросы, совсем уже срываясь на истерику.

Отец не попытался еще раз что-то сказать. Его надрывное дыхание сменилось тихим шелестом и почти сразу же прекратилось совсем. Мертвые глаза так же пристально смотрели на Лю Синя, будто требовали, чтобы он как угодно, но понял последние слова отца.

Лю Синь оцепенел. Он не видел, как мать по другую сторону кровати сползла на пол, лишившись чувств, не видел, как медсестра снимала носовые канюли, до последней секунды подававшие отцу живительный кислород. У него в мозгу гулким эхом отдавался все тот же невнятный хрип, каждый звук отпечатался в памяти, словно прорезанный резцом на шаблоне грампластинки. Несколько следующих месяцев он пребывал в трансе: отцовский хрип изо дня в день звучал в его сознании, терзая его, и в конце концов он и сам начал задыхаться. Чтобы вдохнуть воздух для поддержания своего существования, ему приходилось мысленно представлять весь этот процесс. А потом мать, сама давно страдавшая от продолжительной болезни,

сказала ему: «Ты уже большой. Пора помогать семье. Бросай школу и иди в шахту, на отцовское место». Он без лишних слов взял отцовский «тормозок» с обедом и зимним утром 1979 года отправился на работу, в шахту № 2, где еще недавно трудился отец. Черный зев колодца пялился на него, словно глаз, зрачок которого состоял из множества уходивших далеко в глубину и сливающихся в одно пятно взрывобезопасных фонарей. Это был отцовский глаз. Все тот же хрип с особой настойчивостью прозвучал в его голове, и на сей раз он сумел разобрать последние слова отца:

— Не лезь в яму…

Двадцать лет спустя

Лю Синю подумалось, что его «Мерседес» здесь не очень-то уместен. Слишком уж бросается в глаза. В округе выросло несколько высоких зданий, вдоль шоссе тянулись гостиницы и магазины, но на шахте все было уныло-серым.

На площади перед шахтоуправлением он увидел толпу народа. Пробираясь среди людей в робах и дешевых футболках, он ощущал, что его дорогое одеяние и туфли в тон к нему еще неуместнее, чем машина. Собравшиеся молча провожали его взглядами, и у него мурашки бежали по коже под столькими взглядами, словно пронзающими насквозь двухсотдолларовый костюм известной фирмы.

За дверью ему сразу же попался навстречу Ли Миньшэн. Когда-то они учились в одном классе, а теперь он работал старшим инженером в геологоуправлении. Он был таким же тощим, как и в школьные годы, но теперь постоянная озабоченность избороздила его лицо морщинами, и казалось, что пачка бумаг, которую он нес под мышкой, неимоверно тяжела.

Они поздоровались, и Ли Миньшэн сразу перешел к делу:

— Шахта целую вечность не платит зарплату. Рабочие бастуют. — Он указал на собравшуюся толпу и, как и шахтеры, окинул Лю Синя заинтересованным взглядом.

— Здесь были хоть какие-то усовершенствования после того, как компания «Дацинь» отменила паровозы и добычу угля ограничили на два месяца?

— Кое-что делали, но потом все опять поворачивалось к худшему. Честно говоря, я не верю, что этой отрасли хоть что-то способно принести пользу. — Ли Миньшэн тяжело вздохнул и повернулся, чтобы уйти, словно что-то в этом кратком обмене репликами напомнило ему о неотложном деле. Но Лю Синь остановил его.

— Можно тебя попросить о помощи?

Ли Миньшэн принужденно улыбнулся.

— Еще тогда, в первой школе, ты постоянно голодал, но так и не взял ни одного талончика на питание, которые мы пихали тебе в ранец. Ну а нынче ты нуждаешься в помощи, наверное, меньше всех на свете.

— Нет, помощь мне действительно нужна. Ты не мог бы подобрать для меня угольный пласт? Совсем крохотный. Где-нибудь на три десятка тысяч тонн, не больше. И самое главное, он должен быть изолированным. Чем меньше контактов с другими пластами, тем лучше.

— Ну… это можно.

— Мне нужны материалы по пласту и геологии окружающей структуры. Чем детальнее, тем лучше.

— Это я тоже могу.

— Тогда поговорим после обеда, ладно? — предложил Лю Синь. Ли Миньшэн отвернулся, но Лю Синь снова остановил его. — Ты не хочешь узнать, что я задумал?

— Меня, как и всех остальных, волнует только одно: как выжить? — Он резко кивнул на дверь, где собрались рабочие, и зашагал прочь.

Поднимаясь по истоптанным ступеням, Лю Синь смотрел на высокие стены, на которых въевшаяся за много лет угольная пыль создала узоры, похожие на облака и горы. Большая картина «Председатель Мао на пути в Аньюань» висела на прежнем месте, и холст был относительно чистым, зато почерневшая рама выдавала возраст произведения. Почувствовав на себе пристальный взгляд нарисованного вождя, Лю Синь после более чем двадцатилетнего отсутствия наконец-то почувствовал себя дома.

Кабинет директора на втором этаже находился там же, где был двадцать лет назад. За прошедшее время дверь обили дерматином, но и он успел растрескаться. Лю Синь толкнул дверь и вошел. Директор взглянул на дверь, подняв поседевшую голову от расстеленного на столе большого чертежа-синьки. Присмотревшись, Лю Синь понял, что это схема подземных выработок. О горняках, собравшихся перед управлением, директор, похоже, вовсе не думал.

— Это вы руководите этим министерским проектом?[7] — спросил директор, мельком взглянув на вошедшего и тут же вернувшись к чертежу.

— Да. И проект этот долгосрочный.

— Понимаю. Мы сделаем все, что в наших силах. Но вы же знаете наше нынешнее положение? — Директор снова поднял голову и протянул руку. На его лице Лю Синь увидел ту же усталость, что и у Ли Миньшэна, а пожав руку директору, он почувствовал, что два пальца на ней скрючены — память о давнишней аварии в забое.

— Обратитесь к моему заместителю Чжану — он у нас занимается всей наукой — и к главному инженеру Чжао. А у меня, простите, времени нет. Побеседуем, когда вы получите результаты. — Директор снова склонился к свисавшей со стола синьке.

— Вы знали моего отца. Вы были механиком в его бригаде, — сказал Лю Синь, добавив отцовское имя.

Директор кивнул.

— Твой отец был отличным рабочим. И бригадиром замечательным. — После того как Лю Синь упомянул отца, директор невольно сменил тон и разговаривал с ним теперь не как с чиновником «сверху», а как старший с младшим.

— Что вы думаете об угледобывающей промышленности? — спросил напрямик Лю Синь, чувствуя, что завладеть вниманием этого усталого занятого человека можно, только перейдя прямо к сути дела.

— О чем именно? — спросил директор, не поднимая головы.

— Угледобыча — традиционная и отсталая отрасль, находящаяся в неизбежном упадке. Она очень трудоемка, в ней жуткие условия труда, но низкая производительность. К тому же она отвлекает на себя массу транспорта… В Великобритании на ней держалась вся экономика, но десять лет назад там закрыли последнюю шахту!

— Мы не можем закрыться, — проговорил директор, не поднимая головы.

— Совершенно верно. Но мы можем измениться! Полностью изменить технологию добычи! В ином случае мы никогда не преодолеем всех этих трудностей, — сказал Лю Синь. Быстро шагнув к окну, он указал наружу. — Шахтеры… миллионы и миллионы шахтеров, не имеющих никакого шанса в корне изменить свой образ жизни. Я приехал…

— Ты бывал внизу? — перебил его директор.

— Нет, — признался Лю Синь и добавил, чуть помолчав: — Отец перед смертью запретил.

— А ты и рад стараться, — язвительно констатировал директор, снова склонившись к чертежу. Выражение его лица оставалось непроницаемым, но Лю Синь опять почувствовал те же самые мурашки. Ему сделалось жарко. В это время года в костюме с галстуком можно было находиться только в помещении с кондиционированным воздухом, а здесь кондиционера не было.

— Послушайте! У меня была цель. Та самая мечта, с которой умер мой отец. Чтобы достичь ее, я поступил в колледж, потом, за океаном, получил докторскую степень… Я намерен в корне преобразовать угледобычу. Дать шахтерам возможность жить по-новому.

— Попроще, пожалуйста. У меня нет времени. — Директор ткнул рукой, указывая Лю Синю за спину, но он так и не понял, что имелось в виду — толпившиеся внизу рабочие или что-то еще.

— Я постараюсь говорить попроще. И как можно короче. Что из себя представляет нынешняя угольная энергетика? Уголь

добывают в крайне тяжелых условиях, перевозят в место потребления, а там пропускают через газогенератор и получают коксовый газ, или на электростанции, где его измельчают и сжигают…

— Ближе к делу.

— Моя идея в том, чтобы превратить шахту в огромный газогенератор. Превращать уголь в коксовый газ прямо под землей, в пласте, а потом, применяя методы добычи нефти или природного газа, извлекать горючий газ и доставлять его в места назначения по трубопроводам. Он годится для топок электростанций — ведь они главные потребители угля. Шахты можно будет закрывать, и угольная промышленность станет совершенно новой, современнейшей отраслью, не имеющей никакого сходства с нынешней!

— Ты считаешь, что открыл что-то новое?

Лю Синь вовсе так не считал. Он знал также, что директор шахтоуправления, в 1960-х годах в Горном институте считавшийся очень многообещающим студентом и являющийся сейчас одним из верховных авторитетов всей страны в области угледобычи, никак не мог увидеть новаторства в том, что он сейчас говорил. Директор, естественно, знал, что технологию подземной газификации угля применяют и совершенствуют уже несколько десятков лет, и за это время бесчисленные лаборатории, в том числе принадлежавшие транснациональным компаниям, разработали и испытали множество катализаторов газификации. Но на протяжении почти всего века этот метод оставался лишь мечтой, и причина тому была проста: катализаторы оказывались намного дороже того газа, который добывался с их помощью.

— Кое-что. Я смогу осуществлять подземную газификацию угля без катализатора!

— И каким же образом? — спросил директор, отодвинув наконец синьку чертежа и, похоже, решив послушать, что он скажет дальше. Это уже было немалым достижением.

— Поджечь уголь.

Директор, не сводя глаз с Лю Синя, достал сигарету, молча закурил, а потом жестом предложил продолжать. Но у Лю Синя вдруг пропал энтузиазм. Он понял, что интерес директора вызван одной простой причиной — после многодневного непрерывного напряжения ему выпала минутка, когда можно было немного отвлечься. Бесплатно посмотреть клоунское представление. Но Лю Синь упрямо продолжал:

— Для извлечения газа на поверхности земли проделывается с помощью стандартного бурового оборудования несколько

скважин. Они служат сразу для нескольких целей. Во-первых, через них в пласт подается множество датчиков. Во-вторых, через них поджигается подземный уголь. В-третьих, через них в пласт подается вода или пар. В-четвертых, туда же подается воздух, обеспечивающий горение. И в-пятых, отводится полученный газ.

Когда уголь загорается и вступает в контакт с паром, происходит следующая реакция: из углерода при взаимодействии с водой выделяются угарный газ, газообразный водород и углекислый газ. Затем некоторая часть углекислого газа, как известно, восстанавливается на раскаленной угольной поверхности до того же угарного газа, который во взаимодействии с водой превращается в углекислый газ и водород. В конечном результате получается горючий газ, сходный с водяным генераторным газом, горючая составляющая которого содержит пятьдесят процентов водорода и тридцать процентов окиси углерода. Это и есть, собственно, тот газ, который нам нужен.

Датчики ультразвуковыми сигналами передают на поверхность информацию о ходе горения и образовании горючего газа в любой точке пласта. По этим данным компьютер строит модель газогенерации в пласте, по которой мы через скважины контролируем ход процесса, следим за величиной очага горения и его силой. В частности, можно усиливать подачу воды через одни скважины, чтобы ослабить горение, или, напротив, подавать больше воздуха, чтобы интенсифицировать его. Все это делается автоматически, в соответствии с динамикой компьютерной модели, так что процесс постоянно оптимизируется неполным сгоранием угля в водяном пару для обеспечения максимальной производительности. Конечно, вас прежде всего заинтересует контроль за интенсивностью горения. Для этого можно просверлить ряд скважин в намеченном направлении его продвижения и подавать туда воду под давлением, чтобы сформировать противопожарный барьер. Если же уголь разгорится слишком сильно, для его блокировки предусмотрено цементирование под давлением; эта технология используется при строительстве плотин.

За окном послышался какой-то шум, и директор отвлекся. Лю Синь отлично знал, что его рассказ и тем более то, что старый шахтер представляет себе, слушая его, сильно расходятся с его мечтой. Директор сразу недвусмысленно сказал, что понятие подземной газификации ему хорошо знакомо; более того, угольные залежи в последнее время поджигали по всему миру. Несколько таких участков имелось и в Китае. Год назад Лю Синь впервые увидел подземный огонь в Синьцзяне. Нигде, сколько

видит глаз, ни травинки — ни в долине, ни на холмах, насыщенный серой воздух набегает горячими волнами, и перед глазами мутится, будто находишься под водой или словно весь окружающий мир поджаривают на вертеле. Ночью Лю Синь видел призрачные полосы багрового света, пробивавшегося через бесчисленные трещины в земле. Он подкрался вплотную, заглянул в одну из них, и у него перехватило горло от изумления. Перед ним будто разверзся вход в ад. Слабый свет пробивался откуда-то из самых дальних глубин, но этот жуткий жар явственно ощущался и здесь, наверху. Глядя на эти светящиеся полоски, извивающиеся под ночным небом, он ощущал Землю горящим куском янтаря, завернутым в тонкую кору. Айгул, смуглый коренастый уйгур, сопровождавший его, возглавлял единственную в Китае пожарную бригаду по тушению угольных пластов, и Лю Синь специально приехал туда, чтобы попытаться заманить Айгула в свою лабораторию.

— Вырваться отсюда мне будет непросто, — с сильным акцентом сказал Айгул. — Я ведь вырос, глядя на этот огонь, так что для меня он такая же неотъемлемая часть мира, как солнце или звезды.

— То есть этому огню столько же лет, сколько тебе?

— Нет, доктор Лю. Этот огонь горит с начала эпохи Цин[8].

Лю Синь застыл от изумления и тут же поежился, оттого что на него накатила во мраке очередная волна жара.

Айгул продолжал:

— Знаешь, доктор Лю, я скорее встану на твоем пути, чем соглашусь тебе помогать. Запомни — это не игра. Ты хочешь взять в союзники черта!

Между тем шум за окном нарастал. Директор встал, подошел к окну и сказал, повернувшись к Лю Синю:

— Молодой человек, честно говоря, я считаю, что шестидесяти миллионам, которые управление вложило в твой проект, можно найти лучшее применение. Сам видишь, что дел у нас очень много. Так что до встречи.

Лю Синь вслед за директором вышел из здания на площадь. Сидящие на асфальте забастовщики гомонили заметно громче, а предводитель надсадно выкрикивал что-то, но Лю Синь не мог разобрать слов. Он вдруг разглядел на краю толпы кучку людей в креслах на колесиках. В наши дни редко увидишь несколько таких кресел одновременно, а уж чтобы в них находились хозяева… Каждый из сидевших в креслах горняков лишился ноги, а кто и обеих в результате несчастного случая.

Лю Синь почувствовал, что у него перехватывает дыхание. Он расслабил галстук, торопливо пробрался через толпу, нырнул в

машину и поехал, сам не зная куда. В голове у него не было ни единой мысли. Проехав немного, он резко затормозил на вершине холма. В детстве он часто бывал здесь. Отсюда, с высоты птичьего полета, было отлично видно всю территорию шахты. Он вылез наружу и долго стоял неподвижно.

— Что-то ищешь? — раздался голос у него за спиной. Лю Синь оглянулся и увидел Ли Миньшэна. Тот тихонько подошел и остановился позади.

— Вон наша школа, — сказал Лю Синь, показывая на большое здание, где помещались вместе и начальные, и старшие классы. И школьный стадион казался непропорционально большим. Там, в этом школьном городке, они провели детство и юность.

— Еще помнишь что-нибудь? — устало спросил Ли Миньшэн и устроился рядом с ним на камне.

Все помню.

— Поздней осенью, уже ближе к вечеру, небо затянуто и солнце чуть проглядывает. Мы тогда играли в футбол на этом поле, и вдруг все остановились и уставились на школу, на репродуктор на стене… Помнишь?

— Оттуда вдруг зазвучала траурная музыка, а потом прибежал босиком Чжан Цзюаньцзюнь и сказал, что Великий кормчий Мао умер…

— Мы обозвали его контрреволюционером и бросились колотить, а он кричал, что это правда, что он клянется Кормчим Мао. Мы все равно не поверили и потащили его в полицию…

— …Но в школьных воротах остановились, потому что та же мелодия звучала и на улице, и траурная музыка заполняла весь мир…

— И она так и играет у меня в голове больше двух десятков лет. А в наши дни ее звучание означает босоногого Ницше, который выбегает с криком: «Бог умер!» — Ли Миньшэн зашелся хриплым хохотом. — Я в этом просто уверен!

Лю Синь снова обернулся и вгляделся в друга детства.

— И когда же ты до этого дошел? Я тебя просто не узнаю!

Ли Миньшэн вскочил с камня, посмотрел в глаза Лю Синю и ткнул пальцем в серый мир, лежавший у подножья холма.

— Когда же шахта до этого дошла? Ее-то ты хотя бы узнаешь? — И он снова тяжело опустился на камень. — Наши отцы в те дни были такими важными людьми! Взять хотя бы моего. Он был рабочим восьмого разряда[9] и зарабатывал 120 юаней в месяц. Во времена Кормчего Мао — 120 юаней!

Лю Синь не нашелся, что сказать, и, немного помолчав, попытался сменить тему.

— А как твоя семья? Жена… кажется, Шань… но, прости, не

помню, как ее зовут.

Ли Миньшэн принужденно улыбнулся.

— Я уже и сам с трудом вспоминаю ее имя. В прошлом году она сказала мне, что едет в командировку, на работе взяла очередной отпуск, оставила дочь со мною и укатила. А через два месяца прислала мне письмо из Канады, что, дескать, не хочет и дальше гробить свою жизнь с грязным шахтером.

— Шутишь? Ты же чуть ли не главный инженер!

— А какая разница? — Ли Миньшэн махнул рукой. — Для нее разницы никакой. Мы все — грязные шахтеры. Ты же помнишь, как все мы стремились выбиться в инженеры?

— То были времена рекордных выработок. Мы носили отцам обеды. Тогда мы впервые попали в шахту. Как же там было темно! Я допытывался у отца и всех остальных: «Как вы узнаете, где проходит угольный пласт? Откуда вы знаете, где нужно бить штрек? И как вам удается на такой глубине прокладывать штреки с двух сторон так точно, что они сходятся?

— А твой отец сказал: «Малыш, никто этого не знает, кроме инженеров». И когда мы поднялись на-гора, он показал на нескольких мужчин в таких же, как у него, защитных касках, стоявших около стенда с показателями бригад, и сказал: «Вот это и есть инженеры». Мы сразу заметили, что они другие. Шеи у них точно были почище.

— Ну, вот мы и исполнили свою детскую мечту. Славы, конечно, не добились, но, по крайней мере, честно выполняем свои обязанности, делаем кое-что полезное и имеем право сказать, что не предали самих себя.

— Прекрати! — неожиданно взорвался Ли Миньшэн и снова вскочил. — Да, я все это время выполняю свои обязанности. Я кое-чего добился. Ну а ты? Ты же витаешь в облаках! Неужели ты всерьез веришь, будто можешь вывести горняков из забоя? Превратить залежи угля в газовые месторождения? Допустим даже, что теория верна и все твои эксперименты пройдут успешно. И что из того? Ты просчитал хотя бы стоимость? И как ты собираешься прокладывать десятки тысяч километров трубопроводов? Ты хоть понимаешь, что мы сегодня не вытягиваем оплачивать железнодорожные тарифы?

— Но ведь это долгосрочная программа. Через несколько лет или даже несколько десятков лет…

— Иди к черту! Мы не знаем, что будет через несколько дней, а ты несешь что-то о десятках лет. Я уже сказал: ты витаешь в облаках. Послушай, ты, сидя в чистеньком кабинетике старого пекинского института, можешь позволить себе мечтать, ну а я не могу. Я живу в реальном мире.

Ли Миньшэн отвернулся и добавил:

— Ах, да, я пришел сказать, что директор велел всемерно помогать твоему эксперименту. Работа есть работа, и я буду ее выполнять. — И он, не оглядываясь, быстро зашагал прочь.

Лю Синь молча рассматривал шахту, где родился, где провел детство и юность, — ее высоченные копры, огромные шкивы на их верхушках, через которые перекинуты тросы, опускающие вниз, в непроглядную тьму, просторные клети, вереницы электровагонеток, разъезжающих туда и обратно через вход в шахту, где работал его отец, состав железнодорожных полувагонов — их всегда было столько, что он не мог сосчитать, — у здания угольного сепаратора кинотеатр и футбольное поле, где прошли лучшие мгновения его юности, огромная баня (ни у кого, кроме шахтеров, таких не было) — в ее бассейне, где вода всегда была окрашена угольной пылью, он научился плавать. Да, он научился плавать там, где не было не только морей и океанов, но даже захудалой речки. А дальше возвышался громадный усеченный конус отвала, где уже больше века накапливается пустая порода, выросший выше окружающих природных холмов; кое-где там вились дымки — это горела отсыревшая под дождем сера… Все черное от непрерывно оседающей угольной пыли. Это был цвет детства Лю Синя, да и всей его жизни. Он закрыл глаза, прислушался к звукам, доносившимся от лежавшей внизу шахты, и время, казалось ему, остановилось.

Отцовская шахта. Моя шахта

Ложбина находилась недалеко от шахты; днем было хорошо видно поднимающиеся оттуда дым и пар, ночью — электрическое зарево, а паровые свистки были слышны круглосуточно. Лю Синь, Ли Миньшэн и Айгул стояли посреди этой уединенной котловины. Поодаль, у подножия горы, пастух медленно гнал куда-то стадо тощих коз. Под этой котловиной и располагался тот небольшой изолированный пласт угля, который Лю Синь намеревался использовать для своего эксперимента по подземной газификации. Ли Миньшэн и его инженеры из геологического отдела месяц раскапывали горы документов в своих архивах и все же отыскали то, что нужно.

— Это довольно далеко от области главных выработок, и поэтому геологическая проработка не слишком подробная, — пояснил Ли Миньшэн.

— Я как следует проработал материал. Из него ясно, что экспериментальный пласт находится самое меньшее в двухстах метрах от основного. Это приемлемо. Нужно браться за работу! — возбужденно воскликнул Лю Синь.

— Ты не специалист в шахтной геологии, а уж здешних реальных условий и подавно не знаешь. Выслушай мой совет: будь осторожнее. Подумай еще.

— Тут и думать нечего. Эксперимент начинать нельзя, — вмешался Айгул. — Я тоже проработал эти материалы. Они слишком обобщены. Разведочные скважины бурили слишком далеко одну от другой, да и делалось это еще в шестидесятые годы. Перед началом эксперимента необходимо повторить разведку и твердо убедиться в том, что пласт действительно независим. Мы с Ли набросали план разведки.

— Сколько времени эта разведка займет, по вашему плану? И сколько на нее потребуется дополнительных денег?

— При возможностях нашего отдела не менее месяца. Стоимость работ мы не рассчитывали. Если навскидку… миллиона два.

— У нас нет ни времени, ни денег на это.

— Так подай запрос в министерство.

— В министерство? Там целая толпа бездельников спит и видит, как бы загубить этот проект! А начальству подавай результат, так что если я приползу назад и начну вымаливать еще времени и дополнительных денег, то всему делу конец. Я чувствую, что серьезных проблем здесь не будет, так почему бы не пойти на некоторый риск?

— Ты чувствуешь? Риск?! Только не в таком проекте! Доктор Лю, ты хоть понимаешь, где мы собираемся разжечь огонь? И это, по-твоему, «некоторый риск»?

Лю Синь, резко взмахнул рукой.

— Я принял решение! — И с этими словами пошел прочь.

— Инженер Ли, ты-то почему не пытаешься остановить этого безумца? Мы ведь оба видим, насколько это опасно, — сказал Айгул.

— Я буду делать то, что от меня требуется, — ледяным тоном ответил Ли Миньшэн.

* * *

В котловине работало сотни три человек. Это были не только физики, химики, геологи и горные инженеры, но и немало специалистов совсем иного профиля. Айгул возглавлял бригаду подземных огнеборцев из десяти человек, две бригады бурильщиков приехали с нефтяного месторождения Жэньшо в провинции Хэбэй, была и немалая группа инженеров и рабочих гидротехников, которым предстояло возвести подземные брандмауэры. Рядом с несколькими высокими буровыми установками помимо штабелей бурильных штанг громоздились горы мешков с цементом, ворочалась бетономешалка и завывал пульпонасос высокого давления, закачивавший под землю жидкий цементный раствор, рядом выстроились водяные и воздушные насосы, а по земле расстелилась паутина разноцветных труб.

За два месяца пласт окружили подземным цементным барьером в два с лишним километра длиной. Лю Синь решил использовать метод, применяемый для гидроизоляции основания плотин — цемент под большим давлением закачивался под землю и там, быстро твердея, превращался в огнестойкую стену. А внутри кольца пробурили чуть ли не сотню скважин, направленных точно в пласт. В каждую из них входила труба, разделявшаяся на поверхности на три ветки, связанные с тремя насосами — для подачи воды, пара или сжатого воздуха.

Завершились подготовительные работы выпуском «земляных крыс» — так в обиходе называли датчики горения, хотя эти необычные приборы, сконструированные лично Лю Синем, походили не на крыс, а на бомбы. У каждой двадцатисантиметровой крысы один конец корпуса был заострен, а на другом конце располагался колесный привод; она могла забуриться на сотню метров в сторону от скважины и

самостоятельно достичь назначенной позиции. А там им предстояло измерять температуру и давление и передавать показания на поверхность при помощи инфразвука. Под землю пошло больше тысячи «крыс», причем половину выпустили за пределами брандмауэра, чтобы исключить возможность незамеченного прорыва огня.

В большой палатке Лю Синь стоял перед проекционным экраном, на котором отображались и периметр брандмауэра, и положение каждой «крысы», которое компьютер указывал согласно сигналам приборов. Мигающие точки плотно усеивали экран, придавая ему сходство с картой звездного неба.

Все было готово. Два массивных пусковых электрода, напрямик подключенные проводами к красной кнопке, установленной в штабной палатке, где находился Лю Синь, были опущены в скважину на нужную глубину. Все рабочие и инженеры находились на местах и с нетерпением ждали начала собственно эксперимента.

— Доктор Лю, подождите. — За последнее время отношения Лю Синя с Айгулом стали более напряженными, и теперь огнеборец обращался к руководителю проекта строго официально. — Это страшное дело. Вы не знаете мощи подземного огня.

— Айгул, прекрати. Я ведь знаю, что ты не только сеешь уныние, но и постоянно жалуешься на меня в министерство. Хотя, если брать по справедливости, твой вклад просто неоценим, и без того, что ты сделал за последний год, я еще и близко не подошел бы к эксперименту.

— Доктор Лю, не выпускайте демона из-под земли!

— Ты что, всерьез думаешь, что мы можем сейчас дать задний ход? — Лю Синь улыбнулся, покачал головой и повернулся к Ли Миньшэну.

— Как вы распорядились, мы шесть раз проверили все геологические данные. Проблем не нашли. Минувшей ночью закачали еще по одному цементному слою в нескольких потенциально ненадежных местах. — Он указал на несколько коротких линий с внешней стороны периметра на экране.

Лю Синь подошел к пусковому пульту и, уже поднеся пальцы к красной кнопке, приостановился и закрыл глаза, будто молился. Его губы зашевелились, но только Ли Миньшэн, стоявший совсем рядом, услышал, что он произнес всего одно слово:

— Отец…

Нажатие на кнопку не сопровождалось ни звуками, ни вспышкой. Котловина осталась такой же, как была. Но где-то глубоко под землей напряжение более двух тысяч вольт породило

высокотемпературную электрическую дугу посреди пласта. На экране было видно, что в месте расположения электродов появилась красная точка, которая стала быстро увеличиваться в размерах, словно пятно красных чернил, расплывающееся на рисовой бумаге. Лю Синь пошевелил компьютерной мышкой, и на экране отобразилась модель процесса горения, составленная по показаниям «земляных крыс», — быстро растущий неправильный сфероид, вернее, даже луковица, каждый слой которой был изотермой. Насосы с ревом закачивали через скважины необходимый для горения воздух, и пламя распространялось стремительно, как из взорвавшегося газового баллона… Через час управляющий компьютер включил насосы, подающие воду, и пламя на экране моргнуло и съежилось, как сдувающийся воздушный шарик, однако горение продолжалось с той же силой.

Лю Синь вышел из палатки. Солнце скрылось за холмом; по темнеющей ложбине гулким эхом раскатывался грохот машин. Толпа в триста с лишним человек окружила торчавший вертикально мощный патрубок толщиной с нефтяную бочку. Лю Синя сразу заметили и пропустили к небольшой платформе у основания патрубка. На ней уже стояли два человека: один, увидев Лю Синя, принялся крутить огромный вентиль, а второй чиркнул зажигалкой и протянул ее ученому. Сначала газ чуть слышно шипел, рабочий крутил вентиль, звук становился все громче, и в конце концов вырывающийся из-под земли газ огласил долину хриплым ревом разъяренного гиганта. Три сотни взволнованных лиц со всех сторон смотрели на слабый огонек. Лю Синь опять зажмурился, еще раз прошептал:

— Отец… — поднес зажигалку к соплу и поджег первый в мире факел над скважиной коксового газа.

Громко хлопнуло, и в небо метров на двадцать взметнулся мощный огненный столб. Над самой горловиной сопла пламя было чисто-голубым, чуть выше обретало ослепительно желтый цвет, который далее постепенно темнел и превращался в красный. Рев сменился злобным шипением. Стоявшие поблизости попятились от жара. Свет факела озарил окружающие холмы; издалека он должен был смотреться как небесная свеча, сияющая над лёссовым плато.

Седовласый директор шахтоуправления протолкался сквозь толпу и пожал руку Лю Синю.

— Прими поздравление от косного, узколобого пережитка прошлого. Ты победил! Но, надеюсь, ты скоро погасишь этот огонь.

— Вы все еще не доверяете мне? Я не стану его гасить. Он будет гореть, чтобы его видели вся страна и весь мир!

— Так ведь мир уже видит. — Директор указал на кучку телерепортеров у себя за спиной. — Но ты ведь отлично знаешь, что есть места, где от твоего пробного участка до промышленной залежи всего двести метров.

— Но на этом опасном направлении мы заложили три огнезащитные стены. И держим наготове кучу высокоскоростных бурильных машин. Никаких проблем просто не может быть.

— Не знаю. Я просто опасаюсь, что дело обернется плохо. Конечно, вы все тут начальство, инженеры из министерства, и мне вмешиваться не по чину. Но, как известно, в любой неотработанной технологии кроется потенциальная опасность. Я не один десяток лет провел и в забое, и командуя шахтой и повидал разные опасности. И поэтому не могу не беспокоиться. Однако, — директор снова протянул руку Лю Синю, — я все равно с радостью поздравляю тебя. Ты доказал мне, что надежда для угольной индустрии все еще существует. — Он еще раз указал на столб огня. — Твой отец был бы доволен.

В следующие два дня на подготовленных форсунках вспыхнули еще два факела. Теперь производительность экспериментального пласта в расчете на стандартное выходное давление достигла 500 000 кубометров в час — больше, чем давали бы пятьсот мощных угольных газогенераторов.

Область подземного горения находилась под непрерывным наблюдением компьютера, который ограничивал ее объем двумя третями экспериментального пласта. По требованию руководства шахты Лю Синь несколько раз демонстрировал управление огнем. Описав мышкой на экране компьютера кольцо вокруг огня, он щелчком кнопки заставлял его сжиматься. Тон воя насосов снаружи тут же менялся, и в течение часа пожар съеживался до указанного размера. Одновременно с опасной стороны, на перешейке между опытным участком и основной залежью, добавили еще две противопожарные завесы, каждая длиной по 200 метров.

Лю Синю, в общем-то, нечего было делать, разве что давать интервью СМИ и поддерживать деловые контакты с широким миром. Сюда, в ложбину рядом с шахтой, устремились представители крупнейших китайских и зарубежных компаний, даже «Дюпон» и «Эксон», желавшие обсудить перспективы капиталовложений и участие в проектах.

На третий день один из подземных пожарных пришел к Лю Синю и сказал, что их командир вот-вот свалится от усталости. За последние двое суток Айгул устроил своему подразделению целый ряд изматывающих учений. Он также по собственной инициативе заказал у Национального центра дистанционных

измерений спутниковое время для слежения за температурой почвы в этой области. Все трое суток он вообще не спал и ночами бродил вокруг огнезащитного барьера, успевая за ночь как раз сделать круг.

Отыскав Айгула, Лю Синь увидел, что этот энергичный крепыш заметно похудел и глаза у него воспалились и покраснели.

— Я не в состоянии спать, — признался он. — Стоит закрыть глаза, как начинаются кошмары. Я вижу, как над землей повсюду вырастают столбы пламени, образующие целый огненный лес…

— Спутниковый контроль стоит бешеных денег. Хоть я и не вижу необходимости в таком наблюдении, но все равно благодарен тебе за осторожность. И в будущем мне без тебя не обойтись. Айгул, я все так же считаю маловероятным, что для твоей команды найдется работа, но, когда имеешь дело с огнем, пожарные обязательно должны быть рядом. Ты устал. Съезди на несколько дней в Пекин, отдохни.

— Уехать сейчас? Вы в своем уме?

— Ты вырос прямо на подземном огне. Потому-то и боишься его так сильно. Пусть сегодня мы не в состоянии управлять таким обширным горением, как в Синьцзяне, но скоро и это будет нам по силам. Я намерен создать первый подземный газогенератор для коммерческого использования именно там, в Синьцзяне. Со временем мы укротим тот огонь, и на твоей родине вырастут роскошные виноградники.

— Доктор Лю, я вас уважаю. Потому и работаю с вами. Но вы слишком самоуверенны. А в том, что касается подземного огня, — и вовсе ребенок. — Айгул горько улыбнулся и побрел прочь, качая головой.

* * *

Несчастье случилось на пятый день. Солнце только-только взошло, и Лю Синь еще спал, когда его растолкал Айгул — совершенно запыхавшийся, с выпученными глазами и чуть ли не трясущийся, как в лихорадке. И в промокших от росы выше колен брюках. Он сунул под нос Лю Синю отпечатанную на лазерном принтере цветную фотографию, да так близко к глазам, что тому пришлось отодвинуть руку со снимком, чтобы рассмотреть его. Это оказалась псевдоцветная картинка, переданная спутником; Лю Синь совершенно не разбирался в этих абстрактных изображениях и поэтому лишь тупо смотрел на листок.

— Пошли! — рявкнул Айгул, явно забывший о

демонстративной субординации, и за руку потащил Лю Синя из палатки.

Они рысцой поднимались на холм с северной стороны долины, и Лю Синь чувствовал все бóльшую и бóльшую растерянность. Во-первых, это самое безопасное направление, до большой залежи отсюда было не менее километра. Во-вторых, Айгул тащил его вверх по склону холма, а огнезащитное кольцо оставалось намного ниже. Что тут могло приключиться? Когда они оказались на вершине, Лю Синь открыл было рот, чтобы спросить, но не успел — Айгул показал в другую сторону, еще дальше. У Лю Синя отлегло от сердца, и он усмехнулся чрезмерной мнительности своего пожарника. Как раз в той стороне, куда указывал Айгул, находилась шахта, а между холмом, где они находились, и следующим лежал зеленый луг, куда сбегал ровный склон. Вид казался совершенно безмятежным, особенно лужайка, но, присмотревшись, Лю Синь все же разглядел, что первое впечатление оказалось обманчивым: на одном почти идеально круглом пятне трава была темнее, чем вокруг, и заметить это можно было, только тщательно всмотревшись. Сердце у него оборвалось, и они с Айгулом побежали вниз, к этому темному пятну.

Добравшись туда, Лю Синь увидел, что трава пожухла и полегла на землю, но не засохла, а как будто сварилась. Он упал на колени и прижал руки к земле — почва была ощутимо теплой. А посреди круга в свете восходящего солнца он увидел вьющуюся струйку пара…

Сразу же начали экстренно бурить множество скважин, запустили в них больше тысячи «земляных крыс», и в конце концов Лю Синю пришлось признать ужасный факт: огонь перекинулся на главную залежь. Масштабы пожара на данный момент были неизвестны, поскольку максимальная скорость «крыс» под землей составляла около десяти метров в час. Однако очаг возгорания находился намного глубже экспериментального пласта, и тот факт, что его тепло дошло до поверхности земли, означал, что он действует довольно долго. То есть пожар, скорее всего, большой.

Странным было то, что экспериментальный пласт и большую залежь действительно разделяла тысяча метров земли и камня и эта преграда оставалась целой и невредимой — пожар разгорелся по другую сторону километрового природного брандмауэра, и кто-то даже высказал предположение, что этот огонь возник независимо от эксперимента. Но это был столь явный самообман, что даже автор идеи не поверил в нее. Ну а поспешные исследования помогли той же ночью установить истину.

От экспериментального пласта отходило восемь тоненьких — с полметра в узких местах — ленточек угля. Такие прослойки и впрямь очень трудно обнаружить. Пять из них обрубила противопожарная стена, но остальные три уходили вглубь и прошли под ее нижним краем. Две благополучно завершились в толще породы, а вот последняя протянулась на весь километр и соединилась с главной залежью. Все эти нитки представляли собой заполненные углем разломы в земле и имели многочисленные выходы на поверхность, через которые поступало вполне достаточно кислорода для горения. И ничтожная ниточка, связавшая экспериментальный пласт и залежь, сработала как бикфордов шнур.

Ни одна из этих прожилок не была отмечена в документах, которые представил Ли Миньшэн, да и вообще угольная геология практически не упоминала такие длинные и узкие ленты. Мать-природа сыграла одну из столь любимых ею жестоких шуток.

— Мне некуда было деваться. У моей дочки уремия, и ей необходим постоянный гемодиализ. Этот проект обещал позарез необходимый мне заработок, и поэтому я не стал достаточно настойчиво возражать против твоих намерений… — Ли Миньшэн был бледен и упорно не смотрел Лю Синю в глаза.

Через сутки, так же рано утром, они стояли втроем на холме между двух подземных пожаров. Весь луг между холмом и шахтой был темно-зеленым, и на этом фоне выделялся бледно-желтым вчерашний круг пожухлой травы. Поднимавшийся от земли пар затуманивал вид недалекой шахты.

— Моя бригада из Синьцзяня с кучей снаряжения уже приземлилась в Тайюане и скоро будет здесь. Сюда спешат отряды со всей страны. Огонь, судя по всему, сильный и быстро распространяется.

Лю Синь долго молча смотрел на Айгула и в конце концов проговорил чуть слышно:

— Ты сможешь укротить его?

Айгул покачал головой.

— Тогда скажи хотя бы: надежда есть? Если запечатать всю вентиляцию или подать много воды и просто залить огонь…

Айгул снова покачал головой.

— Я занимаюсь этим всю жизнь, но подземный огонь все так же продолжает поджаривать мой город. Я уже говорил тебе, что по части подземного огня ты несведущ, как ребенок. Ты просто не знаешь, что это такое. Подземная глубина увертливее змеи, зловреднее призрака. И если она что-то решила, смертным не остановить ее. У нас под ногами невесть сколько высококачественного антрацита, который этот дьявол вожделел

миллионы лет. Теперь ты освободил его и дал ему неограниченную силу и энергию. Этот пожар будет в сто раз страшнее, чем у меня в Синьцзяне!

Лю Синь схватил невысокого уйгура за плечи и встряхнул.

— Я тебя не о том спрашиваю! Скажи мне — есть надежда? Сколько у нас шансов? Умоляю!

— Ноль, — ответил Айгул и в очередной раз покачал головой. — Доктор Лю, в этой жизни тебе не удастся отмолить свои грехи.

* * *

Чрезвычайное совещание устроили в здании шахтоуправления. Участвовали в нем, естественно, и директор, и начальники всех пяти шахт, и ведущие инженеры, и группа перепуганных чиновников из города, включая мэра. Прежде всего утвердили штаб чрезвычайной ситуации. Его возглавил директор шахтоуправления, а в состав вошли, помимо прочих, Лю Синь и Ли Миньшэн.

— И инженер Ли, и я сделаем все, что в наших силах, но напомню, что мы с ним преступники, — сказал Лю Синь. Ли Миньшэн сидел неподвижно, понурив голову.

— У нас не суд, и времени на следствие нет, — ответил директор. — Надо действовать и не отвлекаться на раздумья. — Знаешь, кто это сказал? Твой отец. Давным-давно, когда я был механиком в его бригаде, я пропустил мимо ушей его указание и, чтобы увеличить выработку, расширил полосу проходки. В результате в лаву хлынула вода, и мы, больше двадцати человек нас было, оказались заперты в тупике. Фонари погасли, а зажигалкой чиркнуть никто не решался, боясь, во-первых, что в воздухе уже накопился газ, и, во-вторых, что так они очень быстро изведут оставшийся кислород, потому что вода полностью перекрыла изгиб штрека. И, естественно, вокруг полная темнота, такая, что ладоней перед лицом не видно. И тут твой отец мне и говорит, что помнит: над нами проходит другой штрек, и промежуток между ними совсем не толстый. А потом я слышу, что он начал колотить обушком по потолку. Тогда для нас отбойные молотки еще были в новинку, мы работали, как в старину: кирками. Мы все сообразили, чем он занят, и тоже принялись вслепую долбить потолок. Кислорода в воздухе быстро убавлялось, у нас головы начали кружиться, грудь перехватывать. И конечно же, тяжело было от темноты, полной темноты, какой никто из живущих на-гора даже представить не может, и

нарушали ее только искры из-под клювов обушков. Было мучительно заставлять себя просто жить дальше, но твой отец вынуждал меня держаться. Он раз за разом повторял: «Надо действовать и не отвлекаться на раздумья». Не знаю, сколько времени мы долбили, но я уже почувствовал, что вот-вот потеряю сознание от нехватки кислорода, и тут кусок потолка рухнул, и мы чуть не ослепли от света взрывобезопасных ламп из дыры… Потом твой отец признался, что понятия не имел, какова толщина потолка над нами, но в той ситуации нам оставалось только одно: действовать и не думать, что да как. Чем больше времени проходило, тем крепче слова твоего отца врезались мне в память, и вот теперь я передаю их тебе.

Специалисты, срочно собранные со всей страны, набросали план борьбы с огнем. Рассматривалось всего три варианта. Первый — перекрыть поступление кислорода под землю. Второй — закачивать под землю цемент, чтобы отрезать дорогу пламени. Третий — заливать огонь водой. Собственно, все три способа предполагалось применять совместно и одновременно, хотя неэффективность первого давно уже была доказана практикой. Бесчисленные вентиляционные ходы, по которым к огню подходит воздух, трудно было выявлять, а закупоривать найденные — еще труднее. Второй метод эффективен только в тех случаях, когда огонь на небольшой глубине, и, увы, цементная стена строится куда медленнее, чем распространяется подземный огонь. Третий метод, пожалуй, вселял самую большую надежду на успех.

Информацию о положении дел беспощадно блокировали, и борьбу с огнем вели втихомолку. Срочно доставленные с нефтяного месторождения Жэньшо мощные буровые вышки на глазах изумленных жителей провезли через шахтерский город, на холмах выставили армейское оцепление, в небе почти непрерывно барражировали вертолеты… жители не знали, что творится на шахте, и всяческие домыслы распространялись быстрее пожара.

Буровые выстроились в ряд примерно на линии, до которой дошел подземный огонь, и, как только скважины были проделаны, сотня насосов начала подавать воду в горячие, дымящиеся отверстия. Для этого отключили водоснабжение не только шахт, но и всего города, что, конечно же, способствовало росту беспокойства населения. Но первые результаты обнадеживали: на большом экране командного центра появились темные пятна, расползающиеся от скважин на краю красного огненного пятна; это значило, что температура резко упала. И, если бы эти пятна соединились, появилась бы надежда все же остановить пожар.

Но надежда лишь поманила и исчезла. Начальник буровой группы отыскал Лю Синя у подножья одной из своих вышек.

— Доктор Лю, на двух третях намеченных точек бурить нельзя! — прокричал он сквозь рев буровых и насосов.

— Шутите? Нужно как можно быстрее закачивать воду в огонь.

— Нет. Давление в обводненных участках растет слишком быстро. Если добавить хоть немного еще, участок рванет.

— Что за чушь?! Это не нефтяное поле, и тут нет подземных полостей с газом под давлением. Что тут может рвануть?

— Вы ничего не понимаете! Я прекращаю бурение и отвожу технику.

Лю Синь в ярости схватил его за грудки.

— Нет! Приказываю продолжать бурения. Никакого взрыва не будет. Вы меня слышите? Не будет!

Но не успел он договорить, как со стороны ближней вышки раздался громкий треск, и, резко обернувшись, они успели увидеть, как взлетел, разваливаясь на две части, тяжеленный оголовок скважины и снизу ударил фонтан черной, с желтым отливом, жижи, поднявший над собой обломки бурового насоса. Немногочисленные наблюдавшие испуганно закричали. Между тем состав извергающегося фонтана быстро менялся, и жидкость светлела. Очень скоро она сделалась снежно-белой, и стало ясно, что подземный огонь превратил воду в сжатый пар. Лю Синь, как завороженный, смотрел на подхваченное фонтаном тело машиниста буровой, которое так и висело на вершине струи, медленно поворачиваясь в потоке. От еще троих инженеров, находившихся на платформе, не осталось и следа.

Дальнейшее оказалось еще страшнее. Голова белого дракона отделилась от земли и стала неторопливо подниматься в воздух, пока в конце концов белый пар не повис над вышкой, как беловолосый демон. Между демоном и дырой скважины не было ничего, кроме обломков вышки. Ничего, кроме ужасающего шипения. Несколько молодых инженеров, решив, что опасность миновала, сделали несколько робких шагов вперед, но Лю Синь крепко схватил двоих за плечи и заорал:

— Куда?! Самоубийцы! Это же перегретый пар!

Присутствовавшие инженеры быстро поняли, что происходит, а вот другим пришлось растолковывать. Сам пар невидим; в виде привычного белого тумана мы видим микрокапли воды, образующиеся, когда пар охлаждается и конденсируется в воздухе. При высокой температуре и давлении водяной пар может нагреваться до 400–500 градусов Цельсия. Он остывает и конденсируется довольно медленно, и потому-то принял

видимую форму только над вышкой. Такой пар мало где применяется, разве что в турбинах высокого давления на электростанциях, работающих на ископаемом топливе, и в случае прорыва (такое, хоть и редко, но бывает) он может за считаные минуты пробить кирпичную стену.

Они с ужасом смотрели, как мгновенно высохла вода на обломках вышки и как плавились, точно воск, проходившие по ней внатяжку толстые резиновые шланги. Адский пар с оглушительным грохотом хлестал покосившуюся конструкцию…

Продолжать закачивать воду было невозможно. И не просто невозможно, но и нельзя — теперь она только усиливала бы горение, а не усмиряла пламя.

Аварийный штаб собрался в 3-й шахте в околоствольном дворе ствола № 4, самого близкого к фронту огня.

— Пожар подходит к зоне добычи, — сказал Айгул. — Когда он туда прорвется, система стволов и штреков обеспечит неограниченное поступление воздуха и огонь, соответственно, усилится… Таково текущее положение. — Он умолк и взглянул на директора шахтоуправления и присутствовавших начальников трех шахт, которые изо всех сил старались оттянуть нарушение самого строгого из запретов, какие только существуют у горняков, — произнести вслух самое страшное для сотен рабочих и их семей решение — о закрытии шахты.

— Какие условия в забоях? — ровным, спокойным голосом осведомился директор.

— Добыча и подъем продукции в восьми стволах идут в обычном режиме, — ответил начальник шахты, — но работу мы продолжаем, в общем-то, ради спокойствия.

— Прекращайте работы. Эвакуируйте людей — всех до одного. А потом… — Он несколько минут молчал, и эта пауза всем показалась неимоверно долгой.

— Запечатайте шахты, — в конце концов выговорил директор страшные слова.

— Нет! Так нельзя! — воскликнул Ли Миньшэн, даже не подумав о том, что ему-то лучше бы помолчать. — Запечатать шахты… да ведь… да ведь начнется хаос. И…

— Я вас понял, — перебил его директор, легко взмахнув рукой. Выражение его лица ясно говорило всем: «Я понимаю ваши чувства. И полностью их разделяю».

Ли Миньшэн опустился на землю и обхватил голову руками; его плечи тряслись от рыданий. Начальники и инженеры шахт молча стояли перед порталом. Широченный вход в шахту смотрел на них, как гигантский глаз, — точно так же, как смотрел на Лю Синя два десятка лет назад.

Аварийный штаб почтил столетнюю шахту минутой молчания. Завершил ее главный инженер шахтоуправления.

— Надо поднять на-гора как можно больше оборудования, — сказал он вполголоса.

— А после этого, — подхватил начальник шахты, — запускать туда взрывников.

Директор кивнул.

— Время не терпит. Начинайте работу. А я отправлю депешу в министерство.

— Нельзя ли привлечь военных саперов? — спросил секретарь партбюро. — Отпальщиков у нас мало, и если мы поставим во взрывные бригады проходчиков и что-нибудь случится…

— Я думал об этом, — ответил директор. — Но сейчас под рукой лишь один саперный взвод, а этого слишком мало. Кроме того, военные незнакомы с подземной спецификой.

* * *

Первым закрыли ствол № 4, ближайший к фронту огня. Поднявшись к выходу из шахты, проходчики увидели наскоро собранную бригаду отпальщиков численностью в добрую сотню человек, стоявшую возле груды отбойных молотков, кинулись расспрашивать, но те сами ничего не знали — им лишь велели приготовить инструмент. Но тут на шахтный двор въехала колонна машин, и все внимание переключилось на нее. На первом грузовике приехала группа вооруженных полицейских, которые тут же попрыгали наземь и принялись освобождать место для следующих автомобилей. Одиннадцать грузовиков остановились, с груза сняли покрывавший его брезент, и, увидев ровные штабеля аккуратных желтых деревянных ящиков, шахтеры остолбенели — все отлично знали, что это такое.

В каждом ящике находилось 24 килограмма взрывчатки АСДТ — аммиачной селитры, смешанной с дизельным топливом. На десяти грузовиках пятьдесят тонн. Последний грузовик, поменьше, привез несколько охапок бамбукового лыка, чтобы связывать ящики, и гору черных пластиковых мешков, в которых, как всем известно, хранились электродетонаторы.

Выбравшись из кабины одного из грузовиков, Лю Синь и Ли Миньшэн сразу увидели, как к ним направляется с рулоном чертежей под мышкой хмурый крепкий бородач, командир свежесформированной бригады подрывников.

— Что вы хотите заставить нас делать, инженер Ли? —

спросил он, разворачивая чертежи.

Ли Миньшэн показал слегка трясущимся пальцем точку на плане.

— Три отпальные линии по тридцать пять метров длиной каждая. Точное расположение — на конкретных листах. В шпуры по 150 миллиметров и 75 миллиметров закладывать, соответственно, по 24 и 14 килограммов…

— Я спрашиваю: что вы пытаетесь сделать нашими руками?

Ли Миньшэн молча потупился под свирепым взглядом бригадира. А тот повернулся к толпе и крикнул:

— Братья, они хотят, чтобы мы взорвали выработки!

Толпа шатнулась вперед, и тут же вооруженные полицейские рассыпались полукругом, отгораживая автомобили от шахтеров. Но строй охраны тут же подался назад под нажимом волнующегося моря черных людей. Наступил момент неустойчивого равновесия. Повисла тишина, нарушаемая только шарканьем подошв и клацаньем взводимых затворов. И когда, казалось, должно было уже свершиться непоправимое, на подножку одного из грузовиков вскарабкались директор шахтоуправления и начальник шахты. Все внимание срезу обратилось к ним.

— Я на шахте с пятнадцати лет вкалываю! А вы ее разрушить решили?! — заорал пожилой забойщик. Глубокие морщины на его лице были хорошо видны даже под толстым слоем угольной корки.

— На что нам жить, если вы шахту взорвете?

— Зачем ее взрывать?

— Жизнь на шахте и без ваших штучек тяжелая!

Толпа кипела, волны ярости, одна сильнее другой, прокатывались над морем черных лиц и сверкающих белых зубов. Директор молча ждал, и, когда гнев, похоже, накалился до предела и ситуация явно грозила выйти из-под контроля, он заговорил:

— Посмотрите туда, — сказал он, указывая на небольшой бугор около входа в шахту. Он не кричал, даже вроде бы не повышал голоса, но сразу же укротил бурю, и все головы повернулись вслед за его рукой.

— Мы все называем это Старинной угольной колонной, а вам известно, что сначала это была вовсе не колонна, а большой куб из угля? Больше ста лет назад, еще в эпоху Цин, губернатор Чжан Чжидун поставил его здесь, когда закладывал шахту. За прошедший век дожди и ветры превратили куб в колонну. Наша шахта за это столетие вытерпела так много дождей и непогод, так много трудностей и бедствий, сколько ни один человек не

упомнит. Это вам не час и не год, товарищи. Это четыре, если не пять поколений! Мы не могли за столько времени ничему не научиться, а уж чему научились, то запомнили накрепко.

Директор вскинул руки навстречу морю шахтерских лиц.

— Небо не упадет!

Люди замерли на месте и, кажется, даже дышать перестали.

— Из всех китайских промышленных рабочих, из всего пролетариата ни у кого нет столь длинной истории, как у нас. Ни у кого в истории не было такого количества трудностей и невзгод, как у нас. И как, шахтеры, рухнуло наше небо? Нет! И доказательство — то, что все мы стоим тут и смотрим на эту старую угольную колонну. Наше небо не падает. Оно не упало прежде и не упадет никогда!

Трудности? Они нам не в новинку, верно, товарищи? Когда нам, шахтерам, было легко? Хоть у нас самих, хоть у наших предков вспомнится хотя бы один безмятежный день? Напрягите мозги: есть ли среди бесчисленных отраслей и профессий в Китае, да и во всем мире, хоть одна тяжелее нашей? Нет. Просто нет. Так что нового в том, что возникла очередная трудность? Удивляться надо было бы, если бы дела шли тихо и гладко. Мы с вами держим и небо, и землю! И если б мы боялись трудностей, то уже давным-давно вымерли бы.

Но общество и наука развиваются, и талантливые люди думают о том, как облегчить нашу жизнь. Уже и решение предложено, дающее надежду полностью изменить нашу жизнь, чтобы мы добывали уголь не в темных шахтах, а прямо под ясным небом! У горняков вскоре будет самая завидная работа на свете. И это не фантазия, а реальность. Не призываю верить мне на слово — просто посмотрите на огненные столбы, поднимающиеся над южной долиной. Да, была допущена прискорбная ошибка, что и привело к катастрофе. Немного позже мы разберемся в причинах до мелочей. А сейчас нужно понимать, что это, может быть, последняя серьезная трудность для шахтеров. Такой ценой дается светлое будущее. Нужно сплотиться и грудью встретить беду, как это делали многие поколения наших предков. Повторяю, небо не падает!

Толпа застыла в молчании. Лю Синь посмотрел снизу на стоявшего на подножке директора.

— Я знал отца, а теперь познакомился еще и с вами. Теперь можно спокойно умирать.

— Давай действуй и не отвлекайся на раздумья, — ответил директор, хлопнув Лю Синя по плечу, а потом тяжело спустился с подножки и крепко обнял его.

* * *

На следующий день после того, как начались работы по подготовке к взрыву в стволе № 4, Лю Синь и Ли Миньшэн шли по главной штольне; их шаги разносились в туннеле гулким эхом. Они миновали первую линию взрыва и в тусклом свете нашлемных фонариков хорошо видели ряд шпуров, густо пересекающих высокий потолок, и цветной водопад запальных шнуров, стекающихся к реке, проходившей посередине прохода.

— Я всю жизнь ненавидел шахту, — сказал Ли Миньшэн. — Ненавидел за то, что она сожрала мою юность. Но теперь понимаю, что мы с нею — одно. Ненавижу ли, люблю ли ее, но это вся моя молодость.

— Не нужно терзаться, — ответил Лю Синь. — Мы все же кое-что сделали в жизни. Пусть и не стали героями, но, по крайней мере, ввязались в драку.

Оба замолчали, сообразив, что говорят о смерти.

Тут к ним подбежал запыхавшийся Айгул.

— Инженер Ли, посмотри-ка туда! — воскликнул он, указывая на потолок. Закрепленный там брезентовый шланг со свисающими через равные промежутки конусами подачи воздуха обмяк — на него больше не подавалось давление.

Ли Миньшэн побледнел.

— Что за черт?! Когда отключили вентиляцию?

— Два часа назад.

Ли Миньшэн заорал в рацию, и вскоре к ним присоединились начальник вентслужбы и двое инженеров.

— Инженер Ли, запустить вентиляцию невозможно. Все оборудование, что было внизу — моторы, компрессоры, взрывобезопасные выключатели и даже часть рукавов…

— Вам хоть понятно, что вы кретины? Самоубийцы! Кто вам приказал сотворить эту глупость? — заорал Ли Миньшэн, полностью утратив самоконтроль.

— Инженер Ли, придержите язык! Кто приказал? Директор прямо велел вытащить как можно больше оборудования перед обрушением шахты. Вы же сами были на митинге! Мы работали двое суток без остановок и подняли техники самое меньшее на миллион юаней. А теперь вы нас кроете последними словами? Зачем нужна вентиляция, если шахту вот-вот взорвут?

Ли Миньшэн тяжело вздохнул. Полную картину происходящего до сих пор не обнародовали, и это сплошь и рядом приводило к подобным организационным накладкам.

— А в чем проблема? — спросил Лю Синь, когда вентиляторщики ушли. — Разве вентиляцию не следовало в

любом случае отключить? Нет подачи воздуха — значит, в шахту идет меньше кислорода.

— Доктор Лю, ты гигант в высокой теории, а в практике — полное ничтожество. И ничего не понимаешь в происходящем. Инженер Ли правильно сказал, что ты способен только витать в облаках! — После того как начался пожар, Айгул отбросил всякую вежливость в общении с Лю Синем.

Ли Миньшэн объяснил:

— Вся эта залежь сильно насыщена газом. Как только отключили вентиляцию, газ начал быстро накапливаться на дне шахты, и, когда огонь дойдет туда, может случиться такой взрыв, что не только все наши завалы вышибет, но и образуются новые глубокие провалы, через которые пойдет кислород. Так что хочешь, не хочешь, а придется прокладывать еще одну взрывную полосу.

— Инженер Ли, ведь даже две полосы, что выше, еще не готовы, а к третьей еще и вовсе не приступали. Огонь подходит к южным выработкам, и времени может не хватить даже на то, чтобы сделать запланированное.

— М-м… — нерешительно протянул Лю Синь. — Я… у меня есть идея, которая может сработать, а может и не сработать.

— Ха! — презрительно хохотнул Айгул. — Доктор Лю не уверен в себе! Да разве было когда-нибудь такое, чтобы доктор Лю с кем-нибудь советовался перед тем, как принять решение?

— Я подумал, — продолжил Лю Синь, не обращая внимания на выпад, — что, может быть, стоит произвести подрыв на самом глубоком из запланированных уровней? Ведь можно же начать взрывать именно с него? В таком случае, если газ рванет на глубине, перед ним будет дополнительная преграда.

— Если бы это могло помочь, мы уже так и сделали бы, — ответил Ли Миньшэн. — Взрыв будет такой, что шахтные ходы заполнятся ядовитым газом и пылью, и после него работать внизу еще долго будет невозможно.

Подземный пожар распространялся быстрее, чем ожидалось. Аварийный штаб решил ограничиться взрывом только двух предусмотренных полос и приказал как можно быстрее эвакуировать из шахты всех, кто там находился. Дело шло к ночи. Собравшиеся под навесом разгрузочной площадки недалеко от входа в ствол решали, как произвести взрыв на наименьшем расстоянии, используя подъездной туннель, и вдруг Ли Миньшэн сказал, вскинув голову:

— Слышите?

Откуда-то из глубины донесся тяжелый рокот, как будто земля нескромно рыгнула. Через несколько секунд звук

повторился.

— Это взорвался метан. Огонь добрался до шахты! — взволнованно воскликнул Айгул.

— Вроде бы рассчитывали, что это случится чуть подальше… — заметил кто-то.

Остальные промолчали. «Земляные крысы» Лю Синя выработали свой ресурс, и теперь приходилось руководствоваться лишь старыми методами, не позволявшими точно определить местонахождение и скорость распространения огня.

— Немедленно эвакуировать всех!

Ли Миньшэн схватил рацию, но, как ни кричал, ответа не было.

— Бригадир Чжан все волновался, как бы не разбить рацию во время работы, и еще до того как отправить меня сюда, положил ее в кучу детонаторов. А там десяток отбойников одновременно строчит, так что, наверное, никто не слышит вызова, — сказал рабочий из бригады взрывников.

Ли Миньшэн подхватился и выскочил из закутка, где проводилось совещание, даже не надев каски. Было видно, как он подбежал к дрезине, сказал что-то мотористу, тот уступил ему место, и инженер на предельной скорости погнал дрезину в штольню. Лю Синь успел еще увидеть, как Ли Миньшэн помахал ему рукой и широко улыбнулся — впервые за все эти дни.

Глубина еще несколько раз рыгнула, а потом все стихло.

— Как вы думаете, эти взрывы пережгли весь метан в шахте? — спросил Лю Синь у стоявшего рядом инженера. Тот смерил его недоуменным взглядом.

— Весь метан? Шутить изволите? Они, наоборот, вытряхнут из пласта еще больше метана.

И тут прогремел такой раскат грома, что небо содрогнулось, — будто сама Земля взорвалась прямо под ногами. Из горловины шахты ударило пламя. Воздушная волна вздернула Лю Синя в воздух, и мир завертелся вокруг него и подброшенных вместе с ним камней и деревяшек. На лету он увидел, что из огня вышвырнуло вагонетку — штольня выплюнула ее, как недожеванную яблочную кожуру. Он тяжело рухнул наземь, а вокруг сыпались камни, и ему казалось, что каждый камень густо измазан кровью. А под землей рокотали все новые и новые взрывы. Перед тем как потерять сознание, он увидел, что вместо огня из жерла штольни повалил густой дым.

* * *

Через год

Он шел, словно через ад. Небо закрывали тучи черного дыма, сквозь который изредка проглядывал едва видимый красный диск солнца. Трение висящих в воздухе пылинок насыщало дым статическим электричеством, которое то и дело разряжалось молниями, заливавшими голубым светом холмы, под которыми бушевало подземное пламя, и оставлявшими в памяти Лю Синя неистребимые отпечатки. Дым валил из провалов, испещривших холмы, и подножье каждого дымного столба сияло зловещим темно-красным светом от подземного огня. Выше дым постепенно чернел и извивающейся змеей устремлялся в небеса.

Дорога изобиловала колдобинами, а асфальт размяк настолько, что через каждые несколько шагов туфли Лю Синя ощутимо вязли в нем. Автомобили беженцев запрудили всю проезжую часть; все водители и пассажиры были в респираторах, хоть немного защищавших от удушливых сернистых испарений в воздухе и непрестанно летевшего, как снег, пепла, делавшего белым всё и вся. Порядок на дороге поддерживали вооруженные солдаты, а с вертолета, барражировавшего в дыму, через громкоговоритель призывали не поддаваться панике… Исход начался зимой. Предполагалось, что он займет год, но горение внезапно усилилось, и темпы эвакуации пришлось резко увеличить. В городе началась паника. Намеченный суд над Лю Синем несколько раз откладывался, а нынче утром он вдруг обнаружил, что его камера открыта, а в тюрьме нет ни охраны, ни вообще кого-нибудь. Он беспрепятственно вышел, хоть и не был уверен, что поступает правильно.

Земля вдоль дороги была изрезана трещинами и язвами, заполненными той самой густой пылью, которая с каждым шагом взвивалась вокруг него. Над придорожным прудиком поднимался пар, а поверхность была сплошь покрыта трупами рыб и лягушек. Стояла середина лета, но нигде не было видно ни единого зеленого пятнышка. Пожухлую траву скрыл пепел. Деревья засохли, а некоторые из них дымились на корню; их ветки, превратившиеся в древесный уголь, вздымались к вечернему небу, как гротескные заломленные руки. Дым вырывался и из некоторых окон опустевших домов. Он увидел, как несметные полчища крыс, изгнанных из гнезд жаром, широкими волнами пересекают дорогу… Чем дальше в холмы он уходил, тем ощутимее становился этот жар, передававшийся от ступней по всему телу, тем менее пригодным для дыхания становился загрязненный воздух. Даже респиратор почти не помогал. Жар от

огня распределялся неравномерно, и Лю Синь инстинктивно огибал самые раскаленные места. Выбор всегда находился. Там, где огонь подбирался вплотную, дома занимались пламенем, из которого время от времени слышались треск и грохот рушащихся конструкций… Он наконец-то добрался до главного входа в шахту, прошел мимо вертикального ствола, который теперь больше походил на дымоход камина; каркас все еще возвышавшегося над ним копра был раскален докрасна (некстати вспомнилось, что один из видов подземных проходов шахтеры называют «печь»). От яростного шипящего свиста у него мороз пробежал по коже, несмотря на невыносимую жару. Здание обогатительного участка было плотно окутано дымом, а кучи приготовленного к вывозу угля за нею горели уже давно и сейчас представляли собою колоссальный ком раскаленного кокса, над которым порхали языки пламени.

Здесь не было ни одной живой души. Ступни невыносимо жгло сквозь чуть не плавившиеся подошвы, телу, похоже, уже нечем было потеть, дышать было так трудно, что он ощущал себя на грани обморока, но, как ни странно, сознание оставалось совершенно ясным. Собрав до последней капли оставшиеся силы, он направился к окончательному месту назначения. Его манила горловина штольни, сиявшая алым подземным пламенем. Он все же добрался сюда. И улыбнулся.

Он повернул в сторону производственного корпуса. Над его крышей тоже курился дымок, но огня в нем определенно не было. Войдя в открытую дверь, он направился в длинную раздевалку. Озарявший комнату тусклый колеблющийся красный свет от бушевавшего в шахте огня как будто заставлял все приплясывать — в том числе и ряды шкафчиков для одежды. Он шел вдоль их длинной шеренги, читая номера, пока не отыскал тот, который был ему нужен. Он с детства запомнил тот случай, когда отца назначили старшим над самой никудышной бригадой забойщиков, с которой еще никому не удалось справиться. И его отца эта дерзкая молодежь поначалу встретила не то что в штыки, а даже с презрением. Причиной этому, как потом выяснилось, стал непривычно вежливый тон, которым он, впервые войдя с ними в раздевалку перед работой, попросил прибить на место оторванную дверцу шкафчика. На него даже не смотрели. Понять, что его вообще заметили, можно было лишь по нескольким грубым ругательствам. Отец не стал отругиваться, а также кротко попросил: «Дайте хоть гвозди, я сам прибью». Кто-то бросил ему несколько гвоздей, и тогда отец добавил: «И молоток». На сей раз никто и ухом не повел. Но внезапно все смолкли и с изумлением уставились на нового бригадира, а тот голой рукой, подушечкой

большого пальца без видимых усилий взял и вдавил все гвозди в дерево. Обстановка сразу переменилась, и молодежь тут же повернулась к бригадиру и почтительно выслушала от него инструктаж… Шкафчик не был заперт и, открыв его, Лю Синь увидел, что там до сих пор находится одежда. Он снова улыбнулся, на сей раз подумав, что прошло больше двадцати лет и, наверное, после отца здесь сменилось несколько владельцев, а гвозди, возможно, те же самые. Он снял с крючка робу и надел сначала штаны из толстого брезента, а потом такую же куртку. От спецовки, покрытой пятнами смазки, к которой особенно хорошо липла угольная пыль, исходил знакомый с детства резкий запах пота и машинного масла. Запах успокоил его и привел в чуть ли не блаженное состояние. Потом он обул тяжелые рабочие сапоги, взял каску, нашарил фонарь и прицепил его к каске. Батареи в шкафчике не оказалось; он открыл соседнюю дверцу и, конечно же, нашел там то, что нужно. Прицепив тяжелую коробку к поясу, он щелкнул выключателем и понял, что батарея разряжена. Неудивительно — все работы прекратились год назад. Впрочем, он помнил, где находится ламповая — прямо напротив раздевалки; мальчишкой он не раз смотрел, как работавшие там женщины заряжали батареи, заливая в банки дымящуюся серную кислоту. Сейчас он, конечно, не мог этого сделать — за дверью клубился желтый сернистый дым. Он благоговейно возложил на голову каску с фонарем и подошел к густо покрытому пылью зеркалу. Там он увидел в пляшущем красном свете своего отца.

— Отец, я иду вниз, сменить тебя на рабочем месте, — сказал он, улыбаясь, и зашагал к дымящемуся зеву штольни.

Пилот вертолета вспоминал потом, что, пролетая на малой высоте над стволом номер два, где завершалась зона его патрулирования, он кого-то увидел на открытом месте — черный силуэт на красном фоне вырывающегося из-под земли пламени. Неизвестный, похоже, направлялся в шахту, но уже в следующий момент пилот увидел только красный огонь и ничего больше.

120 лет спустя

Дневник семиклассника

Предки наши, оказывается, были жуть какие тупые, да и жилось им несладко.

Спросите, с чего я так решил? Нас сегодня водили на экскурсию в Музей горного дела. И больше всего меня там поразило, что они добывали твердый уголь!

Прежде всего нас прикольно одели: на голову шлем, к которому приделан фонарь, соединенный проводом с какой-то прямоугольной штукой, привешенной к поясу. Я сперва подумал, что это компьютер (слишком здоровый, правда), но оказалось, что это аккумулятор для освещения. Такая здоровая батарея легко потянет автомобиль, а они к ней крохотную лампочку цепляли! А обуть велели высокие непромокаемые сапоги. Учитель сказал, что такой была в старину рабочая одежда у шахтеров, работавших в забое. Кто-то спросил, что такое забой, а учитель сказал, что мы скоро сами все увидим.

Нас посадили в сцепленные одну за другой коробочки на колесах, стоявших на очень узких рельсах, вроде старинных поездов. Тащила коробочки отдельная машина, соединенная с подвешенным высоко над головой проводом. Весь этот поезд поехал, и вскоре мы оказались в огромной черной пещере. Там было очень темно, поскольку изредка подвешенные к потолку лампы почти ничего не освещали. Фонари, что были у нас на головах, тоже оказались слабыми — можно было ясно разглядеть разве что лицо соседа напротив. Там дул очень сильный ветер, прямо свистел в ушах. Анна завизжала; но она всегда визжит.

— Дети, сейчас мы спускаемся в шахту, — объявил учитель.

Мы ехали еще долго, но в конце концов поезд остановился, и мы вышли из довольно широкого туннеля в совсем узенький боковой лаз, такой низкий, что, если бы не шлем, я насажал бы кучу шишек на голове. Фонари на шлемах светили, конечно, но все равно разглядеть толком ничего было нельзя. Анна и еще несколько девчонок стали кричать, что им страшно.

Но шли мы недолго, и скоро перед нами открылся довольно просторный зал. Потолок здесь поддерживало множество колонн. А на той стороне зала мелькало множество пятен света, испускаемого такими же фонариками, как наши. Подойдя ближе, я увидел, что там работало множество людей. Часть из них сверлила стену какими-то тяжелыми штуками с длинными

сверлами. Учитель сказал, что они называются «отбойные молотки». Смешно! А другие большими металлическими лопатами насыпали какие-то черные куски в вагончики вроде тех, на которых мы приехали, только с высокими бортами, и еще в кожаные мешки. Вокруг них клубилась пыль, временами загораживавшая фигуры, и в ней были видны только пятна и лучи света.

— Дети, мы с вами сейчас находимся в так называемой «рудной зоне». Вы видите, как в те старые времена люди работали в шахтах.

Несколько шахтеров направились в нашу сторону. Я знал, что это всего лишь голограммы, и не пошевелился. Двое из них прошли прямо сквозь меня, так что я смог хорошенько разглядеть их — и обалдел.

— Разве в Китае нанимали чернокожих для работы в шахтах?

— Чтобы получить ответ на этот вопрос, — сказал учитель, — нужно на деле испытать, что за воздух в рудной зоне. Учтите, это будет нелегко, так что сначала наденьте дыхательные маски, которые лежат у вас в сумках.

Мы надели маски, и учитель продолжил:

— Не забывайте, что это будет не голографическая проекция, а полная реальность.

В нашу сторону поплыло густое черное облако. В свете наших фонарей было видно, что оно состоит из крошечных сверкающих частиц. Тут Анна снова завизжала, на этот раз за нею завопили и другие девочки, а потом и кто-то из мальчиков! Облако рассеялось, и я повернулся к ним, хотел посмеяться над ними, но тоже ахнул — все были черными с ног до головы; белыми остались только лица, которые были укрыты масками. Тут раздался еще один крик, и у меня волосы встали дыбом — это был голос учителя:

— Сея! Боже мой, ты не надел маску!

Сея действительно не надел маску, и лицо у него было таким же черным, как у голографических изображений шахтеров.

— Вы на уроках много раз повторяли, что история нужна для того, чтобы понять и почувствовать, как жили люди прошлого. И я захотел по-настоящему почувствовать! — оправдывался он, сверкая зубами, которые на черном лице казались ослепительно белыми.

Где-то неподалеку взвыла сирена, и уже через минуту перед нами, грубо разрушив иллюзию прошлого, беззвучно остановилась каплевидная летающая машина. Оттуда поспешно выбрались два врача. За это время вентиляция полностью устранила настоящую угольную пыль, и в просторном зале

клубились только голографические изображения ее облаков, так что белоснежные халаты врачей нисколько не испачкались. Они сразу подхватили Сею и понесли в машину.

— Мальчик, — сказал один из них, глядя ему прямо в глаза. — Твои легкие серьезно повреждены. Тебе придется не меньше недели пролежать в больнице. Твоих родителей мы предупредим.

— Погодите! — выкрикнул Сея, взмахнув дыхательной маской, которую так и держал в руке. — Неужели сто лет назад все шахтеры носили вот такие штуки?

— Закрой рот и отправляйся в больницу! — сердито перебил его учитель. — Ты очень дурно поступил!

— Но мы ведь точно такие же люди, как и наши предки. Почему же…

Сею запихнули в машину, не дав договорить.

— В нашем музее еще не было ничего подобного, — возмущенно сказал один из врачей и добавил, указав пальцем на учителя: — Вам придется за это ответить!

С этими словами он тоже влез в машину; она оторвалась от земли и упорхнула так же беззвучно, как и появилась.

— Продолжим экскурсию, — сказал расстроенный учитель. — Любая работа в шахте была связана с постоянной опасностью и требовала большого расхода физической энергии тела. Взять хотя бы эти металлические подпорки — они называются «крепь». После того как полезные ископаемые в этой области заканчивались, их обязательно полагалось убирать. Этот процесс назывался «разборка крепи».

Мы увидели рабочего с большим молотком. Он вышиб железную шпильку, и подпорка сложилась вдвое. Я и еще один мальчик попытались поднять другую опору, которая лежала на земле, но она оказалась ужасно тяжелой.

— Разбирать крепь было очень опасно, потому что земля над головой могла в любой момент обрушиться…

Над головами у нас что-то затрещало, я поднял голову и увидел в свете наших фонариков, что там, откуда только что убрали подпорку, появилась трещина. И не успел я податься в сторону, как она резко увеличилась, прямо сквозь меня с громким треском упал большой кусок голографического камня. Все вокруг заволокла пыль.

— То, что вы сейчас видели, так и называется: «обрушение», — прозвучал рядом со мною голос учителя. — Будьте внимательны. Опасные камни падают не только сверху.

Не успел он договорить, как большой кусок каменной стены совсем рядом с нами накренился, отлетел вперед со своего места,

как будто его толкнула сзади гигантская рука, и тут же рассыпался на много больших и маленьких обломков. На нас с грохотом и скрежетом обрушились голографические камни, а фонари вдруг погасли. Сквозь темноту и визг девчонок я снова услышал голос учителя.

— Это был прорыв метана. Метан — газ, который скапливается в угольных пластах и доходит до большого давления. Мы сейчас видели, что бывало, если эти каменные стены не могли выдержать такое давление и обваливались в проход.

Фонари снова включились, и все мы вздохнули с облегчением. Но тут я услышал другие странные звуки: то четкие и отрывистые, словно стук копыт бегущих лошадей, то протяжные и неразборчивые, как шепот великана.

— Смотрите, дети! А вот это уже прорыв воды.

Только мы успели сообразить, что значат эти слова, как из одного из боковых проходов недалеко от нас хлынул поток воды. Она очень быстро залила весь зал, где шла работа. Мутная вода сначала поднялась нам по колени, а потом и до пояса. Свет наших фонарей отражался в ней и рисовал на неровном потолке ежесекундно меняющиеся узоры. Мимо проплывали черные от угольной пыли деревянные брусья, шахтерские шлемы, коробки для обеда… когда вода дошла мне до подбородка, я инстинктивно задержал дыхание. А потом вода накрыла меня с головой, и я видел только бурую муть, освещенную фонарем, и время от времени поднимавшиеся откуда-то из-под ног пузыри воздуха.

— У подземных затоплений может быть много разных причин. Но, из-за чего бы они ни случались — из-за глубинных вод или из-за того, что шахта подошла слишком близко к наземному водоему, — они много опаснее, чем наводнения на поверхности земли, — сказал учитель, заглушая плеск.

Голографическая вода исчезла, и все стало таким, как было несколько минут назад. Тут я заметил какой-то странный предмет, похожий на большую металлическую жабу, раздувшую живот. Только непонятная штука была куда больше жабы и явно тяжелее. Я указал на нее учителю.

— Это взрывобезопасный электрический выключатель. Газ метан легко загорается и может взрываться, и поэтому сделали герметичный выключатель, который при соединении контактов не дает электрической искры, как обычные выключатели. Это сделано для того, чтобы избежать самой большой из известных шахтерам опасности, которую мы сейчас увидим…

Опять что-то сильно громыхнуло, но в отличие от

предыдущих случаев, звук как будто пришел откуда-то изнутри нас, вырвался сквозь барабанные перепонки наружу, мощными волнами прошелся по каждой клеточке организма, а потом нас обдало жаром, а вокруг вспыхнуло алое сияние, заполнившее каждый дюйм пространства в шахте. Но сияние тут же погасло, и все погрузилось в темноту.

— Очень мало кто мог рассказать о том, как на самом деле происходит взрыв метана, потому что выжить при этом практически невозможно, — гулко разносился в темноте бестелесный голос учителя.

— Но зачем, зачем им нужно было лезть в такие кошмарные места? — чуть не плача, спросила Анна.

— Вот за этим, — ответил учитель и поднял к свету кусок черного камня, блестевший в луче всеми своими бесчисленными гранями. Вот тут я впервые увидел каменный уголь.

— Дети, мы с вами осматриваем типичную угольную шахту середины двадцатого века. В таких шахтах была кое-какая новая техника, например, гидравлические опоры крепи и так называемые врубовые машины, выкапывавшие уголь сразу на широкой полосе. Все это несколько улучшило условия работы горняков, но все равно угольные шахты оставались очень опасным, ужасным местом. До тех пор…

Дальше пошла скукотища. Учитель принялся рассказывать об истории газификации угля, которую начали применять восемьдесят лет назад, когда нефть практически кончилась и великие державы начали готовить войска для того, чтобы захватить оставшиеся месторождения. Земля была на пороге войны, но мир спасла подземная газификация… Мы все давно это знали, так что нам было скучно.

А потом мы осмотрели современную шахту. Ничего особенного, просто те же трубы, которые мы видим каждый день, идут из-под земли куда-то вдаль. Впрочем, я впервые побывал на центральном пульте управления и увидел голограмму горения. Ох, и широко же горело! Нам показали нейтринные датчики и гравитационный волновой радар, отслеживающий подземное горение, и лазерные буры… тоже тоска, в общем.

Учитель рассказал нам историю шахты и сказал, что больше ста лет назад она была уничтожена в результате вырвавшегося из-под контроля огня, который сам собой погас только через восемнадцать лет. Оказывается, в то время наш прекрасный город был пустыней, над которой к небесам поднимался густой дым. Ни одного жителя тогда не осталось. Было много версий о том, что стало причиной пожара. Кто-то утверждал, что он случился из-за подземного испытания оружия, а другие считали, что его устроил

«Гринпис».

— Так что не нужно ностальгически тосковать по так называемым добрым старым временам, — говорил учитель. — Жизнь в то время была опасной и трудной. Но не стоит грустить из-за недостатков наших дней. Потому что и наши дни когда-нибудь назовут добрыми старыми временами.

В общем, предки наши были жуть какие тупые, и жилось им действительно несладко.

Поворотный пункт

Впервые опубликован под названием 坍缩 *в журнале «Мир научной фантастики», Чунцин, 1999.*

Сжатие Вселенной должно начаться за один час двадцать четыре минуты до восхода солнца.

Наблюдать его предполагается из конференц-зала крупнейшей астрономической аудитории страны. С космического телескопа, вращающегося по геосинхронной орбите, туда поступит изображение, которое будет проецироваться на гигантский экран размером с баскетбольную площадку. В данный момент экран пуст. Народу в зале присутствует немного, лишь те избранные, кто способен в полной мере оценить значение предстоящего события — светила теоретической физики, астрофизики и космологии. Все они сидят тихо и неподвижно, как Адам и Ева, которых Бог только-только сотворил из глины, но еще не успел вдохнуть в них жизнь.

Громадный экран не работает, и сотрудницы, отвечавшей за него, все еще нет на месте. Если она не успеет к началу, трансляцию с космического телескопа придется демонстрировать на маленьком экране, чуть больше настольного. Впечатление от исторического события будет бесповоротно испорчено.

В зал входит профессор Дин И.

Все присутствующие ученые тут же оживляются и одновременно, как по команде, встают. Подобного почтения не может вызвать у них никто и ничто, за исключением разве что самой Вселенной.

Как всегда, Дин И не удостаивает никого своим вниманием. Он не здоровается ни со всеми гостями, ни с кем-то из них по отдельности, не садится в приготовленное для него большое удобное кресло, а вроде бы бесцельно направляется в дальний угол конференц-зала. Там стоит застекленная витрина, где находится большая керамическая табличка, которой директор обсерватории очень дорожит. Это бесценная реликвия эпохи Западной Чжоу[10] — карта звездного неба, каким оно виделось невооруженному глазу летней ночью несколько тысяч лет назад. Претерпев разрушительное воздействие времени, карта теперь стала тусклой и нечеткой. Однако звездное небо за пределами здания по-прежнему яркое и чистое. Дин И достает из кармана куртки трубку и табак, спокойно набивает ее, раскуривает и затягивается. Это приводит всех в изумление, ведь у профессора хронический трахеит, он сам никогда раньше не курил, и никто не осмеливался курить рядом с ним. И вообще курение в

обсерватории строго запрещено, а эта трубка дымит сильнее, чем десяток сигарет.

Однако профессор Дин может делать все, что ему заблагорассудится. Он создал единую теорию поля, о которой некогда мечтал Альберт Эйнштейн. Целый ряд выдвинутых на основе его теории масштабных предсказаний относительно космоса были подтверждены реальными наблюдениями. На протяжении трех лет целых сто суперкомпьютеров безостановочно прогоняли математическую модель единой теории поля и получили не укладывающийся в воображение результат: Вселенная, которая расширялась около четырнадцати миллиардов лет, через два года начнет сжиматься. Два года почти прошли, остался всего один час.

Голову профессора окутывает белесый дым. Он образует немыслимые узоры, напоминающие о непостижимых идеях, которые непрерывно порождает его мозг.

К Дин И почтительно приближается директор обсерватории.

— Профессор Дин, с минуты на минуту приедет губернатор. Нам с большим трудом удалось убедить его принять приглашение. Умоляю вас, надавите на него своим авторитетом, чтобы он увеличил финансирование. Вообще-то мы не хотели обременять вас этой просьбой, но обсерватория просто в плачевном положении. Правительство страны в этом году не может ничего дать нам. И мы можем надеяться только на власти провинции. А ведь мы же главная обсерватория страны. Вы только представьте, что с нами будет. Мы не можем оплатить даже электричество для радиотелескопа. Вместо того чтобы заниматься наукой, мы думаем, как выйти из положения. — Директор указывает пальцем на керамический рельеф, которым только что восхищался Дин И. — Если бы не запрет на торговлю памятниками старины, давно уже продали бы его.

В аудиторию входит губернатор со скромной — всего два человека — свитой. Усталость на лицах прибывших тянет нить обыденности в это потустороннее место.

— Прошу извинить. О, здравствуйте, профессор Дин. Приветствую всех. Простите за опоздание. Сегодня впервые за длительный период нет дождя. Но мы все равно опасаемся наводнения. Янцзы уже поднялась почти до рекордного уровня 1998 года.

Директор обсерватории поспешно произносит несколько высокопарных приветственных слов и подводит губернатора к Дин И.

— Думаю, для начала было бы хорошо, чтобы профессор Дин ознакомил вас с концепцией сжатия Вселенной… — говорит он,

подмигивая Дин И.

— Наверно, лучше будет, если я сначала расскажу, как я представляю себе это явление, а потом профессор Дин и все остальные смогут меня поправить. Началось с того, что Хаббл обнаружил красное смещение. Не помню, когда именно. Электромагнитное излучение галактик, которое мы фиксируем, смещено в сторону красного конца спектра. Согласно эффекту Кеплера, это означает, что галактики удаляются от нас. Из этого мы можем сделать следующий вывод: Вселенная расширяется. Другой вывод из этого же явления состоит в том, что около четырнадцати миллиардов лет назад Большой взрыв привел к возникновению Вселенной. Если общая масса Вселенной меньше некоторого значения, она будет продолжать расширяться вечно; если больше, то гравитация будет постепенно замедлять расширение, пока оно не прекратится, и в конце концов это движение остановится и обернется вспять. Первоначальные измерения количества вещества во Вселенной предполагали первый вариант. Затем было установлено, что нейтрино обладают массой. Более того, во Вселенной было обнаружено огромное количество не учитывавшейся ранее темной материи. В результате предполагаемая масса Вселенной оказалась значительно больше, и представление о грядущем изменилось в пользу второго варианта, согласно которому Вселенная будет расширяться все медленнее, пока наконец не начнет сжиматься. Все галактики вселенной соберутся в едином центре тяжести. При этом из-за того же эффекта Кеплера видимый свет электромагнитного излучения звезд сдвинется к синему концу спектра, то есть возникнет синее смещение. Ну а единая теория поля профессора Дина позволила вычислить точный момент, когда расширение Вселенной сменится сжатием.

— Блестяще! — Глава обсерватории несколько раз льстиво хлопает в ладоши. — Мало кто из руководителей способен так разбираться в фундаментальной теории. Уверен, что и профессор Дин со мною согласится. — Он снова подмигивает Дин И.

— В общем, все верно. — Дин И медленно выбивает пепел из трубки на ковер.

— Да, да. Раз уж профессор Дин так считает… — На лице директора обсерватории расплывается радостная улыбка.

— Ровно настолько, чтобы показать поверхностность ваших знаний. — Дин И снова вытащил из кармана кисет.

Директор застывает на месте. Собравшиеся вокруг ученые заметно напрягаются.

— Я учился на физическом факультете, но это было тридцать лет назад, — с миролюбивой улыбкой отвечает губернатор. — С

тех пор я все перезабыл. Боюсь, по сравнению с присутствующими здесь мои знания нельзя назвать даже поверхностными. Да что там говорить, вряд ли я помню что-нибудь, кроме трех законов Ньютона.

— Но совершенно не понимаете их. — Дин И опять принимается разжигать заново набитую трубку.

Директор обсерватории качает головой, не зная, смеяться ему или плакать.

— Профессор Дин, мы с вами живем в двух совершенно разных мирах, — вздыхает губернатор. — Мой мир — чисто практический. Никакой поэзии, зато куча донельзя утомительных мелочей. Мы целый день суетимся, словно муравьи, и, как у муравьев, наш кругозор очень ограничен. Иногда, уходя из своего кабинета глубокой ночью, я останавливаюсь и некоторое время смотрю на звезды. Для меня это редкая роскошь. Ваш мир полон чудес и тайн. Ваши мысли простираются на сотни световых лет пространства и миллиарды лет времени. Для вас Земля — всего лишь пылинка во Вселенной. Для вас наша эпоха — всего лишь мгновение во времени, настолько короткое, что даже не поддается измерению. Можно подумать, что вся Вселенная существует для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство и наполнить смыслом ваше существование. Честно говоря, профессор Дин, я вам искренне завидую. Я мечтал о такой жизни в молодости, но войти в ваш мир оказалось слишком сложно.

— Но вы можете побывать в нем сегодня. По крайней мере ненадолго. Увидеть вместе с профессором Дином и всеми нами величайший момент мироздания, — говорит директор обсерватории.

— Увы, не судьба. Еще раз прошу у всех прощения. Дамбы на Янцзы внушают опасения, и я должен лично проследить, чтобы не случилось беды. Но, прежде чем уйти, я хотел бы задать профессору Дину несколько вопросов. Возможно, вы сочтете их наивными и примитивными, но я много ломал над ними голову, но так и не разобрался. Первый вопрос. Мы узнаем, что Вселенная перешла от расширения к сжатию по тому, что красное смещение сменится синим. И мы увидим это в свете всех галактик одновременно. Но ведь сейчас самая дальняя галактика, какую мы можем наблюдать, находится в четырнадцати миллиардах световых лет от нас. Из ваших расчетов следует, что сжатие начнется во всей Вселенной в один и тот же миг. Но разве в таком случае нам не придется ждать четырнадцать миллиардов лет, чтобы увидеть это синее смещение? Ведь даже перемены в свечении ближайшей звезды, Альфы Центавра, мы видим только через четыре года.

Дин И медленно выпускает клуб дыма, который плывет в воздухе, словно удаляющаяся спиральная галактика.

— Отлично. Вы все же кое-что понимаете. На уровне очень среднеуспевающего студента-физика. Да, мы увидим синее смещение у всех звезд Вселенной одновременно, а не с разрывом от четырех до четырнадцати миллиардов лет. Причина этому — квантовый эффект во вселенском масштабе. Его математическая модель очень сложна, да и вообще это, пожалуй, самая трудная для объяснения теория в физике и космологии. Я даже не буду пытаться объяснить ее вам. Однако первое откровение вы уже получили. Оно внятно предупреждает вас, что эффект от перехода Вселенной к сжатию будет куда сложнее, чем представляют себе люди. У вас есть еще вопросы? И кстати, вам нет необходимости так поспешно уходить. Ваши неотложные дела вовсе не настолько неотложны, как вам кажется.

— Согласен, на фоне всей Вселенной разлив реки Янцзы, по-видимому, недостоин даже упоминания. Но, профессор Дин, хотя загадочная Вселенная, по общему признанию, имеет свою привлекательность, проблемы реального мира по-прежнему стоят на первом месте. Мне и в самом деле нужно спешить. Благодарю вас, профессор Дин, за лекцию по физике. Надеюсь, все присутствующие сегодня увидят то, на что рассчитывали.

— Вы меня не поняли, — отвечает Дин. — Наверное, на борьбу с наводнением привлечено очень много рабочих.

— Но за ход и результат работы отвечаю я. Профессор Дин, я должен идти.

— Вы действительно ничего не поняли. Я имел в виду, что эти рабочие, должно быть, очень устали. Вы можете отпустить их.

Все замирают в растерянности.

— Что?.. Отпустить их? Зачем? Чтобы они могли посмотреть, как Вселенная начнет сжиматься?

— Те, кому это неинтересно, могут просто лечь спать.

— Профессор Дин, вы как-то несмешно шутите!

— Я нисколько не шучу. В том, что они делают, нет никакого смысла.

— Почему?

— Из-за предстоящего начала сжатия.

Губернатор долго не может найти ответ и в конце концов указывает на древнюю керамическую табличку с картой звездного неба, что выставлена в витрине.

— Профессор Дин, Вселенная расширяется уже страшно подумать сколько времени, но не так уж сильно меняется. То же и с расширением-сжатием. Место, которое человечество занимает в пространстве-времени, необычайно мало в масштабе Вселенной.

Хоть я и преклоняюсь перед вашей теорией, но все же не верю, что начало сжатия хоть как-то скажется на человеческой жизни. Больше того, мы не увидим его воздействия и через сто миллионов лет, даже если человечество просуществует столько.

— Через полтора миллиарда лет, — поправил его Дин И. — Раньше мы не сможем заметить перемен даже с самыми сильными и точными инструментами для наблюдения, какими располагаем сегодня. К тому времени Солнце уже погаснет. Так что вряд ли мы доживем.

— А на полное сжатие потребуется около четырнадцати миллиардов лет. Человечество — всего лишь капля росы на могучем древе Вселенной. Его существование настолько эфемерно, что оно ни в коей мере не способно воспринять этапы роста этого великого древа. Вы ведь не верите смехотворной болтовне в интернете о том, что при сжатии Земля сплющится, верно?

В аудиторию входит бледная молодая женщина с печальными глазами. Именно она отвечает за работу проектора для большого экрана.

Директор кидается к ней с возмущенными криками:

— Инженер Чжан, это никуда не годится! Разве вы не знаете, какое событие свершится с минуты на минуту?!

— У меня только что умер отец в больнице.

Директор сразу стихает.

— Простите… я не знал… Не могли бы вы взглянуть?..

Инженер ничего не отвечает. Усевшись за компьютер, предназначенный для управления показом на большом экране, она принимается разбираться в возникшей проблеме. Дин И, держа в зубах трубку, неторопливо направляется к ней.

— Если бы вы понимали суть и природу сжатия Вселенной, то не убивались бы об отце так сильно.

Слова Дин И приводят в негодование всех присутствовавших. Инженер вдруг вскакивает с места. Ее лицо вспыхивает от гнева, а из глаз капают слезы.

— Вы вообще человек? Может быть, по сравнению с вашей Вселенной отцы ничего не значат, но мой отец мне очень дорог. Как и любому нормальному человеку из нашего мира! А ваше сжатие — это всего лишь крошечное изменение частоты волны видимого света, который вовсе не потускнеет в ночном небе. Без навороченных приборов, которые усилят этот сигнал в десять тысяч раз, никто и не заметит этой перемены. А что ваше сжатие? Любой простой человек скажет: ничего! Какая разница, расширяется Вселенная или сужается? А вот отцы нам необходимы. Вы в состоянии это понять?

Тут до девушки доходит, на кого она кричит, она резко поворачивается и возвращается к своей работе.

Дин И вздыхает, качает головой и обращается к губернаторам:

— Да, как вы и сказали, два мира. Наш мир, — он рисует рукой в воздухе круг, охватывающий физиков и космологов, собравшихся в зале, и тычет пальцем в физиков, — минимальная размерность — десять квадриллионных миллиметра. — Палец перемещается на космологов. — Максимальная размерность — десять миллиардов световых лет. Это мир, который можно охватить лишь воображением. В вашем мире существуют разливы Янцзы, трудности с финансированием, живые и мертвые отцы… одним словом, практический мир. Но прискорбно то, что люди всегда стремятся разделить эти два мира.

— Но вы же сами видите, что они существуют раздельно, — отвечает губернатор.

— Нет! Элементарные частицы невообразимо малы, но мы состоим из них. Вселенная невообразимо велика, но мы находимся в ней. Любая перемена что в микроскопическом, что в макроскопическом мире затрагивает все и вся.

— Но как именно проявит себя сжатие, когда начнется?

Дин И внезапно закатывается хохотом. Это не просто нервный смех. В нем угадывается что-то мистическое. И всем почему-то делается очень страшно.

— Ладно, выпускник физического факультета. Расскажите, пожалуйста, что вы помните о взаимоотношении пространства-времени и материи.

И губернатор, как старательный студент, послушно говорит:

— Как следует из теории относительности и квантовой теории, на которых основана современная физика, пространство и время неотделимы от материи. Они не способны существовать обособленно. Абсолютного пространства-времени не существует. Время, пространство и материальный мир неразрывно связаны вместе.

— Отлично. Но кто действительно понимает смысл этого постулата? Вы? — Дин И задает этот вопрос сначала губернатору, потом оборачивается к директору обсерватории. — Вы? — Потом к женщине-инженеру, занятой своей работой. — Вы? — Он указывает на сгрудившихся в стороне лаборантов. — Вы? — И, наконец, широким жестом обводит группу знаменитых ученых: — Может быть, хотя бы вы? Нет, никто из вас этого не понимает. Вы воспринимаете Вселенную в понятиях абсолютного пространства-времени так же естественно, как ступаете ногами по земле. Абсолютное пространство-время и есть ваша земля. Вы не в

состоянии оторваться от нее. Говоря о расширении и сжатии вы уверены, что это просто-напросто звезды разбегаются и собираются в кучку в абсолютном пространстве-времени.

Произнося эту тираду, он подходит к стеклянной витрине, открывает дверцу и вынимает бесценный рельеф, изображающий звездное небо. Легонько гладит пальцами поверхность таблички, любуясь ею. Директор обсерватории испуганно подставляет руки, чтобы подхватить сокровище. Старинный рельеф хранится в обсерватории более двадцати лет, и ничья рука еще не дерзала касаться его. Директор ждет, когда же почетный гость положит звездную карту на место, но он вместо этого с силой отбрасывает ее в сторону!

Бесценная древняя реликвия падает на ковер и разбивается на несчетное количество мелких осколков.

Атмосфера в зале буквально леденеет. Никто не может ни пошевелиться, ни что-то сказать, лишь Дин И, единственный подвижный элемент оцепеневшего мира, неторопливо расхаживает по помещению и вещает без остановки.

— Пространство-время и материя не просто неразделимы. Расширение и сжатие Вселенной как раз и являют собой пространство-время. Да, друзья мои, это и есть пространство-время!

У физика из рук падает стеклянная чашечка и разбивается со звуком, который кажется всем громоподобным. Физик потрясен отнюдь не тем, чем все остальные. Не варварски разбитым уникальным памятником древних науки и искусства, а последней услышанной фразой.

— Вы хотите сказать… — срывающимся голосом бормочет космолог, уставившись на Дин И.

— Да. — Дин И кивает и поворачивается к губернатору. — Теперь и до них дошло.

— Так вот что означает отрицательный временной параметр в расчетных результатах единой математической модели… — стонет физик.

Дин И кивает.

— Почему вы заранее не объявили об этом миру?! — гневно восклицает другой физик. — Это же полнейшая безответственность!

— А какой смысл? Это лишь вызвало бы всемирную панику. Разве мы в состоянии что-то противопоставить пространству-времени?

— Что все это значит?! — теряет терпение ничего уже не понимающий губернатор.

— Сжатие… — бормочет, словно во сне, директор

обсерватории, известный астрофизик.

— Неужели сжатие Вселенной все-таки повлияет на человечество?

— Повлияет? Нет, оно полностью изменит его.

— То есть как — изменит?

Ученые наперебой обмениваются какими-то заумными фразами, будто не слыша его вопроса.

— Да скажите же наконец хоть кто-нибудь, — впервые повышает голос не на шутку встревоженный губернатор, — что случится, когда свет перейдет в синее смещение и Вселенная начнет сжиматься?

— Время развернется, — кратко говорит Дин И.

— …Развернется? — недоуменно повторяет губернатор, переводя взгляд с директора обсерватории на Дин И и обратно.

— Время пойдет вспять, — поясняет директор.

Громадный экран включается. Перед присутствующими возникает величественное зрелище звездного неба. Чтобы момент начала сжатия был лучше виден, компьютер усилил эффект частотного сдвига излучения, выведя его в видимую область. Сейчас весь свет, излучаемый звездами и галактиками, кажется на экране красноватым, что говорит о том, что в нем присутствует красное смещение и, следовательно, Вселенная все еще продолжает расширяться. Но как только начнется сжатие, красный сменится синим. В углу экрана появляется табло обратного отсчета; он начинается со 150 секунд.

— Четырнадцать миллиардов лет время сопровождало расширение Вселенной, ну а теперь его движению осталось менее трех минут. А потом оно потечет в такт сжатию Вселенной. Время двинется вспять. — Дин И подходит к стоявшему в оцепенении директору лаборатории и указывает на разбитую керамическую таблицу. — Не переживайте из-за этой реликвии. Вскоре после того как даст о себе знать синее смещение, эти осколки сольются вместе. Ваш амулет вернется в витрину, а потом, через много лет, — в землю, туда, где его нашли. Еще через несколько сотен лет он окажется в горне гончара, а вскоре после этого сделается комом глины в руках древнего астронома…

Он направляется к женщине-инженеру, только что потерявшей отца.

— И вам вовсе не стоит горевать по отцу. Он скоро вернется к жизни, и вы снова воссоединитесь. Раз отец так дорог вам, радуйтесь тому, что Вселенная как раз сейчас начнет сжиматься, потому что в сжимающейся Вселенной он проживет гораздо дольше вас. Он увидит, как вы, его дочь, покидаете этот мир. Да, мы, старики, только-только начинаем свой жизненный путь, а вы,

молодежь, сразу вступаете в преклонные года. Которыми теперь будет детство. — Он поворачивается к губернатору. — Раз за время вашего пребывания на должности Янцзы ни разу не выходила из берегов, значит, этого не случится впредь, потому что будущее в нынешнем понимании будет существовать всего сто секунд. Будущее сжимающейся Вселенной — это прошлое Вселенной расширяющейся. Ближайшее наводнение случится в 1998 году. Но тогда вы будете уже ребенком и ответственность за это ни в коем случае не понесете. Ну, вот, минута осталась. И сейчас совершенно неважно, кто есть кто. Никто уже никем не станет. Можно делать что угодно, не тревожась о будущем. Будущего больше нет. Что касается меня, я сейчас делаю то, что всегда хотел, но не мог, из-за трахеита. — Он запускает руку в карман, снова вынимает табак, раскуривает трубку и дымит с довольным видом.

На табло цифры 50.

— Не может быть! — кричит губернатор. — Это же нелогично! Время пойдет назад. Если все пойдет задом наперед, как вы говорите, значит, мы и говорить будем так же? Это ни в какие ворота не лезет!

— Вы привыкнете и к этому.

Табло: 40 секунд.

— Проще говоря, теперь все будет повторяться. История и жизнь станут полностью предсказуемыми и скучными.

— Ничего подобного. Вы будете жить в другом времени. Нынешнее прошлое станет для вас будущим. Сейчас мы в ближайшем будущем того времени. Помнить будущее никто не в состоянии. И как только красное смещение сменится на синее, ваше будущее станет неведомым. Вы не будете помнить ничего, что было с вами до того момента. Ничего.

Табло: 20 секунд.

— Не может быть!

— Вы очень скоро узнаете, что жизнь от старости к детству, от зрелости мышления к наивности не просто рациональна, а вполне естественна. Если кто-то заговорит о том, что время может идти в другую сторону, вы сочтете его безумцем. Осталось около десяти секунд. Совсем скоро Вселенная пройдет через необычную точку — миг, когда времени просто не будет. А потом мы окажемся в сжимающейся Вселенной.

Табло: 8 секунд.

— Не может быть! Не может, и всё!!!

— Хотите верьте, хотите нет… Сами узнаете.

Табло: 5, 4, 3, 2, 1, 0.

Цвет звезд во Вселенной сменился с тревожного красного на

невыразительный белый…

…Время достигает той самой необычной точки…

…цвет звезд делается из белого красивым, умиротворяющим светло-синим. Свет передвигается в синюю область. Начинается сжатие.

…

…

еитажс ястеаничаН. ьтсалбо ююнис в яслунивдереп тевС. минис-олтевс мищюяровториму, мывисарк оголеб зи яслаледс дзевз тевц…

…икчот йончыбоен йомас йот олгитсод ямерВ…

…йылеб йыньлетизарывен ан огонсарк огонжоверт с яслинемс йоннелесВ ов дзевз тевЦ

Табло: 5, 4, 3, 2, 1, 0. 0,1,2,3,4, 5: олбаТ

етеанзу имаС. тен етитох, етьрев етитоХ…

!!ёсв и, тежом еН!ьтыб тежом еН –

Табло: 8 секунд. днукес 8: олбаТ

йоннелесВ ясйещюамижс в ясмежако ым мотоп А. тедуб ен отсорп инемерв адгок, гим — укчот юунчыбоен зереч тедйорп яаннелесВ орокс месвоС. днукес итясед олоко ьсолатсО. мецмузеб оге ететчос ыв, уноротс юугурд в итди тежом ямерв отч, мот о тировогаз от-отк илсЕ. анневтсетсе енлопв…

Зеркало

Первая публикация под названием 镜子 в «Мире научной фантастики», Чэнду, 2004 г.

> *По мере углубления исследований человечество обнаруживает, что квантовые эффекты — это не более чем поверхностная рябь в океане бытия, тени возмущений, возникающих из-за более глубоких законов, управляющих работой материи. Когда эти законы начинают проявляться, постоянно меняющаяся картина реальности квантовой механики снова стабилизируется, вероятности снова заменяются детерминированными переменными. В этой новой модели Вселенной цепочки причинно-следственных связей, которые считались устраненными, снова всплывают на поверхность, причем яснее, чем прежде.*

Слежка

В кабинете, украшенном знаменами Китайской Народной Республики и Коммунистической партии Китая, по разные стороны широкого стола сидели двое мужчин.

— Я знаю, что вы очень заняты, но все же обязан сообщить об этом. Честно говоря, я никогда не видел ничего подобного, — сказал сидевший спиной к двери, одетый в форменный китель с нашивками сотрудника полиции 2-го уровня[11]. Ему было около пятидесяти, черты его лица были жесткими и энергичными, а спину он держал прямо, будто шомпол проглотил.

— Если такие слова говорит ветеран-следователь с тридцатилетним опытом вроде вас, Сюйфэн, к ним необходимо прислушаться. — Большой Начальник говорил, не отрывая взгляда от красно-синего карандаша, который медленно крутил в пальцах, как будто стремился оценить качество заточки обоих грифелей. Он крайне редко смотрел на своих собеседников. За многие годы службы под его началом Чэнь Сюйфэн лишь трижды встретился взглядом с Большим Начальником. И каждый из этих случаев сопровождался серьезными переменами в жизни Чэня.

— Как только мы пытаемся что-то предпринять, объект неизменно уходит от нас. Он знает, что мы собираемся делать.

— Ну, с таким-то вы неоднократно сталкивались.

— Будь это обычным невезеньем или нашими ошибками — и говорить было бы не о чем. Мы даже всерьез заподозрили, что кто-то у нас сливает информацию.

— Лично я, зная ваш коллектив, не допускаю такой возможности.

— Так оно и оказалось. Как вы и велели, мы максимально сократили число участников этого дела. В оперативной группе всего четыре человека, и всё полностью знают только двое. Но на всякий случай я решил созвать общее совещание и устроить всем что-то вроде очной ставки. Подготовку я поручил Ченьбину — вы его знаете, он из 11-го отдела, очень надежный; это он разрабатывал Сун Чена — и вот тогда это произошло.

Вы только не подумайте, товарищ начальник, что я пытаюсь шутить. Это чистая правда. — Чэнь Сюйфэн усмехнулся, как будто сам удивлялся собственным оправданиям. — Тогда-то он и позвонил. Наш объект позвонил мне на сотовый телефон! И сказал дословно следующее: «Не трудитесь собирать совещание — среди вас нет «кротов». И случилось это через тридцать секунд после того, как я отдал Ченьбину приказание собрать людей!

Карандаш, безостановочно крутившийся в пальцах Большого

Начальника, замер.

— Конечно, можно предположить, что нас прослушивали каким-то устройством, но это невозможно. Я выбрал для разговора с Ченьбином совершенно неожиданное место — посреди концертного зала филармонии, когда там шла репетиция хора к концерту в честь Дня образования КНР. Чтобы услышать друг друга, нам приходилось говорить на ухо.

И подобные, с позволения сказать, шутки происходили с тех пор не раз. В общей сложности он звонил нам восемь раз, каждый раз по поводу того, о чем мы только что говорили или что сделали. Самое страшное, что он не только все слышит, но и все видит. Однажды Ченьбин собрался с обыском в дом родителей объекта. Он и еще один оперативник даже не успели выйти из управления, когда у него зазвонил телефон. Это оказался объект, и он совершенно беззаботным тоном сказал: «У вас, ребята, не тот ордер на обыск. Мои родители — люди очень осторожные. Они могут принять вас, ребята, за мошенников». Ченьбин достал бланк и убедился, что действительно взял не тот ордер.

Большой Начальник беззвучно положил карандаш на стол, явно ожидая от Чэнь Сюйфэна продолжения, но у того, похоже, иссяк заряд. Тогда Большой Начальник достал сигарету. Чэнь Сюйфэн тут же полез в карман кителя за зажигалкой, но там ее не оказалось.

И тут зазвонил один из двух стоявших на столе телефонов.

Чэнь Сюйфэн скосил глаза на определитель номера и чуть слышно шепнул:

— Это он.

Большой Начальник невозмутимо указал ему на телефон. Чэнь нажал кнопку громкой связи, и раздался явно очень молодой, но усталый голос:

— Зажигалка у вас в портфеле.

Чэнь Сюйфэн взглянул на Большого Начальника и, не дожидаясь реакции, поднял с пола портфель-дипломат, открыл его, не увидел зажигалки и принялся рыться в содержимом.

— Она завалилась между страницами брошюры о реформе регистрации городских домохозяйств.

Чэнь Сюйфэн извлек брошюру. Зажигалка, громко клацнув, выпала на полированную столешницу.

— Хорошая у вас зажигалка. Французская, фирмы «Дюпон», белое золото — сплав с палладием, по тридцать бриллиантов на каждой стороне. Стоит… погодите, уточню… тридцать девять тысяч девятьсот шестьдесят юаней.

Большой Начальник сидел неподвижно, а Чэнь Сюйфэн, вскинув голову, окинул взглядом просторное помещение.

Большой Начальник вел эту беседу не в своем постоянном кабинете, а выбрал наугад кабинет одного из руководителей рангом ниже, попросив того ненадолго оставить их там наедине.

Между тем объект продолжил демонстрацию своих возможностей.

— Большой Начальник, вы курите «Чунхва», и у вас в пачке пять сигарет. А вот «мевакора», от холестериновых бляшек, осталась всего одна таблетка; не забудьте послать секретаря в аптеку.

Чэнь Сюйфэн открыл лежавшую на столе пачку сигарет, Большой Начальник извлек из кармана блистер с таблетками. В обоих случаях объект оказался прав.

— Перестаньте гоняться за мною. Не только вы сейчас в непростом положении, но и я тоже. Я плохо понимаю, что делать дальше, — продолжал объект.

— Не могли бы мы встретиться лично, чтобы обсудить все это? — спросил Большой Начальник.

— Поверьте, это кончилось бы плохо для обеих сторон. — И в телефоне запищали гудки отбоя.

Чэнь Сюйфэн выдохнул. Теперь он получил неоспоримое подтверждение своим словам, а ведь недоверия со стороны Большого Начальника он опасался больше, чем выходок своего противника.

— Словно призрака увидел, — сказал он, тряхнув головой.

— Я не верю в привидения, а вот опасность определенно вижу, — ответил Большой Начальник и в четвертый раз за все время службы Чэнь Сюйфэна посмотрел ему прямо в глаза.

Заключенный и подследственный

В изоляторе предварительного заключения № 2, расположенном на окраине города, надзиратель ввел Сун Чена в камеру. Там уже находилось шесть человек, в основном преступники, осужденные на большие сроки лишения свободы.

Новичка встретили холодные взгляды. Как только охранник вышел и закрыл за собой дверь, к нему медленно подошел тощий низкорослый человечек.

— Здорово, свинина! — неожиданно громко выкрикнул он и, увидев растерянность Сун Чена, объяснил: — По местному закону, здесь есть Большой, Второй, Третий… А ты Свинина — самый мелкий. Ты только не надейся, что это по срокам поступления. — Он ткнул пальцем в сторону развалившегося в углу бородача. — Братец Бао всего три дня здесь, но сразу стал Большим. Ты небось на воле должность занимал важную, ну а здесь ты последняя шушера! — Он повернулся к бородатому. — Что скажешь, братец Бао, — как его прописать?

— Стереосистемой, — не задумываясь бросил тот.

Еще двое зэков вскочили с коек. Они перевернули Сун Чена вниз головой, держа за икры, поднесли его к параше и медленно опустили, так, что он чуть не касался головой содержимого.

— А теперь пой! — велел тощий. — Это и называется «стереосистема». Спой что-нибудь душевное, вроде «Левая рука, правая рука».

Сун Чен петь не стал. Громилы, немного подождав, выпустили его, и он ухнул вниз, головой в чан.

Сун Чен поспешно вылез, и его тут же начало рвать. Он знал, что в преступном мире проделанное с ним называется «опустить». До него сразу дошло, что издевательская процедура была задумана кем-то заранее и теперь, в какую бы тюрьму он ни попал, его неизменно будет ждать презрение сокамерников.

Веселившиеся, глядя на его унижение, соседи по камере вдруг поспешно разбежались по своим койкам. Дверь открылась, и появился тот же самый надзиратель. С отвращением взглянув на Сун Чена, стоявшего на коленях перед парашей, он приказал:

— Живо умойся под краном. К тебе посетитель.

* * *

Поспешно умывшись, Сун Чен проследовал за надзирателем в просторное помещение, где ждал неожиданный посетитель. Он

оказался очень молодым человеком с узким лицом, взлохмаченными волосами и в очках с толстыми стеклами. В руке у него был огромный портфель.

Сун Чен сел на стул с отстраненным видом, не глядя на пришедшего. Вообще-то и само разрешение на свидание, и тем более то, что встреча происходит здесь, а не в специальной комнате со стеклянной перегородкой, породили у него хорошие предчувствия. Однако первые же слова незнакомца заставили Суна удивленно вскинуть голову.

— Меня зовут Бай Бин, я инженер из Центра метеорологического моделирования. Я нахожусь под следствием по той самой причине, по которой пострадали вы.

Сун Чен пристально посмотрел на посетителя. Очень уж странно тот разговаривал — такие вещи следует говорить чуть слышным шепотом, но Бай Бин разговаривал в полный голос, как будто речь шла о чем-то таком, что ни в малейшей степени никого не интересовало.

Бай Бин, похоже, уловил его растерянность.

— Два часа назад я звонил Большому Начальнику. Он хотел поговорить со мною лично, но я отказался. Тогда за мной пустили слежку и сопровождали до самых дверей тюрьмы. Арестовывать меня не стали, потому что полицию заинтриговало мое намерение встретиться с вами. Они хотят узнать, что я вам скажу, и сейчас внимательно слушают наш разговор.

Сун Чен перевел взгляд с лица Бай Бина на потолок. Пришелец не вызывал у него доверия, да и помимо всего прочего его не интересовала возможная тема разговора. Ему грозила смертная казнь, и, хотя закон сохранил ему жизнь, он был полностью сломлен. Его сердце было все равно что мертво. Его теперь просто ничего не могло заинтересовать.

— Я знаю всю правду, — сказал Бай Бин.

Тут Сун Чен все же невольно улыбнулся. Пусть чуть заметно, но все же. *Правды не знает никто, кроме них*. Но произносить вслух эти слова он не стал.

— Семь лет назад вы начали работать в провинциальной Комиссии по проверке дисциплины. Повышение получили только в прошлом году.

Сун Чен молчал, хотя уже начал злиться. Слова Бай Бина вновь пробудили воспоминания, от которых он все время старался уйти.

Громкое дело

В начале века Местное народное правительство Чжэнчжоу начало политику назначения заместителями руководителей людей с высшим образованием и — предпочтительно — с ученой степенью. Этому примеру последовали многие другие города, а позднее ту же практику начали применять правительства провинций, даже отменив требования к году выпуска и предложив более высокие стартовые позиции. Это был отличный способ продемонстрировать миру широту взглядов и дальновидность кадровиков, хотя на деле привлекательная с виду концепция сводилась всего-навсего к политическому жесту. Кадровики действительно были дальновидны — они прекрасно знали, что этим умным, хорошо образованным молодым людям катастрофически не хватало политического опыта. И, вступив в незнакомую и безнравственную политическую сферу, они сразу же терялись в бюрократическом лабиринте, не имея ориентиров и почвы под ногами. В результате этой затеи значительная часть вакансий так и осталась незаполненной, а вот политические позиции кадровиков существенно укрепились.

Сун Чен, бывший тогда преподавателем права, соблазнился открывающимися перспективами и сменил уютный кампус на мир политики. Из коллег, выбравших тот же путь, никто не продержался дольше года; они побросали новые должности, совершенно упав духом и утратив прежние идеалы. А вот Сун Чен явился исключением. Он не только удержался в политике, но и немало преуспел.

Своими успехами он был обязан двоим людям. Одним из них был его институтский однокашник Лю Вэньмин. Он поступил на государственную службу еще на последнем курсе обучения; Сун Чен тогда готовился в аспирантуру. Благодаря привилегиям семейного происхождения и собственным самоотверженным усилиям он через десять лет стал самым молодым секретарем Комиссии по проверке дисциплины в стране, возглавив организацию, отвечающую за поддержание дисциплины в партии во всей провинции. Именно он посоветовал Сун Чену отказаться от книжной премудрости ради практики управления. Когда «простой ученый» только начинал работать, Лю не просто вел его за руку, а скорее помогал переставлять ноги, самым форменным образом обучал его ходить. Он обводил его вокруг ловушек и предательств, которые Сун Чен сам никогда не заметил бы, и вывел на ту самую дорогу, которая привела к сегодняшнему дню. Вторым был Большой Начальник… При мысли о нем сердце Сун

Чена стиснул спазм.

— Вы не можете отрицать, что сделали выбор самостоятельно. Вас ведь никто к этому не подталкивал, верно?

Сун Чен кивнул. Да, ему предоставили выход из сложившегося положения — можно сказать, широкий проспект с его именем, обозначенным большими светящимися буквами.

Бай Бин продолжал:

— Несколько месяцев назад вы встречались с Большим Начальником. Не сомневаюсь, что это событие вы хорошо запомнили. Вы посетили его на пригородной вилле на берегу Янцзы.

Выйдя из машины, вы увидели, что он ждет вас у ворот — редкая и высокая честь. Тепло пожав вам руку, он провел вас в гостиную.

Обстановка там, на первый взгляд, производит впечатление непритязательной простоты, но это ошибка. Старинная мебель из красного дерева стоит миллионы. Простенькая картина-свиток, висящая на стене, выглядит еще старше, если присмотреться, видно даже, что она повреждена насекомыми, но ведь это не что иное, как «Вид на реку Данхэ» кисти У Бина, художника династии Мин, купленная на аукционе «Кристи» в Гонконге за восемь миллионов гонконгских долларов. А чашка чая, который Большой Начальник лично заварил для вас? Эти листья получили пять звезд на Международном конкурсе чая и продаются по девятьсот тысяч юаней за полкило.

О, да, Сун Чен помнил тот чай, о котором упомянул Бай Бин. Отвар сверкал зеленью наилучшего изумруда, в его прозрачном слое плыли несколько нежных листочков, наводивших на мысль о томных звуках струн гучжена, на котором играет какой-нибудь святой отшельник высоко в горах… Он даже вспомнил, что почувствовал тогда: «О, если бы мир за стенами дома мог быть таким прекрасным и чистым!» Апатия, словно чехлом накрывшая было его подавленные мысли, вдруг развеялась, и затуманенный разум вновь обрел четкость. Он уставился на Бай Бина широко раскрытыми от потрясения глазами.

Откуда ему все это известно? Вся эта история была тайной из тайн, и знали о ней не более четырех человек, считая самого Сун Чена.

— Кто вы такой? — Это были первые слова, которые Сун Чен произнес с тех пор, как вошел в комнату.

Бай Бин улыбнулся.

— Я ведь уже представился. Я самый обычный человек. Но признаюсь откровенно: не просто много знаю, а знаю все. Точнее говоря, имею возможности знать все. Потому-то они хотят

избавиться от меня, как уже избавились от вас. — И он продолжил свой рассказ:

— Большой Начальник сидел рядом, положив одну руку вам на колено. И смотрел на вас с такой доброжелательной симпатией, что любой нижестоящий просто растаял бы от блаженства. Насколько я знаю (а я, как вы помните, знаю все), он никогда еще и ни к кому не проявлял такой симпатии при общении. Он сказал вам: «Не волнуйтесь, молодой человек, мы все здесь товарищи. Что бы ни было, просто говорите честно и верьте, что получите такой же честный ответ. Мы всегда можем найти решение… у вас есть идеи, есть способности, есть чувство долга и чувство предназначения. Два качества, которые я назвал последними, в наши дни встречаются у молодых кадров так же редко, как оазисы в пустыне, и так же ценны. Вот почему у меня сложилось такое высокое мнение о вас. В вас я вижу отражение себя — каким я был когда-то».

Должен отметить, что Большой Начальник вполне мог говорить правду. На службе у вас было мало возможностей для общения с ним, но все же несколько раз вы нос к носу сталкивались с ним в коридорах Управления или где-то на митингах, и он всегда останавливал вас для того, чтобы немного побеседовать. А ведь он очень редко снисходил до рядовых сотрудников, особенно молодых. На это обратили внимание. Пусть он не помогал вам в работе какими-то конкретными словами или действиями, но и эти поступки весьма способствовали вашей карьере.

Сун Чен опять кивнул. Все это было ему прекрасно известно, и он высоко ценил поступки Большого Начальника. И все последние годы он думал о том, как бы отблагодарить благодетеля.

— Затем Большой Начальник поднял руку и не глядя подал какой-то знак. И тут же какой-то человек вошел и положил на стол толстую стопку бумаг. Вы должны были заметить, что это был не его обычный секретарь.

Большой Начальник положил ладонь на документы и сказал: «Проект, который вы только что завершили, как нельзя лучше демонстрирует ваши бесценные способности. Для сбора доказательств потребовалось широкое и скрупулезное расследование, но и документальное обоснование оформлено всеобъемлюще, подробно и надежно, а сделанные выводы неопровержимы. Трудно поверить, что вы сделали это всего за полгода. Партии было бы очень полезно иметь в Комиссиях по проверке дисциплины больше таких старательных и талантливых сотрудников, как вы…» Полагаю, рассказывать, что вы тогда

думали и чувствовали, необязательно, да?

Да уж, в этом вовсе не было необходимости. Сун Чен никогда прежде не испытывал такого ужаса. При виде горы бумаг он сначала содрогнулся, как от удара током, а потом оцепенел.

— Все началось с расследования незаконного распределения государственных земель, которое вы начали по поручению Центральной Комиссии…

Вам на всю жизнь врезался в память случай, когда еще в детстве вы с двумя друзьями залезли в Стариковскую пещеру — так ее называют местные. Входной лаз был всего полметра высотой, и вам пришлось ползти на животе. Зато внутри оказался колоссальный зал, до потолка которого не доставали лучи ваших фонарей. И вы видели там лишь бесчисленную стаю летучих мышей, которые мелькали в свете фонарей. Каждый, даже чуть слышный, звук отзывался вдали громким раскатистым эхом. И у вас кровь стыла в жилах… Случившееся с вами можно описать такой метафорой: охотник отправился по следам зайца, а привели они его в логово даже не тигра, а непобедимого дракона. По мере того как ваше расследование углублялось, перед вами раскрывалась грандиозная коррупционная сеть, охватывающая всю провинцию, и каждая нить паутины вела в одном направлении, к одному человеку. И теперь совершенно секретный отчет о проверке дисциплины, который вы подготовили для Центральной комиссии, находился у него в руках! В расследовании вы рассматривали всевозможные наихудшие сценарии, но тот, с которым вы столкнулись сейчас, вам и не снился. Это повергло вас в полную панику. Вам удалось выдавить из себя лишь наивную фразу: «Как это к вам попало?» Большой Начальник снисходительно улыбнулся и снова поднял руку для небрежного жеста. И вы сразу же получили ответ: в комнату вошел глава Комиссии Лю Вэньмин.

Вы встали с места и уставились на него яростным взглядом.

«Как… как ты мог? Как ты мог так нарушить все без исключения правила нашей организации?» Но Лю Вэньмин оборвал вас резким взмахом руки и еще яростнее закричал на вас: «Нет, это как *ты* мог!? Как ты посмел вести такое дело, даже не поставив меня в известность?»

«Я целый год замещал тебя, пока ты был на повышении квалификации в Центральной партийной школе, — огрызнулись вы. — Естественно, я не мог ничего сообщать туда — это было бы противозаконно!»

Лю Вэньмин сокрушенно покачал головой; у него был такой вид, будто он сейчас расплачется от отчаяния. «К счастью, я успел перехватить этот доклад… ты в состоянии хотя бы представить

себе последствия? Сун Чен, твоя трагическая ошибка в том, что ты делишь мир на черное и белое, тогда как в реальности он всегда серый!»

Сун Чен медленно, с трудом выдохнул. Ему вспомнилось, как он тупо смотрел на своего институтского друга, не в силах поверить, что тот мог сказать что-то подобное. Тот никогда раньше не высказывал подобных мыслей. Неужели ненависть к коррупции среди чиновников, которую он демонстрировал в их бесчисленных ночных беседах, непоколебимое мужество, которое он проявлял, когда они занимались бесчисленными деликатными делами, вызывающими давление со всех сторон, искренняя забота о партии и нации, которую он высказывал в бесчисленные рассветы после изнурительных ночных дежурств на работе… неужели все это было не чем иным, как лицемерием?

— Не сказать, чтобы Лю Вэньмин прежде все время лгал. Скорее он просто никогда не раскрывал душу перед вами. Он вроде знаменитого торта «Запеченная Аляска» — горячее безе с ледяным мороженым. Горячая часть действительно горяча, а холодная холодна. Но Большой Начальник даже не взглянул на него, а напротив, хлопнул ладонью по столу. «Какой еще серый?! Вэньмин, я ведь на самом деле терпеть не могу эту твою идеологию! Сун Чен проделал выдающуюся, безупречную работу. В этом отношении он куда лучше тебя!» Потом он повернулся к вам: «Молодой человек, вы поступили именно так, как должны были поступить. Если человек, особенно молодой, теряет эту веру и чувство долга, то сам он определенно никуда не годится. Я презираю таких!»

Пожалуй, эти слова поразили Сун Чена еще сильнее, чем все прочие события последних минут. Хоть они с Лю Вэньмином были ровесниками, Большой Начальник назвал *молодым* именно его, да еще и несколько раз повторил это. Подтекст был совершенно ясен: против меня ты еще жалкий щенок. В сложившемся положении Сун Чен не мог не признать, что это истинная правда.

— Ну а Большой Начальник продолжал: «И все же, молодой человек, вам бесспорно пора взрослеть. Это ясно из вашего доклада. На электролитическом алюминиевом заводе Хэньгуй действительно есть проблемы, и даже посерьезнее тех, что вы отметили в своем расследовании. Там замешаны не только местные чиновники; с ними активно сотрудничали в серьезных юридических нарушениях иностранные инвесторы. Как только делу будет дан ход, иностранцы заберут свои инвестиции. Крупнейшее в стране предприятие по электролитическому производству алюминия вскоре остановится. Бокситовые рудники

Туншань, поставляющие в Хэньгуй алюминиевую руду, тоже окажутся в критическом положении. Дальше в цепочке стоит атомная электростанция Чэнлинь. Из-за энергетического кризиса последних нескольких лет ее построили с избыточной мощностью, и почти весь этот избыток электроэнергии в настоящее время идет на алюминиевый завод. Прекратит работать Хэньгуй — почти наверняка обанкротится и АЭС Ченлинь. Утратит смысл существования химический завод Чжаосикоу, который поставляет обогащенный уран для Чэнлиня… Как следствие пойдут прахом почти семьдесят миллиардов юаней государственных инвестиций, и от тридцати до сорока тысяч человек потеряют работу. Все эти предприятия расположены в ближнем пригороде столицы провинции — значит, жизненно важный для всей страны город мгновенно погрузится в хаос… И судьба Хэньгуя, на которой я столь подробно остановился, — это лишь малая часть проблемы. В деле фигурируют один руководитель провинциального уровня, три руководителя субпровинциального уровня, двести пятнадцать чиновников уровня префектуры, шестьсот четырнадцать чиновников уездного уровня и бесчисленное множество чиновников более низкого ранга. Обвиняемые так или иначе — но всегда тесно! — связаны с почти половиной наиболее преуспевающих крупных предприятий и наиболее перспективных инвестиционных проектов, имеющихся в провинции. Как только секрет раскроется, вся экономика и политическая структура провинции рухнут как подкошенные! И мы не знаем и не можем предсказать, какие еще худшие последствия может повлечь за собой столь масштабный и серьезный перелом. От политической стабильности и экономического роста, ради достижения которых так упорно трудилась наша провинция, ничего не останется. Пойдет ли это на пользу партии и стране? Молодой человек, вам пора отрешиться от образа мыслей ученого-юриста, требующего справедливости по закону, несмотря ни на что! Это безответственно. Человечество смогло продвинуться по пути истории до сегодняшнего дня лишь благодаря умению достигать равновесия, золотой середины между различными элементами. Отказ от равновесия и стремление к крайностям — признак крайней незрелости в политике».

Как только Большой Начальник умолк, заговорил Лю Вэньмин: «Дела с Центральной комиссией я улажу. Тебе нужно лишь грамотно изъять все материалы у тех, кто работал по этому направлению. На следующей неделе я досрочно отпрошусь с курсов ВПШ, вернусь и помогу тебе…»

«Негодяй! — Большой Начальник неожиданно снова хлопнул

по столу. Лю Вэньмин аж подпрыгнул от испуга. — Так вот как ты воспринял мои слова? Ты, наверное, решил, будто я пытаюсь заставить этого молодого человека отказаться от своих принципов и долга?! Вэньмин, ты знаешь меня много лет. Скажи откровенно: неужели ты на самом деле считаешь, будто мне недостает партийного сознания и принципов? Когда ты в своем возрасте успел стать таким склизким? Это меня расстраивает. — И он снова повернулся к вам. — Молодой человек, до сих пор вы поистине прекрасно справлялись со своей работой. Вот и впредь так же твердо преграждайте путь недобросовестному вмешательству и давлению и не давайте спуску коррумпированным элементам! Ведь и глазам, и сердцу больно смотреть на то, что они творят. Во имя народа, во имя справедливости — не щадите их! И пусть то, что я только что сказал, не заслоняет вам зрение. Я просто напоминал вам, как старый партиец, что нужно быть осторожным, чтобы избежать серьезных последствий, выходящих за рамки вашего прогноза. Но в одном я совершенно уверен — вы должны докопаться до сути этого ужасного дела о коррупции! — С этими словами Большой Начальник достал листок бумаги и торжественным жестом вручил его вам. — Мне кажется, это будет неплохой улов?»

Сун Чену было ясно, что готовится алтарь, на который возложат подобающие жертвы. Он пробежал взглядом список. Улов, как выразился Большой Начальник, был действительно неплох и по количеству, и по качеству. Такое дело о коррупции должно было бы потрясти своим размахом всю страну, и после его триумфального завершения Сун Чену была гарантирована всенародная слава выдающегося борца с коррупцией, светоча справедливости и добродетели.

Однако было совершенно ясно, что это всего лишь хитрость ящерицы, отбрасывающей свой хвост. Ящерица спасется от опасности, и через некоторое время хвост отрастет заново. Он видел, что Большой Начальник пристально смотрел на него, и в тот момент на самом деле подумал о ящерице, и его передернуло. Но Сун Чен знал также, что Большому Начальнику сейчас страшно и что страх на него нагнал не кто иной, как он, и от этого исполнился гордости. Из-за гордости он в тот момент переоценил свои силы, чему способствовал и тот невыразимый фактор, присутствующий в крови каждого идеалиста-ученого. Он сделал пагубный выбор.

— Вы встали со стула и обеими руками взяли со стола всю груду документов. И, прижимая их к груди, сказали Большому Начальнику: «В соответствии с Правилами внутреннего надзора КПК Секретарь Комиссии по проверке дисциплины имеет право

проводить проверки партийных чиновников того же ранга. Согласно тем же правилам, эти документы не могут находиться в вашем распоряжении. Я забираю их».

Лю Вэньмин шагнул вперед, чтобы остановить вас, но Большой Начальник легким прикосновением остановил его. Уже в дверях вы услышали, как ваш институтский друг чуть слышно прошипел вам в спину: «Ну, Сун Чен, это уже слишком!»

Большой Начальник проводил вас до машины. Когда вы уже взялись за ручку двери, он взял вас за локоть и медленно проговорил: «До скорой встречи, молодой человек».

Истинным значением этих слов было: «Если надумаешь сдаться — не тяни. У тебя очень мало времени». Но Сун Чен понял это с изрядным опозданием.

Большой взрыв

Сун Чен испуганно уставился на Бай Бина. Откуда он мог узнать все это — то, чего не мог знать никто?

— Кто вы такой, черт возьми?

— Ладно, на этом закончим с воспоминаниями. — Бай Бин взмахнул рукой, будто обрывая повествование. — Позвольте, я перейду к «как» и «почему» — это поможет заранее ответить на часть накопившихся у вас вопросов. Хм-м-м… вы знаете, что такое Большой взрыв?

Сун Чен недоумевающе уставился на Бай Бина — его мозги просто не успевали за сменой предмета разговора. В конце концов он все же отреагировал простейшим образом — чуть слышно рассмеялся.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказал Бай Бин. — Понимаю, что мой вопрос был очень уж неожиданным. Но, прошу вас, поверьте, что все это у меня здесь, в голове. Чтобы действительно все прояснить, хочешь не хочешь — надо начинать с Большого взрыва. Это… как бы вам понятно объяснить… Давайте все-таки начнем с Большого взрыва. Уверен, что вы знаете хотя бы общий смысл этих слов.

Так вот, наша Вселенная возникла двадцать миллиардов лет назад в результате мощного взрыва. Люди обычно представляют себе Большой взрыв как огненный шар, возникший во тьме космоса, но это совершенно неверно. До большого взрыва не было ничего, даже времени и пространства. Существовала только сингулярность, единственная точка неопределенного размера, которая быстро расширялась, образуя нашу сегодняшнюю Вселенную. Все и вся, включая нас, возникло в результате расширения сингулярности. Это семя, из которого выросло все живое! За этим стоит чрезвычайно глубокая теория, и я сам не до конца понимаю ее, но для нас сейчас важно одно: с развитием физики и появлением «всеобщих теорий всего», таких, например, как теория струн, физики взялись за выяснение структуры этой сингулярности и создание ее математической модели. Она отличается от ранее разработанных моделей на основе квантовой теории. Если мы сможем определить фундаментальные параметры сингулярности до Большого взрыва, то сможем определить и все в образовавшейся из нее Вселенной. Непрерывная цепь причин и следствий, проходящая через всю историю Вселенной… — Он вздохнул. — Нет, серьезно: как прикажете все это объяснить?

Бай Бин, конечно же, видел, что Сун Чен помотал головой, то

ли ничего не понимая, то ли просто не желая слушать. Он сказал:

— Послушайте моего совета: постарайтесь не думать о тех страданиях, через которые прошли. Не хвастаясь и не прибедняясь, скажу: мне немногим лучше, чем вам. Я вам уже сказал, что я самый обычный парень, но теперь за мной идет охота, и я могу оказаться в гораздо худшем положении, чем вы, по одной той причине, что знаю все. У вас есть опора в том, что вы страдаете за свои убеждения и выполненный долг, а вот я… Мне просто самым диким образом не везет! Этого сраного невезения хватит на восемь перевоплощений, не меньше! Так что я вляпался еще хуже, чем вы.

Однако по унылому виду Сун Чена было ясно, что он думал: «Вляпаться хуже меня просто невозможно».

Фальсификация

Сун Чена арестовали за убийство через неделю после того, как тот побывал в гостях у Большого Начальника.

Надо признаться, он не сомневался в том, что против него будут приняты чрезвычайные меры. Использовать обычные административные и политические методы против человека, который так много знал и уже был готов к действию, было бы слишком рискованно. Но он и представить себе не мог, что его противник будет атаковать так быстро и так сокрушительно.

Жертвой стал танцор из ночного клуба по имени Ло Ло, и умер он в машине Сун Чена. Двери были заперты снаружи. В машине, как выяснилось, находились два разрезанных баллона жидкого пропана, которым заправляют зажигалки. Содержимое баллонов, естественно, мгновенно испарилось, и концентрация газа в салоне оказалась смертельной. Когда труп извлекли, он сжимал в кулаке искореженный сотовый телефон, которым явно пытался разбить стекло.

Полиция представила достаточно доказательств. У них набралось два часа записей, доказывавших, что Сун Чен на протяжении последних трех месяцев состоял в предосудительных отношениях с Ло Ло. Самой компрометирующей уликой был телефонный звонок, который Ло Ло сделал в полицию незадолго до своей смерти.

> **Ло Ло:** Скорее! Скорее! Я не могу открыть дверь машины! Мне нечем дышать, голова раскалывается…
>
> **Полиция:** Где вы? Постарайтесь объясниться понятнее!
>
> **Ло Ло:** Сун… Сун Чен хочет убить меня… **[Конец записи]**

Затем полицейские раскопали на телефоне жертвы запись его короткого телефонного разговора с Сун Ченом.

> **Сун Чен:** Ну, раз уж дошло до этого, придется тебе порвать с Сюй Сюэпин.
>
> **Ло Ло:** Но зачем, братец Сун? У нас с сестричкой Сюй самые обычные отношения, какие бывают у мужчины и женщины. На наши дела они никак не повлияют. Черт возьми, из этого может быть толк.
>
> **Сун Чен:** Мне это не нравится. Не вынуждай меня к решительным мерам.

Ло Ло: Братец Сун, оставь меня в покое. **[Конец записи]**

Дело было сфабриковано по наивысшему разряду. Причем фальсификация была идеальной в том смысле, что почти все улики по отдельности были реальными.

Сун Чен действительно имел с Ло Ло тайный контакт, который вполне можно было счесть предосудительным. Две записи были самыми настоящими, правда, вторая воспроизводилась с сильными искажениями.

Сун Чен встречался с Ло Ло, когда искал подходы к Сюй Сюэпин, генеральному директору Чантунгской группы, состоявшей в тесных финансовых связях со многими ключевыми фигурами коррупционной сети и наверняка знавшей всю подноготную о структуре и внутренних механизмах работы сети. Конечно, напрямую обращаться к ней не было смысла, но практически всю нужную информацию Сун Чен получил через Ло Ло.

Танцор снабжал Сун Чена информацией вовсе не из альтруизма или стремления к справедливости. По его мнению, мир годился разве что для того, чтобы задницу им подтирать. Он пытался отомстить.

Этот провинциальный город, окутанный промышленным смогом и пылью, возможно, и находился в самом низу списка китайских городов сходного размера с не очень доходной экономикой, но в нем имелись едва ли не самые роскошные во всей стране ночные клубы. Молодые отпрыски семейств высокопоставленных пекинских политиков в столице должны были соблюдать определенные правила поведения — в отличие от богачей, вольных почти как угодно потакать своим прихотям. А «золотой молодежи» приходилось вечером пятницы садиться в машины и мчаться четыре-пять часов по шоссе в этот город, чтобы два дня и одну ночь предаваться экстравагантному гедонизму, а в воскресенье вечером гнать обратно в Пекин.

«Синяя волна», где работал Ло Ло, относилась к наивысшему из высших разрядов ночных клубов. Чтобы заказать песню, нужно было выложить не менее трех тысяч юаней, а «мартель» и «хеннесси», тоже по несколько тысяч за бутылку, еженощно распродавались ящиками. Но главной особенностью «Синей волны», которая, собственно, и прославила заведение, было то, что ее могли посещать исключительно женщины.

В отличие от своих коллег-танцоров Ло Ло думал не о том, сколько платят его клиенты, а о том, что значит для каждого из них сумма этого вознаграждения. Если бы посетительница из

числа иностранных служащих — «белых воротничков», зарабатывающая всего двести-триста тысяч юаней в год (в «Синей волне» такие посетители были редки и считались нищетой), дала ему несколько сотен, он спокойно взял бы. Но сестрица Сюй была не из этой категории. Ее миллиардное состояние за последние несколько лет подняло настоящую бурю не только к югу от Янцзы, но стремительно распространялось и на север, сокрушая в своем приливе всех конкурентов. Ее романчик с Ло Ло затянулся на несколько месяцев, после чего танцор получил отставку с прощальным подарком всего в четыреста тысяч.

Чтобы вновь попасть в фавор у сестрицы Сюй, потребовалось немало стараний; по словам Ло Ло, у какого-нибудь другого танцора от выпитого шампанского печень отвалилась бы. У какого-нибудь, но не у Ло Ло, который теперь был полон ненависти к Сюй Сюэпин. Когда на него вышел высокопоставленный чиновник Комиссии по проверке дисциплины, танцор преисполнился надежды отомстить богачке за унижение, и он пустил в дело все свои таланты, чтобы снова сойтись с сестрицей Сюй. Обычно она была неразговорчива даже с Ло Ло, но стоило ей выпить побольше или занюхать пару лишних «дорожек», как ее поведение менялось. Да и Ло Ло не только слушал: в самые темные предрассветные часы, когда сестрица Сюй крепко спала рядом с ним, он тихо вылезал из постели, обшаривал ее портфель и ящики стола и фотографировал документы, которые были нужны Сун Чену.

Видеозаписи, которые полиция использовала, чтобы доказать связь Сун Чена с Ло Ло, были сделаны большей частью в главном танцевальном зале «Синей волны». Сюжет всегда начинался с симпатичных молодых парней, с энтузиазмом пляшущих на сцене, а затем камера переходила к сидевшим в полутемном зале роскошно одетым посетительницам, которые указывали на сцену и время от времени сдержанно улыбались. И завершали записи всегда Сун Чен и Ло Ло, сидевшие обычно в каком-нибудь дальнем углу и с совершенно интимным видом шушукавшиеся, почти соприкасаясь головами. Сун Чен всякий раз оказывался единственным мужчиной-посетителем в женском клубе, и не узнать его было нельзя…

И на это Сун Чену было нечего возразить. Как правило, ему удавалось встречаться с Ло Ло только в «Синей волне». В зале всегда царил полумрак, но тем не менее видеозаписи были очень четкими и не оставляли вероятности ошибки опознания. Такое качество съемки обеспечивали только камеры наивысшей светочувствительности, какие редко имеются у рядовых любителей. А это значило, что его «вели» с самого начала и что

он сам — жалкий любитель по сравнению со своими противниками.

В тот день Ло Ло хотел доложить о своих новейших находках. Встретившись с Сун Ченом в клубе, танцор, против обыкновения, предложил поговорить в машине. Когда они сели туда, Ло Ло пожаловался, что нездоров, но если сейчас вернется в клуб, хозяин непременно погонит его на сцену танцевать. Так что он просто посидит и отдохнет в машине Сун Чена.

Сун Чен заподозрил, что Ло Ло перебрал наркотиков, но у него не было выбора. Нужно было возвращаться на службу и доделывать незаконченную с утра работу. Он поставил машину на стоянку перед Управлением, а когда вернулся через сорок минут, кто-то уже обнаружил там Ло Ло, задохнувшегося в пропановых испарениях. Двери оказались заперты, и Сун Чену пришлось открыть их ключом снаружи.

Немного позже близкий знакомый из полиции, тоже участвовавший в следствии, рассказал Суну, что замки дверей его машины совершенно точно в полном порядке. Никто их не портил, и этот факт полностью исключает вероятность существования постороннего убийцы. И вполне логично все решили, что Ло Ло убил Сун Чен. Хотя он-то знал, что существует другое объяснение: Ло Ло принес эти злосчастные баллоны с собой.

Вот это и надломило Сун Чена. Он отказался от попыток защитить свое доброе имя — если кто-то пожертвовал собственной жизнью для того, чтобы оклеветать его, то спасения просто не могло быть.

Вообще-то, самоубийство Ло Ло не слишком удивило Сун Чена; он знал, что танцор недавно получил положительный результат анализа на ВИЧ. Но ведь кто-то убедил его не просто расстаться с жизнью, а сделать это так, чтобы заодно погубить и Сун Чена! Чем же могли на него повлиять? Неужели он вдруг соблазнился деньгами? Для кого-нибудь другого? Или дело было не в деньгах? Напугали? Но чем же его могли напугать так сильно, чтобы страх преодолел ненависть к Сюй Сюэпин? Сун Чен не надеялся когда-нибудь узнать это, зато с полной ясностью понимал и возможности врагов, и степень своей наивности.

В результате общественному мнению он был представлен в совершенно отвратительном виде: высокопоставленный сотрудник надзорного органа, сам по уши погрязший в коррупции и извращениях, с которыми должен был бороться, извращенец, живущий тайной жизнью, арестованный за то, что из ревности к женщине убил своего любовника. Даже сдержанность, которую он ранее проявлял в гетеросексуальных отношениях, теперь стала

для общественного сознания еще одним доказательством его виновности. От его прежней жизни не осталось и следа. Если кому-то и случалось подумать о нем, то он представал в этих мыслях в образе раздавленного отвратительного вонючего жука.

Лишь тогда Сун Чен понял, что его былая уверенность в том, что он готов пожертвовать всем ради убеждений и долга, основывалась лишь на том, что он не понимал, что значит пожертвовать всем. Он, естественно, предполагал, что его в конце концов убьют, и лишь по ходу дела узнал, что для него придумали гораздо более жестокую кару, нежели смерть. Однажды полицейские привели его в собственный дом, где проводили обыск. Там находились его жена и дочь. Он потянулся к дочери, но девочка взвизгнула от отвращения и уткнулась лицом в руки матери, и они обе забились в угол. До того он лишь однажды видел у них такие выражения лиц — когда он утром обнаружил убитую мышь в мышеловке под шкафом и показал им…

— Ну, ладно, отложим пока Большой взрыв, сингулярность и прочие абстрактные материи. — Бай Бин неожиданной репликой прервал горькие размышления Сун Чена и положил на стол свой большой портфель. — Взгляните-ка на это.

Суперструнный компьютер: немыслимые возможности, цифровое зеркало

— Это суперструнный компьютер, — сказал Бай Бин, похлопав портфель ладонью. — Я позаимствовал его, или, если называть вещи своими именами, украл из Центра метеорологического моделирования. С его помощью я ускользаю от преследователей.

Сун Чен в еще большей растерянности уставился на портфель.

— Это очень дорогая штука; во всей провинции их всего две. Согласно теории суперструн, фундаментальные частицы материи — это не точечные объекты, а бесконечно тонкая одномерная струна, вибрирующая в одиннадцати измерениях. В настоящее время мы можем манипулировать этой струной для хранения и обработки информации по одному измерению — по длине. Вот эта теория и лежит в основе суперструнного компьютера.

По сравнению с суперструнным компьютером процессор и память привычного нам устройства — не более чем атом! Аналоги электрических схем — одиннадцатимерная микромасштабная структура из элементарных частиц. Эта многомерная субатомная матрица дала человечеству практически бесконечные возможности хранения и обработки информации. Сравнивать огромные сверхмощные вычислительные машины прошлого с суперструнными компьютерами — все равно что наши десять пальцев с этими самыми суперкомпьютерами. Суперструнный компьютер обладает максимальной теоретически возможной производительностью — он способен сохранять текущее состояние каждой фундаментальной частицы, существующей в известной Вселенной, и выполнять с ними операции. Другими словами, суперструнный компьютер может смоделировать всю Вселенную на атомном уровне для трех пространственных измерений и одного временного…

Сун Чен переводил взгляд с лица Бай Бина на портфель и обратно. Сейчас он, в отличие от первой части разговора, действительно слушал то, что говорил Бай Бин, — и внимательно слушал. Хотя, если уж по правде, он отчаянно искал хоть какого-то облегчения, а странная болтовня таинственного посетителя помогала оторваться от болезненных воспоминаний.

— Простите, что вновь и вновь возвращаюсь ко всем этим совершенно посторонним вещам — Большому взрыву и суперструнах. Наверняка вам кажется, что они никоим образом не

связаны с реальностью, в которой мы обретаемся, но, если опустить это, я буду не в состоянии объяснить вам, что к чему. Но сейчас мы ненадолго остановимся на моей биографии. Я инженер-программист, специализируюсь на программном обеспечении моделирования процессов. То есть вы создаете математическую модель и запускаете ее в компьютере, который производит симуляцию, то есть воспроизводит модель какого-либо объекта или процесса, происходящего в реальном мире. Я изучал математику, поэтому занимаюсь как алгоритмами создания моделей, так и собственно программированием. В прошлом я моделировал песчаные бури, эрозию почвы на лессовом плато, выработку энергии и тенденции экономического развития на северо-востоке и так далее. Сейчас я работаю над крупномасштабными моделями погоды. Я люблю свою работу. Честно говоря, очень увлекательно наблюдать за тем, как внутри компьютера живет и развивается часть реального мира.

Бай Бин посмотрел на Сун Чена, который давно уже смотрел на него не мигая. Похоже, что он действительно слушал с великим вниманием, и Бай Бин продолжил:

— Вы, вероятно, знаете, что за последние годы один за другим происходят мощные прорывы в области физики, очень похожие на то, что было в начале прошлого века. Сегодня нам не хватает только граничных условий для того, чтобы рассеять туман квантовых эффектов и точно предсказывать поведение элементарных частиц как по отдельности, так и в группе.

Обратите внимание: я упомянул группы. Группа из достаточного количества частиц означает макроскопическое тело. Другими словами, теперь мы можем создать математическую модель макроскопического объекта на атомном уровне. Такого рода моделирование называется цифровым зеркалом. Я приведу пример. Если мы используем цифровое зеркальное отображение для создания математической модели яйца — например, вводим статус каждого атома в яйце в базу данных модели — и запускаем процесс в компьютере, учитывая подходящие граничные условия, из виртуального яйца в памяти вылупится цыпленок. И виртуальный цыпленок в памяти будет полностью идентичен цыпленку, вылупившемуся из яйца в реальной жизни, вплоть до кончика каждого перышка! И подумайте дальше: что, если бы моделируемый объект был больше яйца? Размером с дерево, человека, многих людей. Размером с город, страну или даже всю Землю? — Бай Бин явно воодушевился и энергично размахивал руками. — Мне нравится думать о далеких перспективах. Мне до одержимости хочется довести каждую идею до предела. Потому-то я и задумался: а что если объект, отражаемый в цифровом

виде, — это вся Вселенная? — Он уже не контролировал себя. — Представьте себе — вся Вселенная! Боже мой, вся Вселенная в оперативной памяти! От сотворения до разрушения…

Вдруг Бай Бин прервал свой восторженный монолог, явно насторожился и встал. Дверь бесшумно отворилась, и вошли двое мрачных мужчин. Один из них, немного постарше на вид, повернулся к Бай Бину и поднял руки, явно требуя, чтобы тот повторил его движение. Из-под расстегнутого пиджака демонстративно торчала кожаная кобура. Бай Бин покорно поднял руки. Младший тщательно охлопал Бай Бина, взглянул на старшего, покачал головой, а потом взял со стола портфель и отставил в сторону.

Старший подошел к двери и сделал кому-то снаружи приглашающий жест. И в комнату вошли еще три человека. Первым — начальник городской полиции Чэнь Сюйфэн. Вторым — начальник Комиссии по проверке дисциплины Лю Вэньмин. И последним — Большой Начальник.

Младший достал наручники, но Лю Вэньмин покачал головой. Чэнь Сюйфэн коротко кивнул в сторону открытой двери, и двое агентов в штатском поспешно вышли. Один из них на ходу наклонился и отцепил от ножки стола какой-то маленький предмет, очевидно, микрофон подслушивающего устройства.

Исходное состояние

На лице Бай Бина не было никаких признаков удивления. Напротив, он безмятежно улыбнулся.

— Ну вот, вы наконец, поймали меня.

— Точнее будет сказать, что вы намеренно влетели в расставленную сеть, — возразил Чэнь Сюйфэн. — Должен признать, что, если бы вы хотели убежать, нам пришлось бы очень здорово попотеть, ловя вас.

Лю Вэньмин с непонятным выражением взглянул на Сун Чена. Он как будто хотел что-то сказать, но одернул себя.

Большой Начальник медленно покачал головой и произнес со скорбной интонацией (и гораздо фамильярнее, нежели в прежних разговорах):

— Ах, Сун Чен, как же ты мог так низко пасть… — И он надолго замер, касаясь ладонями края стола, и даже глаза у него немного увлажнились. Никто не смог бы заподозрить, что печаль эта наигранная.

— Большой Начальник, я думаю, что нам тут лучше будет отбросить всякое притворство, — холодно сказал Бай Бин, глядя на него.

Большой Начальник не пошевелился.

— Ведь именно вы приказали разделаться с ним.

— Доказательства? — снисходительно бросил Большой Начальник, не двигаясь с места.

— После той встречи вы сказали ему… — Бай Бин указал на Чэнь Сюйфэна, — …лишь несколько слов: «Сюйфэн, ты ведь понимаешь, что значит эта история с Сун Ченом, да? Так что потрудись подтолкнуть ее».

— И что же это доказывает?

— Конечно, для суда эти слова не значили бы ровным счетом ничего. С вашим умом и опытом вы никогда не позволите себе даже в самом тайном разговоре сказать впрямую что-то рискованное. — А вот он, — Бай Бин снова указал на Чэнь Сюйфэна, — понял намек прямо и недвусмысленно. Он всегда отлично понимал вас с полуслова и даже раньше, чем вы выскажете свою волю. Поэтому он заранее приказал одному из своих подчиненных подготовить почву. Его зовут Ченьбин, и он один из самых компетентных сотрудников управления. Вся интрига была великолепно сконструирована. Полагаю, рассказывать здесь о ее деталях нет необходимости.

Большой Начальник медленно повернулся, сел в кресло у большого стола, посмотрел в пол и сказал:

— Молодой человек, должен признать, что ваше внезапное появление было удивительным во многих отношениях. Как выразился наш шеф полиции, мы будто привидение узрели. — Он еще немного помолчал и продолжил с практически неподдельной искренностью в голосе: — Как насчет того, чтобы раскрыть нам, кто вы такой на самом деле? Если вы представляете центральные власти, то, не сомневайтесь, мы окажем вам всю возможную помощь.

— Нет, я не имею к ним никакого отношения. Я уже говорил и повторю: я самый рядовой человек — именно такой, каким вы видите меня сейчас перед собой.

Большой Начальник кивнул. Было невозможно понять, как он воспринял слова Бай Бина — то ли успокоился, то ли, напротив, еще сильнее разволновался.

— Садитесь, садитесь все! — велел Большой Начальник, подкрепив свои слова жестом в сторону стоявших у стола Лю и Чена. Затем он придвинулся поближе к Бай Бину и проникновенно сказал: — Молодой человек, мне хотелось бы досконально разобраться в этом деле.

Тот кивнул.

— Именно этого я и хотел. Поэтому начну сначала.

— Нет, с самого начала не стоит. Мы внимательно выслушали все, что вы говорили Сун Чену. Лучше продолжайте с того места, на котором мы вас перебили.

Бай Бин немного растерялся, так как не мог вспомнить, на чем остановился.

— Модель всей Вселенной на атомном уровне, — напомнил Большой Начальник, но, поняв, что Бай Бин никак не соберется с мыслями, добавил: — Молодой человек, я сомневаюсь в осуществимости вашей идеи. Да, известно, что суперструнные компьютеры обладают очень большими, по сравнению с тем, что было прежде, возможностями и технически позволяют осуществлять моделирование такого рода. Но учли ли вы проблему исходного состояния? Чтобы создать цифровое зеркало Вселенной, нужно начать моделирование с некой исходной точки… другими словами, чтобы построить модель, которая представляет Вселенную на атомарном уровне, для формирования точки, с которой начинается моделирование, нужно будет ввести в компьютер параметры состояния каждого атома во Вселенной в этот момент, одного за другим. Возможно ли это? Это было бы невозможно даже с яйцом, о котором вы упомянули, а уж для Вселенной тем более. Количество атомов в одном яйце на порядки превышает количество яиц, когда-либо отложенных с начала времен. Это было бы невозможно даже для

бактерии, состоящей, несмотря на крохотный размер, из невообразимого количества атомов. Но допустим, что, задействовав столь же невообразимые ресурсы и вычислительные мощности, мы все же определим начальное состояние небольшого объекта, такого как бактерия или яйцо, на атомном уровне, но как быть с граничными условиями для запуска симуляции? Например, температура наружного воздуха, влажность и так далее, необходимые для вылупления цыпленка из куриного яйца. Взятые на атомарном уровне, эти граничные условия также потребуют невообразимого количества данных, возможно, даже больше, чем сам моделируемый объект.

— Вы очень точно уловили технические проблемы. Я восхищен, — искренне сказал Бай Бин.

— Большой Начальник в студенческие годы считался экспертом в области физики высоких энергий. Как раз тогда Дэн Сяопин восстановил ученые степени, и их курс первым в Китае получил магистерские степени, — пояснил Лю Вэньмин, хотя никто его об этом не просил.

Бай Бин кивнул в сторону Лю Веньмина и снова повернулся к Большому Начальнику.

— Но вы не учли того, что существовал определенный момент времени, когда Вселенная была крайне проста, много проще и яйца, и бактерии, и любого из того, что существует в наши дни. Ведь количество атомов тогда было нулевым. Бытие не имело ни размера, ни структуры.

— Сингулярность, предшествовавшая Большому взрыву? — произнес Большой Начальник, как только Бай Бин умолк. Он крайне редко позволял себе демонстрировать быстрый, подвижный ум, скрывающийся за внешней медлительностью и уравновешенностью.

— Именно так — сингулярность, предшествовавшая Большому взрыву. Теория суперструн уже позволила создать ее непротиворечивую модель. Так что остается лишь представить эту модель в цифровой форме и запустить на компьютере.

— Совершенно верно, молодой человек. Не вижу никаких изъянов в ваших рассуждениях. — Большой Начальник встал, шагнул к Бай Бину и легонько похлопал его по плечу, что было редчайшим проявлением наивысшего благоволения. Чэнь Сюйфэн и Лю Вэньмин, не понявшие ничего из сказанного, уставились на Начальника, не скрывая растерянности.

— Это тот самый суперструнный компьютер, который вы вынесли из исследовательского центра? — спросил Большой Начальник, указав на портфель.

— Украл, — поправил Бай Бин.

— Ха, какая разница. Насколько я понимаю, на нем и установлена программа цифрового зеркала Большого взрыва, да?

— Да.

— Не откажите продемонстрировать нам ее в действии.

Игра в Сотворение

Бай Бин кивнул, поставил портфель на стол и открыл его. Помимо монитора и проводов там находился какой-то цилиндр. Процессор суперструнного компьютера был размером всего с пачку сигарет, но для работы атомной схемы требовались сверхнизкие температуры, поэтому процессор приходилось держать погруженным в термос с жидким азотом. Бай Бин установил ЖК-экран вертикально, пошевелил мышкой, и компьютер мгновенно вышел из спящего режима. Экран засветился, как будто дремлющий глаз моргнул, и открылся простой интерфейс, состоящий только из выпадающего текстового поля и заголовка:

ВЫБЕРИТЕ ПАРАМЕТРЫ ДЛЯ НАЧАЛА СОТВОРЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ

Бай Бин щелкнул по стрелке рядом с выпадающим текстовым полем, и на экране появились столбцы данных, состоявшие из внушительного числа элементов. Каждый ряд даже на вид значительно отличался от других.

— Свойства сингулярности определяются восемнадцатью параметрами. Технически существует бесконечное число возможных комбинаций параметров, но теория суперструн позволила установить, что число комбинаций параметров, которые могли бы привести к Большому взрыву, конечно, хотя их точное число до сих пор остается загадкой. Здесь у нас есть небольшая подборка из них. Давайте выберем один из них наугад.

Бай Бин выделил одну группу параметров, с экрана исчез весь текст, и на белом фоне появились два резко выделяющихся изображения кнопок.

СТАРТ СТОП

Бай Бин кликнул по «Старт». Экран сделался чисто-белым.

— Белизна означает отсутствие чего бы то ни было. Пространства еще не существовало, и времени еще не было. Самое настоящее ничто.

В левом нижнем углу экрана появилась красная цифра «0».

— Числа указывают, сколько времени продолжается эволюция Вселенной. Ноль указывает на то, что сформировалась сингулярность. Ее размер неопределим, и поэтому мы не видим ее.

Красные цифры стали стремительно меняться.

— Смотрите, сейчас начнется Большой взрыв.

В середине экрана возникла голубая точка, быстро выросшая в сферу, испускавшую чистое голубое сияние. Она росла и вскоре заполнила собой весь экран. Программа изменила масштаб, и шарик снова превратился в точку, но также быстро вырос на весь экран. Цикл многократно повторялся, как будто цветомузыка отбивала ритм какой-то высокопарной симфонии.

— Вселенная в инфляционной стадии расширяется со скоростью, многократно превосходящей световую.

Скорость роста сферы и, соответственно, частота изменения ее размера на экране постепенно замедлялись. По мере увеличения плотности энергии цвет шара менялся от голубого к желтому, затем к красному и стал темнеть. Масштаб перестал меняться, и сфера, сделавшаяся теперь черной, медленно росла на экране.

— Ну, вот, прошло десять миллиардов лет с Большого взрыва. На этот момент Вселенная находится в состоянии стабильной эволюции. Теперь давайте взглянем поближе. — Бай Бин пошевелил мышкой, шарик ринулся вперед, и весь экран мгновенно почернел. — Мы находимся во внутреннем пространстве Вселенной.

— Тут ничего нет? — спросил Лю Вэньмин.

— Посмотрим, посмотрим… — С этими словами Бай Бин щелкнул правой кнопкой мыши и открыл сложное окно. Программа начала вычислять общее количество материи, имеющейся во Вселенной. — Ха, в этой Вселенной всего одиннадцать элементарных частиц. — Он извлек еще один пространный список с данными и внимательно прочитал его. — Десять частиц организованы в пять пар, вращающихся по взаимным орбитам. Однако половинки пар разделены расстоянием в десятки миллионов световых лет. Чтобы под взаимным влиянием сократить это расстояние на миллиметр, им потребуются миллионы лет. Последняя частица свободна.

— Одиннадцать фундаментальных частиц? Но после всего, что вы тут говорили… это же все равно что ничего! — удивился Лю Вэньмин.

— Как это — ничего? Имеется пространство диаметром в одиннадцать миллиардов световых лет. И время — десять миллиардов лет! Время и пространство как раз и есть истинные меры бытия! Вот этой, конкретной, Вселенной еще очень повезло. У многих Вселенных, смоделированных мною раньше, очень быстро исчезало даже пространственное измерение и оставалось только временное.

— Чушь какая-то! — фыркнул Чэнь Сюйфэн и отвернулся от экрана.

— Напротив, это очень интересно, — бодро возразил Большой Начальник. — Давайте посмотрим еще раз.

Бай Бин вернулся к начальным таблицам, выбрал другой набор параметров и запустил новый Большой взрыв. Процесс формирования новой Вселенной выглядел примерно так же, как и предыдущей, — расширяющаяся и тускнеющая сфера. Через пятнадцать миллиардов лет после сотворения сфера стала полностью черной: эволюция Вселенной стабилизировалась. Бай Бин переместил точку обзора внутрь. И даже Чэнь Сюйфэн, которого менее всех остальных интересовало происходившее, ахнул. Под бескрайней тьмой космоса во всех направлениях бесконечно простиралась серебристая поверхность. Маленькие разноцветные шарики украшали мембрану, как разноцветные капли росы, осевшие на огромное зеркало.

Бай Бин снова открыл меню анализа и сказал, быстро прочитав:

— Нам повезло. Эта Вселенная наделена широким разнообразием. Радиус — около сорока миллиардов световых лет. Половина объема — жидкость, а другая половина — пустое пространство. Другими словами, эта Вселенная представляет собой огромный океан глубиной и радиусом в сорок миллиардов световых лет, на поверхности которого плавают твердые небесные тела! — Бай Бин переместил поле зрения ближе к поверхности океана, и стало видно, что его серебристая поверхность слегка колышется. На экране появилось небесное тело крупным планом. — Этот плавающий объект… сейчас найду… размером примерно с Юпитер. Ого, он вращается сам по себе! Не правда ли, горные хребты представляют собой потрясающее зрелище, когда входят и выходят из… давайте назовем это просто водой! Вы только посмотрите, как вода поднимается горными хребтами по орбите. И получается радужная дуга над поверхностью!

— Да, красиво, ничего не скажешь, но эта Вселенная не может существовать. Там все противоречит основополагающим законам физики, — сказал Большой Начальник, глядя на экран. — Ясно же, что масса жидкости в сорок миллиардов световых лет глубиной должна была давным-давно свернуться в черную дыру из-за гравитации.

Бай Бин покачал головой.

— Вы забыли о еще более основополагающем положении: это не наша Вселенная. Там свои собственные законы физики, ничуть не похожие на наши. И гравитационная постоянная, и постоянная Планка, и скорость света и другие базовые физические константы

там другие. И даже один плюс один там может не равняться двум.

Бай Бин, воодушевленный интересом Большого Начальника, продолжил демонстрацию и создал третью Вселенную. Однако при ближайшем рассмотрении на экране появилось хаотичное смешение цветов и форм. Бай Бин сразу же обратился к описанию:

— Это шестимерная Вселенная, поэтому мы просто не в состоянии наблюдать ее. На самом деле это самый распространенный случай, и нам просто повезло получить подряд две трехмерные Вселенные с первых попыток. Когда Вселенная остывает из своего высокоэнергетического состояния, вероятность того, что она будет ограничена в макроскопическом масштабе тремя доступными измерениями, составляет всего три одиннадцатых.

Проявилась четвертая Вселенная. К всеобщему изумлению, она предстала в виде бесконечной черной плоскости с бесчисленными яркими серебристыми линиями, пересекающими ее перпендикулярно. Прочитав аналитическое описание, Бай Бин сказал:

— Эта Вселенная противоположна предыдущей — у нее меньше измерений, чем у нашей — два с половиной измерения.

— Два с половиной?! — изумился Большой Начальник.

— Смотрите: видите, черная двумерная плоскость без толщины — внешнее пространство этой Вселенной. Его диаметр около пятисот миллиардов световых лет. Яркие линии, перпендикулярные плоскости, — это звезды в космосе. Их длина составляет сотни миллионов световых лет, но они бесконечно тонкие, поскольку одномерные. Вселенные с дробными измерениями встречаются редко. Я сейчас поясню, какие параметры привели к ее возникновению.

— Один вопрос, — перебил его Большой Начальник. — Вы сами задаете параметры Большого взрыва. Можно ли подобрать такие, чтобы получилась Вселенная, полностью идентичная, скажем, этой?

— Да, и процесс эволюции в ней будет идентичен. Все предопределяется в момент Большого взрыва. Видите ли, после того как физика выбралась из путаницы квантовых эффектов, во Вселенной снова обнаружилась изначальная причинно-следственная, детерминированная природа. — Бай Бин обвел взглядом всех сидевших за столом по очереди и серьезно сказал: — Пожалуйста, учтите эти слова. Они будут ключом к пониманию тех ужасов, которые мы увидим позже.

— Это поистине восхитительно, — вздохнул Большой Начальник. — Ощущать себя богом, быть превыше всего и всех,

отчужденно наблюдать бытие со стороны… Давненько я не испытывал этих чувств.

— Именно так я себя и чувствовал, — согласился Бай Бин и, встав из-за компьютера, несколько раз прошелся взад-вперед по комнате, — и потому снова и снова играл в сотворение. Вновь и вновь я создавал Большие взрывы, их число перевалило за тысячу. Впечатляющее до благоговения чудо этого множества Вселенных невозможно передать словами. Наверно, так влияют на человека наркотики. Я подсел на сотворение миров и мог бы продолжать эти игры, никуда не вмешиваясь, и тогда мы с вами, наверно, даже не узнали бы о существовании друг друга. И наши жизни вращались бы по несоприкасающимся орбитам. Но… черт возьми… Год только начался, шел снег, в два часа ночи было очень тихо. Я решил запустить последний на тот день Большой взрыв. Суперструнный компьютер создал тысяча двести седьмую Вселенную — эту…

Бай Бин вернулся к компьютеру, прошелся по выпадающим меню и выбрал очередной набор параметров. Последовал Большой взрыв. Новая Вселенная росла, испуская яркое голубое свечение, которое, как обычно, быстро меняло цвета и потемнело до черноты. Бай Бин пошевелил мышкой и отметил в меню пункт «Вселенная № 1207, девятнадцать миллиардов лет после сотворения».

На сей раз экран показал море сияющих звезд.

— Вселенная № 1207 имеет радиус в двадцать миллиардов световых лет и три измерения. Гравитационная постоянная равна 6,67 на 10–11, скорость света в вакууме — 300 000 километров в секунду. В этой Вселенной электрон имеет заряд 1,602 на 10–19. В этой Вселенной постоянная Планка равна 6,62… — Бай Бин наклонился к Большому Начальнику, не сводя с него леденящего взгляда. — В этой Вселенной один плюс один равняется двум.

— Это наша собственная Вселенная, — кивнул Большой Начальник. Он произнес эти слова очень спокойно, но его лоб покрылся потом.

Исследование истории

— Создав Вселенную № 1207, я потратил больше месяца на создание поисковой системы, основанной на распознавании форм и образов. Затем просмотрел астрономические ресурсы в поисках диаграмм геометрического расположения Млечного Пути относительно соседних галактик Андромеды, Большого и Малого Магеллановых Облаков и так далее. Поиск по структуре Вселенной дал мне более восьмидесяти тысяч совпадений. Затем я углубил поиск на выявление в этих результатах совпадения с внутренним расположением самих галактик. Без особых усилий удалось найти во Вселенной Млечный Путь. — На экране появилась серебристая спираль на фоне кромешной тьмы космоса. — Определить местонахождение Солнца было еще проще. Мы уже знаем его приблизительное местоположение на Млечном Пути… — Бай Бин мышкой выделил и перетащил в центр экрана маленький прямоугольник на конце одного рукава спирали. — Используя тот же метод распознавания образов, легко удалось определить в этой области местоположение Солнца. — На экране появилась блестящая светящаяся сфера, окруженная большим диском дымки. — О, планеты в солнечной системе на данный момент еще не сформировались. Этот диск межзвездного мусора и есть то самое сырье, из которого они образуются. — Бай Бин переместил ползунок в нижней части окна. — А это меню перемещения во времени. — Он медленно потянул ползунок. Прошло двести миллионов лет; пылевой диск вокруг Солнца исчез. — Ну вот и сформировались девять планет. Здесь мы видим реальные расстояния и пропорции, не такие, что показывают в планетариях, поэтому для поиска Земли потребуется больше усилий. Поэтому я буду использовать координаты, которые сохранил ранее. — Тут же на экране появилась зарождающаяся планета Земля в виде туманной серой сферы. Бай Бин прокрутил колесико мыши. — Давайте спустимся… Вот так. Сейчас мы примерно в десяти километрах над поверхностью. — Землю внизу все еще окутывала дымка, но на ней появилась сеть пересекающихся светящихся красных линий, похожих на кровеносные сосуды эмбриона. — Это реки лавы, — пояснил Бай Бин, продолжая двигать ползунок, отчего наблюдатели как бы спускались сквозь густой кислотный туман. Появилась коричневая поверхность океана, и точка обзора опустилась ниже, в мутную воду, где виднелось несколько пятнышек. Большинство из них были круглыми, но некоторые имели более сложную форму и определенно отличались от

других взвешенных частиц тем, что двигались сами по себе, а не просто плыли по течению. — Свежесформировавшаяся жизнь, — сказал Бай Бин, указывая курсором на крошечные предметы. Затем точка наблюдения быстро поднялась обратно в космос, чтобы еще раз показать молодую Землю в полном объеме. После этого Бай Бин снова передвинул ползунок времени. Пролетели бесчисленные годы; густая дымка, покрывавшая поверхность Земли, исчезла, океан начал синеть, а суша — зеленеть. Затем огромный суперконтинент Пангея раскололся и развалился на части, как весенний лед. — Если хотите, можно посмотреть всю эволюцию жизни, все крупные вымирания и последовавшие за ними всплески жизни. Но давайте пока что сэкономим немного времени и пропустим их. Скоро мы увидим, какое отношение все это имеет к нашей жизни. — Четко очерченные древние континенты продолжали дрейфовать по экрану, пока наконец не появилась знакомая карта мира. Бай Бин изменил настройки ползунка и теперь продвигался во времени с меньшим шагом. Вот он остановил изображение: — Так… здесь появляются люди, и осторожно сдвинул ползунок еще немного вперед. — А вот и цивилизация.

Бóльшую часть далекой истории можно увидеть только в макромасштабе. Найти конкретные события непросто, а конкретных людей еще сложнее. Поиск исторических событий зависит, прежде всего, от двух параметров: местоположения и времени. Редко бывает, чтобы исторические записи достаточно четко передавали подробности событий. Но давайте все же попробуем. Приближаемся! — Произнося эту фразу, Бай Бин дважды щелкнул по участку рядом со Средиземным морем. Точка обзора с головокружительной скоростью устремилась вниз. Наконец показался пустынный пляж. На дальней стороне желтого песка виднелась первозданная оливковая роща.

— Троя в эпоху древних греков, — сказал Бай Бин.

— Значит… вы можете показать Троянского коня и всю осаду Трои? — возбужденно спросил Лю Вэньмин.

— Троянского коня не существовало, — холодно ответил Бай Бин.

Чэнь Сюйфэн кивнул.

— Истории такого рода сочиняли для детей. На реальной войне ничего подобного случиться не могло.

— Никакой Троянской войны не было, — сказал Бай Бин.

— Получается, что Троя погибла по какой-то другой причине? — с искренним на сей раз изумлением произнес Большой Начальник.

— Города под названием Троя никогда не существовало.

Остальные трое молча переглянулись.

Бай Бин указал на экран.

— Сейчас перед нами реальный вид побережья Трои в то время, когда, предположительно, происходила война. Заглянем на пятьсот лет вперед и назад… — Бай Бин осторожно передвинул мышку. Пляж на экране то появлялся, то исчезал в смене дня и ночи, и одновременно менялись очертания деревьев. В дальнем конце пляжа появилось несколько лачуг, рядом с которыми время от времени мелькали человеческие силуэты. Число лачуг росло и уменьшалось, но это поселение явно нельзя было назвать ничем иным, как деревней. — Видите ли, «великая Троя» существовала только в воображении поэтов-сказителей.

— То есть как это? — воскликнул Лю Вэньмин. — Есть же археологические доказательства, найденные в прошлом веке! Там откопали даже золотую маску Агамемнона.

— Золотая маска Агамемнона? Вот уж чушь! — резко хохотнул Бай Бин. — Что ж, по мере того как исторических записей становится больше и они делаются точнее, поиски исторических соответствий облегчаются. Давайте передвинемся поближе к нашему времени.

Бай Бин вновь поднял точку обзора в космос, откуда в поле зрения вмещалась вся планета. На этот раз он для перемещения не воспользовался мышкой, а ввел дату и географические координаты с клавиатуры. Из Средиземноморья они попали в Западную Азию. Вскоре на экране появился участок пустыни с рощицей красных ив и несколько человек, лежащих в их тени. Они были одеты в рваные одежды из грубой ткани, кожа загорела дочерна, длинные волосы слиплись в пряди от пота и пыли. Издалека их легко было принять за кучи мусора.

— Они находятся недалеко от мусульманской деревни, но в местности распространилась бубонная чума, и они боятся туда идти, — сказал Бай Бин. — Высокий худой мужчина сел и огляделся. Убедившись, что остальные крепко спят, он взял у соседа флягу-бурдючок из овчины и сделал глоток. Затем залез в потрепанную котомку другого соседа, вытащил оттуда лепешку, отломил треть и положил ее в свою сумку. А потом, удовлетворенный, снова лег.

— Я два дня просматривал этот эпизод на нормальной скорости и видел, что он пять раз воровал у попутчиков воду и три раза — пищу, — сказал Бай Бин, ткнув курсором в того, кто только что лег.

— Кто это?

— Марко Поло. Отыскать его было непросто. Из документов генуэзской тюрьмы я получил точное время и координаты его

заключения там, отыскал его и перешел к тому морскому сражению, в котором он участвовал, чтобы добавить полезных подробностей. Затем я перепрыгнул пораньше и отыскал его здесь. Это территория бывшей Персии, сейчас окрестности иранского города Бам. Таким образом мне удалось сберечь немало сил.

— Получается, что это он по дороге в Китай. И вам, наверно, несложно будет проследить за ним и во дворце Хубилай-хана, — сказал Лю Вэньмин.

— Не бывал он в этом дворце.

— То есть он жил в Китае на положении простолюдина?

— Марко Поло вообще не бывал в Китае. Испугавшись дальней и опасной дороги, он несколько лет странствовал по Западной Азии, потом, в тюрьме, пересказал другу собранные слухи и легенды, а тот записал знаменитое повествование.

Слушатели опять переглянулись.

— Чем позже, тем легче находить конкретных людей и события. Давайте обратимся к новой истории.

Просторная полутемная комната. На большом деревянном столе расстелена карта — морская карта? — перед которой стояли несколько человек в военной форме эпохи Цин. Плохое освещение не позволяло разглядеть лица.

— Мы в штабе Бэйянского флота незадолго до начала 1-й китайско-японской войны. Как вы видите, идет совещание.

Кто-то говорил, но из-за сильного южного акцента и плохой акустики помещения трудно было разобрать слова. Бай Бин стал объяснять:

— Он говорит, что для целей береговой обороны, учитывая ограниченность финансов, целесообразнее купить на Западе много быстроходных торпедных катеров с паровым двигателем, чем несколько крупнотоннажных броненосцев. Каждый такой кораблик мог нести от четырех до шести пневматических торпед; в результате образовалась бы скоростная атакующая сила, способная наносить удары с близкого расстояния и достаточно маневренная, чтобы уклоняться от огня японских пушек. Я обсудил эту тему с рядом военно-морских специалистов и военных историков. Они единодушно считают, что, если бы эта идея была реализована, Бэйянский флот взял бы верх на своем театре военных действий. Стратег поистине опередил свое время, первым в истории военно-морского флота обнаружив слабые стороны традиционной политики больших пушек и больших кораблей, и предложил принципиально новый путь развития.

— Кто это? — спросил Чэнь Сюйфэн. — Дэн Шичан?

Бай Бин качнул головой.

— Нет. Фан Боцян.

— Тот самый трус, что удрал в разгар битвы в Желтом море?

— Тот самый.

— Инстинкт подсказывает мне, что именно так оно и было на самом деле, — пробормотал Большой Начальник.

Бай Бин кивнул.

— Ваш инстинкт прав. И после этого эпизода я уже не мог, как вы выразились, чувствовать себя превыше всего и всех и равнодушно наблюдать за происходившим. Я всерьез захандрил. Чем больше я рылся в истории, тем больше убеждался, что практически вся она сфальсифицирована. Не менее половины тех благородных прославленных героев, которыми восхищается человечество, были презренными лжецами и интриганами, которые, пользуясь своими возможностями, присвоили себе, а то и выдумали достижения, описали их и таким образом возвысились. А две трети из тех, кто действительно боролся до конца за правду и справедливость, умерли ужасной и тихой смертью, всеми забытые в пыли истории, а репутация оставшейся трети была запятнана вечным позором, как, например, у Сун Чена. Лишь ничтожная часть осталась в памяти истории такими, какими они были, — куда меньше, чем надводная часть айсберга.

Лишь сейчас заслушавшиеся начальники вспомнили о Сун Чене, который все это время хранил молчание. Они увидели, что он бесшумно пошевелился, его глаза загорелись. Он был сейчас похож на поверженного воина, который воспрянул духом, чтобы снова встать, взять оружие и вскочить на свежего боевого коня.

Исследования настоящего

— В конце концов вы перешли к исследованию современного периода Вселенной № 1207, я правильно понимаю? — спросил Большой Начальник.

— Совершенно верно, я настроил цифровое зеркало на наше время. — Говоря это, Бай Бин передвинул ползунок в самый конец шкалы времени. Точка обзора снова вернулась в космос. Зрелище голубой Земли внизу не особенно отличалось от того, что представало в древние времена. — Это наш сегодняшний день, отраженный в зеркале Вселенной № 1207. Несколько десятков лет наша провинция непрерывно экспортировала природные ресурсы и энергию; у нас так и не появилось ни одной развитой отрасли промышленности, кроме добычи полезных ископаемых и производства электроэнергии. Зато постоянно увеличивается загрязнение окружающей среды, бóльшая часть сельских районов все еще находится за чертой бедности, значительная безработица в городах, дела с правопорядком все хуже и хуже… Естественно, я хотел посмотреть, как наши лидеры и планировщики выполняют свою работу. Думаю, рассказывать вам о том, что я увидел, нет никакой необходимости.

— Ради чего вы все это делали? — спросил Большой Начальник.

Бай Бин горько улыбнулся и покачал головой.

— Уверяю вас, я не ставил перед собой высоких целей вроде той, что была, например, у него, — сказал он, указывая на Сун Чена. — Я ведь обычный парень, я с удовольствием занимался своими делами и больше всего на свете хотел бы спокойно прожить отведенные судьбой дни. Ну какое отношение имеют ко мне ваши аферы? У меня не было никакого желания связываться с вами, но… Я вложил так много труда в программное обеспечение для этой суперсимуляции и, естественно, хотел извлечь из него какую-то материальную выгоду. Поэтому я позвонил паре ваших людей, рассчитывая получить немного денег за молчание… — Он внезапно вспыхнул от негодования. — С чего вдруг такая острая реакция?! Почему понадобилось меня обязательно устранить?! Поделились бы деньгами тихонечко, и на этом все закончилось бы!.. Ну вот, я объяснил вам все с начала до конца.

Пять человек, сидевших за столом, погрузились в долгое молчание; при этом все не отрывали глаз от образа Земли на экране — цифрового зеркала настоящей Земли, в котором отражались и они.

— Вы действительно можете с помощью компьютера видеть

все, что происходит в мире? — спросил Чэнь Сюйфэн, прервав затянувшуюся паузу.

— Да, все подробности истории и современности доступны компьютеру и, следовательно, для изучения всеми желающими. Извлекая соответствующую информацию из базы данных и обрабатывая ее, можно наблюдать все что угодно, каким бы секретным оно ни было. База данных содержит цифровую копию всего мира на атомарном уровне, и оттуда, естественно, с одинаковым успехом извлекается любая ее часть.

— Вы можете это доказать?

— Без малейшего труда. Давайте сделаем так: вы выйдете из комнаты, сделаете, что в голову взбредет, и вернетесь сюда.

Чэнь Сюйфэн посмотрел на Большого Начальника, потом на Лю Вэньмина, встал со стула и вышел за дверь. Отсутствовал он недолго, вернулся уже через две минуты и без слов вопросительно взглянул на Бай Бина.

Бай Бин, тоже не говоря ни слова, передвинул мышку, так что поле обзора стало быстро сокращаться — только что посреди экрана висел голубой шарик, и вот уже плавно, без скачков, все поле зрения занял город. Еще несколько экономных движений пальцами — и появился изолятор предварительного заключения № 2, потом трехэтажное здание на его территории, в котором они сейчас находились. Вот поле обзора переместилось в дом, прошлось по пустому коридору второго этажа. Появились двое детективов в гражданском, сидящих на скамейке, потом Ченьбин, затягивающийся сигаретой. И напоследок наружная сторона двери этой самой комнаты.

— Сейчас симуляция настроена на отставание во времени от реального темпа событий на 0,1 секунды. Давайте отступим на несколько минут. — И Бай Бин, не дожидаясь ответа, передвинул движок влево.

Дверь открылась, и в коридор вышел Чэнь Сюйфэн. Двое полицейских вскочили; Чэнь жестом показал им, что все в порядке, и пошел по коридору. Поле обзора последовало за ним, будто кто-то шагал за его спиной и снимал на видеокамеру. Цифровое зеркало показало, как Чэнь Сюйфэн вошел в уборную, достал из кармана брюк пистолет, взвел затвор и сунул оружие обратно. На этом моменте Бай Бин приостановил воспроизведение и переместил точку обзора в несколько других положений, как будто показывал трехмерный мультфильм. Ну а Чэнь Сюйфэн вышел из уборной, и симулятор действительности проводил его в то же помещение, где его ждали прочие участники разговора.

Большой Начальник с каменным лицом смотрел на экран. Лю

Вэньмин с усталым видом поднял голову, он смотрел на Чэнь Сюйфэна и мрачно сказал:

— Это и в самом деле впечатляет.

— Сейчас я продемонстрирую вам еще более впечатляющие возможности, — сказал Бай Бин и остановил изображение. — Поскольку, как я уже говорил, Вселенная отражается в цифровом зеркале на атомарном уровне, в нем можно рассмотреть любую существующую деталь. Давайте, например, посмотрим, что лежит у шефа Чена в кармане пиджака.

Не включая движения на экране, Бай Бин пощелкал мышкой, навел поле обзора на правую сторону груди Чэнь Сюйфэна, открыл меню и стал что-то отмечать в нем. После нескольких щелчков материя, закрывавшая нагрудный карман, как бы растворилась, и стал виден лежавший в кармане сложенный небольшой листок бумаги. Нажав «Ctrl + C», Бай Бин скопировал предмет, затем запустил программу трехмерного моделирования и ввел в нее содержимое буфера обмена. Еще несколько щелчков, и бумажка развернулась, разгладилась и оказалась банковским чеком на предъявителя, да еще и не в китайской валюте, а на 250 000 долларов США.

— Теперь мы проследим этот чек до его источника. — Бай Бин свернул моделирующее приложение и вернулся к окну приостановленного видео. Он щелкнул правой кнопкой мыши по уже проявленному чеку в кармане пальто Чэнь Сюйфэна, а затем выбрал из списка опций команду «Trace». Бумажка осветилась, и неподвижный экран ожил. Время в ускоренном темпе потекло вспять; на экране Большой Начальник и его свита, смешно пятясь, выбрались из комнаты, потом из здания, а потом сели в машину. Чэнь Сюйфэн и Лю Вэньмин надели наушники, явно вслушиваясь в разговор Бай Бина и Сун Чена. А исследование траектории продолжалось; действие на экране непрерывно менялось, но мигающий флажок оставался в центре экрана в качестве объекта поиска и, казалось, тащил процесс от эпизода к эпизоду. Наконец чек выпрыгнул из кармана пальто Чэня и скользнул в маленькую корзинку, которая затем перескочила из руки Чэня в руку кого-то другого. В этот момент Бай Бин приостановил симуляцию.

— Я возобновлю демонстрацию отсюда, — сказал он, и события на экране потекли в нормальном направлении и с обычной скоростью. Вероятно, дело происходило в гостиной Чэнь Сюйфэна. Около двери стоял одетый в черный костюм мужчина средних лет, явно только что вошедший в комнату. Чэнь Сюйфэн сидел на диване.

— Шеф Чэнь, директор Вэнь прислал меня, чтобы еще раз передать, что он глубоко благодарен вам. Он хотел бы прийти

лично, но решил, что не стоит мелькать слишком часто, чтобы не порождать ненужных слухов.

— Когда вернешься, скажи Вэнь Сюну, что теперь, когда он все же отмылся, ему следует вести себя безупречно. А если будет слишком зарываться, то сделает себе только хуже. И если выведет меня из терпения, то пусть пеняет на себя!

— Да, конечно! Разве братец Вэнь может забыть ваш совет? В настоящее время он активно вносит свой вклад в развитие общества — построил четыре начальные школы в бедных районах, стремится активно участвовать в политике. Он уже избран делегатом Всекитайского собрания народных представителей от нашего города! — Говоря это, посетитель поставил корзину с фруктами на кофейный столик.

— Забери это! — потребовал Чэнь Сюйфэн, махнув рукой.

— Ну, что вы, шеф Чэнь! Мы никогда не позволили бы себе принести вам что-нибудь дорогостоящее. Мы ведь знаем, как вы строги насчет таких вещей. Всего лишь немного фруктов — от чистого сердца в знак нашей благодарности. Конечно, вы не могли видеть, что у директора Вэня слезы наворачиваются на глаза всякий раз, когда он упоминает вас. Представьте себе, он называет вас реинкарнацией наших любящих родителей!

Как только гость ушел, Чэнь Сюйфэн запер дверь и вернулся к кофейному столику. Высыпав из корзинки фрукты, он взял лежавший на дне чек и сунул его в карман пиджака.

Большой Начальник и Лю Вэньмин холодно смотрели на Чэнь Сюйфэна. Судя по всему, это явилось для них откровением. Вэнь Сюн был генеральным директором «Личэн-групп», огромной корпорации, занимающейся ресторанным обслуживанием, дальними путешествиями и многими другими услугами. Но прежде он возглавлял преступный синдикат, превративший город в важный узел на пути наркотрафика Юньнань — Россия. И начальный капитал «Личэн-групп» составили деньги, полученные от торговли наркотиками. Время шло, и уже расширяющийся легальный бизнес Вэнь Сюна стал оказывать все бóльшую поддержку его криминальной империи, которая тоже росла все быстрее. А в городе быстро увеличивалось число наркоманов, зато положение с общественной безопасностью, напротив, постоянно ухудшалось. И обеспечивал преуспевание Вэнь Сюна его тайный и почти всесильный покровитель Чэнь Сюйфэн.

— Вы брали дань в долларах? Несомненно, они должны были пойти вашему сыну, — беззаботно сказал Бай Бин. — Как-никак вы оплачиваете его обучение в американском колледже только из денег Вэнь Сюна… Кстати говоря, не желаете посмотреть, что он делает в данный момент на другой стороне планеты? Это очень

просто. Сейчас в Бостоне полночь, но в предыдущие два раза, когда я за ним наблюдал, он еще не спал. — Не дожидаясь ответа, Бай Бин вздернул точку обзора в космос, развернул Землю на 180 градусов, а затем увеличил изображение Северной Америки. Сияющий огнями город на Атлантическом побережье и многоквартирный дом в нем он нашел так быстро, что можно было не сомневаться: он делает это не впервые. Точка обзора вплыла в спальню, где предстала непристойная сцена: обнаженные желтокожий юноша и две проститутки, белая и черная.

— Что вы скажете, шеф Чэнь, насчет того, как сын тратит ваши деньги?

Утративший от ярости дар речи, Чэнь Сюйфэн положил монитор на стол экраном вниз.

Совершенно ошарашенные зрители снова надолго умолкли. В конце концов заговорил Лю Вэньмин.

— Но почему вы так долго прятались и бегали? Неужели нельзя было найти более… традиционные пути для того, чтобы освободиться от этих затруднений?

— Вы имеете в виду обратиться в Комиссию по проверке дисциплины? Да, идея заманчивая. Я сам на первых порах склонялся именно к ней, но потом решил на всякий случай рассмотреть в зеркале руководство комиссии. — Бай Бин поднял голову и в упор посмотрел на Лю Вэньмина. — Можете представить себе, что я увидел. Я совершенно не хотел себе такой судьбы, какая постигла присутствующего здесь вашего институтского друга. Оставались, правда, варианты: прокуратура или Бюро по предупреждению коррупции… Я не сомневаюсь, директор Го и шеф Чан рассматривают подавляющее большинство серьезных обвинений строго по закону, но небольшую часть очень осторожно обходят на цыпочках. Узнав то, что я мог бы им сообщить, они, несомненно, сразу же присоединились бы к вам в охоте на меня. Куда еще я мог податься? Обнародовать разоблачения через прессу? Уверен, что вы лучше меня знакомы с ключевыми фигурами средств массовой информации провинции. В конце концов, разве не они сочинили Большому Начальнику великолепную биографию? Разница между этими репортерами и проститутками состоит лишь в том, что они продают разные части тела. Все завязано в одну большую паутину, и ни к одной нити нельзя прикоснуться. Мне некуда было идти.

— Вы могли обратиться в Центральную комиссию, — невозмутимо произнес Большой Начальник, внимательно наблюдавший за реакцией Бай Бина.

Тот кивнул.

— Действительно, это был, пожалуй, единственный выход. Но я же никто. И ни с кем не знаком. Я к Сун Чену-то отправился прежде всего для того, чтобы установить надежный контакт, и тут уже неважно, ловите вы меня или нет. — Бай Бин сделал паузу. — Не стану скрывать, решение было непростым. Вы все — умные люди и отлично понимаете, как события будут развиваться дальше.

— Вы имеете в виду, что эта технология выйдет в широкий мир?

— Совершенно верно. Вскоре не останется ни одного клочка от того тумана, который издревле скрывал историю и реальность. Всё и вся, на виду и во тьме, прошлое и настоящее будет разоблачено и выставлено на свет дня. Из-за этого свет и тьма сойдутся в решающей битве, какой еще не знала история. Мир обрушится в хаос…

— Но в конце концов победит свет, — сказал Сун Чен, молчавший все это время. Он встал с места, подошел к Бай Бину и посмотрел ему в глаза.

— Знаете, откуда тени черпают свою силу? Она кроется в самой природе их закрытости. Но стоит им оказаться на свету, как их сила исчезает. Это можно видеть по большинству случаев коррупции. И ваше цифровое зеркало — это горящий факел, который разгонит тьму.

Большой Начальник переглянулся с Чэнем и Лю.

Снова повисла тишина. На экране суперструнного компьютера атомарное зеркало Вселенной отражало Землю, безмятежно парящую в космосе.

Вдруг Большой Начальник положил руку на плечо Бай Бина.

— Почему бы вам не передвинуть движок шкалы времени еще дальше вперед?

Бай Бин, Чэнь Сюйфэн и Лю Вэнмин с одинаковым недоумением взглянули на него.

— Если мы будем точно предсказывать будущее, то сможем изменить настоящее и контролировать ход будущего. Мы контролировали бы все — молодой человек, вам не кажется, что это возможно? Возможно, вместе мы сможем выполнить великую обязанность по формированию грядущей истории.

Поняв, о чем речь, Бай Бин страдальчески улыбнулся и покачал головой. Потом встал, подошел к компьютеру, щелкнул мышкой, перетащил ползунок шкалы времени за отметку «Настоящее» в будущее и сказал Большому Начальнику:

— Попробуйте сами.

Бесконечная рекурсия

Большой Начальник метнулся к компьютеру с такой скоростью, какой никто у него еще не видел — так голодный орел мог бы упасть с неба на притаившегося на земле зайчонка, — и, умело двигая мышкой, отвел ползунок от отметки «Настоящее». Но как только отметка оказалась в области будущего, на экране появилось окно, извещающее об ошибке:

STACK OVERFLOW[12]

Бай Бин вынул мышку из пальцев Большого Начальника.

— Давайте-ка запустим отладочную программу и шаг за шагом посмотрим, в чем дело.

Программа симуляции вернулась в состояние, в котором находилась до возникновения ошибки, и начала выполняться строка за строкой. Когда реальный Бай Бин переместил ползунок через отметку «Настоящее», его копия в цифровом зеркале сделала то же самое. Отладочная программа немедленно увеличила изображение на компьютерном дисплее в зеркале симулятора, и все увидели, что на имитируемом экране следующая копия Бай Бина — уже двумя слоями ниже — точно так же передвинула ползунок. Затем дебаггер увеличил изображение на изображении изображения дисплея суперструнного компьютера на третьем уровне… И таким образом отладчик продвигался слой за слоем все глубже, и Бай Бин каждого слоя одинаково сдвигал ползунок за отметку «Настоящее» в бесконечном эффекте Дросте[13].

— Это рекурсия, прием программирования, при котором фрагмент кода вызывает сам себя. При нормальных обстоятельствах он находит свой ответ, пройдя конечное число слоев вниз, после чего ответ по цепочке вызовов выходит обратно на поверхность. Но здесь мы имеем дело с функцией, которая вызывает саму себя без конца и не способна в этой бесконечной рекурсии дойти до ответа. Ну, и поскольку ресурсы, используемые при каждом шаге рекурсии, программа сохраняет в стеке при каждом вызове, он неизбежно переполняется, что мы только что видели. В случае бесконечной рекурсии не хватает даже мощности суперструнного компьютера.

— Ах, — кивнул Большой Начальник.

— В результате, несмотря на то что развитие Вселенной было предопределено Большим взрывом, мы все равно не в состоянии узнать будущее. Это, вероятно, должно послужить некоторым утешением для тех, кто отрицает причинно-следственную связь и теорию детерминизма как таковую.

— А-ах… — снова кивнул Большой Начальник. Он долго, очень долго тянул этот звук.

Эпоха зеркала

Бай Бин обнаружил, что с Большим Начальником произошла странная перемена, как будто он лишился стержня. Он словно усох и покачивался всем телом, будто у него даже не было сил держаться прямо. Его лицо резко побледнело, он отрывисто и часто дышал. Вернувшись к креслу, он положил обе руки на подлокотники и опустился на сиденье так медленно и осторожно, словно боялся, что у него треснут кости.

— Молодой человек, вы уничтожили дело всей моей жизни, — сказал он после довольно продолжительной паузы. — Вы победили.

Бай Бин посмотрел на Чэнь Сюйфэна и Лю Вэньмина. Эти слова озадачили их ничуть не меньше, чем его. Зато Сун Чен стоял, гордо выпрямившись, и явно не боялся своих могущественных врагов; его лицо светилось радостью победы.

Чэнь Сюйфэн медленно встал и извлек пистолет из кармана брюк.

— Отставить, — сказал Большой Начальник, не повышая голоса, но с непререкаемой властностью. Пистолет в руке начальника полиции замер на уровне пояса. — Убери пушку, — продолжал Большой Начальник, но Чэнь не повиновался.

— В такой ситуации необходимо принимать решительные меры, — возразил он. — И стрельбу, и их смерть мы в наилучшем виде объясним сопротивлением при аресте и попыткой к бегству…

— Убери пушку, бешеный ты пес! — взревел Большой Начальник.

Рука Чэнь Сюйфэна с пистолетом опустилась и повисла вдоль тела. Он медленно повернулся к Большому Начальнику.

— Я не бешеный пес. Я верный пес, благодарный пес! Пес, который никогда не предаст вас, начальник! Такому человеку, как я, который шаг за шагом поднимался с самого низа и досконально усвоил, что правильно, а что нет, вы можете доверять так же, как отношению хорошей собаки к хозяину, который сделал ее такой, какая она есть. И, уж конечно, у меня не может быть интеллигентской склизкой изворотливости.

— Что вы хотите сказать? — вскочил на ноги давно сидевший в молчании Лю Вэньмин.

— Не прикидывайтесь, будто не понимаете! Я не из тех, кто решается сделать шаг вперед, только удостоверившись, что имеются два или три шага к отступлению. Куда мне деваться? И если я при таком повороте дел не позабочусь о себе, то никто

этого за меня не сделает!

— Убивать меня бессмысленно, — спокойно сказал Бай Бин. — После этого цифровое зеркало немедленно станет общедоступным.

— Даже глупцу было бы ясно, что он должен был принять серьезные меры предосторожности. Вы очень уж разнервничались, — чуть слышно сказал Лю Вэньмин, склонившись к уху Чэнь Сюйфэна.

— Естественно, я понимаю, что у этого подонка хватило ума подстраховаться, но ведь у нас есть собственные технологические ресурсы. И если мы пустим в ход все, чем располагаем, нам, возможно, удастся начисто истребить всю технологию этого проклятого зеркала.

Бай Бин покачал головой.

— Это невозможно. Шеф Чэнь, мы ведь живем в эпоху интернета. Скрывать и распространять информацию легко, к тому же я обладаю преимуществом обороняющегося. Вы не сможете победить меня в моей игре, даже если задействуете своих лучших технических специалистов. Я могу даже рассказать вам, где спрятал резервные копии программного обеспечения цифрового зеркала и что предпринял, чтобы они вышли в неограниченный доступ в случае моей смерти, но и тогда вы не смогли бы ничего сделать. А уж скрыть и распространить параметры инициализации еще проще. Так что лучше и не пытайтесь.

Чэнь Сюйфэн медленно убрал пистолет в карман и сел на место, всем своим видом выражая отчаяние.

— Вы, наверно, полагаете, что пребываете сейчас в кульминационной точке истории? — прежним делано уважительным тоном обратился Большой Начальник к Сун Чену.

— В кульминационной точке истории пребывает правосудие, — торжественно ответил Сун Чен.

— Да уж, это цифровое зеркало уничтожит нас всех. Но его разрушительное действие скажется куда шире.

— Да, оно уничтожит все зло.

Большой Начальник медленно кивнул.

— Затем всю коррупцию и безнравственность, которые не дотягивают до уровня зла.

Большой Начальник снова кивнул:

— А в итоге оно уничтожит всю человеческую цивилизацию.

Его слова ошеломили всех остальных.

— Никогда еще перед человеческой цивилизацией не открывалось такого светлого будущего, — возразил Сун Чен. — Битва между добром и злом смоет всю грязь.

— А потом? — без нажима спросил Большой Начальник?

— А потом наступит великая эпоха зеркала. Все человечество окажется перед зеркалом, в котором будет отлично виден любой поступок и от которого не укроется ни одно преступление. Каждый грешник неизбежно предстанет перед судом. Больше не будет тьмы, и солнечный свет озарит каждую щелку. Человеческое общество сделается чистым, как кристалл.

— Иными словами, общество умрет, — отрезал Большой Начальник и, подняв голову, посмотрел в глаза Сун Чену.

— Будьте любезны объяснить, — сказал тот с глумливой интонацией победителя, который глядит сверху вниз на побежденного.

— Представьте себе, что ДНК всегда реплицируется и наследуется с идеальной точностью, без ошибок в коде. Во что превратилась бы жизнь на Земле?

Сун Чен задумался, и за него ответил Бай Бин:

— В таком случае жизнь на земле перестала бы существовать. Основа эволюции — как раз мутации, происходящие по причине ошибок в воспроизведении ДНК.

Большой Начальник кивнул.

— По тому же закону существует и общество. Его эволюция и жизнеспособность коренятся в бесчисленных побуждениях и желаниях, не укладывающихся в мораль, принятую большинством. Рыба не может жить в стерильно чистой воде. Общество, в котором никто никогда не нарушает этических норм, сознательно или по ошибке, — на самом деле мертво.

— Ваша попытка оправдать свои преступления просто смешна, — презрительно бросил Сун Чен.

— Не очень-то, — возразил, к всеобщему изумлению, Бай Бин. — Он несколько секунд помолчал, как бы набираясь решимости, а потом продолжил: — Честно говоря, была еще одна причина, по которой я не хотел делать программное обеспечение для зеркального моделирования общедоступным. Мне… мне тоже не очень нравится идея мира, вооруженного цифровым зеркалом.

— Вы так же, как и они, боитесь света? — спросил Сун Чен.

— Я самый рядовой обыватель и не причастен ни к какому теневому бизнесу, но ведь тот свет, о котором вы говорите, проявляется по-разному. Если кто-то среди ночи направит луч прожектора в окно вашей спальни, это будет называться световым загрязнением… Приведу пример из собственной жизни. Я женат всего два года, но уже испытал это на себе… если можно так выразиться, эстетическое переутомление. Поэтому я… связался со студенткой колледжа, которая стажируется у нас на работе. Жена, конечно, об этом не знает, и все довольны. В эпоху зеркала я не смог бы вести такую жизнь.

— Начнем с того, что такая жизнь аморальна и безответственна! — гневно повысил голос Сун Чен.

— Но разве не все так живут? У кого не найдется какой-нибудь глубокой нехорошей тайны? В наши дни, если хочешь быть счастливым, так или иначе приходится хоть немного прогибаться. Много ли найдется людей, которые сияли бы такой же незапятнанной святостью, как вы? Если цифровое зеркало превращает всех в идеальных людей, которые не могут сделать ни шагу за рамки дозволенного, тогда… тогда что вообще остается, будь оно все проклято?

Большой Начальник рассмеялся, и даже Лю и Чен, лица которых все это время были мрачнее тучи, натужно улыбнулись. А Большой Начальник похлопал Бай Бина по плечу.

— Молодой человек, ваши аргументы, возможно, не особенно возвышенны, но вы мыслите гораздо глубже, чем наш ученый друг. — Он повернулся к Сун Чену и заговорил, на сей раз фамильярно, как старший с младшим. — Мы оказались в совершенно безвыходном положении, так что можешь пока отрешиться от ненависти и жажды мести по отношению к нам. Ты же прекрасно разбираешься в социальной философии и, конечно, не настолько ограничен, чтобы считать, будто историю движут добродетель и справедливость?

Слова Большого Начальника, судя по всему, изрядно отрезвили Сун Чена. Он стряхнул с себя возбуждение победителя.

— Мой долг — карать зло, защищать добродетель и поддерживать правосудие, — сказал он после непродолжительной паузы уже гораздо более ровным тоном.

Большой Начальник кивнул с довольным видом.

— Ты не дал прямого ответа. Отлично, значит, ты все же не настолько ограничен.

Вдруг он содрогнулся всем телом, как будто кто-то окатил его холодной водой. Он вышел из навалившегося было оцепенения. Слабость прошла, жизненная сила, покинувшая его раньше, казалось, вернулась. Он встал, со строгим выражением лица застегнул воротничок, тщательно разгладил складки на одежде и с величайшей торжественностью сказал, обращаясь к Лю Вэньмину и Чэнь Сюйфэну:

— Товарищи, с сегодняшнего дня всё и вся получат отражение в цифровом зеркале. Поэтому прошу вас следить за своими действиями и постоянно думать о том, какое впечатление вы можете произвести на других.

Лю Вэньмин, стоявший с тяжелой думой на лице, тоже поправил одежду и тяжело вздохнул.

— Да, отныне нам придется жить под недреманым оком Неба.

Чэнь Сюйфэн повесил голову.

Большой Начальник оглядел всех по очереди.

— Что ж, мне пора идти. Завтра у меня напряженный рабочий день. — Он повернулся к Бай Бину. — Молодой человек, приходите ко мне в управление завтра в шесть вечера. Возьмите с собой суперструнный компьютер. — Затем он повернулся к Чену и Лю. — Что касается вас двоих… делайте все, что должно. Сюйфэн, выше голову! Возможно, за нами и водятся непростительные грехи, но у нас нет причин так уж сильно стыдиться. По сравнению с тем, что сделали они, — он указал на Сун Чена и Бай Бина, — все, что мы натворили, — сущая мелочь.

Он открыл дверь и вышел с высоко поднятой головой.

День рождения

Следующий день для Большого Начальника действительно выдался очень напряженным.

Войдя в свой кабинет, он сразу же вызвал, одного за другим, ключевых чиновников, отвечающих за промышленность, сельское хозяйство, финансы, охрану окружающей среды и все прочее, чтобы проинформировать их о будущих задачах. Встречи были краткими, но все же Большой Начальник использовал свой богатый опыт, чтобы сосредоточиться на важных аспектах работы и проблемах, требующих внимания. Кроме того, благодаря его несравненным дипломатическим и ораторским навыкам каждый подчиненный уходил с твердой уверенностью, что это всего лишь очередной обыденный «разбор полетов». Никто из них не заметил ничего необычного.

В половине одиннадцатого утра, отослав последнего чиновника, Большой Начальник засел за меморандум по поводу экономического развития провинции и проблем, которые, по его убеждению, должны были возникнуть у крупных и средних предприятий провинции. Документ был небольшим, менее двух тысяч иероглифов, но в нем отразились десятилетия размышлений и опыта работы. Любой, знакомый с философией Большого Начальника, изумился бы, прочитав этот документ — он значительно отличался от всего, что он писал прежде. За долгие годы пребывания на вершине власти он впервые высказал мнение, не искаженное субъективными эгоистическими соображениями, исходящее исключительно из заботы об интересах партии и страны.

Он закончил писать, когда уже перевалило за полдень, и без обеда, выпив лишь чашку чая, перешел к дальнейшим делам.

Тогда-то и проявились первые признаки наступления эпохи зеркала. Большому начальнику сообщили, что Чэнь Сюйфэн застрелился в своем кабинете и что Лю Вэньмин, похоже, находится в трансе: то и дело проверяет пуговицу воротника и поправляет одежду, как будто опасается, что его в любой момент могут сфотографировать. На эти новости Большой Начальник отреагировал лишь улыбкой.

Эпоха зеркала еще не наступила, а вот тьма уже начала рассеиваться.

Затем Большой Начальник приказал Бюро по предупреждению коррупции немедленно собрать оперативную группу; в сотрудничестве с полицией и соответствующими департаментами финансов и торговли следовало немедленно

изъять все записи и счета Торгово-коммерческой группы «Даси», принадлежащей его сыну, и корпорации «Бэйюань» — его невестке, и действовать в соответствии с законом. То же самое он предписал в отношении различных финансовых учреждений своих других родственников и близких друзей.

В половине пятого Большой Начальник начал составлять список имен. Он знал, что с наступлением эпохи зеркала по всей провинции будут уволены тысячи чиновников окружного и более высокого уровня. Первоочередной задачей было найти подходящих преемников на ключевые должности в каждой организации, и его предложения были представлены в списке, предназначенном для провинциального и центрального руководства. На самом деле этот список существовал в его сознании задолго до появления цифрового зеркала. Этих людей, которых он планировал отстранить, вытеснить из политической и хозяйственной жизни и, желательно, устранить.

Между тем часы отмерили полшестого, конец рабочего дня. Он чувствовал удовлетворение, какого не испытывал никогда прежде: по крайней мере, один день он провел по-человечески.

В кабинет вошел Сун Чен, и Большой Начальник вручил ему толстую стопку документов.

— Это те улики против меня, которые вам удалось получить. Вам следует как можно скорее передать их в Центральную комиссию. Минувшей ночью я написал признание вместе с дополнительными доказательствами и добавил их сюда. Помимо просмотра и проверки результатов ваших расследований я также дополнил некоторые материалы, чтобы восполнить пробелы.

Сун Чен взял документы и сухо кивнул, не сказав ни слова.

— Через несколько минут придет Бай Бин с суперструнным компьютером. Вы должны сказать ему, что собираетесь сообщить своему начальству о программе «Цифровое зеркало». Чиновники из центра, рассмотрев этот вопрос со всех сторон, для начала будут использовать его крайне осторожно. Поэтому ему следует заранее убедиться, что программное обеспечение не станет достоянием общественности. Это создало бы серьезные опасности и привело к неблагоприятным последствиям. Поэтому обязательно уговорите его удалить все резервные копии, будь то онлайн или где-либо еще, которые он сделал, чтобы защитить себя. Что касается параметров инициализации, если он сообщил их кому-либо еще, попросите его составить список имен. Он доверяет вам и последует вашему совету. Вы должны убедиться, что резервных копий не осталось.

— Мы так и собирались поступить, — ответил Сун Чен.

— А потом, — продолжил Большой Начальник, глядя в глаза

Сун Чену, — убейте его и уничтожьте суперструнный компьютер. Тут-то вы вряд ли можете заподозрить, что я подбиваю вас на преступление в собственных интересах.

Сун Чен в первый миг опешил, а потом с улыбкой покачал головой.

Большой Начальник тоже улыбнулся.

— Ну что ж, я сказал все, что хотел. Дальнейшие события, как бы они ни пошли, не имеют ко мне никакого отношения. Зеркало записало все, что я сказал сейчас; возможно когда-нибудь, в далеком будущем, кто-нибудь услышит мои слова.

Большой Начальник жестом отослал Сун Чена, откинулся на спинку кресла и медленно выдохнул, погрузившись в чувство облегчения и покоя.

* * *

Почти сразу же после ухода Сун Чена часы пробили шесть. И с последним ударом в кабинет вошел Бай Бин с портфелем, где находилось цифровое зеркало прошлого и настоящего.

Большой Начальник предложил ему сесть и, глядя на суперструнный компьютер, стоявший на столе, сказал:

— Молодой человек, у меня к вам просьба: не могли бы вы показать мне в вашем зеркале мою жизнь?

— Конечно, никаких проблем! — ответил Бай Бин и, открыв портфель, выложил на стол компьютер. Он запустил программу цифрового зеркала, установил время на «Настоящее» и точку обзора на кабинет. На экране в реальном времени появились оба присутствующих. Бай Бин навел курсор на Большого Начальника, щелкнул правой кнопкой мышки и запустил опцию обратного отслеживания.

Изображения на экране начали быстро меняться; так быстро, что весь экран заполнило размытое пятно, в центре которого неподвижно, как центр мира, все время оставался объект трассировки — Большой Начальник. Впрочем, не так уж и неподвижно — его портрет тоже быстро мерцал и заметно молодел.

— Это поиск с отслеживанием в обратной хронологии. Программа распознавания изображений не может использовать ваш современный облик для идентификации ваших версий в более молодом возрасте, поэтому ей приходится шаг за шагом отслеживать возрастные изменения, чтобы отыскать начало.

Через несколько минут экран перестал мигать и показал новорожденного младенца с еще не омытым от родовой слизи

личиком. Акушерка только-только взяла его с весов. Малыш не плакал и не смеялся, а смотрел широко открытыми очаровательными глазенками, впитывая впечатления от открывшегося ему нового мира.

Большой Начальник усмехнулся.

— Да, совершенно верно, это я. Матушка не раз говорила, что я открыл глаза, как только родился, — сказал он и улыбнулся во весь рот. Он явно притворялся беззаботным, пытаясь скрыть волнение, но на сей раз, в отличие от большинства других случаев, ему это не особенно удалось.

— Посмотрите сюда, — сказал Бай-Бин, указывая на строку меню под изображением. — Эти кнопки позволяют увеличивать масштаб и изменять ракурс. Это ползунок времени. Программа «Цифровое зеркало» продолжит двигаться вперед во времени, следуя за вами как за объектом поиска. Чтобы найти определенное время или событие, нужно делать почти то же самое, как вы в текстовом редакторе искали бы фрагмент документа с помощью полосы прокрутки. Сначала большими шагами во времени найдите приблизительное местоположение, затем более точной настройкой, передвигая ползунок влево или вправо и ориентируясь по тем эпизодам, которые вы сможете распознать. Найти можно все. Это примерно так же, как быстрая перемотка вперед и назад на DVD-плеере, хотя, конечно, чтобы воспроизвести этот диск с нормальной скоростью потребуется…

— Я полагаю, примерно пятьсот тысяч часов, — сказал Большой Начальник, успевший прикинуть числа в уме раньше, чем Бай Бин. Он взял мышь и увеличил изображение. На экране появилась молодая мать на родильной койке и часть больничной палаты — прикроватная тумбочка и настольная лампа в простом стиле той эпохи, а также окно с деревянной рамой. Но его внимание особенно привлекло пятно красно-оранжевого света на стене. — Я родился вечером, примерно в то же время, что и сейчас. Возможно, это последний луч заходящего солнца.

Большой Начальник подвел курсор к ползунку времени, и изображение снова быстро заскакало. Время устремилось вперед. При следующей остановке на экране появился маленький круглый столик, освещенный свисающей с потолка лампочкой без абажура. За столом его мать — скромно одетая, в очках — занималась с четырьмя детьми. Совсем маленький ребенок, трех или четырех лет (очевидно, он сам) неуклюже ел из маленькой деревянной миски.

— Моя мать была учительницей начальной школы. Ей нравилось заниматься дополнительно с неуспевающими учениками прямо у себя дома. Тогда она и меня пораньше

забирала из садика. — Большой Начальник некоторое время наблюдал за происходящим на экране. Его детское «я» случайно пролило на себя кашу из миски. Мать поспешно встала и потянулась за полотенцем. Только после этого он передвинул ползунок дальше.

Время перепрыгнуло на несколько лет. Внезапно экран озарил алый свет пламени горна доменной печи, в его пляшущих вспышках мелькали силуэты нескольких рабочих в грязных асбестовых костюмах. Большой Начальник ткнул пальцем в одну из фигур:

— Это мой отец, доменщик.

— Вы можете изменить угол обзора, — напомнил Бай Бин и попытался забрать мышку из пальцев Большого Начальника, но тот мягко, но неуклонно удержал ее.

— Ни к чему. В тот год шла борьба за повышение выпуска продукции, постоянные сверхурочные, и рабочим часто носили еду из дома. И я носил. Тогда-то я впервые увидел отца на работе, как раз с этого ракурса. И его силуэт на фоне пылающего печного горна глубоко врезался мне в память.

И снова годы устремились вперед, следуя за ползунком времени, и остановились в ясный солнечный день. На фоне лазурного неба развевался алый флаг юных пионеров Китая. Мальчик в белой рубашке и синих брюках не отводил от него глаз, пока другие руки завязывали на его шее красный галстук. Правая рука мальчика взметнулась над головой в салюте, страстно заявляя всему миру, что он всегда будет готов бороться за дело коммунизма. Его глаза были ясны, как чистое голубое небо.

— В пионеры я вступил во втором классе начальной школы…

Время устремилось дальше, и появился другой флаг — Коммунистического союза молодежи Китая, — развевающийся на фоне мемориала павшим. Кучка подростков произносила клятву флагу. Он стоял в заднем ряду, его глаза были ясны, как и прежде, но в них можно было разглядеть энтузиазм и целеустремленность.

— В комсомол меня приняли в первом классе средней школы.

Снова временной скачок. Появляется третий красный флаг — флаг Коммунистической партии Китая. Дело происходит в огромном актовом зале. Крупным планом возникают шесть юношей, произносящих клятву; лицо одного из них заполняет экран.

— В партию меня приняли на втором курсе института. — Большой Начальник указал пальцем на экран. — Посмотрите ему в глаза. Что вы там видите?

В этой паре юных глаз все еще можно было разглядеть ясность детства, пыл и страстное стремление вперед, присущее юности, но в них проглядывала новая, пока еще незрелая мудрость.

— Я чувствую, что вы были… искренним, — сказал Бай Бин, глядя в эти глаза.

— Так оно и есть. И с тех пор до нынешнего дня я помню каждое слово этой присяги. — Большой Начальник вытер глаза; это движение было настолько стремительным, что Бай Бин даже не заметил его.

Ползунок продвинулся вперед еще на несколько лет. На этот раз, похоже, он проскочил нужную точку, но после нескольких небольших уточнений на экране появилась дорожка под тенистыми деревьями. Посреди дорожки стоял молодой человек, глядевший на девушку, которая явно собиралась уйти. Девушка повернула голову, чтобы посмотреть на него в последний раз; ее глаза блестели от слез. Ее словно окружал ореол чистоты и непорочности. А потом она ушла, исчезла вдалеке между двумя рядами высоких тополей. Бай Бин деликатно встал и вознамерился отойти на несколько шагов, но Большой Начальник остановил его.

— Не беспокойтесь, с тех пор я ни разу не видел ее. — Он снял ладонь с мышки и отвел взгляд от экрана. — Ну вот и все, благодарю вас. Можете выключать компьютер.

— Не желаете посмотреть еще что-нибудь?

— Нет, я уже посмотрел все, что было достойно воспоминаний.

— Если хотите, мы можем отыскать ее прямо сейчас. Это будет очень легко.

— Не стоит. Уже поздно, вам пора идти. Я от всей души благодарю вас.

* * *

Как только Бай Бин ушел, Большой Начальник позвонил в охрану и попросил начальника смены зайти к нему в кабинет. Тут же примчался вооруженный полицейский, отдал честь и замер в ожидании.

— Вас ведь зовут… Ян, верно?

— У вас отличная память, товарищ начальник.

— Не беспокойтесь, я пригласил вас не по делу. Вдруг захотелось почему-то сказать вам, что сегодня у меня день рождения.

Охранник от удивления окончательно лишился дара речи.

Большой Начальник снисходительно улыбнулся.

— Можете идти. — Охранник отдал честь и собрался лихо повернуться на месте, как Большой Начальник остановил его: — Ах, да, и оставьте мне ваше оружие.

Охранник замялся было, но все же вынул пистолет из кобуры, подошел к монументальному письменному столу, деликатно положил его на край, снова отдал честь и вышел.

Большой Начальник взял пистолет, вынул магазин и начал извлекать из него патроны, один за другим, пока не остался только один. Тогда он вставил магазин с последним патроном на место. Кто знает, кому следующему попадет в руки это оружие — может быть, его секретарю, а может быть, ночной уборщице. Незаряженное оружие, в любом случае, безопасней.

Положив пистолет на стол, он расставил извлеченные из него патроны в кружок, как свечи на юбилейном торте. Потом подошел к окну и несколько минут глядел поверх города на почти касавшееся горизонта солнце. Из-за густого промышленного смога, висевшего над городом, солнечный диск был окрашен в темно-красный цвет. Большой Начальник подумал, что он похож на зеркало.

Напоследок он отцепил от лацкана значок «Служим народу»[14] и приколол его на флаг провинции, стоявший на его столе между флагами Китая и КПК.

Потом он сел за стол и стал спокойно ждать последнего луча заходящего солнца.

Будущее

Поздно вечером Бай Бин вошел в главный компьютерный зал Центра метеорологического моделирования. Бай Бин сидел там в одиночестве и смотрел остановившимся взглядом на экран суперструнного компьютера.

Сун Чен подошел к нему и похлопал по плечу.

— Бай, я уже договорился с вашим начальником. Вскоре прибудет специальный автомобиль, который отвезет вас в Пекин. Там вы передадите суперструнный компьютер сотруднику центрального аппарата и сделаете доклад группе экспертов. Ваше открытие настолько грандиозно, что заставить людей понять и поверить во все это будет нелегко. Так что вам придется запастись терпением для разъяснений и демонстраций… Бай Бин, что случилось?

Бай Бин слушал молча, даже не шевелился на кресле. На экране созданной компьютером зеркальной Вселенной плавала в космосе Земля. Контуры ледяных шапок изменились, и голубизна океана приобрела сероватый оттенок, но очертания материков не отличались от современных, во всяком случае, Сун Чен не заметил различий.

— Он был прав, — сказал Бай Бин.

— Что?

— Большой Начальник был прав. — Бай Бин медленно повернулся к Сун Чену и взглянул ему в лицо красными от усталости глазами.

— Вы что, провели минувшие сутки в размышлениях по этому поводу?

— Нет. Я обошел проблему рекурсии при обращении к будущему.

— Вы хотите сказать… цифровое зеркало теперь может производить еще и симуляцию будущего?

Бай Бин вяло кивнул.

— Но только очень отдаленного будущего. Нынче ночью я придумал совершенно новый алгоритм. Относительно близкое будущее он перескакивает, то есть обходит нарушение причинно-следственной цепочки, возникающее в результате того, что знание будущего изменяет настоящее. И я настроил зеркало прямиком на далекое будущее.

— Насколько далекое?

— Тридцать пять тысяч лет.

— И какое же общество будет на Земле? — спросил Сун Чен, осторожно подбирая слова. — Зеркало подействовало на него?

Бай Бин мотнул головой.

— К тому времени цифровое зеркало уже не будет существовать. И общества тоже не будет. И человеческая цивилизация уже исчезнет.

Сун Чен остолбенел.

На экране между тем точка обзора быстро приближалась к планете и вскоре зависла над городом, окруженным пустыней.

— Это наш город. Он мертв, в нем уже две тысячи лет никто не живет.

Прежде всего бросилась в глаза строгая геометрическая упорядоченность мертвого города. Все здания представляли собой идеальные кубы, выстроенные аккуратными колоннами и рядами, а территория города образовывала идеальный квадрат. Только облака песчаной пыли, время от времени проносившиеся по квадратной сетке улиц, не позволяли принять город за абстрактную геометрическую фигуру из учебника.

Умело перемещая точку обзора, Бай Бин проник в комнату одного из кубических домов. Накопившиеся за бесчисленные годы песок и пыль плотно погребли все, что там находилось. Под окном пологая горка касалась подоконника. Большими и малыми буграми обозначались места, где остались мебель и бытовая техника. В одном углу торчало несколько конструкций, похожих на сухие ветви, — проржавевшая металлическая вешалка для одежды. Бай Бин скопировал часть изображения и вставил в другую программу, которая устранила толстый слой песка, обнажив проржавевшие до голых рам телевизор и холодильник, а также письменный стол. На столе лежала невесть когда повалившаяся фотография в рамке. Еще раз поиграв положением точки обзора, Бай Бин увеличил масштаб, и маленькая фотография заполнила весь экран.

Это оказался семейный портрет трех человек; они чрезвычайно похожи друг на друга — и одеждой, и лицами. Пол можно было определить только по длине волос, возраст — по росту. Одеты они были в одинаковые костюмы, похожие на знаменитый френч Мао, аккуратные, строгие и застегнутые до подбородка. Присмотревшись, Сун Чен все же обнаружил в чертах лиц далеких потомков некоторые различия. Эффект полного сходства усугублялся одинаковым выражением их лиц, какой-то деревянной безмятежностью, какой-то мертвой серьезностью.

— На всех фотографиях и видеозаписях, которые мне удалось найти в этой эпохе, у людей совершенно одинаковые выражения лиц. Я не видел никаких других эмоций, не говоря уже о слезах или смехе.

— Но как же они дошли до жизни такой? — испуганно

спросил Сун Чен. — Наверно, стоит заглянуть в какие-нибудь учебники по истории, что ли?

— Уже заглядывал. История после нас двигалась примерно так: «Эпоха Зеркала начнется через пять лет. В первые лет двадцать цифровые зеркала будут использовать только правоохранительные органы, но уже в это время они существенно повлияют на человеческое общество и вызовут в нем структурные изменения. Но уже вскоре зеркала проникли во все сферы личной и общественной жизни. Историки назвали этот период началом Эпохи Зеркала. На протяжении первых пяти веков новой эры человеческое общество все еще продолжало постепенно развиваться. Признаки полного застоя впервые появились в середине VI века Эпохи Зеркала. Застой начался с культуры, потому что человеческая природа теперь была чистой, как вода, и в ней не осталось ничего, что можно было бы изобразить и выразить. Исчезла литература, а затем и все гуманитарные науки. После них зашли в тупик наука и техника. Застой прогресса продолжался тридцать тысяч лет. История называет этот затянувшийся период Средними веками Света.

— А что случилось потом?

— Все очень просто и незатейливо. Ресурсы Земли истощились, все пахотные земли были утрачены из-за опустынивания. Между тем у человечества так и не возникло ни технологий для колонизации космоса, ни возможностей для добычи новых ресурсов. За последние пять тысяч лет все постепенно пришло в упадок… В ту эпоху, которую я вам показал, на всех континентах все еще оставались люди, но смотреть на их жизнь совсем не интересно.

— А-ах… — Сун Чен вздохнул точно так же, как Большой Начальник позавчера, и умолк. Лишь после продолжительной паузы он спросил дрожащим голосом: — И… и что же нам делать? Может быть, лучше будет уничтожить зеркало?

Бай Бин вытряхнул из пачки две сигареты и протянул одну Сун Чену. Свою он сразу же закурил, глубоко затянулся и выдохнул дым на три мертвых лица на экране.

— Я уже уничтожаю программу. Показал тебе, — он неожиданно перешел на приятельский тон, — и запустил уничтожение. Но, как бы мы ни поступили, это ничего не даст. Остается утешиться тем, что все грядущее никак не связано с нами.

— То есть цифровое зеркало создал кто-то еще?

— Теория и технология для этого существуют, и, согласно теории суперструн, количество осуществимых наборов параметров инициализации огромно, но все же ограничено. Стоит

пойти по списку, и в конце концов обязательно наткнешься на наш… И через тридцать с лишним тысяч лет, до последних дней цивилизации, человечество все будет превозносить Ника Кристоффа и молиться на его память.

— Кто он такой?

— Согласно тем же учебникам истории, христианский священнослужитель, физик, изобретатель программы цифрового зеркала.

Эпоха Зеркала

Пять месяцев спустя. Принстонский университет, Центр экспериментальной космологии.

Когда на одном из пятидесяти экранов появилось сияющее море звезд, все присутствующие ученые и инженеры разразились радостными возгласами. В зале стояли пять суперструнных компьютеров, каждый из которых имитировал десять виртуальных машин — в общей сложности пятьдесят наборов симуляций Большого взрыва, работающих днем и ночью. Эта недавно созданная виртуальная Вселенная имела номер 32 961.

Хранил невозмутимость лишь один внушительный на вид немолодой мужчина с густыми бровями и пронзительным взглядом, одетый в черный свитер, на фоне которого бросался в глаза большой серебряный крест, который он носил на груди. Осенив себя крестным знамением, он спросил:

— Гравитационная постоянная?

— 6,67 на 10–11!

— Скорость света в вакууме?

— 2, 998 на 105 километров в секунду!

— Постоянная Планка?

— 6, 626 на 10–34!

— Заряд электрона?

— 1, 602 на 10–19 кулонов!

— Один плюс один? — он поднес к губам висевший на груди крест и благоговейно поцеловал.

— Ровно два! Профессор Кристофф, это наша Вселенная!

Ода «К радости»

Начат в 2001 г., опубликован как 欢乐颂 в журнале «The Novoland Fantasy», Чэнду, 2005 г.

Концерт

Мысли о концерте, завершающем последнее заседание Организации Объединенных Наций, навевали тягостные чувства.

Злоупотребление возможностями организации, восходящее к вопиющим прецедентам начала века, достигло апогея; каждая из стран считала ООН инструментом для достижения своих целей и по возможности перетолковывала ее устав в своих интересах. Малые государства оспаривали авторитет постоянных членов Совета Безопасности, в то время как каждый постоянный член считал, что заслуживает большего авторитета в организации, которая в результате всего этого сама полностью утратила авторитет. Десятилетние усилия по ее спасению закончились ничем, и в конце концов все сошлись на том, что Организация Объединенных Наций и идеализм, который она олицетворяла, больше неприменимы к реальному миру. Пришло время избавиться от нее.

На заключительное заседание — фактически на торжественные похороны ООН — собрались главы всех государств. Заключительным пунктом программы предстояло стать концерту на лужайке перед зданием Генеральной Ассамблеи.

Он должен был начаться значительно позже заката, в самое чарующее время суток, когда день превращается в ночь и заботы реальности постепенно маскируются сгущающимися сумерками. Последние лучи заходящего солнца все еще позволяли видеть мир, и воздух на лужайке был насыщен ароматом распускающихся цветов.

Генеральный секретарь вышел на лужайку последним. На лужайке он встретился с Ричардом Клайдерманом[15], одним из солистов нынешнего вечера, и приветливо обратился к нему:

— Я неизменно восхищаюсь вашей игрой, — с улыбкой сказал он принцу мира пианистов.

Клайдерман, одетый в свой любимый белоснежный костюм, кажется, смутился.

— Если вы искренни, а не просто хотите польстить, то глубоко тронут. Однако я слышал, что кое-кто был недоволен моим участием в этом концерте.

Недоволен — это еще мягко сказано. Глава ЮНЕСКО, известный теоретик искусства, публично раскритиковал игру Клайдермана, заявив, что это «уровень уличного музыканта», а его выступления — «кощунство по отношению к искусству пианизма».

Генеральный секретарь вскинул руку, останавливая собеседника.

— ООН не может идти на поводу снобизма отдельных музыкантов. Вы проложили мост от классической музыки к массам, тогда как мы ставили и ставим себе цель донести высшие идеалы человечества непосредственно до простого человека. Вот почему вас пригласили сюда сегодня вечером. Поверьте, когда я услышал вашу музыку в грязных, душных трущобах Африки, у меня возникло чувство, будто я, стоя в канаве, смотрю на звезды. Это было опьяняюще.

Клайдерман указал на собравшихся на лужайке лидеров государств:

— Здесь сложилась семейная обстановка.

Генеральный секретарь оглядел толпу.

— На этой лужайке, по крайней мере, на нынешний вечер, мы осуществили утопию.

Он пересек лужайку и добрался до первого ряда. Вечер был чудесный. Генеральный секретарь рассчитывал отключить свое политическое шестое чувство и занять место как обычный слушатель, но ничего не вышло. Это чувство сразу же проанализировало ситуацию: председатель Китая, занятый беседой с президентом Соединенных Штатов, на мгновение поднял глаза к небу. Само мимическое движение было совершенно ничем не примечательным, но генеральный секретарь заметил, что оно немного затянулось, возможно, всего на одну-две лишние секунды, но он это заметил. Когда Генеральный секретарь обменялся рукопожатиями с другими мировыми лидерами, находившимися поблизости, и сел, председатель Китая снова посмотрел на небо, подтвердив тем самым первое мимолетное впечатление. Вообще-то у государственных деятелей высшего ранга за каждым, даже самым мелким действием имеется некое содержание, и китайский лидер не стал бы сразу же повторно смотреть в небо, не появись у него для этого каких-то оснований. Президент США тоже это заметил.

— Огни Нью-Йорка затмевают звезды. Над Вашингтоном небо намного ярче, чем здесь, — сказал он.

Китайский председатель кивнул, но ничего не ответил.

Президент США продолжал:

— Я тоже люблю смотреть на звезды. На фоне непрерывных изгибов хода истории нашей профессии необходим неизменный эталонный ориентир.

— Этот ориентир — иллюзия, — сказал китайский председатель.

— Почему вы так считаете?

Вместо прямого ответа китайский председатель указал на только что появившееся в небе скопление звезд.

— Смотрите, вот Южный Крест, а это Большой Пес.

Президент США улыбнулся.

— Вот вы и подтвердили его непоколебимость. Десять тысяч лет назад первобытный человек увидел бы те же Южный Крест и Большого Пса, что и мы сегодня. Возможно, они даже придумали им эти названия.

— Нет, господин президент. На самом деле еще вчера небо было совсем другим. — Китайский председатель в третий раз воздел глаза к небу. Он держался вроде бы совершенно спокойно, однако сталь в его взгляде заставляла двоих соседей заволноваться. Они тоже уставились в то самое безмятежное небо, которое бессчетное количество раз видели над собой; казалось, там все было в порядке. Они вопросительно посмотрели на китайского председателя.

— Два созвездия, которые я только что упомянул, всегда можно было видеть только из южного полушария, — сказал он, не указывая в небо и даже не поднимая глаз, и с задумчивым видом повернулся к горизонту.

Генеральный секретарь и президент США вопросительно посмотрели на него.

— Мы видим то небо, которое должно находиться с другой стороны Земли, — пояснил он.

Президент США чуть слышно ахнул, но тут же спохватился и сказал еще тише, почти шепотом:

— Вы, должно быть, шутите!

— Взгляните, что это? — сказал Генеральный секретарь и указал на небо, подняв руку лишь на уровень глаз, чтобы не встревожить окружающих.

— Луна, конечно, — ответил президент США, бросив вверх короткий взгляд. Но когда китайский председатель медленно покачал головой, он снова поднял глаза и, похоже, растерялся. На первый взгляд полукруглое пятно в небе выглядело как луна в первой четверти, но было голубоватым, как будто в ночи случайно застрял кусочек дневного неба. Президент США присмотрелся к голубому полукругу повнимательнее, выказывая наработанную острую наблюдательность. Подняв палец на фоне голубой луны, он посидел так несколько секунд и сказал: — Она растет.

Трое мужчин уставились в небо, уже не думая о том, что могут напугать окружающих. Главы государств, сидевшие в соседних креслах, заметили их движения и тоже стали запрокидывать головы. Оркестранты, настраивавшие на открытой

сцене свои инструменты, вдруг разом затихли.

К этому времени стало ясно, что синий полукруг — вовсе не луна, потому что его диаметр увеличился вдвое и стала видна и вторая часть тусклого синего цвета. А на более яркой половине можно было разглядеть детали: поверхность оказалась не однородно голубой, а имела коричневые пятна.

— Боже мой! Это же Северная Америка! — воскликнул кто-то. Он был прав. Можно было безошибочно различить знакомые очертания континента, который лежал прямо на границе между светлой и темной половинами. (Возможно, кому-то пришло в голову, что раздел проходит именно там, где они сейчас находятся.) Затем разглядели Азию, Северный Ледовитый океан и Берингов пролив…

— Это же… Земля!

Президент США опустил палец. Рост голубого шара в небе теперь был ясно виден и без всякого ориентира для измерения; теперь он, по меньшей мере, втрое превосходил Луну. Сначала сфера выглядела как быстро надувающийся в небе воздушный шар, но чей-то выкрик из толпы резко изменил впечатление:

— Она падает!

Эта реплика сразу дала происходящему какую-то относительно разумную интерпретацию. Так ли это было на самом деле или нет, но у всех зрителей сразу же появилось новое восприятие происходящего: из космоса на них стремительно неслась еще одна Земля! Приближающаяся голубая планета теперь занимала треть неба, и можно было разглядеть детали ее поверхности: коричневые континенты, покрытые горными складками, пятна облачного покрова, похожего на нетающий снег, с черными прожилками, обрисованными падающими на землю тенями. На северном полюсе также было бело, но там имелось много блестящих участков — скорее лед, нежели облака. На фоне голубого океана лениво вращался по спирали белоснежный объект, наводивший на мысль о нежной красоте бархатного цветка в голубой хрустальной вазе — новорожденный ураган… Но когда огромная голубая сфера выросла и закрыла половину неба, восприятие наблюдателей почти одновременно изменилось.

— Боже! Мы падаем!

В мгновение ока все будто бы перевернулось. Сфера, заполнявшая половину неба, породила ощущение то ли высоты, то ли исчезновения почвы под ногами, и теперь людям казалось, что они устремились к другой Земле. А ее поверхность виделась совсем четко, и на темной стороне, недалеко от границы тени, обладатели острого зрения могли разглядеть слабо светящуюся

полосу огней городов Восточного побережья Америки, в которой самым ярким пятном выделялся Нью-Йорк, где они сейчас находились. Другая планета занимала уже две трети неба, и казалось, что две Земли вот-вот столкнутся. В толпе раздались крики, многие зажмурились.

И вдруг все стихло. Земля над головой больше не падала (или Земля, на которой стояли люди, больше не падала к ней). Сфера висела неподвижно, закрывая две трети неба, заливая землю своим голубым сиянием.

Из города отчетливо доносились звуки хаоса, но здесь, на лужайке, собрались обладатели самых крепких нервов на всей планете, как никто другой готовые к самым нештатным ситуациям, поэтому им удалось сдержать панику при виде кошмарного зрелища и более трезво подойти к происходившему.

— Это галлюцинация, — сказал Генеральный секретарь.

— Да, — ответил китайский председатель. — Будь это на самом деле, мы ощутили бы притяжение. К тому же мы находимся так близко к морю, что нас, несомненно, затопило бы приливом.

— Приливом дело не ограничилось бы, — вставил русский президент. — Гравитация попросту разорвала бы обе Земли в клочья.

— Законы физики не позволили бы двум Землям оставаться в неподвижности относительно друг друга, — сказал премьер-министр Японии и, повернувшись к председателю Китая, добавил: — Когда эта Земля только-только появилась, вы сказали, что в небе над нами находятся звезды Южного полушария. Могут ли эти два явления быть связаны между собой?

Японец откровенно дал понять, что подслушивал, но на данный момент всем это было безразлично.

— Не исключено, что скоро мы что-то узнаем, — сказал президент США. Он разговаривал по мобильному телефону; госсекретарь, стоявший рядом, сообщил остальным, что беседа идет с Международной космической станцией. Поэтому они сосредоточили свое ожидание на президенте, который внимательно слушал телефон, но почти ничего не говорил. Воцарилась тишина; люди, стоявшие на лужайке, в голубом свете той, другой Земли выглядели толпой призраков. Примерно через две минуты президент нажал кнопку «отбоя», взобрался на стул и крикнул ожидающей толпе мировых лидеров:

— Все очень просто! Рядом с Землей появилось гигантское зеркало!

Зеркало

Это нельзя было описать никак иначе — только как огромное зеркало. Его поверхность идеально отражала и радиацию, и видимый свет без потери энергии или качества изображения. При взгляде с правильного расстояния Земля выглядела в нем как камень на доске для го площадью 10 миллиардов квадратных километров.

Получение предварительных данных не должно было составить для астронавтов «Эндевора» никаких трудностей, поскольку на борту находились и астрофизик, и чистый астроном, имеющие в своем распоряжении все доступное оборудование для проведения наблюдений, включая аппаратуру МКС, однако их минутная паника едва не привела орбитальный аппарат к гибели. МКС представляла собой полностью оборудованную наблюдательную платформу, но ее орбита не позволяла наблюдать объект, расположенный в 450 километрах над Северным полюсом почти перпендикулярно земной оси. Орбита же «Эндевора», проложенная для исследования озоновых дыр, проходила как раз над полюсами на высоте 280 километров; он летел точно между Землей и зеркалом.

Оказавшись между двумя Землями, астронавты испытали совершенно кошмарные ощущения — корабль как будто мчался по ущелью с неизмеримо высокими голубыми скалами. Пилот уверял, что это мираж вроде пространственной дезориентации, которую ему довелось испытать дважды за три тысячи летных часов на истребителе, а командир был убежден, что Земля на самом деле вдруг раздвоилась. Он приказал было скорректировать орбиту, чтобы компенсировать гравитационное притяжение второй планеты, хорошо, что астроном вовремя успел остановить его. Как только они оправились от первоначального потрясения и, наскоро проанализировав орбиту «шаттла», установили, что одна из двух Земель не имеет массы, они вздохнули с облегчением: если бы они внесли компенсационные коррективы, «Эндевор» превратился бы в падающую звезду над Северным полюсом.

Астронавты внимательно наблюдали за Землей, не имеющей массы. Визуальный осмотр показал, что орбитальный аппарат находился гораздо дальше от нее, чем от весомой Земли, но ее Северный полюс, казалось, мало отличался от полюса той Земли, что поближе, а то и вовсе был идентичен ему. Они увидели лазерные лучи, исходящие с обоих Северных полюсов, две длинные темно-красные змеи, медленно извивающиеся в

одинаковых формах в одинаковых положениях. В конце концов они обнаружили единственную вещь, которой не было у более близкой Земли: над безмассовой Землей летел некий объект. Визуально они определили, что он находится на орбите примерно в 300 километрах над ее поверхностью, но, когда попытались более точно исследовать его орбиту с помощью бортового радара, оказалось, что луч будто отражался от сплошной стены на расстоянии ста с лишним километров. Безмассовая Земля и летающий объект находились на противоположной стороне этой стены. Наблюдая за объектом через окно кабины с помощью мощного бинокля, командир распознал другой космический челнок, летящий по низкой орбите над замерзшим арктическим паковым льдом и напоминавший мотылька, ползущего по синеватой стене. За окном кабины шаттла виднелась фигура, смотревшая в бинокль. Командир помахал рукой, и фигура помахала одновременно.

Так они установили, что это зеркало.

Они изменили курс и приблизились к зеркалу почти вплотную. С расстояния в три километра астронавты могли ясно видеть отражение «Эндевора» в шести километрах от себя; свечение его кормовых двигателей придавало ему форму ползучего светлячка.

Пора было человечеству познакомиться с зеркалом поближе, и для этого один из астронавтов вышел в открытый космос. Реактивные двигатели скафандра несли его в пространстве, выбрасывая струи белого пара. Осторожно отрегулировав тягу, он повис в десяти метрах от зеркала. Его отражение было удивительно четким, без каких-либо искажений. Зеркало висело неподвижно относительно Земли, астронавт же двигался по орбите с относительной скоростью в десять километров в секунду. И даже при этой головокружительной быстроте в зеркале вообще не было видно его движения. Это была самая гладкая, самая блестящая поверхность во Вселенной.

Пока астронавт тормозил, его реактивные двигатели довольно долго были направлены на зеркало, и белый туман бензольного топлива шел прямо на него. Во время предыдущих выходов в открытый космос всякий раз, когда эти пары соприкасались с «шаттлом» или наружной обшивкой МКС, там оставалось заметное пятно; он ожидал, что такой же след останется и на зеркале, вернее, при высокой относительной скорости он размажется в длинную узкую полосу вроде тех, какие он в детстве любил рисовать мылом на зеркале в ванной. Но он ничего не увидел. При соприкосновении с зеркалом туман рассеялся, и его поверхность осталась такой же чистой, как и

была.

«Шаттл», находящийся на орбитальной траектории, должен был довольно быстро пролететь мимо зеркала, и поэтому астронавту приходилось торопиться. Как только пар от двигателей остался позади, он, почти не соображая, что делает, достал из сумки с инструментами гаечный ключ и бросил его в зеркало. В следующую секунду и он сам, и его товарищи на борту «шаттла» окаменели от ужаса, осознав, что при столь большой относительной скорости железка ударит в зеркало с силой бомбы. Со страхом они смотрели, как гаечный ключ летит к зеркалу, и явственно представляли себе паутину трещин, которая в считаные мгновения, как мириады молний, разойдется от места удара по всей поверхности, а затем огромное зеркало разлетится на миллиарды сверкающих осколков, которые морем серебра повиснут в черноте космоса… Но, коснувшись поверхности, гаечный ключ бесследно исчез, а зеркало осталось таким же гладким, как и прежде.

Вообще-то понять, что зеркало не имело массы, было совсем нетрудно — будь оно физическим телом, оно попросту не смогло бы неподвижно парить над Северным полюсом Земли. (Возможно, точнее было бы сказать, учитывая относительные размеры, — это Земля плавала перед серединой зеркала.) Зеркало представляло собой не физическую сущность, а какое-то поле, что убедительно доказали контакты с паром топлива и гаечным ключом.

Аккуратно управляя двигателями и постоянно регулируя тягу, астронавт приблизился к зеркалу на расстояние полуметра и уставился прямо на свое отражение, в очередной раз поразившись его точности: идеальная копия, возможно, выполненная даже искуснее, чем оригинал. Он протянул к нему руку, и его рука и ее отражение почти соприкоснулись, разделенные менее чем сантиметром расстояния. Наушник молчал — командир не приказывал остановиться, поэтому он потянулся еще немного вперед, и его рука исчезла в зеркале. Он и его изображение теперь соприкасались запястьями, но он не чувствовал контакта с чем бы то ни было. Он убрал руку и внимательно посмотрел на нее. Перчатка костюма была совершенно невредима. Никаких следов вообще.

Между тем «шаттл» постепенно удалялся от зеркала; приходилось то и дело запускать его рулевые двигатели, чтобы держаться на прежней дистанции. Однако из-за траектории дрейф ускорялся, и вскоре такие корректировки должны были стать невозможными. Для второй встречи пришлось бы совершить полный круг по орбите, но кто знает, останется ли к тому времени зеркало на прежнем месте? И астронавт принял решение.

Он включил двигатели и направился прямо в зеркало.

Его отражение стремительно выросло, заполнив ртутным пузырем все поле зрения поляризованной лицевой поверхности шлема, не пропускавшей снаружи бóльшую часть излучений. Когда он коснулся головой зеркала, ему потребовалось сделать немалое усилие, чтобы не закрыть глаза. При соприкосновении он ничего не почувствовал, но в тот же миг все, что было перед глазами, исчезло, сменившись тьмой космоса и знакомым Млечным Путем. Он резко обернулся и увидел почти то же самое, но в пейзаже присутствовал он сам, вернее, его медленно удалявшееся отражение и струи пара из наспинных маневровых реактивных двигателей.

Он прошел зеркало насквозь, и обратная сторона оказалась тоже зеркальной.

Пока он приближался к зеркалу, наушник почти непрерывно верещал голосом командира, но на этой стороне умолк. Зеркало блокировало радиоволны. Хуже того, с этой стороны не было видно Землю. Окруженный одними лишь звездами, астронавт почувствовал себя изолированным в другом мире и оказался на грани паники. Он отрегулировал двигатели, и движение прочь от Земли прекратилось. В первый раз он прошел сквозь зеркало стоя, держа тело параллельно зеркалу, но теперь он сориентировался перпендикулярно, как будто нырял в него головой вперед. Непосредственно перед контактом он снизил скорость. Затем макушка его головы коснулась макушки его отражения, а затем он прошел сквозь зеркало и с облегчением увидел под собой голубую Землю и услышал в ухе голос командира.

Просунувшись до пояса, он вновь остановился, так, что нижняя половина его тела осталась в зазеркалье. Затем он изменил направление реактивного выхлопа и начал медленно отползать назад; пар от струй, проникавших с противоположной стороны зеркала, стекал с поверхности вокруг его головы, как туман, поднимающийся из озера, в котором плавает человек. Когда поверхность достигла его носа, он сделал еще одно поразительное открытие: зеркало прошло сквозь его шлем и заполнило объем между лицевой пластиной и его лицом. Он посмотрел вниз и увидел в возникшем внутри шлема полумесяце отражение своих расширенных от испуга зрачков. Без сомнения, зеркало проходило насквозь через его голову, но он ничего не чувствовал. Он снизил скорость до минимально возможной, не быстрее хода секундной стрелки, и продвигался миллиметр за миллиметром, пока зеркало не разделило его зрачки пополам и не исчезло. Все вернулось на круги своя: голубая сфера Земли с

одной стороны, сверкающий Млечный Путь — с другой. Но этот знакомый мир сохранялся лишь секунду или две. Он не мог остановиться полностью, поэтому вскоре зеркало оказалось у него перед глазами, и Земля исчезла, оставив только Млечный Путь. Над ним — простирающееся на сотни тысяч километров зеркало, загораживающее ему вид на Землю. Из-за острого угла часть отражавшихся звезд все же исказилась, превратившись в серебристые ореолы на поверхности зеркала. Он вновь переключил тягу и поплыл назад, и зеркало наползло ему на глаза, на долю мгновения исчезло, так, что он смог увидеть одновременно и Землю, и Млечный Путь, после чего галактика скрылась, и ореол на поверхности зеркала сделался голубым. Он несколько раз медленно двигался взад и вперед, и, когда его зрачки улавливали виды с обеих сторон, ему казалось, что он проходит через мембрану между двумя мирами. Наконец ему удалось выдержать довольно продолжительную паузу с невидимым зеркалом в центре зрачков. Он широко раскрыл глаза, чтобы хоть мельком заметить линию, обозначающую его положение, но ничего не увидел.

— У этой штуки нет толщины! — воскликнул он.

— Может быть, оно толщиной всего лишь в несколько атомов, и ты просто не способен это увидеть. И вероятно, оно приближалось к Земле боком, поэтому его никто не увидел заранее. — Таковы были предположения экипажа шаттла, наблюдавшего за изображениями, которые передавала телекамера на скафандре товарища.

Удивительным было то, что зеркало толщиной, возможно, всего в несколько атомов, но площадью более сотни Тихих океанов, оказалось настолько плоским, что его невозможно было разглядеть в продольной оси; с точки зрения классической геометрии оно представляло собой идеальную плоскость.

Абсолютная плоскостность объясняла и абсолютную гладкость. Это было идеальное зеркало.

На смену потрясению и испугу пришла растерянная подавленность. Появление зеркала сделало Вселенную совершенно непонятной и превратило людей в кучку новорожденных младенцев, брошенных в новом для них, непостижимом мире.

А потом зеркало заговорило.

Музыкант

— Я музыкант, — сказало оно. — Я музыкант.

Приятный мужской голос, разносящийся в пространстве, был слышен всем. В одно мгновение все спящие на Земле проснулись, и все те, кто бодрствовал, застыли, как статуи.

Зеркало продолжало:

— Я вижу, что внизу готовится концерт, зрители которого способны представлять цивилизацию планеты. Вы хотите поговорить со мной?

Национальные лидеры посмотрели на Генерального секретаря, который на мгновение растерялся.

— У меня есть что вам сказать, — продолжало зеркало.

— Вы можете слышать нас? — осторожно выговорил Генеральный секретарь.

Зеркало ответило немедленно:

— Конечно, могу. При желании я могу различить голос каждой бактерии в мире, находящемся передо мной. Я воспринимаю вещи совсем не так, как вы. Я могу наблюдать вращение всех атомов одновременно. Мое восприятие охватывает временные измерения: Я могу полностью проследить всю историю предмета или явления. Вы видите только срезы, я же вижу все.

— Каким образом мы слышим ваш голос? — спросил президент США.

— Я излучаю в вашу атмосферу суперструнные волны.

— Суперструнные волны?

— Вид сильного взаимодействия, осуществляющийся в атомном ядре. Они возбуждают вашу атмосферу, как гигантская рука, бьющая в барабан. И вы слышите меня.

— Откуда вы прибыли? — спросил генеральный секретарь.

— Я — зеркало, дрейфующее во Вселенной. Место моего происхождения находится так далеко как во времени, так и в пространстве, что о нем бессмысленно говорить.

— Как вы выучили английский язык?

— Я уже сказал, что вижу все. Должен отметить, что я говорю сейчас по-английски лишь потому, что бóльшая часть собравшихся на этот концерт разговаривала на этом языке, а не из-за предположения, будто какая-то из этнических групп в лежащем подо мною мире превосходит какую-то другую. Это все, что я могу сделать, если на планете нет единого общего языка.

— У нас есть всемирный язык, но им мало пользуются.

— Ваш всемирный язык? Это не столько попытка достичь мирового единства, сколько классическое выражение шовинизма.

Почему мировой язык должен быть латинским, а не основываться на какой-то другой языковой семье?

Этот вопрос взбудоражил мировых лидеров, которые сразу же принялись нервно перешептываться между собой.

— Мы поражаемся тому, насколько хорошо вы понимаете земную культуру, — честно сознался Генеральный секретарь.

— Я вижу все. Кроме того, досконально разобраться в пылинке не составляет никакого труда.

Президент США посмотрел на небо и сказал:

— Вы имеете в виду Землю? Вы можете быть больше размером, но в космическом масштабе вы находитесь на том же уровне, что и Земля. Тоже пылинка.

— Вы меньше, чем пыль, — сказало зеркало. — Когда-то, давным-давно, я тоже был пылью, но теперь я просто зеркало.

— Вы отдельная личность или коллектив? — спросил китайский председатель.

— Этот вопрос не имеет смысла. Когда цивилизация проходит достаточно далеко по дороге времени, индивидуальное и коллективное исчезают.

— Зеркало — это присущая вам форма или одно из ваших многочисленных состояний? — спросил премьер-министр Великобритании.

Генеральный секретарь добавил:

— Другими словами, намеренно ли вы демонстрируете нам именно эту форму, чтобы нам было легче воспринять вас?

— Этот вопрос тоже бессмыслен. Когда цивилизация проходит достаточно далеко по дороге времени, форма и содержание исчезают.

— Мы не понимаем ваших ответов на два последних вопроса, — сказал президент США.

Зеркало промолчало.

Тогда Генеральный секретарь задал главный вопрос:

— Почему вы прибыли в Солнечную систему?

— Я музыкант. Здесь будет концерт.

— Отлично, — сказал Генеральный секретарь, подкрепив свою реплику кивком. — И слушателями будет человечество?

— Мои слушатели — вся Вселенная, и ничего страшного, если ближайший цивилизованный мир услышит мою игру даже через сто лет.

— Игру? Где же ваш инструмент? — спросил со сцены Ричард Клайдерман.

Они вдруг заметили, что отраженная Земля, покрывающая бóльшую часть неба, начала быстро смещаться к востоку. Перемена оказалась устрашающей — небо словно рушилось, — и

несколько человек на лужайке невольно закрыли голову руками. Вскоре край отражения опустился за горизонт, но практически в то же время все озарилось ослепительным светом. Когда к присутствующим вернулось зрение, они увидели солнце в самой середине неба, на том самом месте, где только что находилась отраженная Земля. Яркий солнечный свет освещал их окрестности под ярко-голубым небом, которое в мгновение ока сменило черную ночь. Океаны отраженной Земли сливались с голубизной неба, и суша казалась на этом фоне клочьями облаков. Они в шоке уставились на произошедшую перемену, но затем слова Генерального секретаря пролили свет на произошедшую загадочную перемену.

— Зеркало повернулось.

Действительно, гигантское зеркало сдвинулось в пространстве, поймало в поле своего обзора Солнце и направило его отраженный свет на ночную сторону Земли.

— Как же быстро оно движется! — сказал китайский председатель.

Генеральный секретарь кивнул.

— Да… При таком размере его края должны перемещаться чуть ли не со скоростью света.

— Ни одно физическое тело не способно выдержать внутренних напряжений при таком повороте. Это именно поле, что нам совсем недавно продемонстрировал наш астронавт. Для полевой структуры перемещение с околосветовой скоростью вполне возможно, — сказал президент США.

И тут зеркало снова заговорило.

— Вот мой инструмент. Я играю на звездах. И сейчас мой инструмент — ваше Солнце!

Эти величавые слова заставили всех умолкнуть; люди долго молча смотрели на отраженное солнце, и лишь после продолжительной паузы кто-то с благоговением спросил, как на нем играют.

— Вы все знаете, что многие инструменты, на которых играют у вас, имеют звуковую камеру, тонкие стенки которой отражают и удерживают звуковые волны, позволяя им резонировать и превращаться в приятные звуки. В случае электромагнитных волн в качестве камеры выступает звезда — пусть у нее и нет видимых стен, но она имеет градиент скорости передачи сигнала, который отражает и преломляет волны, ограничивая их, благодаря чему возникает электромагнитный резонанс и воспроизводится красивая музыка.

— Как же звучит этот инструмент? — спросил Клайдерман, глядя в небо.

— Девять минут назад я сыграл на солнце несколько нот для настройки. Звук инструмента теперь передается со скоростью света. Конечно, это в электронной форме, но я могу в вашей атмосфере преобразовать его в звук с помощью суперструнных волн. Слушайте…

Все услышали несколько нежных продолжительных нот, напоминавших по звучанию фортепианные, но обладавшие каким-то магическим воздействием, под которое сразу же попали все до одного.

— Что вы почувствовали, услышав эти звуки? — спросил Генеральный секретарь у китайского председателя.

— Как будто вся Вселенная — это огромный дворец, высотой в двадцать миллиардов световых лет. И звук заполняет его полностью.

— Разве можно продолжать сомневаться в существовании Бога, услышав эти звуки? — спросил президент США.

Китайский председатель посмотрел ему в глаза.

— Звук порожден реальным миром. И если он в состоянии издать такой звук, существование Бога еще менее важно для него.

Аккомпанемент

— Итак, концерт сейчас начнется? — спросил Генеральный секретарь.

— Да. Я жду, когда вступит аккомпанемент, — ответило зеркало.

— Аккомпанемент?..

— Аккомпанемент начал исполняться четыре года назад; он передается сюда со скоростью света.

Едва умолкли эти слова, как в небе произошла очередная пугающая перемена. Отраженные Земля и Солнце исчезли, сменившись танцующей яркой серебристой рябью, заполнившей весь небосвод; казалось, будто Земля погрузилась в огромный океан и люди смотрят на играющие в волнах отблески солнца, пылающего возле горизонта.

Зеркало объяснило:

— Я блокирую интенсивное излучение из космоса. Полностью отразить его я не могу, и вы видите небольшую часть, которая проходит сквозь меня. Излучение исходит от звезды, которая четыре года назад превратилась в сверхновую.

— Четыре года назад? Это же Альфа Центавра, — сказал кто-то.

— Совершенно верно. Проксима Центавра.

— Но ведь у этой звезды нет условий для превращения в сверхновую, — ровным голосом произнес председатель Китая.

— Условия были созданы мною, — холодно ответило зеркало.

Теперь стало ясно, что значили слова об аккомпанементе, начавшемся четыре года назад: зеркало имело в виду, что, выбрав Солнце в качестве своего инструмента, оно взорвало Проксиму Центавра для сопровождения сольной партии. Судя по «настройке», зеркало, очевидно, умело действовать через гиперпространство и управлять пульсацией Солнца с расстояния в астрономическую единицу. Но было ли оно способно оказать такое же и даже более сильное воздействие на звезду, находящуюся в четырех световых годах, оставалось неизвестным. Взрыв Проксимы Центавра мог быть осуществлен одним из двух способов: из Солнечной системы через гиперпространство или путем телепортации в ее окрестности, детонации звезды и затем обратной телепортации. И то и другое действия были для землян проявлениями поистине божественной силы, но в любом случае, свету от сверхновой потребовалось бы четыре года, чтобы достичь Солнца. Зеркало сказало, что музыка, которую оно исполняет,

будет передаваться в космос электромагнитными волнами, так не следует ли из этого, что для этой сверхцивилизации скорость света — нечто вроде скорости звука для людей? И если световые волны — это их звук, то что же заменяет для них свет? Вряд ли человечество когда-нибудь сможет узнать это.

— Ваша способность манипулировать физическим миром устрашает, — признался президент США.

— Звезды — это камни в космической пустыне, самые обыденные предметы в моем мире. Иногда я использую звезды как инструменты, иногда как оружие, а иногда как музыкальные инструменты… Я превратил Проксиму Центавра в метроном, мало чем отличающийся от того устройства с грузиком, каким пользовались ваши предки. И я, и вы, чтобы расширить свои способности, используем самые обычные для наших миров предметы.

Но собравшиеся на лужайке не восприняли этой аналогии и отказались от попытки обсуждать с зеркалом технологические вопросы. Было ясно, что человечество не способно уразуметь их, точно так же как муравей не способен осознать устройство и работу МКС.

Между тем свет в небе начал понемногу тускнеть, подобно тому, как солнечный свет над океаном сменяется лунным и сверхновая гаснет.

— Если бы зеркало не блокировало энергию сверхновой, Земля превратилась бы в мертвую планету, — сказал Генеральный секретарь.

К этому моменту рябь на небе исчезла, и господствующее положение в небе вновь заняло огромное отражение Земли.

— Но где же ритм? — спросил Клайдерман. Он сошел со сцены и теперь сидел среди мировых лидеров.

— Посмотрите на восток! — крикнул кто-то, и все увидели в восточном небе прямую, как шомпол, линию, которая разделила небеса на два отдельных изображения. Отраженная Земля с отрезанным краем оставалась на западной стороне, а на востоке появилось сияющее звездное поле, которое, как знали многие из государственных деятелей, точно соответствовало северному полушарию, а не являлось отражением южного неба. Между тем разделительная линия двигалась на запад, разворачивая звездное небо и стирая отраженную Землю.

— Оно улетает! — крикнул Генеральный секретарь. И они поняли, что так и есть: зеркало покидало пространство над Землей. Вскоре его край исчез за западным горизонтом, и государственные лидеры теперь стояли под звездами обычного неба. А зеркало больше не появилось — возможно, улетело в

окрестности своего музыкального инструмента — Солнца.

У всех полегчало на душе, когда мир снова стал знакомым — с прежними звездами, городскими огнями и запахом цветов на лужайке.

А потом вступил аккомпанемент.

Совершенно внезапно, без всяких переходов, наступил день; со светло-голубого неба, озарив землю, хлынул яркий солнечный свет. Но день продлился всего секунду и угас, вернулась новая ночь, и снова зажглись звезды и огни города. И эта ночь тоже длилась всего секунду, сменившись секундным днем, и опять наступила ночь. День, и снова ночь, день, ночь… будто сердечный пульс, или будто мир превратился в проектор, где переключаются два слайда.

Ритм задавала смена дня и ночи.

Они посмотрели вверх и увидели мигающую звезду, которая теперь была просто ослепительной, хоть и не имевшей ровно никакого размера, точкой света в космосе.

— Пульсар, — сказал китайский председатель.

Останки сверхновой, стремительно вращающаяся нейтронная звезда, обнаженная горячая точка на ее плотной поверхности, превращающая ее в космический маяк; при каждом обороте луч, испускаемый этой горячей точкой, пронизывает пространство и, проносясь через Солнечную систему, дарует Земле краткий миг дневного света.

— Осмелюсь напомнить, — сказал Генеральный секретарь, — что частота пульсаров куда выше. К тому же они не излучают видимого света.

— Высокая частота обусловлена тем, что нейтронная звезда сохраняет угловой момент бывшей звезды, — ответил, прикрывая глаза рукой и изо всех сил пытаясь приноровиться к сумасшедшему ритму мира, президент США. — Вероятно, зеркало каким-то образом умудрилось ослабить этот импульс. Что касается видимого света… Неужели вы считаете, что зеркало не может этого сделать?

— Нужно учитывать еще кое-что, — сказал китайский председатель. — Нет никаких оснований полагать, что темп жизни всех существ во Вселенной такой же, как у человечества. Ритм их музыки может быть на совершенно другой частоте. Обычный ритм зеркала, например, может превышать даже тактовую частоту самых быстродействующих наших компьютеров.

— Да, — согласился президент США и кивнул. — Нет также никаких оснований полагать, что их и наш видимый свет относится к одному диапазону электромагнитного спектра.

— То есть вы считаете, что музыка зеркала адаптирована к

возможностям человеческого восприятия? — недоверчиво спросил Генеральный секретарь.

Китайский председатель покачал головой.

— Не знаю. Но ведь она должна на чем-то основываться.

Мощный луч пульсара пронзал пустое небо, как жезл длиной в 4 триллиона километров, продолжая расти со скоростью света. На этом ее конце начался солнечный концерт, исполняемый на Солнце незримыми пальцами зеркала и со скоростью света передаваемый в просторы космоса.

Солнечная музыка

Шорох, похожий на радиопомехи в приемнике или бесконечный накат волн на песок, непроизвольно наводил на мысль о полной затерянности среди бескрайнего хаоса и беспорядка. Звук продолжался более десяти минут, не меняясь.

Всеобщее молчание нарушил президент России:

— Я же говорил, что мы не сможем понять их музыку.

— Слушайте! — вскинулся Клайдерман, указывая пальцем в небо, но все остальные далеко не сразу расслышали мелодию, которую давно уже уловил его тренированный слух. Простое сочетание всего двух нот, напоминающее тиканье часов. Эти сочетания повторялись через довольно продолжительную паузу. Затем подключилось другое созвучие из двух нот, и третье, и четвертое… парные музыкальные интервалы, непрерывно появляющиеся из хаоса, как светлячки в ночи.

Затем родилась новая мелодия, из четырех нот. Все повернулись к Клайдерману, который внимательно слушал и, кажется, что-то понимал. А четырехзвучные музыкальные фразы все множились и множились.

— Ну-ка! — вдруг воскликнул он, обращаясь к главам государств. — Давайте все мы постараемся запомнить такт из двух нот. — Все мировые лидеры послушно напряглись, каждый выбрал такт из двух нот и сосредоточил умственную энергию на том, чтобы запомнить его. — Отлично, — сказал через некоторое время Клайдерман. — Теперь сосредоточьтесь на фразе из четырех нот. Но побыстрее, иначе музыка станет слишком сложной, и мы уже не сможем различить отдельные созвучия… Да, вот это. Кто-нибудь слышит то, на что я намекаю?

— Первая половина — это та пара нот, которую я запомнил! — объявил президент Бразилии.

— А моя пара — вторая половина! — подхватил премьер-министр Канады.

Стало ясно, что каждая музыкальная фраза из четырех нот состоит из двух предыдущих пар нот, по мере того как фразы из четырех нот множились, исполнение отдельных пар как будто прекращалось. Затем последовали фразы из восьми нот, аналогичным образом сформированные из наборов фраз по четыре ноты.

— Что вы слышите? — спрашивал Генеральный секретарь тех, кто сидел рядом с ним.

— Первобытный океан, озаряемый вспышками молний и отсветами извержений вулканов, и крохотные молекулы,

слипающиеся в более крупные… конечно, это всего лишь игра моего воображения, — сказал китайский председатель.

— Не ограничивайте свое воображение Землей, — вмешался президент США. — Объединение этих молекул может происходить в туманности, светящейся звездным светом. А может быть, это вовсе не молекулы, а ядерные вихри внутри звезды…

Затем последовала пронзительная фраза из нескольких нот, которая повторялась, как яркая искра в тусклом хаосе.

— А вот это, мне кажется, изображает фундаментальную трансформацию, — сказал китайский президент.

Затем вступил новый инструмент — ровный струнный голос, похожий на скрипку, — который повторял нежную тень основной темы мелодии.

— Это уже прямой намек на деление, — сказал русский президент.

И тут же непрерывная мелодия скрипичного голоса стала плавно меняться, как мог бы, наверно, меняться свет, совершая криволинейное движение. Премьер-министр Великобритании повернулся к китайскому председателю:

— Позаимствую ваш образ: в этом океане уже что-то плавает.

В какой-то момент фоновая тема, о которой слушатели почти забыли, начала меняться. Вместо монотонного шума волн в ней теперь звучали неравномерные порывы шторма, обрушивающегося на голую скалу, но быстро перешедшие в ровное унылое завывание ветра.

— Пловец попал в новую среду. На сушу, а может быть, и в воздух, — сказал президент США.

Затем все инструменты на короткое мгновение заиграли в унисон, исполнив стремительное крещендо, дошли до ужасающей громкости, наводящей на мысль о гигантской природной катастрофе, а затем оркестр резко смолк, и остался только одинокий шум прибоя. В него понемногу начали вплетаться парные созвучия, которые постепенно становились все сложнее; первая часть повторялась…

— Наверняка мы только что услышали великое вымирание, а теперь идет возрождение жизни.

После еще одного продолжительного и напряженного процесса океанский пловец отважился испытать другую среду обитания. Постепенно мелодия становилась величественнее и сложнее, а интерпретация тем — все разнообразнее. Одни представляли себе реку, несущуюся вниз по склону, другие — продвижение великой армии по обширной равнине, третьи видели вздымающиеся во тьме космоса туманности, захваченные вихрем черной дыры, но все сходились на том, что музыка

выражала какой-то грандиозный, эволюционный процесс. Тема развивалась очень долго, незаметно прошел час, и лишь тогда она наконец начала меняться. Мелодия постепенно разделилась на две соперничающие части, которые дико врезались друг в друга или перепутывались…

— Классический стиль Бетховена, — заявил Клайдерман, который почти все время молчал, погрузившись в величественную музыку.

— Как будто флот пробивается сквозь громадные морские волны, — сказал Генеральный секретарь.

— Нет, — возразил президент США, мотнув головой. — Вы не правы. Ведь явно эти две силы, по существу, не отличаются одна от другой. Я думаю, что это битва, охватывающая целый мир.

— Постойте! — вновь потерял терпение японский премьер-министр. — Неужели вы всерьез считаете, что способны постичь совершенно чуждое искусство? Вряд ли ваше толкование этой музыки может чем-то отличаться от рассуждений коровы по поводу лиры.

— Я считаю, что в основе толкования ее сути мы правы, — ответил Клайдерман. — Математика и музыка — универсальные языки космоса.

— Думаю, это нетрудно будет выяснить, — сказал Генеральный секретарь. — Сумеем ли мы предсказать тему или стиль следующей части?

— Я думаю, — сказал после минутного раздумья председатель Китая, — что следующим будет выражение религиозного восторга, а мелодия будет обладать строгой архитектурной красотой.

— Вы имеете в виду что-то наподобие Баха?

— Именно.

Так и случилось. Слушатели будто оказались в огромном храме, где отчетливо слышали эхо собственных шагов в этом великолепном пространстве, и преисполнились благоговейного трепета и даже страха перед всеобъемлющей силой.

Затем сложная мелодия резко упростилась. Темы второго плана исчезли, и в бесконечной тишине раздалась серия коротких, четких ударов: один, затем два, три, четыре… А затем один, четыре, девять и шестнадцать… далее следовали все более сложные серии.

— Это, вероятно, символизирует возникновение математики и абстрактного мышления, — предположил кто-то.

Потом музыка сделалась еще более странной. Отдельные фразы из двух и трех нот на скрипке одинаковой высоты, но разной продолжительности звучания; затем глиссандо,

повышение, понижение, а затем снова повышение. Политики внимательно слушали, и когда президент Греции сказал: «Это… похоже на описание основных геометрических фигур», у всех сразу же возникло ощущение, что они наблюдают за треугольниками и прямоугольниками, проносящимися в пустом пространстве. Хроматические переходы наводили на мысли об округлых объектах, овалах и идеальных кругах… Мелодия медленно менялась по мере того, как отдельные ноты, разделенные паузами, переходили в отрезки хроматической гаммы, но прежнее впечатление плавающих геометрических фигур осталось, только теперь они плавали по воде и их правильные поначалу формы искажались…

— Раскрытие тайны времени, — сказал еще кто-то.

Следующая часть началась с ровного ритмического боя, который повторялся циклами, сходными с дневным-ночным ритмом пульсара. Музыка, казалось, совсем прекратилась, остался только бой, эхом отдававшийся в тишине, но вскоре к нему присоединилась другая партия ударных, чуть более быстрая. Затем добавлялись все новые и новые ударные в разных ритмах, пока наконец все не слилось в великолепное тутти. Но на временной оси музыка была постоянной, как огромная плоская стена звука.

Как ни удивительно, их интерпретация этой части оказалась единодушной: «Работа гигантской машины».

А потом вступила новая нежная мелодия: хрустальный звон, изменчивый и сказочный, который контрастировал с глухой стеной, служившей для нее фоном, словно серебряная фея запорхала над огромной машиной. Эта крошечная капля мощного катализатора вызвала в железном мире удивительную реакцию: постоянный ритм начал сбиваться, а валы и шестеренки машины стали ощущаться мягкими и резиновыми, пока весь хор не сделался легким и воздушным, как песенка феи.

Слушатели тут же принялись обсуждать новый музыкальный поворот.

— Машина обрела интеллект!

— Я считаю, что машины становятся все ближе к своим создателям.

Между тем в симфонии солнечной музыки началась новая часть, самая сложная по композиции и самая трудная для понимания. Сначала фортепианный голос одиноко сыграл мелодию, которую затем подхватила и продолжила непрерывно увеличивающаяся группа инструментов. Мелодия развивалась циклично, усложняясь с каждым разом.

Когда тема повторилась несколько раз, председатель Китая

сказал:

— Я представляю это так: мыслитель стоит на острове в море, созерцая космос. Камера отъезжает назад, фигура мыслителя в кадре постепенно уменьшается, и когда в поле зрения оказывается весь остров, он уже представляется не более чем песчинкой. Камера, между тем, выходит за пределы атмосферы, и сам остров все уменьшается, и теперь в кадре вся планета, а остров — всего лишь пятнышко на ней. По мере того как камера удаляется в космос, в кадр вплывает вся планетная система, а затем видна только звезда, одинокий сияющий бильярдный шар на фоне черного как смоль неба, и теперь уже планета океанов превратилась в песчинку…

Президент США, внимательно слушавший его, поспешил развить образ:

— …Камера удаляется со скоростью света, и вдруг оказывается, что то, что в нашей системе величин представляется огромным и безграничным космосом, — всего лишь сверкающая звездная пыль, и когда в кадр попадает вся галактика, то звезда и ее планетная система вовсе не видны, даже как песчинка. А камера продолжает удаляться на невообразимые расстояния, и в кадре оказывается скопление галактик. Мы все так же видим сверкающую пыль, но теперь каждая из пылинок уже не звезда, а галактика…

— …И нашу галактику тоже уже не разглядеть, — подхватил Генеральный секретарь. — Но где же конец?

Публика снова погрузилась в музыку, явно приближавшуюся к кульминации. Могучий разум музыканта вывел космическую камеру за пределы известного пространства, так что в кадре оказалась вся Вселенная, а скопление галактик Млечного Пути превратилось в пылинку. Слушатели напряженно ждали финала, но тутти оркестра внезапно оборвалось, оставив после себя только одинокое фортепиано (а может быть, и не фортепиано, а что-то похожее) — далекий и пустой звук.

— Возвращение к мыслителю на острове? — спросил кто-то.

Клайдерман покачал головой:

— Нет, мелодия совсем другая.

Тут снова мощно вступил космический хор, но почти сразу стих, сменившись соло фортепиано, которое довольно долго чередовало две мелодии.

Клайдерман внимательно слушал, и вдруг его осенило:

— Фортепиано играет обращенную тему оркестра!

Президент США кивнул.

— Пожалуй, точнее будет сказать, не «обращенная», а «отраженная». Космическое зеркало.

Произведение определенно приблизилось к развязке, и теперь отраженная мелодия в исполнении фортепиано звучала на фоне оркестра, заметно отставая от него, но тем не менее образуя изумительную гармонию.

Председатель Китая сказал:

— Это напоминает «серебряный» стиль архитектуры середины XX века, когда здания стали полностью покрывать зеркалами, чтобы избежать воздействия на окружающую среду. Считалось, что отражения позволяют достичь гармонии с окружающим миром, а также способствовать самовыражению.

— Да, — задумчиво ответил Генеральный секретарь. — Достигнув определенного уровня, цивилизация способна проявить себя через отражение в космосе.

Фортепиано резко переключилось на неотраженную тему и теперь играло в унисон с оркестром. Солнечная симфония завершилась.

Ода «К радости»

— Изумительный концерт, — сказало зеркало, которое, как оказалось, вовсе не улетело, а лишь повернулось так, что земляне не могли его видеть. — Благодарю всех, кто слушал музыку. А теперь мне пора уходить.

— Погодите! — вдруг воскликнул Клайдерман. — У нас есть просьба. Не могли бы вы сыграть на Солнце одно человеческое музыкальное произведение?

— Могу. И какое же?

Мировые лидеры задумались и стали переглядываться.

— Может быть, «Симфонию судьбы»[16] Бетховена? — предложил канцлер Германии.

— Нет, не надо «Судьбу», — возразил президент США. — Давно доказано, что человечество не в состоянии противостоять судьбе. Наше достоинство в том, что, даже зная, что судьбе противостоять невозможно и смерть все равно рано или поздно победит, мы все равно посвящаем отведенный нам ограниченный срок созданию прекрасного.

— В таком случае «Ода “К радости”», — сказал китайский председатель.

— Пойте все, — сказало зеркало. — А я подключу Солнце, чтобы передать вашу песню во Вселенную. Уверяю вас, звук будет отличным!

И более двухсот голосов запели Бетховенскую «Оду “К радости”»[17]. Их песня через зеркало попадала на Солнце, которое снова запульсировало, рассылая во все пределы космоса мощные электромагнитные волны.

…

Радость, пламя неземное,
Райский дух, слетевший к нам,
Опьяненные тобою,
Мы вошли в твой светлый храм.
Ты сближаешь без усилья
Всех разрозненных враждой,
Там, где ты раскинешь крылья,
Люди — братья меж собой[18].

…

Через пять часов песня покинет Солнечную систему. Через четыре года достигнет Проксимы Центавра, через десять тысяч

покинет галактику, через двести тысяч достигнет ближайшего соседа галактики, Магелланова облака. Через шесть миллионов лет песня дойдет до всех сорока с лишним галактик, имеющихся в скоплении, а через сто миллионов лет — до пятидесяти с лишним скоплений, образующих сверхскопление. Через пятнадцать миллиардов лет песня распространится по всей известной Вселенной и еще дальше, если Вселенная все еще будет расширяться.

…

Радость двигает колеса
Вечных мировых часов.
Свет рождает из хаоса,
Плод рождает из цветов.
С мировым круговоротом
Состязаясь в быстроте,
Видит солнца в звездочетам
Недоступной высоте.

…

Песня стихла, и на концертной лужайке воцарилась тишина. Мировые лидеры погрузились в размышления.

— Может быть, положение не настолько безнадежно, как мы считали, — нарушил молчание китайский председатель, — и нам все же стоит попытаться его исправить?

Президент США кивнул:

— Да. Мир не обойдется без ООН.

— Уступки и жертвы ничего не значат по сравнению с будущими бедствиями, которые они предотвращают, — сказал российский президент.

— Ведь мы имеем дело всего лишь с незаметной космической песчинкой. Все должно получиться без особого труда, — сказал премьер-министр Великобритании, глядя на звезды.

Среди глав государств не нашлось ни одного несогласного.

— В таком случае продолжим нынешнюю сессию ООН? — с надеждой в голосе спросил Генеральный секретарь.

— Конечно, нам придется провести консультации со своими правительствами, но уверен, что с этим не возникнет проблем, — сказал, улыбнувшись, президент США.

— Как бы там ни было, друзья мои, но сегодняшний день мы должны сохранить в памяти, — сказал Генеральный секретарь, даже не пытаясь скрыть восторг. — Так давайте еще раз споем все вместе.

Снова зазвучала «Ода “К радости”».

Зеркало, удалявшееся от Солнца со скоростью света, точно знало, что никогда не вернется сюда. За более чем миллиард лет существования музыкант ни разу не выступал ни перед кем повторно — точно так же, как пастух из числа людей никогда не бросит один и тот же камень дважды. На лету он прислушивался к отголоскам «Оды “К радости”», и по его идеально гладкой зеркальной поверхности пробегала едва заметная рябь.

— О, прекрасная песня!

Заградительные помехи полного спектра

Посвящаю, с глубоким уважением, народу России, чья литература так сильно повлияла на мою жизнь.

Что касается выбора метода постановки электромагнитных помех в ходе боевых действий, то настоящее руководство рекомендует использовать выборочные частотно-целевые помехи, а не заградительные помехи в широком диапазоне одновременно используемых частот, поскольку последние также будут создавать помехи в том числе и дружественной электромагнитной связи, и электронной поддержке.

Руководство армии США по радиоэлектронной борьбе

Впервые опубликован под названием — 全频带阻塞干扰 в журнале «Science Fiction World», 2001 г., Чэнду.

5 января, Смоленский фронт

Сданный город уже исчез из виду. За одну ночь линия фронта отодвинулась назад на сорок километров.

Раннее утро заливало снежную равнину холодным, тусклым голубоватым светом. Вдалеке над уничтоженными целями поднимались черные столбы дыма. Ветра почти не было; дымы шли вверх прямо и так высоко, что казались тонкими нитями черной вуали, связывающими небо с землей. Подняв взгляд за дымами, Карина вздрогнула: светлеющее небо было затянуто плотной белой колючей на вид сетью, как будто сумасшедший великан густо исчеркал небосвод бессмысленными каракулями. Эти запутанные следы оставили полчища истребителей военно-воздушных сил России и НАТО во время ожесточенной ночной битвы за контроль над воздушным пространством.

Одновременно всю ночь продолжались воздушные и ракетно-артиллерийские прицельные дальние удары. Стороннему наблюдателю бомбардировка не показалась бы очень уж ожесточенной. Взрывы раздавались с интервалом в несколько секунд, а то и минут. Но Карина знала, что почти каждый взрыв означал попадание в какую-нибудь важную цель и порождал новые знаки препинания на черных страницах предыдущей ночи. К рассвету Карина совершенно не представляла себе, сколько сил осталось на оборонительных рубежах и уцелели ли оборонительные рубежи вообще. Более того, ей казалось, что только она одна и уцелела под натиском врага.

Взвод электронного сопротивления майора Карины был уничтожен шестью ракетами с лазерным наведением около полуночи. Она выжила по чистой случайности. БМП-2 с оборудованием для постановки радиопомех все еще горела; другие машины радиоэлектронной борьбы, из которых состояло подразделение, представляли собой груды почерневшего металла, громоздившиеся вокруг нее. Из воронки от бомбы, в которой пряталась Карина, уходило остаточное тепло, и зимний холод чувствовался все сильнее. Она заставила себя сесть, опираясь на руки. Ее правая рука коснулась чего-то и липкого, и осклизлого — вроде бы комка грязи, покрытого черным пеплом. Она вдруг сообразила, что это кусок плоти. Неведомо из какой части тела и тем более чьего тела. Во время смертоносной ночной атаки погибли старший лейтенант, два лейтенанта и восемь рядовых. Карину затошнило, но из желудка не вышло ничего, кроме горькой желчи. Она сунула руки в снег, пытаясь стереть кровь, но черновато-красные пятна быстро свернулись на морозе и

оставались такими же яркими, как и раньше.

Уже полчаса стояла давящая тишина, явственно говорившая о том, что вот-вот начнется новая наземная атака. Карина прибавила громкость рации, прикрепленной к плечу, но в аппарате звучали только помехи. Внезапно в динамике прорвались, словно птицы, мечущиеся в густом тумане, несколько расплывчатых фраз.

«…докладывает шестая наблюдательная станция! На позиции 1437 в 12 часов тридцать семь эм-один-а-два выстроены на расстоянии в среднем шестидесяти метров друг от друга сорок одна БМП «Брэдли» в пятистах метрах позади авангарда эм-один-а-два; двадцать четыре эм-один-а-два и восемь «Леклерков» в настоящее время окружают позицию 1633 и уже поравнялись с отметкой 1437. Позиции 1437, 1633 и 1752, приготовьтесь вступить в бой с врагом!»

Карина подавила дрожь от холода и страха. Бинокль перестал плясать у нее в руках, линия горизонта выровнялась, и на его фоне теперь можно было различить снежные вихри, поднятые танковыми гусеницами.

И тут же моторы взревели за ее спиной. Мимо разбитой позиции ее взвода неслась навстречу врагу фаланга танков «Т-90», а с протянувшейся позади автострады съезжали все новые и новые танки. Но ревели не только танковые моторы. Подняв голову, Карина увидела, как в небе аккуратным строем, черной решеткой на мертвенно-белом рассветном небе, появилось множество вертолетов. Из выхлопных труб танков, миновавших воронку, в которой пряталась Карина, с тихим шипением повалил белый туман, быстро окутавший поле боя. Сквозь разрывы дымовой завесы она видела, как низко над землей пошли на запад русские вертолеты.

Залпы 125-мм танковых орудий слились в протяжный вой, и белый туман превратился в яростно мигающий розовый световой дисплей. Почти одновременно упали первые вражеские снаряды, и бело-голубые молнии их разрывов тут же перебили розовый свет. Карина, все так же лежавшая ничком на дне воронки, почувствовала, как земля сотрясается от частых ударов, похожих на барабанную дробь. Совсем близкий разрыв вскинул в воздух и обрушил ей на спину комья размятой земли. Среди взрывов она смутно слышала визг противотанковых ракет. Карина чувствовала, как эта какофония разрывает на части все ее нутро, а заодно и всю Вселенную, осколки которой рушатся в бесконечную бездну…

Пока Карина пребывала на грани потери сознания, танковая битва завершилась. Она длилась всего тридцать секунд.

Как только дым рассеялся, Карина увидела, что заснеженная равнина перед нею усеяна подбитыми русскими танками, превратившимися в огромные костры, увенчанные черным дымом. Она посмотрела дальше; даже без бинокля вдали была ясно видна такая же полоса уничтоженных танков НАТО — черные дымящиеся пятна на снегу. Но мимо их обломков в ее сторону уже неслись новые вражеские танки, окутанные снежными вихрями, взметаемыми гусеницами. Время от времени из снежной пелены, как черепахи, выпрыгивающие из волн, выглядывали свирепые широкие клиновидные головы «Абрамсов», и их гладкоствольные дула вспыхивали, как глаза. А над ними все еще продолжалась схватка вертолетов. Карина увидела, как неподалеку в воздухе взорвался «Апач». Прямо над ее головой, раскачиваясь, прошел «Ми-28», оставляя за собой след от утечки топлива, ткнулся в землю в нескольких десятках метров от нее и взорвался огненным шаром. Ракеты «воздух-воздух» малой дальности чертили низко над землей бесчисленные параллельные белые линии…

За спиной Карины что-то громыхнуло. Обернувшись, она увидела, что у стоявшего поблизости поврежденного и сильно дымящегося «Т-90» открылся кормовой люк. Оттуда никто не выскочил, только высунулась рука. Карина поспешно выбралась из воронки, подбежала к танку, схватила руку и потянула. И тут внутри танка прогрохотал взрыв. Карина стояла сбоку от люка, но все же порыв раскаленного воздуха заставил ее отступить на несколько шагов. В руке у нее оказалось что-то мягкое и очень горячее: прожаренный насквозь кусок кожи, снявшийся с руки танкиста. Карина подняла голову и увидела, как из люка вырвалось пламя. Но и сквозь него было видно, что внутри уже творится ад в миниатюре. В тускло-красном прозрачном пламени она видела силуэт другого танкиста; он был неподвижен, хоть и слегка колебался в огненном мареве, как если бы она смотрела сквозь воду.

Поблизости дважды взвизгнули реактивные двигатели. Артиллерийский расчет спереди и слева от нее выпустил две последние противотанковые ракеты. Ракета с проводным наведением успешно уничтожила «Абрамс», а вот у радиоуправляемой ракеты противник заглушил сигнал, и она взяла вверх, промахнувшись мимо цели. Тем временем все шесть человек расчета уже покинули окоп и побежали к той самой воронке от бомбы, где только что находилась Карина, но тут же на них спикировал, растопырив угловатое шасси, вертолет «Команч», похожий на свирепого аллигатора. На землю легла длинная пулеметная очередь, взметнувшая стенку из снега и

грязи, которая рухнула так же быстро, как и появилась. Очередь прошлась по кучке людей и положила сразу четверых. До воронки добрались только старший лейтенант и рядовой. Когда они оказались рядом, Карина разглядела, что у лейтенанта на голове танковый шлем; вероятно, в нем он и выпрыгнул из подбитого танка. Каждый тащил «РПГ».

Лейтенант спрыгнул в воронку и сразу же выстрелил в ближайший вражеский танк. Граната попала в лоб «M1A2», вызвав срабатывание его реактивной брони; звуки взрывов ракеты и динамической защиты странно смешались. Танк вырвался из облака дыма, обрывки реактивной брони свисали с его передней части, как рваная рубашка. Молодой рядовой все еще целился, гранатомет ходил в его руках вверх и вниз вслед за подскоками танка. Парень никак не мог решиться выстрелить. А танк находился уже всего в пятидесяти-сорока метрах от него и съехал во впадину в земле. Солдату ничего не оставалось, кроме как стоять на краю воронки и целиться вниз.

Его «РПГ» и 120-мм пушка «Абрамса» выстрелили одновременно.

Наводчик танка в отчаянии выстрелил бронебойной болванкой с обедненным ураном. Снаряд, имевший начальную скорость 800 метров в секунду, превратил верхнюю часть тела солдата в кровавые брызги. Несколько ошметков крови и мяса звонко шлепнули по стальной каске Карины. Она открыла глаза. Ноги солдата, только что торчавшие на краю воронки, как два черных пня, беззвучно скатились на дно ямы прямо к ее ногам. А от раздробленных останков его туловища на снегу остался радиальный узор из красных пятен.

Граната попала куда нужно, кумулятивный заряд пробил броню. Из-под днища повалил густой дым. Но стальное чудовище все так же перло вперед, оставляя за собой дымный хвост. И лишь когда до воронки оставалось явно меньше двадцати метров, внутри раздался взрыв, гусеницы остановились, и крышка командирского люка взлетела высоко вверх.

Сразу же через поле этого скоротечного боя прошла цепь натовских танков, сотрясая землю гусеницами; к воронке от бомбы никто не проявил интереса. Как только первая волна наступления прошла мимо, старлей схватил Карину за руку и, выпрыгнув из воронки, потянув за собой к уже изрешеченному пулями «газику». До следующей цепи бронетехники уже оставалось всего метров двести.

— Ложись здесь и притворись мертвой! — приказал старший лейтенант, совершенно забыв о всякой субординации. — И Карина послушно легла на спину рядом с джипом и закрыла

глаза. — С открытыми глазами будет правдоподобнее! — добавил самозваный командир и вдруг густо обмазал ее лицо чьей-то только-только остывшей кровью. Сам он тоже лег под почти прямым углом к Карине, так, что они чуть ли не соприкасались головами. Она лежала и широко открытыми глазами смотрела в небо, почти полностью затянутое дымом.

Всего через две или три минуты метрах в десяти от лежащих остановилась полугусеничная броневая машина пехоты «Брэдли». Из нее выскочили несколько американских солдат в бело-голубой зимней камуфляжной форме. Бóльшая часть с оружием на изготовку выстроилась в боевой полукруг, а один направился к «газику». Карина увидела совсем рядом с лицом десантные берцы, облепленные снегом, рассмотрела даже эмблему 82-й воздушно-десантной дивизии на рукояти ножа, торчавшей из-за голенища. Американец нагнулся и посмотрел ей в лицо. Их взгляды встретились; Карина изо всех сил старалась придать глазам пустое и безжизненное выражение, а в голубых глазах американца явственно читался испуг.

— Oh, god! — чуть слышно воскликнул он. Карине оставалось только гадать, имел ли он в виду участь красивой девушки с майорскими звездочками на плечах или ее перепачканное засохшей кровью и грязью лицо. Возможно, и то и другое. Он протянул руку и расстегнул ее воротничок. Тело Карины мгновенно покрылось гусиной кожей, рука незаметно двинулась ближе к висевшей на ремне расстегнутой кобуре с пистолетом, но американец всего-навсего снял с ее шеи шнурок с солдатским медальоном.

Ждать пришлось гораздо дольше, чем они рассчитывали. Мимо тянулись бесконечные колонны вражеских танков и бронемашин. Карине казалось, что ее тело уже превратилось в лед. В памяти почему-то всплыли строчки из старой песни. Она когда-то прочитала ее в книге об Александре Матросове: «А солдаты лежат на снегу/ Как на лебяжьей перине». В день защиты кандидатской диссертации она записала эти строки в свой дневник. В ту ночь тоже шел снег. Она стояла перед окном на одном из верхних этажей главного здания Московского университета; снег действительно походил на лебяжий пух, и сквозь снежную завесу мерцали огни тысяч окон столицы. На следующий день она вступила в армию.

Недалеко от них остановился джип, в котором сидели, курили и о чем-то разговаривали трое натовских офицеров. Но боевых машин на обширном поле уже не было видно. Карина и старший лейтенант прыгнули в «газик», рядом с которым так долго лежали, старлей включил зажигание, и они помчались по

заранее намеченному маршруту. Позади них застрекотали автоматы; пули свистели над головой, одна разбила зеркало заднего вида. Машина резко повернула и въехала в горящее селение. Враги не стали преследовать их.

— Майор, вы ведь кандидат наук, верно? — спросил, не отвлекаясь от дороги, старший лейтенант.

— Откуда вы обо мне знаете?

— Я видел вас с сыном маршала Левченко.

Немного помолчав, старший лейтенант добавил:

— Сейчас маршальский сын находится дальше от войны, чем любой другой человек на свете.

— Вы что имеете в виду? Что-то определенное?

— Ничего. Так, брякнул, — даже не попытался выкрутиться он. Дальше они ехали в молчании. И Карина, и старший лейтенант отчаянно боялись оборвать последнюю ниточку надежды — что этот прорыв единственный на всем протяжении фронта.

5 января, околосолнечная орбита, борт «Вечного бурана»

Одиночество, в котором пребывал Миша, пожалуй, можно было бы сравнить разве что с ощущениями человека, находящегося в городе, где, кроме него, нет ни одного жителя.

«Вечный буран» и впрямь был размером с небольшой город. Составленная из множества модулей космическая станция вдвое превышала объемом самый большой транспортник; на ней могли одновременно жить пять тысяч человек. Когда станция вращалась вокруг продольной оси и центробежная сила имитировала притяжение, здесь даже тек журчащий ручей, наполнявший водой пруд, где можно было искупаться. Вообще-то «Вечный буран» являлся высшим достижением той созидательной экономии, которую российская космонавтика демонстрировала со времен станции «Мир». В основу его конструкции легла идея, согласно которой объединение в одной структуре всех функций, необходимых для исследования Солнечной системы, может потребовать огромных первоначальных капиталовложений, но в долгосрочной перспективе окажется абсолютно экономичным. Западные СМИ в шутку назвали «Вечный буран» швейцарским армейским ножом для космоса: он мог служить космической станцией, вращающейся на околоземной орбите, мог легко перемещаться и не только выходить на орбиту вокруг Луны, но и совершать исследовательские полеты к другим планетам. «Вечный буран» уже летал и на Венеру, и на Марс, и исследовал пояс астероидов. Благодаря его огромной вместимости и функциональности это было все равно что отправить в космос целый исследовательский центр. В области космических исследований у него было большое преимущество перед многочисленными, но мелкими западными космическими кораблями.

Когда разразилась война, «Вечный буран» готовили к трехлетней экспедиции на Юпитер. В связи с новыми обстоятельствами почти всю команду корабля, состоявшую в основном из офицеров ВВС, отправили на Землю, оставив за всех одного Мишу. Беда выявила главный недостаток «Вечного бурана» — с военной точки зрения он представлял собой легкодоступную цель, так как не имел ровно никаких средств и возможностей для обороны. Увы, конструкторы совершенно не приняли в расчет усиливавшуюся милитаризацию космоса.

«Вечному бурану» оставалось только прятаться. Но и

отступить в отдаленные области Солнечной системы он не мог, потому что НАТО густо насытила орбиту Юпитера беспилотными космическими аппаратами. Они были мелкими, но — хоть с оружием, хоть без него — представляли смертельную опасность для огромного безоружного корабля.

Оставалось лишь нырнуть к самому Солнцу. Благодаря автоматической теплозащитной системе активного охлаждения — гордости «Вечного бурана» — корабль мог подбираться к Солнцу ближе, чем любое другое изделие человеческих рук. И сейчас «Вечный буран» достиг орбиты Меркурия, проходящей в пяти миллионах километров от Солнца и в ста миллионах километров от Земли.

Бóльшую часть помещений корабля наглухо запечатали, но и то, что осталось в распоряжении Миши, поражало огромными размерами. Сквозь широкий прозрачный куполообразный потолок глядело Солнце — в три раза больше, чем на Земле. Миша отчетливо видел солнечные пятна и необычайно красивые протуберанцы, появляющиеся из пурпурной короны, и, случалось, даже гранулы, образованные конвекцией на поверхности. Безмятежность солнечного диска была иллюзорной. Солнце порождало яростный шторм частиц и электромагнитного излучения, и «Вечный буран» был всего лишь крошечным зернышком в бурном океане.

Тонкая, как паутинка, нить электромагнитных волн соединяла Мишу с Землей и извещала его о бедах того далекого мира. Только что ему сообщили, что центр управления полетами под Москвой уничтожен крылатыми ракетами и управление «Вечным бураном» осуществляется из запасного командного центра в Самаре. Последние новости об идущей на Земле войне он получал каждые пять часов и каждый раз думал о своем отце.

5 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации

Маршалу Михаилу Семеновичу Левченко казалось, будто он смотрит на глухую стену, хотя в действительности перед ним находилась голографическая карта московского театра военных действий. И наоборот, когда он повернулся к большой бумажной карте, висевшей на стене, то увидел широту и глубину и ощутил пространство.

Всегда и при любых обстоятельствах он предпочитал традиционные карты. Он и сам не мог бы сказать, сколько раз ему приходилось искать какие-нибудь отметки в самом низу карты, для чего и ему самому, и штабным генералам и офицерам приходилось вставать на четвереньки; даже сейчас, подумав об этом, он чуть заметно улыбнулся. Вспомнил он и о том, как накануне военных учений сидел в своей палатке и скреплял листы только что полученных тактических карт клейкой лентой. У него эта лента всегда путалась и липла не туда, куда следовало, а вот сын, даже в самый первый раз, когда попросил посмотреть, как проходят маневры, справлялся с этим делом куда лучше, чем кто-либо другой…

Поймав себя на том, что его мысли снова обратились к сыну, маршал решительно заставил себя вернуться к насущным проблемам.

На командном пункте находились лишь маршал и командующий Западным военным округом; последний непрерывно курил, прикуривая одну сигарету от другой. Оба рассматривали облака дыма, плавающие над голографической картой, с таким вниманием, будто это и было само поле отчаянного сражения.

— Натовцы стянули под Смоленск семьдесят пять дивизий. Линия боестолкновения — сто километров. Они прорвали нашу оборону во многих местах.

— А Восточный фронт? — спросил маршал Левченко.

— Как вам известно, бóльшая часть нашей 11-й армии перешла на сторону правых. Силы правых теперь насчитывают двадцать пять дивизий, но их наступление под Ярославлем, несомненно, лишь разведка боем.

Земля содрогнулась от слабых отголосков дальнего мощного взрыва. Тени, тянувшиеся по всему просторному помещению от свисающих с потолка ламп, запрыгали.

— Пошли разговоры об отступлении в Москву, строительстве

укреплений и баррикад и подготовке к уличным боям, наподобие тех мер, что были приняты семьдесят с лишним лет назад.

— Совершеннейшая глупость! Если мы свернем Западный фронт, НАТО обойдет нас с севера и соединится с правыми в Твери. В Москве паника начнется сама собой, даже без их усилий. У нас есть выбор лишь из трех вариантов: контратака, контрудар, контрнаступление.

Командующий округом тяжело вздохнул и молча уставился на карту.

— Я знаю, что у Западного фронта мало сил, — продолжал маршал, — и намерен для его укрепления перебросить армию с Восточного фронта.

— Что? Так ведь у нас и без того серьезные трудности с обороной Ярославля.

Маршал усмехнулся.

— Нынче у многих командиров беда в том, что они склонны рассматривать проблему только с военной точки зрения. Потому и не видят дальше беспросветной тактической ситуации. А вот скажите, глядя на карту: неужели у правых не хватает сил, чтобы взять Ярославль?

— Я так не считаю. 14-я армия — отборная сила с мощной бронегруппировкой и низковысотными ударными силами. Продвигаться менее чем на пятнадцать километров в день, не испытывая при этом серьезного сопротивления, для них это… Такое впечатление, что они намеренно сдерживают темп.

— Совершенно верно, они смотрят и выжидают. А смотрят они на Восточный фронт! И если мы перехватим инициативу на Восточном фронте, они и дальше будут смотреть и выжидать. Возможно, даже пойдут на сепаратные переговоры о перемирии.

Командующий округом давно уже держал в руке очередную сигарету, но не закуривал, а, похоже, совершенно забыл о ней.

— Предательство армии на Восточном фронте действительно было для нас как нож в спину, но некоторые командиры увидели в этом предлог для того, чтобы перейти к пассивной стратегии. Это продолжаться не должно и не будет! Конечно, нельзя не признать, что тех сил, которые мы сегодня имеем в Московском регионе, недостаточно для того, чтобы полностью переломить положение. Наша надежда на резервы из Кавказского и Уральского округов.

— Ближайшим соединениям Кавказского округа потребуется не меньше недели, чтобы подготовиться к перебазированию и добраться до места. А если учесть соотношение сил в воздухе, то и еще дольше.

5 января, Москва

Карина и старший лейтенант на том же многострадальном «газике» въехали в город уже в четвертом часу дня. Только что объявили воздушную тревогу, и на улицах не было ни души.

— Майор, я уже тоскую по своему «Т-90»! — вздохнул старший лейтенант. — Я закончил курсы командиров бронетехники и примерно тогда же расстался со своей девушкой. Зато, когда прибыл в часть и увидел этот танк, мое сердце снова воспарило. Я положил руку на броню, и она оказалась гладкой и теплой, как девичья кожа. Ха, да что там девушки!.. Вот она, настоящая любовь для мужчины! А не далее как сегодня утром моя любовь словила ракету «Мистраль». — Он снова вздохнул. — Возможно, до сих пор горит.

В это время они услышали сливающиеся в частую дробь разрывы на северо-западе — несомненно, это была ковровая бомбардировка; уже весьма редкое явление в современной воздушной войне.

А лейтенант заново переживал утреннюю драму.

— Полминуты не прошло, а танковой роты как не бывало.

— Враг потерял не меньше, — ответила Карина. — Я сразу же тщательно изучила поле боя. Потерь с обеих сторон было примерно поровну.

— Я думаю, что где-то один к одной и двум в их пользу, — уточнил танкист. — А вот по вертолетам, наверно, хуже, но вряд ли больше, чем единица к одной и четырем десятым.

— Но в таком случае преимущество должно было остаться на нашей стороне. Ведь у нас было определенно больше техники. Почему же верх взяли они?

Танкист оторвал взгляд от дороги и посмотрел на Карину.

— Майор, ты же специалист по радиоэлектронной войне! Неужели не понимаешь? Все ваши игрушки — системы управления и связи пятого поколения, боевые трехмерные дисплеи, симуляторы динамической ситуации, оптимизатор плана атаки, да что угодно — отлично смотрелись в имитационных сражениях. Но в реальных боевых условиях я видел на экране только две надписи: «ОШИБКА СВЯЗИ» и «НЕ УДАЛОСЬ ВОЙТИ В СИСТЕМУ». Взять, к примеру, сегодняшнее утро. Я понятия не имел, что происходит спереди и на флангах. Я получил только один приказ: «Вступить в бой с врагом». Ах, если бы мы оставили хотя бы половину сил во втором эшелоне, враг не прорвался бы через наши позиции. Вероятно, так было на всем фронте.

Карина знала, что в только что закончившемся сражении с обеих сторон сошлись, пожалуй, больше десяти тысяч танков и тысяч пять вертолетов.

За этим разговором они доехали до Арбата. Еще совсем недавно популярная пешеходная улица была совершенно пуста; витрины многочисленных антикварных магазинов и художественных салонов были заложены грудами мешков с песком.

— Моя стальная любовь вела себя лучше некуда. — Старший лейтенант вновь вернулся к утреннему бою. — «Челленджер» я подбил, это как пить дать. Но мне так хотелось завалить «Абрамс», понимаешь? «Абрамс»…

Карина перебила его, указав на вход в один из магазинов.

— Здесь умер мой дедушка.

— Но сюда вроде бы никаких бомб не попадало.

— Это случилось двадцать лет назад — мне было всего четыре года. Зима в тот год выдалась жутко морозная. Отопление отключили, в комнатах на стены намерз лед. Я сидела, прижавшись к телевизору, чтобы хоть немного согреться, и слушала, как президент обещал «дорогим россиянам» теплую зиму. А я была голодная, замерзла и плакала.

Дедушка смотрел на меня, молчал, молчал, а потом придумал. Он взял свою военную медаль, которой очень дорожил, и мы с ним отправились сюда, на Арбат. Здесь тогда была толкучка, где можно было продать все что угодно, от водки до политических убеждений. Какому-то американцу приглянулась дедушкина медаль, но давал он за нее всего сорок долларов. И все время насмехался, дескать, ордена Красной звезды и Красного знамени вообще ничего не стоят, а вот за орден Богдана Хмельницкого он дал бы сто долларов, за орден Славы — сто пятьдесят, за орден Нахимова — двести и двести пятьдесят — за орден Ушакова. «*Орден Победы самый дорогой, но у вас его быть не может, его давали только генералам*». Но орден Суворова тоже ценный, и он заплатил бы за него четыреста пятьдесят долларов… Дедушка слушал, слушал и ушел. Мы брели по Арбату, а мороз все крепчал. А потом силы дедушки кончились. Уже почти стемнело. Он сел на ступеньку вон того антикварного магазина и велел, чтобы я шла домой одна. На следующий день его нашли там замерзшим насмерть; одна рука у него была в кармане, а в ней он сжимал медаль, которую заслужил собственной кровью. Глаза у него были открыты, и он до самой смерти смотрел на город, который полвека назад спас от танков Гудериана…

5 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации

Маршал Левченко впервые за неделю покинул подземный бункер, где находился командный пункт. Он шел под густым снегопадом и пытался разглядеть хотя бы намек на солнце, которое, судя по времени, уже должно было наполовину скрыться за снеговыми шапками, венчавшими верхушки сосен. А мысленно он представлял себе маленькую черную точку, медленно пересекающую оранжевый закатный диск: «Вечный буран», внутри которого находился его сын. Ни одного отца во всем человечестве не разделяло с сыном такое большое расстояние.

Назначение, которое получил его сын, породило множество неприятных слухов на родине, а уж как изощрялись на этот счет враги за границей!.. «Нью-Йорк таймс» напечатала на первой полосе самым броским кеглем: «Лучше всех укрывшийся дезертир». Ниже размещался большой фотопортрет Миши с подписью: «В то время когда коммунистический режим агитирует триста миллионов россиян за кровавую бойню против «захватчиков», сын их маршала бежал с войны на борту единственного в стране крупного космического корабля. Он пребывает в полной безопасности в шестидесяти миллионах миль от поля боя — в отличие от большинства своих сограждан».

Но маршал Левченко не принимал эту шумиху близко к сердцу. После того как Миша окончил школу и до завершения аспирантуры практически никто из тех, с кем ему приходилось иметь дело, не знал, кто его отец. Руководство космической программы приняло решение оставить Мишу на корабле лишь потому, что он занимался математическим моделированием звездных процессов. Пребывание «Вечного бурана» в предельной близости к Солнцу давало уникальную возможность для его исследований; к тому же космическим комплексом нельзя было управлять исключительно дистанционным методом: на борту обязательно должен был находиться хотя бы один человек. Генеральный директор программы узнал о семейном положении Миши только постфактум, из западных СМИ.

С другой стороны, признавал это маршал Левченко или нет, но в глубине души он и впрямь надеялся, что его сын сможет остаться в стороне от войны. Дело было не только в кровных узах; маршал Левченко всегда чувствовал, что его сын не предназначен для войны — возможно, наименее предназначен для нее из всех людей на свете. Хотя и знал, что заблуждается: есть ли на свете

хоть кто-нибудь, предназначенный для войны?

Кроме того, можно ли было утверждать, что Миша предназначен для звезд? Он любил звезды, посвятил свою жизнь их исследованию, но сам он был полной противоположностью звезде. Он больше походил на Плутон, тихую и холодную карликовую планету, вращающуюся в своей далекой пустоте, вне поля зрения мира смертных. Сдержанный характер и хрупкая фигура Миши наводили на мысль о женственности, но маршал Левченко, опять же в глубине души, точно знал, что этого свойства у его сына нет. Девушки боялись одиночества, а вот Мише оно нравилось. Одиночество было для него пищей и воздухом.

Миша родился в Восточной Германии, и день его рождения оказался самым черным днем в жизни маршала. В тот вечер он, тогда еще всего лишь майор, стоял с несколькими солдатами в почетном карауле перед советским военным мемориалом в парке Тиргартен — советские воины в последний раз за сорок лет отдавали долг памяти павшим соотечественникам. А перед ними издевательски ухмылялась кучка офицеров в форме Западной Германии, торчали несколько неряшливых, неуклюжих немецких полицейских, державших на поводках волкодавов — они должны были заменить советский караул, — бритоголовые неонацисты скандировали: «Красная Армия, убирайся домой». Он видел рядом полные слез глаза командира роты и солдат и сам ничего не мог с собой поделать: у него тоже от слез все расплывалось перед глазами.

К ночи он вернулся в опустевшую казарму. Назавтра оставшейся группе военных предстояло отправиться в СССР. И тут ему сообщили о рождении Миши и о том, что его жена умерла из-за осложненных родов.

После возвращения домой ему тоже жилось трудно. Как и у еще четырехсот тысяч военных и ста двадцати тысяч гражданского персонала, никакого жилья в СССР у них не было, и он, с младенцем Мишей, жил во времянке из профнастила, где зимой было очень холодно, а летом нестерпимо жарко. Его сослуживцы брались за что угодно, чтобы прокормиться: кое-кто продавал бандитам казенное оружие, а кто-то танцевал стриптиз в ночных клубах. Ну а он не изменял честной солдатской службе, и Миша потихоньку рос среди всех этих трудностей. Он мало походил на других детей; казалось, что у него была врожденная способность к терпению, потому что он имел свой собственный мир.

Еще школьником начальных классов Миша научился спокойно ночевать в одиночестве в своей маленькой комнате

наконец-то полученной отцом квартиры. Сначала Левченко думал, что мальчик читает, но случайно узнал, что его сын подолгу стоит неподвижно перед окном и смотрит на звезды.

«Папа, я люблю звезды. Я хотел бы всю жизнь смотреть на них», — сказал он отцу.

На свой одиннадцатый день рождения Миша впервые попросил у отца подарок — телескоп. До того он рассматривал звезды в полевой бинокль Левченко. С тех пор телескоп сделался единственным Мишиным другом. Он мог торчать на балконе и рассматривать звезды до тех пор, пока не заалеет восток. Случалось, что отец и сын смотрели на звезды вместе. Маршал всегда норовил навести телескоп на самую яркую из звезд, а сын недовольно качал головой: «Папа, это же неинтересно. Это Венера, а Венера — планета. Я люблю только звезды».

Мише не нравилось ничего из того, чем увлекались сверстники. Живший по соседству толстый мальчик, сын начальника штаба десантников, стащил у отца пистолет и в игре случайно прострелил себе ногу. Сыновья другого генерала из Главного штаба больше всего любили ездить с отцом на стрельбище и там палить из всех видов оружия. Но это обычное для мальчиков пристрастие к оружию, казалось, полностью обошло Мишу стороной. В этом он, по общему признанию, на мальчика похож не был.

Отсутствие у сына интереса к оружию чем дальше, тем сильнее тревожило Левченко. Дошло до того, что он совершил поступок, которого до сих пор стыдился: однажды он как бы случайно положил свой пистолет Макарова на письменный стол сына. Вернувшись из школы, Миша сразу же вышел из своей комнаты с пистолетом. Он держал его совершенно по-женски, осторожно сжимая пальцами ствол. Аккуратно положив оружие перед отцом, он спокойно сказал: «Папа, ты смотри, пожалуйста, куда кладешь свои вещи».

Что касается будущего Миши, то маршал не собирался устраивать его за сына, не считаясь с его мнением. Он не походил в этом отношении на других генералов, твердо решивших, что их сыновья и дочери пойдут по их пути в армию. Но ведь Миша на самом деле совершенно не воспринимал отцовскую профессию.

Маршал Левченко не был вспыльчивым, хотя, командуя армиями, не раз резко отчитывал даже генералов перед тысячами солдат. Однако он никогда не выходил из себя из-за Миши. Миша молча и уверенно шел по избранному им пути, не давая отцу повода для беспокойства. Что еще важнее, Миша, казалось, родился с необычайной отстраненностью от мира, которая временами вызывала у Левченко нечто вроде благоговения. Как

будто он небрежно бросил семечко в цветочный горшок, и из него неожиданно проросло редкое и экзотическое растение. И он день за днем наблюдал, как росло это растение, тщательно оберегал его и ожидал, когда оно расцветет. Его надежды оправдались. Его сын теперь был самым известным астрофизиком в мире.

Пока он отдыхал, раздумывая, солнце полностью скрылось за сосновым лесом, белый снег, покрывавший землю, стал бледно-голубым. Маршал Левченко собрался с мыслями и вернулся в подземный командный пункт. К тому времени прибыли все участники предстоящего совещания, в том числе высокопоставленные генералы и офицеры из командования Западного и Кавказского военных округов.

Больше всего оказалось представителей радиоэлектронных войск в самых разных званиях, от генералов до капитанов, только что прибывших с поля боя. В зале заседаний уже шли горячие споры между ними и командирами наземных войск Западного фронта.

— Мы точно определили изменение направления вражеской атаки, — сказал генерал-майор Фелитов из Таманской дивизии. — У наших танков и поддерживающей авиации не было проблем с маневренностью. Но связь попросту не работала. Система управления и связи оказалась практически парализована! За два года силы радиоэлектронной борьбы очень сильно разрослись — от батальона до дивизии, от дивизии до корпуса, в их развитие вложили больше денег, чем в любые традиционные вооружения. А что получили в результате?!

Один из генерал-лейтенантов, командовавших радиоэлектронной борьбой в регионе, взглянул на Карину. Как и большинство других офицеров, явившихся сюда прямо с передовой, она была одета в перепачканную и опаленную камуфляжную форму, на наскоро умытом лице еще виднелись следы крови.

— Вот, майор проделала серьезную исследовательскую работу в области радиоэлектронной борьбы. Генеральный штаб прикомандировал ее для наблюдения как раз за действиями радиоэлектронных войск. Возможно, она, как грамотный очевидец, сможет лучше объяснить произошедшее.

Молодые офицеры из ученых, такие как Карина, как правило, не тушевались перед высоким начальством и смело рубили правду-матку. Их часто использовали в качестве рупоров для нелицеприятных высказываний, и данный случай не был исключением.

Карина поднялась со стула.

— Товарищ генерал, дело обстоит совсем не так, как вы

говорите. По сравнению с расходами НАТО на эти цели наши — просто мелочь.

— А как насчет электронного противодействия? — продолжил атаку генерал-майор. — Враги могут подавить нашу связь, а мы их подавить способны? Наша система управления и связи только мешала, зато натовская работала так, будто у нее колеса смазали.

Карина криво улыбнулась.

— Что касается подавления связи противника… товарищ генерал, возможно, вы не в курсе, но именно на вашем участке, именно ваши подчиненные под угрозой расстрела заставили ваше собственное подразделение радиоэлектронной борьбы выключить оборудование!

— Так-так… Что, говорите, там случилось? — осведомился маршал Левченко. Лишь сейчас собравшиеся генералы и офицеры заметили, что командующий давно уже вошел и тихонько слушает, стоя в сторонке.

Кто-то из генералов поспешно скомандовал: «Смирно!», маршал бросил: «Вольно» и попросил продолжать.

— Дело в том, — начал объяснять генерал-майор, — что нашим системам управления и связи собственные средства радиоэлектронной борьбы вредили больше, чем натовские! Сквозь натовские помехи нам удавалось передавать *отдельные* сообщения. А вот как только наши электронщики включили свои подавители, мы полностью оглохли и ослепли!

— Вы не учитываете того, что точно так же ослеп и оглох противник! — возразила Карина. — С теми средствами радиоэлектронного противодействия, которые имеются в распоряжении нашей армии, это единственно возможная стратегия. В настоящее время НАТО уже широко внедрило такие технологии, как скачкообразная перестройка частоты, широкополосный случайный сигнал, системы адаптивной нуллификации, пакетная передача и быстрая перестройка частот[19]. Наши прицельные помехи по конкретным частотным областям были совершенно бесполезны. Единственным действенным методом оставался полный спектр заградительных помех.

— Майор, — перебил ее полковник из 5-й армии, — НАТО тоже использует прицельные помехи, причем способна оперировать очень узкими полосами диапазона. Но ведь и в наших системах связи, управления и так далее все, что вы перечислили, заложено с самого начала. Почему же они могут так эффективно подавлять наши системы?

— Все очень просто. На каких операционных системах

построены наши системы управления и связи? «Unix», «Linux» и даже «Windows 2010». А на каком «железе»? «Intel» и «AMD»! Получается, что мы пытаемся натравить собак, которых натовцы приставили сторожить нас, на их же хозяина! Именно поэтому противник может без труда вычислить, скажем, схемы скачкообразной перестройки частоты в трансляции разведдонесений и использовать для их глушения более многочисленные и более эффективные программные атаки. Незадолго до начала конфликта Главное командование предлагало широко внедрить операционную систему российского производства, но встретило серьезное сопротивление в своих же войсках. Ожесточеннее всех возражала как раз ваша дивизия…

— Да, да, примерно так оно и было. Но сегодня мы собрались для решения именно этой проблемы, — перебил маршал Левченко. — Так что хватит болтовни, и начинаем работать!

Как только все расселись перед экраном цифрового боевого симулятора, маршал Левченко подозвал одного из штабных офицеров, молодого, длинного и тощего майора с узкими щелочками прищуренных глаз, как будто его ослепило яркое освещение зала и глаза никак не могли приноровиться к нему.

— Позвольте представить майора Бондаренко. Его самая заметная особенность — сильная близорукость. И очки он носит не такие, как большинство его товарищей по несчастью. У них линзы вставлены в оправу, а у него наложены на оправу. Они, понимаете ли, толще дна чайной чашки! Но не далее как сегодня утром очки разбились, когда майор в своей машине попал под бомбежку. Потому-то мы и не видим их сегодня. И, насколько я понимаю, контактных линз он тоже лишился, да?

— Товарищ маршал, это случилось не сегодня, а пять дней назад, под Минском. И зрение мое стало таким лишь полгода назад — иначе меня не приняли бы в Академию имени Фрунзе, — невозмутимо ответил майор.

Никто не мог понять, почему маршал представил офицера именно таким образом; несколько человек на всякий случай хихикнули.

— Как только началась война, — продолжил маршал, — события показали, что, хотя мы и несем боевые потери, наше воздушное и наземное вооружение не сильно уступает вражескому. А вот в области радиоэлектронной борьбы мы неожиданно провалились. Как только что справедливо отметила майор-радиоэлектроник, в недавнем прошлом можно отыскать немало причин, приведших нас к этому положению, но мы здесь собрались не для того, чтобы указывать друг другу на былые ошибки. Мы должны признать, что в этой ситуации перехватить

стратегическую инициативу в войне можно, лишь изменив положение в радиоэлектронной борьбе в нашу пользу! Прежде всего отметим, что противник обладает преимуществом в этой области, возможно, подавляющим преимуществом. А также то, что эффективный стратегический план мы можем выработать только с учетом аппаратных и программных возможностей нашей армии. План предполагает в предельно короткий срок уравнять наши и натовские возможности в области радиоэлектронной борьбы. Полагаю, вы все думаете, что это невозможно — наше военное планирование с конца прошлого века основывалось на предположении, что возможны лишь локальные войны. Мы действительно мало анализировали перспективы вторжения такого могущественного врага, с каким столкнулись сейчас на всех фронтах. И в столь тяжелой ситуации просто обязаны мыслить совершенно по-новому. Результаты такого мышления продемонстрирует разработанная Генеральным штабом новая стратегия радиоэлектронной борьбы, которую я вам представлю.

Верхний свет выключился, экраны компьютеров и тактического симулятора потемнели, тяжеленные взрыво- и радиоционнозащитные двери плотно закрылись. В зале воцарилась полная темнота.

— Я выключил освещение, — раздался в темноте голос маршала.

С минуту все пребывали в темноте и тишине.

— Как вы себя чувствуете? — осведомился маршал.

Никто не ответил. Полный мрак давил на офицеров так тяжко, будто они находились на морском дне. Даже дышать было трудно.

— Генерал Андреев, скажите, что вы ощущаете?

— Точно то же самое, что на фронте в последние несколько дней, — ответил командующий 5-й армией. В темном зале тихо засмеялись его словам.

— Думаю, все остальные согласны с ним, — сказал маршал. — Просто уверен в этом! Только представьте себе: в наушниках одни лишь помехи, на экранах — колышущаяся белая заливка, а у вас ни малейшего представления о том, до кого дошли и дошли ли вообще ваши приказы, и о том, что творится на поле боя. То же самое чувство! Темнота давит так, что дыхание спирает!

Но такое ощущение присуще не всем. Майор Бондаренко, как вы себя чувствуете?

Голос майора прозвучал откуда-то из угла.

— Не так уж плохо. У меня и при ярком свете все в глазах расплывалось.

— Может быть, вы даже какое-то преимущество перед остальными ощущаете?

— Так точно. Вы, может быть, слышали о том, что, когда в Нью-Йорке отключилось электричество, слепые выводили из небоскребов множество зрячих.

— Но и ощущения генерала Андреева вполне понятны. Он ведь Соколиный глаз, непревзойденный стрелок, вроде того героя старинного романа, а когда выпьет, открывает следующие бутылки, стреляя метров с десяти-пятнадцати и отбивая горлышки пистолетной пулей. Вы же не делали секрета из этого своего развлечения, верно? Но, интересно, если прямо сейчас устроить дуэль между ним и полуслепым майором Бондаренко, кто из них выживет?

В темном помещении вновь наступила мертвая тишина — офицеры обдумывали сказанное.

Лампы снова зажглись, и все сразу зажмурились — причем большинство не от внезапного перехода от полного мрака к яркому свету, а скорее от потрясения от сказанного маршалом.

Маршал Левченко поднялся со стула.

— Полагаю, я достаточно внятно объяснил принципы новой стратегии радиоэлектронной борьбы нашей армии: крупномасштабное заградительное подавление с использованием полного спектра помех. Что касается электронной связи, то мы сделаем так, что глухи и немы станем не только мы, но и вражеская сторона!

— Так ведь наши собственные системы боевого управления полностью перестанут работать! — с искренним испугом воскликнул кто-то.

— Но и натовские тоже! Если уж нам никуда не деться от слепоты, то пусть и враг ослепнет. Если мы оглохнем, пусть и он оглохнет. Только так мы уравняемся с противником в возможностях радиоэлектронной борьбы. Таков главный принцип нашей новой стратегии.

— Но как нам быть? Передавать приказы с посыльными на мотоциклах?

— Если дороги плохие, пусть ездят на лошадях, — отмахнулся маршал. — По предварительным расчетам, такого рода заградительные помехи полного спектра накроют, по меньшей мере, семьдесят процентов боевой сети связи НАТО, а это означает, что их система боевого управления будет полностью выведена из строя. Одновременно бесполезными станут от пятидесяти до шестидесяти процентов дальнобойного оружия противника. Лучший пример — ракета со спутниковым наведением «Томагавк». Как вы знаете, система наведения ракет

сильно изменилась с прошлого века. Раньше ракеты управлялись в основном бортовой системой обзорно-сравнительной навигации, которую мы называем термином нашего противника — ТЕРКОМ, в ней главным прибором был малогабаритный радиолокационный высотомер, но теперь она используется лишь на завершающей стадии полета, а движение по курсу осуществляется по данным GPS. «General Dynamics» и «McDonnell Douglas Corporation» сочли это большим шагом вперед, но американцы слишком полагаются на электромагнитное управление из космоса. Как только мы нарушим передачу данных GPS, «Томагавк» ослепнет. Дальнобойное оружие НАТО едва ли не целиком и полностью зависит от GPS. Своими мерами мы заставим врага изменить тактику и вступить в традиционное сражение, в котором сможем полностью использовать наши сильные стороны.

— Все же сомневаюсь я в этом, — с тревогой сказал командующий 12-й армией, присланный с Восточного фронта. — Я даже не уверен, что при таких условиях — при отсутствии оперативной связи — дивизия сможет благополучно добраться с востока до Западного фронта.

— Доберется в лучшем виде, — ответил маршал Левченко. — Такое расстояние не было бы препятствием даже для войск Кутузова во время войны с Наполеоном. Я не сомневаюсь, что и сегодня российская армия вполне способна совершать подобные перемещения, не пользуясь беспроводной связью! Это американцы неисправимо избалованы современным оборудованием, а не мы. Я знаю, что, когда по всему театру военных действий начнется электромагнитное затемнение, всем нам будет очень страшно. Но следует все время помнить, что врагу будет в десять раз страшнее, чем нам!

* * *

Провожая взглядом Карину, выходившую из зала среди прочих офицеров в камуфляжной полевой форме, маршал почувствовал, что к его сердцу подступает тревога. Она возвращалась на фронт, в подразделение, находящееся прямо в центре участка, напротив которого стояла самая мощная атакующая группировка противника, насыщенная ударным вооружением. Вчера, во время пятиминутного сеанса связи с сыном, находящимся на расстоянии ста миллионов миль, маршал сказал ему, что у Карины все в порядке. И уже на следующее утро она лишь чудом вернулась с поля боя.

Миша и Карина познакомились во время военных учений. Как-то вечером маршал ужинал в обществе сына. За едой они, как правило, молчали. С портрета в рамке на них смотрела покойная жена и мать. Неожиданно Миша нарушил тишину:

— Папа, у тебя ведь завтра день рождения, пятьдесят один год. И я хочу сделать тебе подарок. Знаешь, посмотрел на телескоп, которому радуюсь и сейчас, как в тот же день, когда получил его от тебя, и пришло в голову.

— Как насчет того, чтобы уделить мне несколько дней для спокойного общения?

Сын поднял на отца вопросительный взгляд.

— У тебя есть собственная любимая работа, чему я очень рад. Но, думаю, любому отцу хотелось бы, чтоб сын лучше понимал ту деятельность, которой отец посвятил свою жизнь. Что ты скажешь насчет того, чтобы поехать вместе со мною на большие учения?

Миша улыбнулся и кивнул. Он очень редко улыбался.

Это были крупнейшие полевые учения российской армии с начала века. Миша не проявил особого интереса к потоку бронированных машин, грохочущих мимо них по шоссе в ночь перед началом условных военных действий; выйдя из вертолета, он сразу же юркнул в штабную палатку, чтобы раньше отца склеить скотчем только что доставленные оперативные карты. На следующий день Миша не проявил ни малейшего интереса к происходившему. Маршал Левченко ожидал этого. Но затем произошел один случай из тех, о которых вроде бы можно только мечтать.

На утро было запланировано атакующее развертывание танковой дивизии. Миша сидел вместе с несколькими представителями местных гражданских властей на площадке с северной стороны от наблюдательного пункта. НП находился на изрядном удалении от движущейся техники, вообще-то его следовало располагать еще дальше, но командование постаралось удовлетворить неиссякаемое любопытство гражданских.

Небо затмила армада бомбардировщиков «Ту-22», дождем посыпались тяжелые авиабомбы, и вершина недалекого холма взорвалась, превратившись в подобие извергающегося вулкана. Только тогда чиновники поняли разницу между фильмами и реальным полем боя. Когда земля задрожала и над полем загремели гулкие раскаты, они съежились в складных креслах, закрыли головы руками, а кто-то даже с криками заполз под стол. Но маршал обратил внимание, что только Миша сидел с прямой спиной, с тем же холодным выражением на лице, спокойно наблюдая за ужасным вулканом, а вспышки взрывов то и дело сверкали на стеклах его солнцезащитных очков. И у Левченко на

сердце потеплело. *Как ни крути, сынок, в твоих жилах течет солдатская кровь!*

Вечером отец с сыном гуляли по округе. Сколько видел глаз, долины и пригорки были густо усыпаны звездами — фарами бронетехники. В воздухе все еще витал слабый запах порохового дыма.

— Сколько все это стоит? — спросил Миша.

— Только прямые расходы — около трехсот миллионов рублей.

Миша вздохнул.

— Наша группа просила триста пятьдесят тысяч на разработку третьего поколения модели звездной эволюции. Не дали, сказали: дорого.

Тогда-то маршал Левченко и сказал сыну то, что давно намеревался.

— Наши с тобой миры очень далеки друг от друга. Ближайшая из твоих звезд находится в четырех световых годах от нас, верно? Все эти звезды не имеют никакого отношения к армиям и войнам на Земле. Не стану утверждать, что много понимаю в том, чем ты занимаешься, но все равно очень горжусь тобой. Но как военный я просто хочу, чтобы мой сын ценил мою собственную профессию. Какой отец не испытал бы величайшего счастья, рассказывая своему сыну о своих достижениях? Но тебе никогда не нравилась моя работа, хотя на самом деле она — основа и защита той профессии, которую выбрал ты. Без армии, достаточно сильной и большой, способной обеспечить безопасность страны, фундаментальные научные исследования, подобные твоим, были бы невозможны.

— Ты все перевернул с ног на голову, папа. Если бы все люди были такими, как мы, и тратили всю свою жизнь на изучение Вселенной, они поняли бы ее красоту, красоту, которая скрывается за ее необъятностью и глубиной. И тот, кто действительно понимал врожденную красоту космоса и природы, никогда бы не стал воевать.

— Это предельный уровень наивности. Если бы красота действительно могла спасти мир, то войн просто не было бы!

— Как ты думаешь, легко ли человечеству понять такую красоту? — Миша указал на ночное небо — море сияющих звезд. — Посмотри на звезды. Все знают, что они красивы, но многие ли улавливают глубочайшие нюансы их красоты? Все эти бесчисленные небесные тела потрясают грандиозностью превращения из туманности в черную дыру, немыслимым ужасом взрывной силы. Но известно ли тебе, что эти колоссальные процессы можно описать всего лишь несколькими изящными

уравнениями? Математические модели, созданные на основе уравнений, способны почти идеально предсказать все, что делается со звездой. Эти математические модели на порядок, если не несколько, точнее тех, что описывают тоненькую атмосферу нашей собственной планеты.

Маршал Левченко кивнул.

— В это я охотно верю. Говорят, что человечество больше знает о том, что происходит на Луне, чем на дне земных океанов. Но, увы, всеобъемлющая красота природы, космоса все же не способна предотвратить войны. Вряд ли кто-нибудь понимал ее лучше, нежели Эйнштейн, но разве не он консультировал создание атомной бомбы?

— Эйнштейн мало чего достиг во второй половине жизни, прежде всего потому, что смешал науку с политикой. Я не хочу идти по тому же пути. Но, папа, когда потребуется, я выполню свой долг.

Миша оставался с отцом на учениях еще пять дней. Маршал не знал, когда его сын познакомился с Кариной; когда он впервые увидел их вместе, они уже общались как добрые знакомые и говорили о звездах, о которых, как выяснилось, Карина знала довольно много. Узнав, что совершенно «зеленая», не получившая даже полноценного военного образования молодая девушка носит майорские звезды за диссертацию, маршал немного расстроился, но в общем она произвела на него прекрасное первое впечатление.

Увидев Мишу и Карину вместе во второй раз, маршал Левченко уже ощутил, что между ними определенно возникла взаимная симпатия. Его удивила тема их разговора: радиоэлектронная война. Они стояли возле танка, а маршал сидел в «газике», что называется, за углом. Похоже, они были всерьез увлечены обсуждаемой темой и нисколько не беспокоились, что их рассматривали со всех сторон.

Маршал услышал слова Миши:

— …Твой отдел целиком и полностью уперся в программное обеспечение высокого уровня — сети связи и управления, вирусные программы, «цифровое поле боя» и тому подобное. А вы не думаете, что таким образом можете превратить стальной меч в безобидную жестянку? — Карина удивилась, и Миша продолжил: — Вы думали о фундаменте, на котором все это выстроено? О физическом уровне, лежащем в самом низу протокола, в котором, согласно модели взаимосвязи открытых систем, этих уровней семь? В гражданских сетях информации и связи могут использоваться и волоконная оптика, и стационарные лазеры, и тому подобное. Но в военной сети связи и управления

терминалы постоянно и быстро перемещаются, их расположение непредсказуемо, и поэтому связь с ними может поддерживаться только электромагнитными волнами. А ты ведь сама отлично знаешь, что электромагнитные волны перед помехами — все равно что свежий ледок под ногой…

Маршал был потрясен. Он не обсуждал эти вопросы с Мишей, его сыну никогда в голову не приходило сунуть нос в отцовские секретные документы, но сейчас Миша буквально слово в слово излагал те самые мысли, до которых он сам доходил годами!

Слова Миши произвели на Карину еще большее впечатление. Она даже скорректировала направление собственных исследований и создала устройство для постановки электромагнитных помех под кодовым названием «Наводнение». Прибор располагался на бронемашине и мог одновременно излучать сильные электромагнитные помехи в диапазоне от 3 килогерц до 30 гигагерц, заглушая все электромагнитные сигналы связи за пределами миллиметрового радиодиапазона.

Сразу после первого же испытания оружия на одной из сибирских баз на командование налетел целый рой протестующих чиновников. «Наводнение» прервало всю электромагнитную беспроводную связь в близлежащем городе: перестали работать сотовые телефоны, пейджеры, телевизоры и радиоприемники. Так при испытании ракетного двигателя в окрестных домах ударная волна вышибает стекла. Местные власти заявили о якобы астрономических убытках из-за остановки финансовых потоков и падения акций.

Эффект от действия «Наводнения» был схож с электромагнитной бомбой, в которой взрывом создается в одноразовой проволочной катушке мощный электромагнитный импульс. «Наводнение» распространяло близкие по силе импульсы непрерывно, поэтому управлять им можно было только дистанционно и его экипаж должен был носить защитное снаряжение от микроволнового излучения, если находился менее чем в двух километрах от установки.

По поводу нового электромагнитного оружия и в Главном управлении вооружений, и в командовании Радиотехнических войск начались ожесточенные дебаты. Многие считали, что у него нет практической ценности и что использовать его в ходе локального боестолкновения — все равно что применить ядерную бомбу в уличной драке, уничтожая и чужих, и своих. Но маршал добился-таки, чтобы «Наводнение» пустили в серию. Было изготовлено двести единиц нового оружия. Теперь Главное командование отводило ему центральное место в новой стратегии радиоэлектронной войны.

Левченко не на шутку удивился тому, что его сын увлекся девушкой-офицером. Сначала он предположил, что Мише просто безразлична профессия Карины. Но позднее Миша несколько раз приглашал Карину домой. В первый раз она надела красивое платье, но маршал случайно услышал, как Миша попросил ее в следующий раз надеть форму. Следовательно, первоначальная теория маршала была ошибочна. И вот теперь до него окончательно дошло, что Миша обратил внимание на Карину потому, что она была армейским офицером. Левченко-старший снова испытал то самое ощущение, что возникло у него в то утро на учениях. И простые майорские звездочки на погонах Карины теперь казались ему неожиданно красивыми.

6 января, Московский театр военных действий

Мощное электромагнитное волнение, быстро набиравшее силу над полем боя, превратилось наконец в неодолимый тайфун. После войны люди вспоминали: даже вдали от линии фронта, в горных селах, домашние животные вроде бы ни с того ни сего дергались и волновались; в городах с повсеместным затемнением вокруг подвесных проводов возникали искрящиеся ореолы, наведенные мощной электромагнитной индукцией.

* * *

Бронетанковый корпус из состава 12-й армии, переброшенной с Восточного фронта на Западный, находился на марше. Командующий, генерал-лейтенант, стоял возле «газика» на обочине дороги и с удовлетворением наблюдал, как его войска проносятся мимо, взметая тучи снежной пыли. Воздушная активность противника была гораздо ниже ожидаемой, и его войска передвигались и в светлое время суток.

Прямо над головой пронеслись три ракеты «Томагавк», заполнив окрестности басовитым ревом реактивных двигателей. Мгновение спустя вдалеке раздались три взрыва. Стоявший рядом с генерал-лейтенантом корреспондент, по привычке не вынимавший из уха наушник, от которого не было никакого толку, так как в нем не было слышно ничего, кроме скрежета статических помех, повернулся в сторону взрыва и вскрикнул от удивления. Генерал что-то буркнул насчет того, что нечего волноваться по пустякам, но тут и адъютант с должным почтением предложил ему взглянуть туда. Пребывавший в хорошем настроении генерал повернул голову и тоже чуть не ахнул вслух. Конечно, «Томагавки» не отличались идеальной меткостью, но чтобы все три взорвались в чистом поле да еще и в добром километре друг от друга… такое и впрямь случалось нечасто.

* * *

На высоте пять километров в пустом небе неслись два «Су-27». Только что они в составе полной эскадрильи

истребителей сошлись над морем в воздушной схватке с группой натовских «F-22» и в суматохе боя оторвались от остальных. В обычных условиях подразделение без труда собралось бы вместе, но сейчас радио не работало. Воздушное пространство, которое раньше казалось таким маленьким, просто тесным для скоростного истребителя, теперь представлялось бескрайним, как космос. Искать потерянных товарищей было все равно что иголку в стоге сена. Чтобы общаться по радио хоть между собой, ведущий и ведомый были вынуждены летать крыло к крылу, как в пилотажной группе.

— Неопознанный объект слева вверху, азимут 220, высота 30! — доложил ведомый. Ведущий посмотрел туда. Недавний снегопад омыл зимнее небо чистой голубизной, и видимость была превосходной. Два самолета устремились вверх, чтобы выяснить, кто им попался. Предполагаемая цель летела в том же направлении, что и они, но гораздо медленнее, и истребители быстро догнали ее.

Увиденное потрясло их, словно гром среди ясного неба.

Это оказался натовский самолет дальнего обнаружения «E-4A». Вообще-то увидеть его истребителю противника так же нереально, как и собственные уши без зеркала. «E-4A» способен держать под наблюдением территорию до миллиона квадратных километров и всего за пять минут осуществлять полное сканирование наблюдаемой площади. Он способен обнаруживать летающие цели за 2000 километров от обороняемой зоны, обеспечивая таким образом предупреждение за сорок с лишним минут. Он способен разделять до тысячи электромагнитных сигналов на расстоянии от тысячи до двух тысяч километров, обнаруживать и идентифицировать в ходе каждого сканирования две тысячи целей любой природы хоть на суше, хоть на море, хоть в воздухе. Самолет дальнего обнаружения не нуждается в эскорте из боевых машин, потому что своими всевидящими очами может заблаговременно разглядеть любую опасность и без труда ускользнуть от нее.

Поэтому ведущий, естественно, прежде всего подумал, что это ловушка. Но, как ни всматривались оба пилота в окружающий простор, они видели только холодное чистое небо. И ведущий решил рискнуть.

— «Шаровая молния», «шаровая молния». Атакую. Прикрывай азимут 317, но не уходи из поля зрения!

Как только ведомый отвернул в указанном направлении, откуда вероятнее всего можно было ожидать засады, ведущий дал форсаж и потянул ручку на себя. Оставляя за собой черный выхлоп, «Су-27» устремился к все еще находившемуся немного

выше АВАКСу[20], как атакующая кобра. Лишь теперь «E-4A» обнаружил близкую опасность и стал поворачивать на юго-восток в попытке уйти. Во время виража он обильно сыпал из хвоста магниевые тепловые гранулы, предназначенные для обмана ракет с тепловым наведением, оставляя за собой след из маленьких огненных шариков, как будто кусочки души самолета вырывались из смертной оболочки. АВАКС перед истребителем так же беспомощен, как велосипед, пытающийся обогнать мотоцикл. В этот момент ведущий решил, что приказ, который он отдал ведомому, был эгоистичным с его стороны. Можно было бы записать сбитую машину на обоих.

Поднявшись немного выше «E-4A», он некоторое время разглядывал его, вернее, любовался будущей добычей. Бледно-голубой радиолокационный купол на крыше «E-4A» был прекрасен в своих изгибах, очарователен, как рождественское украшение; широкое белое шасси походило на жирную жареную утку на блюде: соблазнительно, но настолько красиво, что трудно решиться прикоснуться к ней ножом и вилкой. Но инстинкт подсказывал летчику, что больше тянуть нельзя. Сначала он выпустил очередь из 20-мм пушки, разбив обтекатель, и посмотрел, как обрывки радиолокационной антенны AN/PY3 производства фирмы «Westinghouse» разлетелись по небу, подобно серебряному рождественскому конфетти. Затем отрубил пушкой крыло и, наконец, нанес смертельный удар двуствольной пушкой с частотой вращения 6000 оборотов в минуту, разрезав фюзеляж уже кувыркающегося и падающего «E-4A» надвое.

«Су-27» заложил нисходящий вираж, провожая стремительно падающие обломки. Пилот видел, как экипаж и какое-то оборудование вываливались из остатков фюзеляжа, словно шоколадные конфеты из коробки, как несколько парашютов расцветают на фоне неба, и вспомнил недавний бой, вспомнил, как его товарищ пытался спастись из сбитого самолета. Тогда «F-22» намеренно сделал три захода почти вплотную к парашюту и добился своего: под реактивной струей купол закрылся. Он видел, как его товарищ камнем падал вниз и исчез на белом фоне земли.

Он подавил в себе желание сделать то же самое и вернулся к ведомому. Затем они на предельной скорости покинули место боя.

Они все еще подозревали подвох.

* * *

6 января не только эти два самолета отстали от своих подразделений. Вооруженный ударный вертолет «Команч» из 1-й кавалерийской дивизии[21] армии США летел, не имея какой-либо цели в поле зрения, но его пилот, лейтенант Уокер, был совершенно спокоен. Ну, не так чтобы совершенно. Еще совсем недавно он летал на «Апачах» и еще не до конца приноровился к «Команчу» — как-никак это был другой тип ударного вертолета, предусматривающий еще и перевозку войск, поступивший на вооружение лишь в конце прошлого века. Его раздражало и отсутствие педалей, и гарнитура с бинокулярным дисплеем, установленным на шлеме, не такая удобная в использовании, как монокулярный прицел «Апача». Но сильнее всего его раздражало то, что непосредственно перед ним сидел носовой стрелок капитан Хейни.

— Ты должен раз и навсегда уяснить свое место, лейтенант, — сказал ему Хейни при их первой встрече. — Я — мозг, управляющий этим вертолетом. А ты всего лишь шестеренка в его моторе и будешь вести себя как шестеренка! — Уокеру это пришлось совсем не по нраву.

Он вспомнил встречу с почти столетним ветераном Второй мировой войны, отставным военно-морским летчиком, которого однажды привезли на их базу. Заглянув в кабину «Команча» старик только головой затряс. «Ну, детки… — сказал он. — Я когда-то летал на «Мустанге», так у него панель управления была проще, чем у современной микроволновой печи, и это была самая лучшая панель управления из всех, которыми мне довелось пользоваться!» Он вдруг хлопнул стоявшего рядом Уокера по заднице. «Наши поколения пилотов различаются тем, что мы были рыцарями неба, а вы — операторы компьютеров».

Уокер стремился стать рыцарем неба. И как раз сейчас ему выдался шанс. Русские сегодня ставили просто яростные помехи, из-за которых все электронные системы вертолета — система интеграции боевых задач, система анализа целей, вспомогательная система выявления и классификации целей, система отображения обстановки в реальном времени, система распределения ресурсов и все прочее — попросту отказались работать! Бесперебойно работали лишь два 1000-сильных двигателя T800. Обычно Хейни высматривал цели с помощью своих электронных игрушек, но сегодня капитан, обычно командующий без передышки, заткнулся вместе с ними.

И стоило ему об этом подумать, в наушниках внутренней связи раздался голос Хейни:

— Внимание, я вижу цель! Вроде бы слева и впереди, возможно, у того холмика. Там, похоже, броневик… вероятно,

вражеский. Ты… заход выбирай по обстановке.

Уокер чуть не рассмеялся вслух. Ну и сукин же сын! Еще вчера он сказал бы: «Я обнаружил цель на азимуте 133. Семнадцать танков 90-й серии, двадцать один 89-й серии с мотопехотным охранением движутся по азимуту 391 со средней скоростью 43,5 километра в час и средней дистанцией 31,4 метра. Выполняй оптимизированный план атаки AJ041, заходи с азимута 179 под вертикальным углом 37 градусов». А сегодня? «Вроде бы бронеавтомобиль… похоже… рядом с холмиком…» *Кому, черт возьми, ты все это говоришь? Я давным-давно все разглядел! Теперь, Хейни, предоставь дело мне, потому что ты бесполезен. Это моя битва, за неимением электронного акселерометра ускорение я буду определять собственной задницей и стану настоящим рыцарем! Этот «Команч» в моих руках будет сражаться, как его тезка из дикого индейского племени.*

«Команч» устремился к открытой цели и выпустил все шестьдесят две 27,5-дюймовые ракеты «Хорнет». Уокер проводил восхищенным взглядом рой пчел с огненными жалами, которые, радостно жужжа, устремились к цели и окутали врага морем огня. Но, сделав разворот, чтобы проверить результаты атаки, он понял: что-то не так. Солдаты на земле даже не пытались прятаться. Они стояли в снегу, яростно махали руками и, похоже, бранили его на чем свет стоит.

Уокер подлетел ближе и отчетливо разглядел опознавательные знаки уничтоженного броневика: три концентрических круга: синий в центре, белый посередине, красный снаружи. Настроение Уокера резко изменилось: ему вдруг показалось, что он попал в ад. Он тоже начал браниться.

— Сукин ты сын! Совсем ослеп, что ли?

Впрочем, ему хватило ума улететь, пока французы не опомнились и не начали стрелять по вертолету.

— Б… ты такая! Небось, думаешь, как бы свалить на меня вину в военном суде? Так вот, сухим из воды ты не выйдешь! Определение целей — твоя обязанность, верно?

— Может быть… может быть, нам еще удастся исправить ошибку, — промямлил Хейни (куда делся весь командирский голос?). — Вон, смотри, другая группа, прямо напротив…

— Да пошел ты… — огрызнулся Уолкер.

— Это уж точно враги! Смотри, они же ведут перестрелку с французами!

Этот аргумент убедил Уокера. Он направился к новой цели и увидел, что вражеские силы состояли в основном из пехоты, вроде бы даже без бронетехники. Это действительно подтверждало предположение Хейни. Уокер выпустил свои

последние четыре ракеты «Хеллфайр», потом установил двуствольную пушку Гатлинга на 1500 оборотов в минуту и открыл огонь. Он всем телом чувствовал, как через шасси передается приятная вибрация пулемета, и с удовольствием смотрел, как разрывы взметают снег, подкрашенный землей в цвет перца с солью, над цепочкой солдат противника. Но тут интуиция опытного боевого пилота предупредила его об опасности. Он обернулся и увидел, что слева от него, в кузове открытого джипа, стоит солдат и наводит на него ручную ракетную установку. Уокер в отчаянии хлопнул по кнопке выброса магниевых тепловых гранул и рванул машину назад, пытаясь ускользнуть, но было уже поздно. Ракета прочертила в воздухе короткий белый дымный след и попала в «Команч» прямо под носом.

Очнувшись от кратковременного забытья, вызванного взрывом, Уокер обнаружил, что вертолет рухнул в снег. Напрягая все силы, он выбрался из задымленной кабины и оперся на дерево, аккуратно срезанное винтом на уровне его пояса. Лишь тогда он оглянулся и увидел на искореженном переднем сиденье жуткое месиво, оставшееся от капитана Хейни. А посмотрев вперед, увидел, что к нему мчится группа солдат с автоматами. И черты их лиц были определенно славянскими.

Дрожа всем телом, Уолкер вытащил из кобуры пистолет и бросил на снег перед собой. Потом достал лежавший в другом кармане англо-русский словарик и принялся старательно выговаривать заранее заученные фразы:

— Мой положить оружие. Мой есть военнопленный. В Женевской конвенции…

Тут ему врезали прикладом по голове и тут же ногой в живот. Но, даже корчась на снегу, он хохотал. Пусть его изобьют до полусмерти, но живым точно оставят. Он успел разглядеть на форме солдат эмблемы польской армии.

7 января, Минск, полевой командный пункт сил НАТО

— Позовите сюда этого чертова врача! — взревел генерал Тони Бейкер.

Долговязый тощий военврач почти вбежал в комнату.

— Объясните, что происходит! — рявкнул Бейкер. — Вы уже дважды возились с моим протезом, а зубы все так же вибрируют!

— Я никогда не видел ничего подобного, сэр! Может быть, это зубной нерв? Не возражаете, если я сделаю вам анестезирующий укол?

— Дайте мне ваши протезы, сэр, — неожиданно вмешался стоявший поблизости штабной майор. — Я знаю, в чем там дело.

Бейкер вынул протез изо рта и положил на подставленную майором бумажную салфетку.

Во всех опубликованных биографиях генерала было написано, что он лишился двух передних зубов, когда его танк подбили иракцы во время Войны в Заливе[22]. Один только Бейкер знал, что это совсем не так. В Ираке он сломал нижнюю челюсть, а зубы ему выбили раньше.

Это произошло на авиабазе Кларк на Филиппинах во время извержения вулкана Пинатубо, когда в мире, казалось, не осталось ничего, кроме вулканического пепла. Пеплом было небо, пеплом была земля, воздух тоже был пеплом. Даже С-130 «Геркулес», на борт которого он и еще несколько человек — последние из военного персонала базы — собирались погрузиться, был покрыт толстым слоем белого пепла. А в серой дали то разгорался, то угасал тусклый красный свет магмы.

Но эта филиппинка, вольнонаемная из штаба базы, все-таки выследила его. Базу закрыли, сказала она, и у нее больше нет работы. Ее дом погребен под пеплом. Как они будут жить — она и ребенок у нее в животе? Она повисла на его руке и умоляла взять с собой в Америку. Он сказал, что это невозможно. Тогда она сняла туфлю на высоком каблуке и ударила его по лицу, выбив два зуба.

«Где ты сейчас, дитя мое? — задумался Бейкер, глядя в окно на заснеженный город. — Прозябаешь вместе с матерью в трущобах Манилы? А ведь твой отец воюет и за тебя тоже. Как только в России после войны придет к власти демократическое правительство, авангард НАТО окажется у границ Китая, а Субик-бей и Кларк снова станут тихоокеанскими военно-морскими и военно-воздушными базами Америки и будут жить еще лучше,

чем в прошлом веке. Для тебя найдется там работа! А если ты девочка, то, может быть, подцепишь там себе американского офицера, как это сделала твоя мать. (Как же ее звали? Ах, да, точно — Элен… У нее было какое-то другое имя, на местном языке, но Бейкер всегда называл ее Элен.) Но самое главное, что под давлением НАТО китайцы могут просто отдать вам, ребята, то, о чем вы так давно мечтаете: прекрасные острова Спратли в Южно-Китайском море. Я видел их с воздуха: белоснежные кораллы, окружающие коричневый песок, как глаза в синем море. Дитя, это глаза твоего отца…»

Тут вернулся майор. Генерал отвлекся от праздных размышлений, взял вставные зубы с той же салфетки, сунул их в рот, несколько секунд прислушивался к своим ощущениям, а потом изумленно взглянул на майора:

— Как вам это удалось?

— Сэр, протезы вибрировали из-за электромагнитного резонанса.

Бейкер недоуменно уставился на офицера.

— Сэр, это чистая правда. Вам, конечно, доводилось и прежде попадать под сильное электромагнитное излучение, например около радаров, но эти колебания не совпадали с собственной резонансной частотой ваших протезов. А теперь, когда пространство заполнено мощными электромагнитными волнами всех частот, нашлась подходящая и для ваших зубов. Я там кое-что переделал, чтобы собственная частота стала намного выше. Вибрировать они все равно будут, но вы этого больше не почувствуете.

Майор ушел, а взгляд генерала Бейкера упал на старинные часы, стоящие рядом с экраном, на который выводилась цифровая карта боевых действий. Часы представляли собой фигуру Ганнибала верхом на слоне, а на постаменте была выгравирована надпись «Всегда победоносный». Раньше часы находились в Голубой комнате Белого дома, но, когда президент заметил, что взгляд генерала снова и снова устремляется в их сторону, он лично поднял часы с места, где они стояли сто с лишним лет, и подарил ему со словами: «Боже, спаси Америку, генерал. Теперь вы — Бог для всех нас».

Бейкер долго размышлял, а потом медленно проговорил:

— Передайте всем частям, что наступление приостанавливается. Все пригодные для этого воздушные силы пустите на поиск и уничтожение источников помех, которые ставят русские.

8 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации

— Противник остановил наступление, но вы все равно недовольны, — обратился маршал Левченко к командующему Западным военным округом, только что вернувшемуся с фронта.

— А чему тут радоваться? НАТО бросило всю свою авиацию на уничтожение наших постановщиков помех. И, знаете ли, не без успеха.

— Ну, а на что же вы рассчитывали? — спокойно спросил маршал. — Наши действия застали врага врасплох, но он, естественно, отыскал путь противодействия. Постановщиков помех, испускающих сильное электромагнитное излучение во всех частотах, не так уж трудно отыскать и уничтожить. Но, к счастью, нам удалось заставить врагов на некоторое — и довольно продолжительное — время практически прекратить боевую активность.

— И все же дела могут сложиться хуже, чем мы предполагали, — возразил командующий округом. — Не исключено, что прибывающая с Кавказа армия не успеет развернуться до того, как мы утратим инициативу в электронном сражении.

После ухода командующего округом маршал повернулся к цифровой карте прифронтовой местности и подумал о Карине, которая прямо сейчас могла находиться под массированным огнем противника, а от нее его мысли перешли к Мише.

Однажды Миша вернулся из института с лицом, изрядно разукрашенным синяками и ссадинами. Впрочем, отец уже знал, что его сын оказался единственным пацифистом и однокашники поколотили его.

— Я всего лишь сказал, что война — это не шутка и не следует рассуждать о ней так легко, — объяснил Миша отцу. — Но неужели действительно невозможно достичь мира с Западом на разумных условиях?

Маршал ответил на это таким резким тоном, каким никогда еще не говорил с сыном:

— Ты не можешь не понимать, что как сын своего отца ты волей-неволей находишься на особом положении. Если угодно, молчи, когда затрагивается эта тема, но впредь не говори вслух ничего подобного.

Миша кивнул.

После небольшой паузы Левченко сказал:

— На выборах победила Российская коммунистическая партия.

Миша посмотрел на отца и сказал без всякого выражения:

— Давай ужинать.

Вскоре Запад объявил новое правительство России нелегитимным. Туполев собрал альянс крайне правых сил и развязал гражданскую войну. Маршал ничего не рассказывал об этом Мише. Каждый вечер отец с сыном, как обычно, ужинали вместе и по большей части молчали. Затем в один прекрасный день Миша получил предписание, упаковал то немногое, что хотел взять с собой, и покинул дом. Через два дня «челнок» доставил его на «Вечный буран», находившийся на околоземной орбите.

А еще через неделю разразилась полномасштабная война. Беспрецедентно мощные вражеские силы вторглись в Россию с неожиданного направления, намереваясь разорвать огромную страну на части.

9 января, околосолнечная орбита, «Вечный буран» проходит мимо Меркурия

Из-за высокой скорости «Вечный буран» не смог выйти на орбиту вокруг Меркурия, а только пронесся мимо обращенной к Солнцу стороны. Это был первый случай, когда человечество наблюдало поверхность Меркурия с близкого расстояния невооруженным глазом.

Миша видел скальные обрывы в два километра высотой, змеящиеся на сотни километров над равнинами, изрытыми огромными кратерами. Он видел Равнину жары, впадину диаметром 1300 километров, которую планетологи ничтоже сумняшеся назвали «Странной местностью». Странность как таковая проявляется не столько здесь, сколько в пятне такого же размера на диаметрально противоположной стороне Меркурия. Ученые предположили, что в Меркурий ударил огромный метеорит и мощные ударные волны, пройдя сквозь планету по прямой, создали практически одинаковые ландшафты в обоих полушариях. Но Миша наблюдал и нечто такое, что до него не видел еще никто. В частности, оказалось, что поверхность Меркурия покрыта блестящими крапинками. Когда же он увеличил изображение на экране, у него перехватило дух.

Это были озера ртути, каждое площадью с тысячу квадратных километров.

Он представил себе, как в долгий меркурианский день стоит на берегу озера при жаре 1800 градусов по Цельсию… О, какое это было бы зрелище! Никакой ветер не способен поколебать поверхность ртутного озера. А на Меркурии практически нет атмосферы и, следовательно, не может быть бурь. И поэтому зеркальные равнины с идеальной точностью отражали бы одновременно и солнечный диск, и Млечный Путь.

Миновав орбиту Меркурия, «Вечный буран» должен был и дальше двигаться в сторону Солнца до тех пор, пока будет выдерживать активная система охлаждения, работающая от отдельного термоядерного реактора. Солнечное пекло стало бы самой надежной защитой для корабля — ни один натовский аппарат не мог бы существовать в таких условиях.

Любуясь бесконечным космосом и думая о войне, терзающей его родную планету, находившуюся в сотне миллионов километров, Миша вновь и вновь вздыхал, сетуя на неразумность человечества.

10 января, Смоленский фронт

Глядя на неторопливо приближавшуюся цепь пехотинцев, Карина отчетливо понимала, почему враг, расправившись с другими излучателями, не разгромил издали ее позицию вместе с пунктом управления. Он хотел захватить аппаратуру в целости и сохранности.

Вертолетная эскадрилья из трех «Команчей» и четырех «Блэкхоков» легко отыскала ее укрытие. Из-за того что «Наводнение» генерировало мощнейшие электромагнитные импульсы, управлять излучателем можно было лишь дистанционно, по оптоволоконному кабелю. Натовские пилоты проследили этот кабель вплоть до пункта управления Карины — единственного на этом участке заброшенного склада.

«Блэкхоки», доставившие более сорока пехотинцев, приземлились в паре сотен метров от здания. Вместе с Кариной были капитан и старший сержант. Сержант, услышав рев моторов, высунулся за дверь, и в тот же миг снайпер с одного из вертолетов снес ему полчерепа. После этого враги стреляли довольно вяло, явно опасаясь повредить драгоценные приборы. Только поэтому Карина и капитан еще некоторое время сопротивлялись.

А теперь автомат капитана, короткие очереди которого хоть немного ободряли ее душу, умолк. Взглянув налево, она увидела, что капитан уткнулся лицом в снег возле пня, за которым некоторое время укрывался, и вокруг головы уже растекается алый ореол.

Карина находилась перед складом, за наскоро сооруженным прикрытием из нескольких сложенных мешков с песком. Под ногами у нее лежали восемь автоматных рожков, под раскаленным стволом автомата шипел снег, густо запорошивший импровизированный бруствер. Каждый раз, когда Карина открывала огонь, враги, находившиеся перед нею, умело залегали, пули взметали снег перед ними, а второе крыло изогнувшейся полукругом цепи сразу же подскакивало чуть ближе. Но вот у Карины осталось всего три рожка. Она начала стрелять одиночными, но ее наивная хитрость только дала понять врагам, что у нее заканчиваются боеприпасы. У них прибавилось наглости. Когда Карина в следующий раз перезаряжала оружие, что-то звучно чиркнуло по мешку и сильно ударило ее в правый бок. Боли не было, только быстро распространяющееся онемение и ощущение жара от крови, стекающей по телу. Она терпела, яростно расстреливая остатками патронов. Когда же она

потянулась за последним рожком, пуля пробила ей предплечье. Рожок упал на землю. Кисть руки повисла на уцелевшей полоске кожи. Карина покинула свою огневую точку и поспешила к двери склада, оставляя за собой тонкий кровавый след на снегу. Когда она открывала дверь, еще одна пуля пронзила ее левое плечо.

* * *

Капитан Ретт Дональдсон из флотского спецназа «Морские котики» осторожно приближался к двери ветхого складского здания. Двое морских пехотинцев следовали за ним. Переступив через труп русского сержанта, капитан пинком распахнул дверь и ворвался внутрь. В помещении оказалась лишь молодая женщина-офицер.

Она сидела рядом с целью их рейда — оборудованием дистанционного управления системой «Наводнение». Сломанная рука девушки беспомощно висела, с нее капала кровь, собравшаяся уже в лужицу у нее под ногами. Здоровой рукой девушка поправляла прическу, глядя на свое отражение на выключенном экране дисплея. Как ни странно, она встретила незваных американских гостей, наставивших на нее сразу несколько стволов, улыбкой, как бы приветствуя их.

Дональдсон выдохнул с облегчением, но спокойно вдохнуть у него не получилось — девушка, на погонах полевой формы которой он рассмотрел по одной звездочке средних размеров, отняла руку от волос, взяла какой-то темный яйцевидный предмет, лежавший рядом с клавиатурой, и выразительно покачала им перед собой. Дональдсон с одного взгляда узнал боеприпас объемного взрыва; такие маленькие гранаты делали для того, чтобы бросать их вручную с вертолетов. Взрыв ее осуществлялся сложно, в два приема: первый взрыв, происходивший в полуметре от земли по сигналу лазерного дальномера, выбрасывал облако взрывчатого газа, а затем срабатывал детонатор, вызывавший объемный взрыв. И капитан никак не мог выбраться из радиуса этого взрыва, даже будь он стрелой в полете.

Поэтому он взялся за увещевания и сказал, выставив вперед согнутую в локте руку раскрытой ладонью вверх — традиционный жест демонстрации миролюбия:

— Не волнуйтесь, мэм майор. Не стоит принимать поспешных решений, руководствуясь эмоциями. — Он махнул рукой подчиненным, и те опустили стволы автоматов в пол. — Поверьте, ваши ранения не так опасны, как вам кажется. Вы

получите наилучшую медицинскую помощь. Вас будут лечить в лучших госпиталях Германии, а потом вы вернетесь домой при первом же обмене пленными.

Майор снова улыбнулась, и это придало Дональдсону уверенности.

— Право, такое *варварство* вовсе ни к чему. Ведь у нас цивилизованная война. Еще двадцать дней назад, когда мы перешли русскую границу, я твердо знал, что все будет работать гладко, как хорошие часики. За это время мы практически уничтожили ваши огневые силы. А немногочисленные очаги такого вот сопротивления — не более чем салют в честь этого славного похода. Как хорошие часики, верно? Так что вовсе ни к чему…

— Я могу напомнить вам о еще более гладком начале войны, — перебила его майор на безупречном английском языке. Ее обворожительным голосом могли бы говорить небеса, он мог бы заставить пламя погаснуть, а железо — расплавиться. — Это происходило на прекрасном пляже, где росли пальмы, между которыми были растянуты приветственные плакаты. Красивые девушки с распущенными, длинными, до пояса, волосами, в шуршащих на ходу шелковых брюках ходили среди молодых солдат и украшали их венками и гирляндами красно-розовых цветов и застенчиво улыбались изумленным мальчикам… Вы знаете, что это была за высадка?

Дональдсон растерянно мотнул головой.

— Восьмое марта 1965 года, девять утра. Американские морские пехотинцы высадились на Китайский пляж в Дананге. Так началась ваша Вьетнамская война.

Дональдсон почувствовал себя так, будто его голышом окунули в снег. Наигранного спокойствия как не бывало; его дыхание участилось, а голос задрожал.

— Нет, майор, вы несправедливы. Мы почти никого не убиваем, убивают в основном они. — Он указал в окно на висевшие низко над заснеженной землей вертолеты. — Этим занимаются пилоты, а еще больше — джентльмены с космических баз, которые на своих компьютерах управляют ракетами. Но все они тоже хорошие люди. Ведь их цели — просто красивые маленькие цветные значки на экране. Нужно нажать кнопку или щелкнуть мышью, немного подождать — и значок исчезнет. Все они — цивилизованные люди. Уверяю вас, они не злые, им не *нравится* причинять другим людям боль или делать с ними еще что-нибудь нехорошее… Вы меня слушаете?

Майор кивнула и еще раз улыбнулась. И кто там говорил, что боги смерти должны быть уродливыми и страшными?

— У меня есть девушка. Она пишет диссертацию доктора философии в Мэрилендском университете. Она такая же красивая, как вы, правда, участвует в антивоенном движении… — *Зря я не послушал ее*, — вдруг подумал Дональдсон. — Вы меня слушаете? Скажите что-нибудь, прошу вас.

Майор в последний раз одарила врага своей обворожительной улыбкой.

— Капитан, я выполняю свой долг.

* * *

В подразделении из резерва российской 104-й мотострелковой дивизии никто не знал, что они находились в полукилометре от пункта управления излучателем «Наводнение». Сначала там услышали негромкий взрыв и увидели, как маленький домик-склад, одиноко торчавший посреди обширных пустых полей, окутался облаком белого тумана. И сразу же земля сотряслась от в сто раз более сильного грохота. На месте домика возник огромный огненный шар, пламя, окутанное черным дымом, поднялось высоко, превратившись в огромное грибовидное облако, похожее на цветок жизненной силы, распускающийся на просторах между небом и землей.

11 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации

— Я и сам знаю, чего вы хотите. Так что не тратьте слов понапрасну, говорите прямо, — сказал маршал Левченко командующему Кавказской армией.

— Я хочу, чтобы электромагнитное подавление, которое вели последние двое суток, продлили еще на четыре дня.

— Вам наверняка известно, что семьдесят процентов наших радиоподавляющих устройств уничтожено вместе с личным составом. Я не могу гарантировать вам даже четырех часов!

— В этом случае наша армия не сможет вовремя прибыть на позиции. Авиаудары НАТО страшно мешают маневрировать большими силами.

— Боюсь, если так, то единственный выход — застрелиться. Враги прут на Москву. Они уже на тех же рубежах, которых семьдесят лет назад достиг Гудериан.

— Москва выстоит, — чуть слышно сказал командующий Кавказской армией, выходя от маршала.

12 января, Московский оборонительный рубеж

Командир Таманской дивизии генерал-майор Фелитов точно знал, что его линия обороны выдержит не более одной атаки.

Интенсивность вражеских авиаударов и дальнобойных обстрелов постепенно возрастала, а российское воздушное прикрытие неуклонно уменьшалось. У дивизии осталось мало танков и боевых вертолетов; последняя битва будет вестись в основном по старинке — на силе мышц и духа.

Волоча загипсованную ногу, перебитую осколком, опираясь, как на костыль, на карабин Симонова, взятый у штабного солдата, генерал-майор вышел из блиндажа. Как он и ожидал, новые траншеи оказались неглубокими, что было естественно, поскольку в строю почти не осталось солдат, не имеющих хотя бы легких ранений. Но, к его удивлению, перед окопами стояли аккуратные брустверы высотой около полуметра.

Из чего же можно было так быстро сложить брустверы? Тут генерал увидел, что из заснеженной кучи торчит что-то, похожее на ветку. Подковыляв поближе, он понял, что это побелевшая, окоченелая человеческая рука.

Увиденное привело его в бешенство. Обернувшись, он схватил сопровождавшего его полковника за грудки.

— Ах ты, сукин сын! Тебя кто надоумил строить укрепления из убитых солдат?

— Я, — невозмутимо сказал шедший третьим начальник штаба дивизии. — И не надоумил, а прямо приказал. Мы пришли на новые позиции уже затемно, а тут, на пахотных полях, строить вовсе не из чего.

Несколько секунд они стояли, молча глядя друг на друга. Лицо начальника штаба было исчерчено неровными ручейками замерзшей крови, сочившейся из-под повязки на лбу.

Впрочем, пауза длилась недолго. Кивнув полковнику, командиры медленно пошли по траншее с бруствером, сложенным из жизни, юности, надежд. Генерал, все так же опираясь левой рукой на карабин, правой поправил шапку и отдал честь ужасному брустверу. Командир дивизии в последний раз проводил смотр своим павшим бойцам.

Они прошли мимо еще живого солдата с оторванными ступнями. Кровь из кое-как перевязанных обрубков перемешалась со снегом и землей в красновато-черную грязь, которая уже успела превратиться в лед ужасного вида. Раненый полусидел,

держа в руке противотанковую гранату.

— Вот «Абрамс» подъедет, а я ему, товарищи генералы, гранату в гусеницу и суну, — сказал он с ухмылкой на бледном, как окружающий снег, лице.

Холодный ветер нес мелкую поземку и завывал, будто исполнял древнейшую на свете боевую песнь.

— Если я погибну раньше, подложи и меня в эту стену, — сказал командир дивизии. (Они с начальником штаба давно уже были на ты, общаясь наедине.) — И впрямь лучшего места для упокоения не найти.

— Ничего, уложат, если и не совсем рядом, то неподалеку, — отозвался начштаба, прославившийся нерушимым спокойствием.

12 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации

Посыльный доложил маршалу Левченко, что его хочет видеть генеральный директор Российского космического агентства — дело срочное, связанное с Мишей и электронной битвой.

Маршал вздрогнул, услышав имя своего сына. Он уже слышал, что Карина погибла в бою, и не мог представить себе, что еще, кроме погибшей девушки, может связывать Мишу с электронной битвой, происходившей за сто с лишним миллионов километров от него. В общем, Мишу сейчас Земля не должна была интересовать ни в малейшей степени.

Генеральный директор вошел в сопровождении нескольких своих подчиненных и без предисловий передал Левченко трехдюймовый лазерный диск.

— Маршал, это ответ, который мы получили от «Вечного бурана» час назад. Позже космонавт добавил, что это не личное сообщение и что он надеется, что вы сообщите его содержание всем, кого оно может касаться.

Голос, доносившийся с неимоверного расстояния, из самого центра Солнечной системы, слышали все, кто находился в оперативном отделе.

«Из долетающих до меня сообщений о ходе войны я узнал, что, если электромагнитное подавление не удастся продержать еще три-четыре дня, мы можем проиграть войну. Папа, если это правда, я могу дать тебе это время.

Ты всегда думал, что звезды, которые я изучаю, не имеют ничего общего с устройством реального мира, и я тоже так раньше думал. Но, похоже, мы оба ошибались.

Может быть, помнишь, как я говорил тебе, что звезда, хоть и генерирует огромную энергию, по сути своей, относительно простая и элегантная система. Возьмем, к примеру, наше Солнце. Оно состоит всего из двух простейших элементов: водорода и гелия; его поведение определяется балансом всего лишь двух механизмов: ядерного деления и гравитации. В результате его активность легче смоделировать математически, чем природные процессы на нашей Земле. Накопленные к настоящему времени данные наблюдений Солнца позволили построить чрезвычайно точную математическую модель, к которой я тоже приложил руку. Используя эту модель, мы можем точно предсказать процессы на Солнце, и это позволяет нам создать просто крошечное возмущение, которое, тем не менее, быстро и серьезно

нарушит равновесное состояние внутри Солнца. Технически это сделать очень легко: массой «Вечного бурана» нанести точный удар по поверхности Солнца.

Вероятно, ты скажешь, что это глупость, что это все равно что кинуть камешек в море. Нет, папа, такое сравнение в корне ошибочно. То, о чем говорю я, больше похоже на песчинку, попавшую в глаз.

Математическое моделирование говорит, что Солнце пребывает в чрезвычайно тонко настроенном и не очень стабильном состоянии энергетического равновесия. При правильной адресации небольшое возмущение вызовет цепную реакцию, которая, распространяясь от поверхности на значительное расстояние в глубину звезды, нарушит локальное равновесие. Есть зафиксированные прецеденты, последний из которых произошел в начале августа 1972 года. Тогда мощное, но сильно локализованное возмущение породило грандиозный электромагнитный импульс, который сильно повлиял на Землю. Компасы на самолетах и судах не знали, куда показывать, междугородная беспроводная связь полностью вышла из строя, вместо обычных сияний в высоких широтах в небе развевались ослепительные красные полотнища, в деревнях на коньках крыш, трубах и столбах мерцали электрические ореолы, как в центре грозы. И все это продолжалось более недели. Общепринятая в настоящее время теория утверждает, что причиной этого стало падение на поверхность Солнца небесного тела, даже меньшего по массе, чем «Вечный буран».

Такие явления, безусловно, происходили много раз, но большинство из них случилось еще до того, как человечество изобрело беспроводную связь, и поэтому они остались незамеченными. Кроме того, поскольку их причины были чисто случайными, нарушения равновесия не были оптимальными по силе и площади.

Но место удара «Вечного бурана» будет тщательно рассчитано, и поэтому созданные им возмущения окажутся сразу на несколько порядков больше, чем в упомянутом мною природном примере. Солнце выбросит в космос мощное электромагнитное излучение на всех частотах, от самой высокой до самой низкой. Кроме того, мощное рентгеновское излучение, генерируемое солнцем, сильно воздействует на ионосферу Земли и заблокирует коротковолновую радиосвязь, целиком и полностью зависящую от этого слоя.

Во время помех беспроводная связь за пределами миллиметрового радиодиапазона по большей части выйдет из строя. Эффект будет несколько ослабевать ночью, но в светлое

время суток он даже превзойдет те помехи, которые вы ставили в предыдущие двое суток. По расчетам, возмущения продлятся неделю.

Папа, мы с тобой не раз говорили, что живем в разных, далеких один от другого мирах. Потому мы с тобой всегда общались меньше, чем хотелось бы. Но теперь наши миры слились воедино. Мы боремся за одну и ту же цель, которой я горжусь. Папа, как и все твои солдаты, я жду твоего приказа».

— Доктор Левченко сказал все верно, только кое-что не упомянул, — добавил генеральный директор. — В прошлом году мы послали зонд, который произвел мелкомасштабное столкновение с Солнцем в соответствии с расчетами, основанными на математической модели. Эксперимент подтвердил предсказания модели возмущения. Доктор Левченко и его исследовательская группа даже выдвинули гипотезу, что этот метод можно будет когда-нибудь использовать для изменения климата Земли в будущем.

Маршал Левченко вышел в соседнюю комнату и снял трубку с красного телефонного аппарата прямой связи с президентом. После непродолжительного разговора он вернулся в оперативный отдел.

В исторических трудах встречаются незначительные различия в описаниях этого момента. Кто-то утверждает, что маршал заговорил сразу, другие — что он с минуту стоял молча. Но текст произнесенной фразы все передают одинаково:

— Скажите Мише — пусть действует по своему плану.

12 января, околосолнечная орбита, борт «Вечного бурана»

Как только Миша внес последние коррективы в траекторию и ориентацию «Вечного бурана», все десять двигателей деления атомных ядер включились и из всех сопел вырвались струи плазмы длиной в сотни километров.

Перед «Вечным бураном» вздымался от поверхности Солнца огромный и красивый солнечный протуберанец — поток перегретого водорода. Составлявшие его потоки извивались, как длинные ленты невесомой материи под струей вентилятора, и плыли высоко над огненным морем Солнца, непрерывно перемещаясь и меняясь, как сказочный пейзаж. Нижние концы этих лент были прикреплены к поверхности Солнца и образовывали гигантские врата.

«Вечный буран» медленно и величественно прошел через триумфальную арку высотой 400 000 километров. Впереди появилось еще несколько протуберанцев, каждый из которых был одним концом прикреплен к Солнцу, а другим уходил в глубины космоса. «Вечный буран», мигая голубыми огнями двигателя, пронесся сквозь них, как светлячок между горящими деревьями. Затем синие огни медленно потускнели. Двигатели остановились. Траектория «Вечного бурана» была тщательно рассчитана; дальше ему предстояло двигаться в строгом соответствии с законом всемирного тяготения.

Когда космический корабль вошел в корону — самый внешний слой атмосферы Солнца, ее сияние сразу же окрасило черный фон космоса в пурпур. Внизу была хорошо видна хромосфера Солнца, мерцающая бесчисленными иглообразными структурами; их обнаружили еще в XIX веке, и они представляли собой струи раскаленного газа, исходящие с поверхности звезды. Из-за них атмосфера Солнца походила на пылающий луг, где каждый стебель травы был высотой в тысячи километров. Под пылающей равниной лежала солнечная фотосфера — море бесконечного огня.

На последних кадрах, переданных с «Вечного бурана», люди видели, как Миша поднялся на ноги перед экраном гигантского монитора. Он нажал кнопку, чтобы откинуть крышку, защищавшую снаружи прозрачный купол, и перед ним развернулось великолепное море огня. Он хотел воочию увидеть мир своих детских грез. Открывшийся вид искажался и рябил; это плавилось изоляционное стекло полуметровой толщины. Вскоре

стеклянный барьер превратился в слой прозрачной жидкости. Будто человек, никогда не видевший моря и с восторгом встречающий океанский ветер, Миша раскинул руки, чтобы приветствовать раскаленный до 6000 градусов ураган, который с ревом ворвался на мостик корабля. На самых последних секундах трансляции, перед тем как камера и передающее оборудование расплавились, можно было разглядеть, как тело Миши загорелось, тонкий факел растворился в море солнечного огня…

О том, что происходило дальше, можно было только строить предположения — но практически безошибочные, основанные на строгих научных данных. Расправленные панели солнечных батарей «Вечного бурана» и выступающие детали корпуса должны были расплавиться первыми и, повинуясь поверхностному натяжению, превратиться в серебристые шарики жидкости на поверхности космического корабля. Когда «Вечный буран» пересек границу между короной и хромосферой, начал таять уже корпус и в хромосфере, на глубине 2000 километров, полностью расплавился. Шарики жидкого металла собрались в огромную серебристую каплю, безошибочно ныряющую к цели, которую заблаговременно рассчитали расплавившиеся к тому времени компьютеры. А далее, повинуясь свойствам солнечной атмосферы, у капли вырастет и протянется на сотни метров огненный хвост, цвет которого будет меняться от бледно-голубого в начале до желтого и великолепного оранжевого в конце.

И вскоре этот прекрасный феникс безвозвратно канет в огненный океан.

13 января, планета Земля

Мир человечества вновь сделался таким, каким был до Маркони.

Едва стемнело, в небе заплясали великолепные сияния, которыми можно было любоваться даже в экваториальных широтах.

Глядя на телевизионные экраны, заполненные белым шумом, большинство жителей Земли могло лишь догадываться о том, как складывается положение на той огромной территории, где бушевала война.

13 января, Московский театр военных действий

Генерал Бейкер оттолкнул командира 82-й парашютно-десантной дивизии и еще парочку офицеров, пытавшихся затащить его в вертолет, и поднял бинокль, чтобы продолжить наблюдение за горизонтом, где впереди грохотал русский фронт.

— Дистанция 4000 метров! Боеприпас № 9, замедленного действия! Огонь!

По грохоту артиллерии за спиной Бейкер мог точно сказать, что из всей артиллерии в строю остались только 105-мм реактивные гранатометы, да и тех не более трети.

Час назад немецкий танковый батальон — последнее из уцелевших подразделений бронетехники — предпринял поразительно дерзкую попытку контратаки. Поначалу результаты казались обнадеживающими: на расстоянии восьми километров натовские танки успешно били по русским и немало уничтожили — примерно вполовину своей численности. Но превосходство противника было подавляющим, и немецкие танки просто исчезли под ревущим стальным потоком русской армии, как роса под полуденным солнцем.

— Дистанция 3500 метров! Огонь!

Малокалиберные ракеты зашипели на лету, и перед цепью русских танков взметнулся барьер из земли и огня. Но это было все равно что оползень с речного берега перед разливом половодья: земля — очень недолговечное препятствие перед неумолимыми водами.

Как только поставленная разрывами эфемерная завеса рассеялась, из густого дыма снова появилась русская техника. Бейкер разглядел, что она идет плотно, будто на параде. Еще несколько дней назад атака в таком строю была бы самоубийством, но теперь, когда почти вся авиация, дальнобойная артиллерия и управляемые ракеты НАТО были просто неспособны действовать, эта тактика стала вполне рациональной. Максимальная концентрация бронетехники, безусловно, обеспечивала прорыв оборонительных порядков противника.

Бейкер предполагал, что эти самые порядки устроены весьма хаотично. В условиях полного паралича электромагнитной аппаратуры было практически невозможно быстро и точно определить направление главного вражеского удара. Он также ничего не знал о действиях обороняющихся подразделений. В

отсутствие беспроводной связи скоординировать их боевую работу было бы чрезвычайно сложно.

— Дистанция 3000 метров! Огонь!

— Генерал, вы искали меня?

В траншее появился французский командующий генерал-лейтенант Руссель. Его сопровождали только французский подполковник и пилот вертолета. Как ни странно, одет он был не в камуфляж, а в парадную форму не только с ярко сверкающими генеральскими звездами, но и с несколькими рядами начищенных медалей на груди. Поэтому и стальная каска на голове, и автомат на ремне за плечом казались неуместными.

— Мне сообщили, что Французский легион покинул укрепления на нашем левом крыле и отступил.

— Так точно, мой генерал.

— Генерал Руссель, за нашими спинами ведет отступление семисоттысячная группировка НАТО. Успех их прорыва из вражеского окружения зависит от стойкости нашей обороны!

— Зависит от стойкости *вашей* обороны.

— Потрудитесь объяснить вашу реплику.

— Вам самому придется много что объяснить! Вы скрывали от нас реальное стратегическое положение. Вам с самого начала было известно, что русские правые, считавшиеся нашими союзниками, ищут возможности для сепаратных переговоров о прекращении огня на Восточном фронте Москвы!

— Как главнокомандующий силами НАТО я имел на это право. Генерал, я полагаю, вы также четко осознаете возложенную на вас и ваши войска обязанность следовать отданным приказам.

Молчание.

— Дистанция 2500 метров! Огонь!

— Я выполняю приказы только президента Французской республики.

— Я не верю, что вы могли в последние дни получить приказ на этот счет.

— Я получил его полгода назад, во время приема в честь Национального дня[23] в Елисейском дворце. Президент лично дал мне указания о том, как должны действовать французские армейские части, если обстоятельства сложатся так, как сегодня.

Бейкер в конце концов вышел из себя.

— Ублюдки! Вы, ничуть не изменились со времен Де Голля![24]

— Ну-ну, не стоит так волноваться. Если вы решите принять бой, я останусь с вами, отпустив своих подчиненных. Мы будем сражаться и с честью примем смерть на этой заснеженной равнине. Ведь именно здесь полегла и армия Наполеона. Так что

нам нечего будет стыдиться, — сказал Руссель и похлопал по сложенному прикладу автомата «FAMAS» (естественно, французского производства).

Молчание.

— Дистанция 2000 метров, огонь!

Бейкер медленно повернулся к стоявшим рядом с ним строевым командирам.

— Передайте мои слова американским солдатам, защищающим эти рубежи: когда появилась наша армия, мы воевали, не полагаясь на компьютеры. Наша армия состояла из фермеров. Когда-то мы сражались на Окинаве с японцами в джунглях, прорывая траншею за траншеей. В Кхешани мы лопатами отбивали гранаты, которые бросали в нас северовьетнамские солдаты. Еще раньше, одной холодной зимней ночью, наш великий Вашингтон лично повел своих босоногих солдат через ледяной Делавэр, чтобы творить историю…

— Дистанция 1500 метров, огонь!

— Приказываю уничтожить документы и материальные запасы…

— Дистанция 1200 метров, огонь!

Генерал Бейкер надел каску, поправил бронежилет и расстегнул кобуру с пистолетом. Гранатометы молчали — прислуга закладывала боеприпасы в стволы. Затем прогремели разрывы.

— Солдаты! — крикнул Бейкер, глядя на русские танки, развернувшиеся перед ним во всю ширь кругозора, словно завеса, за которой скрывается сама смерть. — Штыки примкнуть!

Солнце то исчезало, то вновь проглядывало сквозь густой дым над полем боя, и на заснеженную равнину, где бушевала ожесточенная битва, ложились прихотливые узоры света и тени.

Море сновидений

Первая публикация как 梦之海 в «Science Fiction World», Чэнду, 2002 г.

Первая половина

Низкотемпературный художник

Низкотемпературного художника привлек сюда Фестиваль искусств льда и снега. Пусть идея была абсурдной, но с тех пор как океаны высохли, Янь Дун постоянно думал об этом. И, сколько бы лет ни прошло, эпизод появления низкотемпературного художника с неизменной ясностью воспроизводился в памяти.

В тот момент Янь Дун стоял перед своей собственной только что законченной ледяной скульптурой. Его окружали искусно вырезанные ледяные скульптуры других мастеров. Вдалеке над снежным полем возвышались сверкающие в лучах зимнего солнца полупрозрачные небоскребы и замки. Эти произведения искусства были весьма недолговечными. Скоро этот сверкающий мир превратится в пруд чистой воды, тревожимой весенним ветерком. Всегда грустно было смотреть, как они тают, но этот процесс заключал в себе много невыразимых тайн. Возможно, это и было настоящей причиной глубокой преданности Янь Дуна снежному и ледяному искусству.

Янь Дун оторвал взгляд от своей работы и решил больше не смотреть на нее, пока судьи не назовут победителей. Он вздохнул, посмотрел на небо. Тогда-то он и увидел впервые низкотемпературного художника.

Сначала он решил, что это самолет, за которым тянется белый инверсионный след, но летящий предмет двигался намного быстрее самолета. Вот он описал в воздухе большую дугу. След пара, похожий на меловую черту, прочертил крюк в голубом небе. А потом летящий предмет внезапно остановился высоко в воздухе прямо над Янь Дуном. След пара постепенно сокращался от хвоста к голове, как будто летающий вдыхал его обратно.

Пока след был виден, Янь Дун пристально рассматривал его. Он заметил в начале белой ленты мерцание и сразу же решил, что там есть что-то, отражающее солнечный свет. Затем он разглядел, что это было: маленький пепельно-серый сфероид. Вскоре он понял, что сфероид лишь кажется маленьким, потому что находится далеко. А теперь он рос с молниеносной быстротой. Вернее, падал с огромной высоты туда, где стоял Янь Дун. Окружавшие, поняв это, кинулись врассыпную. Янь Дун тоже пригнулся и побежал, петляя и огибая ледяные скульптуры.

Но тут на землю легла гигантская тень. Янь Дун почувствовал, что кожу у него на голове стянуло от страха. На мгновение кровь будто застыла в его жилах. Но удар, которого он ожидал, не состоялся. Все метавшиеся вдруг остановились. Теперь они ошалело смотрели вверх. Он тоже задрал голову. Гигантский сфероид висел в сотне метров над головами. Вообще-то он был не совсем сфероидом, как будто пар, выброшенный во время его высокоскоростного полета, изменил свою форму. Половина, обращенная в ту сторону, куда он летел, была гладкой, блестящей и круглой. На другой половине рос большой пучок волос, отчего аппарат становился похожим на комету с подстриженным хвостом. Он был массивным, более ста метров в диаметре, и казался холмом, подвешенным в воздухе. Все находящиеся на земле почти явственно ощущали чудовищную тяжесть этого тела.

Как только сфероид остановился, воздух, приводивший его в движение, ударил в землю, взметнув быстро расширяющееся кольцо снега и грязи. Говорят, что, когда люди прикасаются к чему-то, неожиданно оказывающемуся холодным, как кубик льда, оно кажется таким горячим, что они с криками отдергивают руки. Именно это ощутил Янь Дун, когда на него обрушилась воздушная масса. Несомненно, то же самое почувствовал бы и обитатель известного своими пронизывающими морозами северо-востока. К счастью, воздух быстро рассеялся, иначе все, кто находился внизу, окоченели бы. Тем не менее практически у всех открытые участки кожи оказались так или иначе обморожены.

Лицо Янь Дуна онемело от внезапного холода. Он поднял глаза, внимательно изучая поверхность сфероида. Тот состоял из полупрозрачного пепельно-серого вещества, хорошо известного Янь Дуну: льда. Этот подвешенный в воздухе объект представлял собой гигантский ледяной ком.

Как только ветер утих, Янь Дун, к своему изумлению, разглядел, что вокруг огромного ледяного шара, белея на фоне голубого неба, порхают сверкающие на солнце, необыкновенно чистые крупные снежинки. Однако эти снежинки были видны только на определенном расстоянии от сфероида. Отплывая чуть дальше, они сразу растворялись в воздухе. Они образовали снежное кольцо вокруг сфероида, как если бы сфероид был уличным фонарем, освещающим несущийся мимо снег.

И вдруг сфероид заговорил.

— Я низкотемпературный художник! — отчетливо сообщил чистый мужской голос. — Я низкотемпературный художник.

— Гигантский ком льда — это вы? — заорал Янь Дун.

— Вы не можете разглядеть мою истинную форму. Ледяной шар, который вы видите, создан моим морозным полем из влаги в

воздухе, — ответил низкотемпературный художник.

— А снежинки?

— Это кристаллы кислорода и азота, содержащиеся в воздухе. Ну, и вдобавок сухой лед, образующийся из двуокиси углерода.

— О, ваше морозное поле настолько мощное!

— А вы как думали?! Это все равно что бесчисленные крошечные ручки, крепко держащие бесчисленные крошечные сердца. Поле останавливает движение всех молекул и атомов, оказывающихся в его досягаемости.

— И при этом поднимает в воздух гигантский ледяной шар?

— Это поле совсем другого рода — антигравитационное. Мне очень нравятся инструменты, которые вы все используете для обработки льда. Они просто восхитительны. Эти лопаточки, скребки и стамески разных форм. Не говоря уже о лейках и паяльных лампах. Восхитительно! У меня тоже есть набор крошечных инструментов для создания произведений искусства при низких температурах. Это различные типы силовых полей. Не так много инструментов, как у вас, но работают они очень хорошо.

— Вы тоже создаете ледяные скульптуры?

— Конечно. Я ведь уже сказал: я низкотемпературный художник. Ваш мир почти идеально подходит для ваяния скульптур из снега и льда. Я был просто потрясен, узнав, как долго они здесь сохраняются. И с восторгом заявляю, что мы коллеги.

— Откуда вы прилетели? — спросил скульптор, стоявший рядом с Янь Дуном.

— Из очень далекого места, из мира, для вас непостижимого. Но он совсем не так интересен, как ваш. Я изначально сосредоточился исключительно на искусстве и не контактировал с другими мирами. Однако, увидев выставки, подобные этой, увидев так много коллег, я испытал желание вступить с вами в общение. Но, честно говоря, очень немногие из низкотемпературных работ, которые я вижу под собой, заслуживают того, чтобы называться произведениями искусства.

— Почему? — спросил кто-то.

— Они чрезмерно реалистичны, слишком много внимания уделяется форме и деталям. А ведь во Вселенной нет ничего, кроме пространства. Так называемый реальный мир — это всего лишь свалка искривленных пространств. Как только вы это поймете, то увидите, насколько ваши собственные работы наивны и примитивны. Однако… хм… в этой работе определенно что-то есть.

Как только голос затих, снежинки, облачком окружавшие

ледяной шар, как будто потекли вниз через невидимую воронку, образовав тонкую нить, которая протянулась сквозь воздух к вершине ледяной скульптуры Янь Дуна и начала растворяться. Янь Дун встал на цыпочки и осторожно протянул руку в перчатке к снежинке. Когда до нее осталось совсем немного, его пальцы снова почувствовали то же самое странное жжение. Он поспешно отдернул руку, но она успела окоченеть.

— Вы указываете на мою работу? — спросил Янь Дун, растирая замерзшие пальцы другой рукой. — Я… я не пользуюсь традиционными методами. То есть не вырезаю скульптуру из готовых глыб льда. Я построил конструкцию из нескольких больших мембран. На дне этой формы долго кипела вода, образующийся пар поднимался вверх и примерзал к мембране, образуя сложный кристалл. Как только лед стал достаточно толстым, я удалил мембраны, и в результате получилось то, что вы видите.

— Отлично! Очень интересно! Замечательно передает красоту холода. И что вдохновило вас на эту работу?..

— Оконное стекло! Не знаю, будет ли понятно вам мое описание: когда просыпаешься в суровую зимнюю ночь незадолго до восхода солнца, затуманенный взгляд падает на оконное стекло, затянутое кристаллами. Они отражают темно-синий первый свет раннего рассвета, как будто они — продолжение сна, который я видел ночью…

— Да, да, понимаю! — Снежинки вокруг низкотемпературного художника танцевали, складываясь в живые узоры. — Я вдохновлен! Я хочу творить! Я должен творить!

— Вон там, недалеко, находится река Сунхуа[25]. Вы можете выбрать любой блок льда или…

— Что?! Ваш подход к искусству жалок, как бактерия. Неужели вы считаете, будто моя форма низкотемпературного искусства имеет что-то общее с вот этим? Тут вовсе нет того льда, который мне нужен.

Стоявшие на земле ваятели ледяных скульптур недоуменно взирали на инопланетного низкотемпературного художника.

— В таком случае вам придется… — начал было Янь Дун, но космический пришелец перебил его:

— Я отправлюсь на океан.

Заготовка льда

Вдоль береговой линии на высоте пяти километров летела огромная армада самолетов. История человечества еще не видела столь пестрого сборища летательных аппаратов. Тут были

самолеты всех типов, начиная от гигантских реактивных «Боингов» и заканчивая легкими частными машинами, похожими на комариков. Все крупные агентства новостей мира отправили сюда своих корреспондентов, оснастив их средствами воздушного передвижения. Не отставали от них исследовательские и, конечно, правительственные организации. Эта хаотичная воздушная армада следовала за коротким следом густого белого пара, как стадо овец, опасливо спешащих за пастухом. След тянулся за низкотемпературным художником, который непрерывно поторапливал пристроившиеся ему в хвост самолеты, потому что из-за них ему приходится чуть ли не ползти. (Для того, кто способен как угодно прыгать сквозь пространство-время, даже лететь со скоростью света — все равно что ползать.) Он безостановочно жаловался, что задержка убивает его вдохновение.

Журналисты, набившиеся в самолеты, поначалу засыпали низкотемпературного художника вопросами по радио, но тот не пожелал ответить ни на один. Его интересовал только разговор с Янь Дуном, который летел в «Харбине Y-12», арендованном Центральным телевидением Китая. Так что вскоре репортеры притихли и просто внимательно слушали диалог между двумя художниками.

— Ваш дом находится в пределах Млечного Пути? — спросил Янь Дун. «Харбин Y-12» летел ближе всех к низкотемпературному художнику. Оттуда был хорошо виден летящий ледяной шар, периодически появляющийся в начале следа белого пара, который образовался из кислорода, азота и углекислого газа в атмосфере, конденсирующихся при сверхнизких температурах вокруг ледяного шара. Иногда и самолет случайно задевал клубы белого тумана; тогда окна самолета сразу же покрывал толстый слой инея.

— Мой дом не входит ни в одну галактику. Он расположен в обширном пустом пространстве, разделяющем галактики.

— На вашей планете должно быть очень холодно.

— У нас нет планеты. Низкотемпературная цивилизация возникла в облаке темной материи. Этот мир действительно очень холодный. Жизнь с трудом наскребла немного тепла из окружающей среды, близкой к абсолютному нулю. Она впитывала каждую кроху излучений, долетавших от далеких звезд. Как только низкотемпературная цивилизация научилась перемещаться на дальние расстояния, мы тут же отправились на ближайшую теплую планету на Млечном Пути. В этом мире нам, чтобы жить, приходилось поддерживать низкую температуру, поэтому мы на этой теплой планете стали низкотемпературными

худож-никами.

— Низкотемпературное искусство, о котором вы говорите, занимается созданием скульптур изо льда и снега?

— О, нет. Нет. Использование температуры, которая намного ниже среднемировой температуры, для воздействия на мир с целью создания художественных эффектов — это лишь часть низкотемпературного искусства. Лепка изо льда и снега — это разновидность низкотемпературного искусства, подходящая для вашего мира. Здесь температура льда и снега считается низкой. В мире темной материи она была бы высокой. Ну, а в мире звезды низкотемпературным материалом считалась бы лава.

— Кажется, у нас есть что-то общее в том, какое искусство считать красивым.

— В этом нет ничего необычного. Так называемое тепло — это всего лишь краткий эффект столь же краткого спазма, возникшего после рождения Вселенной. И прекращается он в одно мгновение, как свет после заката. Энергия рассеивается. Только холод вечен. Красота холода — единственная непреходящая красота.

— Значит, вы утверждаете, что Вселенная неизбежно придет к тепловой смерти? — прозвучал чей-то голос в наушнике, торчавшем в ухе Янь Дуна. Позднее он узнал, что вопрос задал физик-теоретик, летевший в одном из самолетов немного позади.

— Это не имеет отношения к нашей теме. Мы будем говорить только об искусстве.

— Океан уже под нами! — сообщил Янь Дун, посмотрев в иллюминатор, где медленно отползала назад извилистая береговая линия.

— Впереди лежит самая глубокая часть океана. Там лучше всего будет заготавливать лед.

— И откуда же возьмется этот лед? — спросил Янь Дун, недоуменно разглядывая лежавший внизу бескрайний голубой простор.

— Лед будет везде, куда явится низкотемпературный художник.

* * *

Низкотемпературный художник летел еще около часа. Янь Дун в очередной раз посмотрел вниз через иллюминатор и увидел все ту же водную поверхность. И в тот же миг самолет резко взмыл вверх, и скульптор чуть не лишился сознания от перегрузки.

— Эй, мы чуть не впилились в него! — крикнул пилот.

Оказалось, что низкотемпературный художник резко остановился в воздухе. Никак не ожидавшие этого следующие самолеты веером рассыпались в разные стороны.

— Черт возьми! Для этой заразы инерции вовсе не существует. Он просто взял и остановился, даже не снижая скорости. По всем законам природы от такого торможения лед должен был бы разлететься на куски, — сказал пилот Янь Дуну, проворно разворачивая самолет. Вся воздушная эскадра сделала то же самое. А ледяной шар, величественно вращаясь, висел в воздухе. Он обильно производил кислородные и азотные снежинки, но сильный ветер высоты сразу же уносил их прочь, и казалось, что вокруг шара развеваются длинные белые волосы.

— Я приступаю к творчеству! — объявил низкотемпературный художник и, не дожидаясь ответа Янь Дуна, внезапно рухнул прямо вниз, как будто разжалась гигантская невидимая рука, которая держала его в воздухе. Он свободно падал, все быстрее и быстрее, пока не исчез на синем фоне океана, оставив лишь хрупкую нить атомов, тянущуюся к воде из ниоткуда. Над поверхностью моря взметнулось кольцо белых брызг. Когда же оно опало, вокруг разошлась высокая волна.

— Ну вот, космический пришелец покончил с собой, кинувшись в океан, — сказал пилот Янь Дуну.

— Не смешите людей! — возразил Янь Дун, вызывающе утрируя свой северо-восточный акцент, и свирепо взглянул на пилота. — Спуститесь немного. Ледяной шар вот-вот выскочит на поверхность.

Но ледяной шар не всплыл. Там, куда он рухнул, в океане появилась белая точка. Она быстро превратилась в диск. Самолет снизился, и Янь Дун наблюдал происходившее в подробностях.

Белый диск оказался белым туманом, образовавшимся над океаном. Его облачко быстро расширялось, и вскоре вся видимая художнику из продолжавшего снижаться самолета поверхность воды покрылась густыми белыми испарениями. Вдруг раздался странный и очень громкий шум, перекрывший рев моторов самолета. Этот шум походил на раскаты грома и одновременно наводил на мысли о разламывающихся равнинах и рушащихся горах.

Самолет кружил низко над морем. Янь Дун внимательно всматривался сквозь туман в поверхность океана. Свет, отражающийся от нее, был мягким, иным, чем несколько мгновений назад, когда от игры золотых бликов было больно глазам. Цвет воды стал насыщеннее. Бурные волны становились все ровнее и глаже. И в следующий момент он испытал

потрясение, осознав, что волны стали твердыми и неподвижными.

— О небеса! Океан замерз!

— Ты с ума сошел! — Пилот от возмущения забыл о вежливости и гневно обернулся к пассажиру.

— Сам посмотри!.. Эй, ты все еще снижаешься? Хочешь сесть на лед?!

Пилот потянул ручку на себя. В глазах у Янь Дуна снова потемнело. Он услышал, как пилот бормочет:

— Э-э… Нет… Вот же, черт, как странно… — Вид у него был такой, будто он спит наяву. — Я не снижался. Это океан, нет, лед поднялся прямо к нам!

И тут раздался голос низкотемпературного художника:

— Немедленно уберите свой летательный аппарат с дороги. Не преграждайте путь поднимающемуся льду. Если бы в летающей машине не было моего коллеги, я просто пустил бы лед прямо на вас. Когда я творю, не выношу помех вдохновению. Улетайте на запад, на запад, на запад. Так будет ближе к краю.

— Краю? Краю чего? — спросил ничего не понимающий Янь Дун.

— Ледяного куба, который я делаю.

Самолеты метнулись стаей перепуганных птиц, одновременно набирая высоту и разворачиваясь в ту сторону, которую указал низкотемпературный художник. Белый туман, образовавшийся из-за перепада температуры, рассеялся, и внизу до горизонта простиралось темно-синее ледяное поле. Самолет изо всех сил лез вверх, но ледяное поле поднималось еще быстрее, нагоняя и «Харбин Y-12», и все остальные самолеты.

— Проклятье, за нами сама Земля гонится! — выкрикнул пилот.

Как ни надрывался мотор, но ледяное поле быстро подлезало под самолет. Вот уже темно-синие неподвижные волны замелькали под самыми крыльями.

— Делать нечего, придется садиться на ледяное поле. Да где ж это видано — приземляться на наборе высоты?

Едва успел он договорить, как «Харбин Y-12» пересек границу ледяного поля. Под фюзеляжем мелькнул ровный край. Внизу снова появился океан, волны которого играли солнечными бликами. Примерно то же самое видит пилот истребителя в момент отрыва от палубы авианосца, не считая того, что этот «авианосец» был высотой в несколько километров!

Янь Дун резко обернулся. Позади медленно удалялся огромный темно-синий утес с чрезвычайно ровной поверхностью. Утес оказался очень длинным — увидеть одновременно два его конца было невозможно. Подножие утеса упиралось в воду; там,

где на него набегали волны, образовался белый срез. Через несколько секунд он исчез, и на его месте явилась ровная поверхность. Гигантский айсберг отделился от океана и продолжал подниматься быстрее и быстрее. «Харбин Y-12», между тем снижался и вскоре оказался посередине между айсбергом и морем. Янь Дун видел еще одно ледяное поле. Только находилось оно не под ним, а над ним и казалось необыкновенно, угнетающе темным куском неба.

Когда ледяная глыба поднялась еще выше, Янь Дун наконец собственными глазами увидел, что низкотемпературный художник сделал именно то, что намеревался: гигантскую глыбу льда в форме прямоугольного параллелепипеда. Теперь эта темно-синяя глыба висела над головой, занимая две трети неба. Высоко в небе на плоской грани пучком ослепительных молний играл солнечный свет. На фоне этого гигантского задника медленно поднимались несколько самолетов, напоминающих воробьев, кружащих перед небоскребом. Их и разглядеть-то можно было, лишь хорошо присмотревшись. Позднее радиолокационные измерения позволили установить, что ледяная глыба представляла собой совершенно правильный, сильно вытянутый прямоугольный параллелепипед шестидесяти километров в длину, двадцати километров в ширину и пяти километров в высоту.

Ну а гигантская глыба льда продолжала подниматься, постепенно уменьшаясь, и через некоторое время ее видимый размер смог наконец уложиться в рамки человеческого сознания. На океане лежала ее неимоверная тень. Когда же она сдвинулась, людям открылось поистине ужасающее зрелище, какого планета не знала за все время своего существования.

Самолеты летели в длинном узком каньоне, пустоте, оставшейся в океане после того, как оттуда вынули гигантский блок льда. По обе стороны вздымались стены морской воды в пять километров высотой. Никогда еще люди не видели воду в таком состоянии — в форме высоченных жидких утесов! У их подножия ярились стометровые волны, а вершины рушились на глазах наблюдателей. Стены, покрытые рябью, неуклонно сходились, сохраняя строго вертикальное положение, и ущелье неуклонно сужалось.

Происходящее походило на зеркальное отражение того катаклизма, который Моисей некогда совершил в Красном море.

Янь Дуна особенно изумляло то, насколько медленно все это происходило. Очевидно, причиной замедленности был масштаб. Ему случалось бывать на водопадах Хуангуошу. Там тоже казалось, что вода падает медленно. А ведь утесы из морской

воды, вздымавшиеся перед ним, были на два порядка больше этих водопадов. Но и времени, чтобы насмотреться на сегодняшнее неповторимое чудо, у него было достаточно.

Тень, отбрасываемая глыбой, полностью исчезла. Янь Дун поднял голову. Видимый размер ледяного параллелепипеда уже не превышал размером удвоенного диска полной луны. Для неба не так уж заметно.

Два невообразимых водяных утеса сходились, и котловина сжималась, превращаясь в ущелье. Затем две стены длиной в десятки километров и высотой в пять тысяч метров столкнулись. Между морем и небом разнесся громкий глухой удар. Провал в океане на том месте, откуда была изъята ледяная глыба, безвозвратно исчез.

— Но это ведь не сон, правда? — спросил сам себя Янь Дун.

— Будь это сон, все обошлось бы хорошо. Смотри! Смотри!

Пилот ткнул рукой вниз. Там, где только что сошлись два утеса, океан отнюдь не успокоился — там, их реинкарнацией, поднялись две волны длиной с исчезнувшую впадину и разошлись в противоположных направлениях. С высоты эти волны не производили особого впечатления, но из научных измерений потом стало ясно, что их высота превышала двести метров. При близком взгляде они походили на два движущихся горных хребта.

— Цунами? — спросил Янь Дун.

— Да. И, пожалуй, такое, какого мир еще не видел. На побережье будет катастрофа.

Янь Дун посмотрел вверх и не смог рассмотреть в голубом небе ледяную глыбу. Радар сообщил, что она уже стала спутником Земли.

* * *

Весь остаток дня низкотемпературный художник извлекал из Тихого океана и отправлял на орбиту вокруг Земли точно такие же ледяные кирпичи. Сотни кирпичей.

В ночном полушарии каждые пару часов можно было видеть на небе проплывающее скопление мерцающих точек. От настоящих звезд, на фоне которых они двигались, они отличались тем, что, если пристально посмотреть, можно было различить форму каждой точки. Все они представляли собой небольшие параллелепипеды, каждый из которых был ориентирован по-своему и вращался вокруг своей оси. В результате они по-разному отражали солнечный свет и мерцали с разной скоростью. Люди долго и безуспешно пытались подобрать метафору для этих

маленьких космических тел. В конце концов один из репортеров придумал сравнение, которое сочли удовлетворительным: горсть хрустальных костяшек домино, рассыпанных космическим гигантом.

Диалог двух художников

— Нам нужно поговорить, — сказал Янь Дун.

— Именно для этого я и пригласил вас сюда, но говорить я согласен только об искусстве, — ответил низкотемпературный художник.

Янь Дун стоял на гигантской глыбе льда, подвешенной в воздухе на высоте пяти тысяч метров. Он прибыл сюда по приглашению низкотемпературного художника. Вертолет, доставивший его, стоял в стороне. Его винты продолжали вращаться, и он был готов взлететь в любой момент. Со всех сторон простиралась до горизонта ледяная равнина, поверхность которой отражала ослепительный солнечный свет. Слой голубого льда под ним казался бездонным. Небо на этой высоте было чистым и бескрайним. Дул сильный ветер.

Это была одна из пяти тысяч гигантских глыб льда, которые низкотемпературный художник извлек из океанов. За минувшие пять суток он замораживал и переправлял на орбиту из океанов в среднем по тысяче блоков в день. Заморозив очередной блок в Тихом или Атлантическом океане, художник поднимал его в воздух, чтобы добавить во все увеличивающееся число сверкающих «космических костяшек домино». Вдоль океанского побережья по всему миру не осталось ни одного крупного города, который не пострадал бы многократно от цунами. Однако чем дальше, тем реже происходили эти катастрофы, и причина этого была проста: уровень воды на планете понизился.

Мировой океан постепенно превращался в ледяное кольцо, вращающееся по орбите вокруг Земли.

Янь Дун топнул по твердой ледяной поверхности.

— Такая огромная глыба… Как вам удается заморозить ее в одно мгновение? Да еще и настолько равномерно, что блоки не только не трескаются, но и получаются совершенно однородными. Какую силу вы используете, чтобы отправлять их на орбиту? Все это находится за пределами не только нашего понимания, но даже воображения.

— Это ерунда — ответил низкотемпературный художник. — В творческом процессе мы сплошь и рядом уничтожаем звезды! Но разве мы не договорились обсуждать только вопросы искусства? С точки зрения искусства между мной, создающим искусство

своими методами, и вами, со своими лопатками и скребками для вырезания ледяных скульптур, не такая уж большая разница.

— Попав на орбиту, ледяные блоки оказываются под прямым и сильным излучением солнца. Почему они не тают?

— Я покрыл каждый ледяной блок слоем чрезвычайно тонкой, прозрачной, светофильтрующей мембраны. Она пропускает в лед только холодный свет, частоты которого не генерируют тепло. А все частоты, которые генерируют тепло, отражаются. Поэтому глыба льда не тает. Но на подобные вопросы я отвечаю в последний раз. Я не собираюсь отвлекаться от работы для разговора о таких скучных вещах. Или мы с этого момента обсуждаем только искусство, или вам лучше уйти. И мы уже не будем коллегами и друзьями.

— В таком случае скажите, сколько льда вы намерены извлечь из океанов? Этот-то вопрос напрямую касается проблемы создания произведения.

— Естественно, я возьму все, что есть. Я уже говорил вам о моем замысле; так вот, мне хотелось бы воплотить его идеально. Я предполагал взять лед со спутников Юпитера, если земных океанов окажется недостаточно, но это слишком хлопотно. Так что обойдусь тем, что есть.

Ветер трепал волосы Янь Дуна. Он то и дело приглаживал их. От холода, царившего на этой высоте, его пробирала дрожь.

— Искусство много значит для вас?

— Искусство — это всё.

— Но… но ведь в жизни есть что-то еще. Например, нам все еще приходится работать, чтобы выжить. Я — инженер Чанчуньского оптического института и искусству могу уделять лишь ограниченное свободное время.

Голос низкотемпературного художника рокотал из глубины льда, и от вибрации подошвам ног Янь Дуна было щекотно.

— Выжить… Ха! Это просто подгузник вашей младенческой цивилизации, который нужно сменить. Погодите немного, и жить для вас будет так же просто, как дышать. Мы уже забыли, что было такое время, когда нам требовалось прилагать усилия, чтобы выживать.

— А как же социальные и политические отношения?

— У зарождающихся цивилизаций всегда обнаруживается такая неприятная проблема, как существование отдельных личностей. Со временем отдельные личности сливаются в единое целое. И тогда уже нет ни общества, ни политики как таковых.

— А как насчет науки? Ведь наука какая-то должна быть? Разве может цивилизация не стремиться понять Вселенную?

— Этой ерундой тоже занимаются только совсем

молоденькие цивилизации. Если немного покопаться, становится ясно все вплоть до малейших деталей. Вы скоро узнаете, что Вселенная настолько проста, что даже наука не нужна.

— Итак, остается одно лишь искусство?

— Да. Искусство остается для цивилизации единственным смыслом существования.

— А вот для нас это вовсе не единственный смысл. Мы хотим выжить. Несколько миллиардов людей на этой планете, под нами, и еще больше представителей других видов хотят выжить. Вы же хотите высушить наши океаны, превратить нашу живую планету в бесплодную пустыню, обрекая нас всех на смерть от жажды.

Из глубины льда поднялась волна смеха. И снова он щекоткой отозвался в подошвах ступней Янь Дуна.

— Коллега, послушайте, как только бурный прилив моего творческого вдохновения немного стих, я обратился к вам, чтобы поговорить об искусстве. Но вы все время переводите разговор на ничего на значащие банальности. Я глубоко разочарован в вас. Стыдитесь! Я возвращаюсь к работе.

— Да будут прокляты твои предки! — взорвался Янь Дун, потеряв наконец терпение, и пошел браниться на северо-восточном диалекте.

— Это что, грубости? — безмятежно осведомился низкотемпературный художник. — У нашего вида одно и то же тело взрослеет и проходит эволюционный путь. Так что никаких предков нет. Что касается странного тона при общении с коллегой… Он засмеялся. — Я понимаю. Вы завидуете. У вас нет моих способностей. Вы способны создавать искусство только на уровне бактерий.

— Но вы не так давно сказали, что, хотя мы используем в искусстве разные инструменты, но существенной разницы между нами нет.

— Теперь я уже так не считаю. Сначала я решил, что встретил настоящего художника, но он оказался жалкой посредственностью, болтающей о высыхании океанов, экологической катастрофе и других мелочах, не имеющих ничего общего с искусством. Слишком плоско, слишком тривиально, знаете. Художники не могут быть настолько привержены банальности.

— И все равно да будут прокляты ваши предки!

— Как вам будет угодно. Я возвращаюсь к работе. Уходите.

В тот же миг Янь Дун почувствовал, что стал тяжелее, и грузно сел на скользкий лед. Сверху налетел порыв ветра. Ледяная глыба снова начала подниматься. Он вскарабкался в вертолет, и машина с трудом переползла через ближайший край

ледяной глыбы, чуть не разбившись из-за смерча, порожденного движением искусственного айсберга.

Переговоры между человечеством и низкотемпературным художником закончились полной неудачей.

Море сновидений

Янь Дун стоял в белом мире. Почву под его ногами и окружающие крутые и коварные горы покрывал серебристо-белый плащ. Ему казалось, что он в заснеженных Гималаях. На самом деле он находился в их совершенной противоположности. Это было самое низкое место на Земле — Марианская впадина, являвшаяся когда-то самой глубокой частью Тихого океана. Белое вещество, покрывающее все вокруг, было не снегом, а минералами, которые когда-то делали воду соленой. Когда морская вода замерзала, эти минералы выделялись и откладывались на дне. Бывали места, где слой этих отложений достигал ста метров.

За последние сто дней низкотемпературный художник полностью извел воду Мирового океана. Он переместил на орбиту даже ледники Антарктиды и Гренландии.

А теперь он, милостиво забыв о размолвке, пригласил Янь Дуна посмотреть, как он будет завершать свою композицию.

* * *

В ущелье впереди лежала поверхность голубой воды. Синева была чистой и глубокой. Это казалось еще более трогательным среди множества белоснежных горных вершин. Последний океан на Земле был не больше озера Дяньчи в провинции Юньнань. Его давно уже не тревожили огромные волны, лишь легкая рябь морщила воду, как могло бы быть на каком-нибудь уединенном водоеме далеко в горах. Этот последний океан питали три реки — три случайно сохранившиеся великие реки, змеившиеся по просторам обнажившегося дна. Сегодня это были самые длинные реки на Земле. Но когда люди добрались сюда, они увидели всего лишь узкие ручейки.

Янь Дун подошел к берегу океана. Остановился на краю белого пляжа. Опустил руку в чуть заметно колышущееся море. Вода была настолько насыщена солью, что волны казались густыми. Легкий ветерок сразу высушил руку Янь Дуна, одев ее в перчатку из белой соли.

Воздух пронзил резкий визг, очень хорошо знакомый Янь

Дуну. Это, разрывая воздух, скользил к земле низкотемпературный художник. Янь Дун почти сразу разглядел его в небе. Он пребывал все в той же форме ледяного шара, но, поскольку вернулся прямо из космоса и не успел долго полетать в атмосфере, был намного меньше, чем при первой встрече. Люди всевозможными способами следили за ледяными глыбами, выходящими на орбиту, пытаясь заметить, как космический скульптор покидает их, но пока безуспешно. Лишь после входа в атмосферу, когда вокруг него начинал образовываться непрерывно растущий ледяной шар, его можно было разглядеть и безошибочно определить его местоположение.

Низкотемпературный художник не дал себе труда поприветствовать Янь Дуна. Ледяной шар упал в середину последнего океана, взметнув высокий водяной столб. И сразу же началось знакомое зрелище: облако белого тумана, распространяющегося из того места, где шлепнулся в воду космический пришелец. Белый туман быстро покрыл весь остаток океана. Вода с громким треском превращалась в лед. И снова туман рассеялся, обнажив замерзшую поверхность «океана». На сей раз — не так, как на протяжении всего долгого времени, — водоем застыл целиком. Там не осталось ни капли жидкой воды. И на льду сейчас не было замерзших волн. Она была гладкой, как зеркало. Все время, пока замерзало это ничтожное озерцо, Янь Дун ощущал, как в лицо тянет холодным ветерком.

Последний замерзший кусочек океана начал подниматься. Сначала он осторожно оторвался от земли всего на несколько сантиметров. Между краем ледяного поля и белым соляным пляжем пробежала длинная черная щель, куда сразу же устремился воздух, заполняющий вновь созданное пространство. Соль, подхваченная поднявшимся ветром, засыпала ноги Янь Дуна. Подъем озера стремительно ускорялся. В мгновение ока последние капли океана оказались на весу. Столь быстрый подъем огромного предмета породил сильные, хаотичные порывы ветра. Вихрь взметнул в ущелье белый столб. Янь Дун выплюнул соль, попавшую ему в рот. Она оказалась вовсе не соленой, как он ожидал. Она была немыслимо горькой на вкус — точь-в-точь как реальность, с которой столкнулось человечество.

Последний океан не был параллелепипедом. Его дно в точности повторяло контуры морского дна. Янь Дун провожал его глазами, пока он не превратился в маленькую точку света, которая растворилась в могучем ледяном кольце.

С Земли оно виделось шириной примерно с Млечный Путь, пересекающий небо с востока на запад. В отличие от колец Урана и Нептуна кольцо не образовывало плоскости, перпендикулярной

или параллельной поверхности Земли. Оно больше походило на состоящий из двухсот тысяч ледяных глыб широкий пояс света в космосе. И пояс этот полностью окружал Землю. С Земли можно было отчетливо разглядеть каждую глыбу льда. Даже форма была видна невооруженным глазом. Некоторые из них вращались, в то время как другие, казалось, висели неподвижно. Двести тысяч точек света, часть которых мерцала, часть нет, образовали величественную небесную реку, торжественно текущую по небу Земли.

В течение суток яркость и цвет ледяного кольца то и дело поразительно менялись.

Особенно впечатляющими эти перемены были на рассвете и закате. Тогда ледяное кольцо постепенно меняло цвет с оранжево-красного у самого горизонта на темно-красный, затем на темно-зеленый и темно-синий, являя собой нечто вроде радуги в космосе.

В дневное время ледяное кольцо обретало ослепительный серебристый цвет и походило на фоне голубого неба на огромную алмазную реку, текущую по голубой равнине. А наиболее эффектным оно становилось, когда закрывало солнце, создавая затмение. Солнечный свет преломлялся в массивных ледяных глыбах, и в небесах начиналось странное и великолепное шоу фейерверков.

Продолжительность затмения зависела от того, пересекало кольцо путь солнца или следовало параллельно ему. Так называемые параллельные затмения случались, когда солнце некоторое время следовало вдоль ледяного кольца. Каждый год случалось одно полное параллельное затмение — солнце от восхода до заката следовало над ледяным кольцом, и в этот день ледяное кольцо казалось поясом из серебряного пороха, выпущенного в небо, где яростно полыхал зажженный на восходе ослепительный огненный шар. Когда же солнце садилось на западе, зрелище было настолько великолепным, что мало кто мог найти слова, чтобы передать его. Пожалуй, точнее всего подходила незамысловатая фраза: «Сегодня Бог по небу прогулялся».

И все же наиболее чарующее зрелище ледяное кольцо являло ночью. Оно было в два раза ярче полной луны. Его серебристый свет заливал всю Землю. Это выглядело так, будто все звезды Вселенной выстроились в ряд, чтобы торжественно пройтись по ночному небу. В отличие от Млечного Пути в этой могучей реке звезд можно было отчетливо разглядеть каждую звездочку строгой четырехугольной формы, и половина этих собранных в тугую ленту звезд мерцала. Мерцание ста тысяч звезд создавало

рябь, которая вздымалась, как будто ее подгонял шторм, и из-за этого звездная река казалась разумным целым…

Прорезав атмосферу резким визгом, низкотемпературный художник в последний раз вернулся из космоса. Над головой Янь Дуна повис ледяной шар, вокруг которого плотно сгустилось собственное кольцо из снежинок.

— Я закончил. И что вы скажете? — спросил он.

Янь Дун долго молчал, а потом выговорил всего два слова:

— Я сдаюсь.

Он действительно сдался. Однажды он смотрел на ледяное кольцо три дня и три ночи подряд, не ел и не пил все это время, пока не потерял сознание. Как только к нему вернулись силы, чтобы встать с постели, он вышел на улицу и снова стал рассматривать ледяное кольцо. Он чувствовал, что может смотреть на него вечно и все равно не насмотрится. От зрелища ледяного кольца он иногда впадал в растерянность, а иногда испытывал неописуемое счастье — то счастье, которое испытывает художник, встречаясь с высшей красотой. Он был полностью покорен этой необъятной красотой. Вся его душа растворилась в ней без остатка.

— Признайтесь как художник художнику: теперь, когда смогли видеть и оценить такую работу, вы все еще рассчитываете соревноваться со мною? — спросил низкотемпературный художник.

— Если честно — нет, — совершенно искренне ответил Янь Дун.

— Так что вам остается лишь смотреть. Вы определенно не способны создать такую красоту. Вы слишком тривиальны.

— Да. Я слишком тривиален. Мы слишком тривиальны. Ну а как иначе? Мы должны поддерживать свою жизнь, жизнь детей и жен.

Янь Дун опустился на толстый слой соли, покрывавший землю, и в печали обхватил голову руками. Это была та глубокая печаль, которая возникает, когда художник видит красоту, которую не способен создать, когда он понимает, что никогда не сможет преодолеть свои ограничения.

— А как насчет названия всего этого произведения? Может быть, назвать его… Кольцом мечты? Что скажете?

Янь Дун ненадолго задумался и покачал головой.

— Нет, оно порождено морем, вернее, создано из моря. Нам даже в снах не могло пригрезиться, что в море скрывается не только та красота, к которой мы привыкли, но еще и такая. Лучше будет назвать кольцо… Море сновидений.

— Море сновидений… отлично, просто отлично. Так мы его и

назовем: Море сновидений.

Тут-то Янь Дун вспомнил о возложенной на него задаче.

— Я хотел бы спросить: не могли бы вы, перед тем как расстанетесь с нами, вернуть Море сновидений в его прежнее состояние? Снова сделать его обычным морем?

— Чтобы я самолично уничтожил свое произведение? Это же смешно!

— В таком случае можно ли будет нам самим восстановить наши моря?

— Конечно, можно. Просто верните весь этот лед на планету, и все станет как было прежде.

— Но как же нам это сделать? — спросил Янь Дун, подняв голову. И все человечество вместе с ним замерло, ожидая ответа.

— А я откуда знаю? — равнодушно бросил низкотемпературный художник.

— Еще один вопрос. Как коллеги, мы хорошо знаем, что срок существования произведений из снега и льда всегда очень невелик. И Море сновидений…

— Море сновидений тоже проживет недолго. Светофильтрующая мембрана со временем распадется и перестанет отражать тепло. Но эти ледяные кубики будут таять совсем не так, как ваши ледовые скульптуры. Процесс будет куда более эффектным и величественным. Ледяные блоки начнут испаряться. Внутреннее давление разорвет мембраны. Каждый блок превратится в маленькую комету, и все кольцо затянется серебряным туманом, который постепенно рассеется в пространстве. Ну а Вселенной останется ждать появления моей следующей работы в каком-нибудь отдаленном мире.

— И когда случится это превращение? — дрожащим голосом поинтересовался Янь Дун.

— Светофильтрующая мембрана утратит эффективность… как вы тут время считаете?.. лет через двадцать. О, мы опять говорим о чем угодно, только не об искусстве! Тривиальность, хуже того, пошлость! Ладно, коллега, прощайте навсегда. Наслаждайтесь красотой, а я вас покидаю.

Ледяной шар взмыл в воздух и быстро исчез в небе. Его отбытие сопровождали все крупные астрономические организации; они сошлись на том, что шар устремился строго перпендикулярно к плоскости эклиптики. Удалившись от Солнца на тринадцать астрономических единиц, он разогнался до половины скорости света и вдруг исчез, как будто протиснулся в невидимую дыру. Исчез и не вернулся.

Вторая половина

Памятник и волновод

Засуха продолжалась уже пять лет.

За окном вагона проносилась иссохшая земля. Стояла середина лета, и нигде не было ни клочка зелени. Все деревья засохли. Землю покрывали трещины, похожие на черную паутину. Все было усыпано песком, который частые суховеи все время переносили с места на место. Янь Дун мог поклясться, что несколько раз видел вдоль железнодорожных путей трупы людей, умерших от жажды, но это могли быть и просто обломанные сухие ветки деревьев, не представляющие собою ничего страшного. Этот суровый, засушливый мир резко контрастировал с серебристым Морем сновидений, парящим высоко в небе.

Янь Дун облизнул пересохшие губы. Он не мог заставить себя отхлебнуть воды из фляжки. Это был четырехдневный паек всей его семьи. Жена всучила ее ему на вокзале. Вчера товарищи по работе бастовали, требуя, чтобы им платили водой. На рынке все меньше и меньше ненормированной воды. Даже богатые не могут ничего купить… Его вдруг хлопнули по плечу. Он повернулся к соседу.

— Эй, да ведь ты же тот самый коллега-скульптор, верно?

Переговоры с низкотемпературным художником прославили Янь Дуна. Поначалу его хвалили за старательность и чуть ли не величали героем. Но после отбытия пришельца положение изменилось. В народе пошли пересуды, что, дескать, это он на Фестивале искусств льда и снега вдохновил низкотемпературного художника на новое творение и что, если бы не он, ничего не случилось бы. Большинство, конечно, понимало, что это полная чушь, но очень уж приятно было иметь козла отпущения. Таким образом он оказался в глазах людей провокатором, убедившим простодушного пришельца показать, что тот может. К счастью, впоследствии появилось много других поводов для беспокойства. О нем постепенно забыли. Однако, как выяснилось, не все, и сейчас его узнали, хоть он и был в темных очках.

— Предложи-ка мне выпить водички, — прохрипел сосед. С его растрескавшихся губ свисали два клочка сухой кожи.

— Вы что, хотите ограбить меня?

— Веди себя разумно, а не то я крикну, кто ты такой.

Янь Дун покорно отдал нахалу свою фляжку. Тот опустошил ее в один глоток. Все, кто видел происходящее, в изумлении

уставились на него. И даже проводник, проходивший по проходу, остановился, не веря своим глазам. Такой расточительности просто нельзя было не удивиться. Так в Океанскую эпоху (такое название само собой присвоилось времени, предшествовавшему появлению низкотемпературного художника) смотрели бы, пожалуй, на богача, которому подают обед за сто тысяч юаней.

Сосед вернул пустую флягу Янь Дуну, похлопал его по плечу и сказал полушепотом:

— Не бери в голову. Все равно скоро все кончится.

Янь Дун отлично понял, что нахал имел в виду.

* * *

На улицах столицы теперь редко можно было увидеть автомобиль. А те немногие, которые пока ездили, были переоборудованы под воздушное охлаждение. Использование обычных автомобилей с жидкостным охлаждением строго запрещалось. К счастью, китайское отделение Всемирной кризисной организации прислало за ним машину — в противном случае он просто не смог бы добраться до его офиса. Не смог бы, и все. По дороге он видел, что песчаные бури засыпали все дороги желтым песком. А вот пешеходов попадалось очень мало. Обезвоженным людям было слишком уж опасно находиться на жарком сухом ветру.

Мир походил на выброшенную на берег рыбу, которая все еще хватает ртом воздух, которым не способна дышать.

Добравшись до Всемирной кризисной организации, Янь Дун сразу же представился начальнику отделения. Тот отвел его в просторный зал и сказал, что тут размещается та самая группа, в которой он будет работать. Янь Дун посмотрел на дверь помещения. На ней, в отличие от всех остальных, не было таблички с названием подразделения. Начальник бюро пояснил:

— Это секретная группа. Все, что делается здесь, строго конфиденциально. Чтобы избежать нежелательной огласки, которая могла бы вызвать даже массовые волнения, мы назвали это подразделение «группой “Монумент”».

Войдя в зал, Янь Дун обнаружил, что все присутствующие выглядят довольно эксцентрично. Кто-то щеголял непомерно длинными волосами, а у некоторых головы были выбриты наголо, несколько человек были одеты в строгие костюмы, совершенно нехарактерные для этих трудных времен, а на ком-то не было ничего, кроме шорт. Одни казались подавленными, в то время как другие, напротив, были ненормально возбуждены… На длинном

столе посреди зала выстроилось множество моделей странной формы. Янь Дун не мог догадаться, для чего они могли быть предназначены.

Глава отделения представил вновь прибывшего, и начальник группы энергично встряхнул руку Янь Дуна.

— Добро пожаловать, господин Ледяной скульптор! Вы наконец-то получите возможность подробнее рассказать о вдохновении, которое вы получили от инопланетянина. Конечно, на сей раз вам придется работать не со льдом, раз вы не можете использовать лед. Мы хотим создать скульптуру, которая будет существовать вечно.

— Зачем? — недоуменно осведомился Янь Дун.

Руководитель группы посмотрел на главу отделения, потом снова на Янь Дуна.

— Неужели вы еще не поняли? Мы хотим воздвигнуть памятник человечеству.

Янь Дун растерялся еще сильнее.

— Надгробный памятник, — пояснил стоявший поблизости художник. Он был длинноволос, одет в какое-то тряпье и сразу наводил на мысль о декадансе. В одной руке он держал полупустую бутылку гаоляновой водки, к которой, видимо, постоянно прикладывался, поскольку был явно навеселе. Спиртное осталось с Океанской эпохи и теперь стоило намного дешевле воды.

Янь Дун растерянно посмотрел по сторонам.

— Но… но ведь мы еще живы.

— Так ведь, если ждать, пока помрем, мы точно ничего не успеем, — ответил начальник отделения. — Нужно готовиться к худшему и, значит, думать загодя.

Руководитель группы кивнул.

— Это будет итоговое произведение человеческого искусства, и оно должно стать величайшим. А что может быть для художника выше, чем участие в подобном творении?

— Вообще, фигня все это… И даже хуже, — пробурчал длинноволосый, взмахнув бутылкой. — Надгробные памятники ставят для потомков, чтобы им было где помянуть нас. А у нас потомков не останется, так за каким… спрашивается, нам громоздить это надгробье?

— Будьте осторожнее в выражениях. Речь идет о монументе, и только о монументе, — с важным видом поправил его руководитель группы и со смехом повернулся к Янь Дуну. — Однако идею он выдвинул весьма впечатляющую. Он предложил, чтобы каждый житель нашего мира пожертвовал по зубу, из которых будет собрана гигантская таблица. Если на каждом зубе

выгравировать по одному слову, мы таким образом уложим на таблице самую подробную историю человеческой цивилизации. — Он указал на модель, похожую на белую пирамиду.

— Это просто кощунство по отношению к человечеству! — выкрикнул один из бритоголовых. — Ценность человечества заключается в его мозгах, а он хочет увековечить наши рудиментарные зубы!

Лохматый отхлебнул из бутылки.

— Зубы… Зубы отлично сохраняются.

— Подавляющее большинство человечества все еще живо, — повторил Янь Дун.

— Но долго ли оно проживет? — сказал длинноволосый художник. Его речь неожиданно сделалась внятной. — Раньше бывали дожди — теперь их нет. Реки высохли. Уже три года как мы не видим урожаев. Девяносто процентов фабрик прекратили производство. И надолго ли нам хватит запасов еды и воды?

— Вот ты, шишка на ровном месте! — без всякого почтения заявил бритоголовый, указав пальцем на руководителя группы. — Уже пять лет тут ошиваешься, а все еще не достал с орбиты даже одного кубика льда.

Начальник расхохотался.

— Если бы это было так просто! Спустить на землю один кубик мы, с современными технологиями, можем без особого труда. Поднатужившись — сотню. Если из кожи вылезем — осилим тысячу. А вот сбросить обратно все двести тысяч блоков льда, которые сейчас крутятся вокруг Земли — совсем другой вопрос. Если использовать нашу, так сказать, конвенционную технику, один ракетный двигатель сможет затормозить и заставить войти в атмосферу один ледяной блок. То есть нам придется построить невесть сколько многоразовых космических ракет и снова и снова запускать их в космос. Это же колоссальный инженерный проект! А если учесть наш уровень технического развития и доступные ресурсы, то выяснится, что бóльшая часть препятствий на его пути попросту непреодолима. Мы же должны будем при этом спасти экосистему Земли, верно? Но если мы начнем прямо сейчас, нужно будет сбросить половину блоков за четыре года — по двадцать пять тысяч за год. На это уйдет больше ракетного топлива, чем человечество за год тратило бензина в Океанскую эпоху! Вот только это будет совсем не бензин. Это жидкий водород, жидкий кислород, азотноватый ангидрид, несимметричный диметилгидразин и тому подобное. Чтобы все это произвести, понадобится в сотни раз больше энергии и природных ресурсов, чем для производства бензина.

Уже по одному этому план нереален.

Длинноволосый кивнул.

— Говоря высокопарно, Судный день не за горами.

— Вовсе не обязательно, — возразил руководитель. — У нас ведь имеются еще и кое-какие неконвенционные технологии. Это вселяет некоторую надежду. И мы работаем в этом направлении, однако просто обязаны готовиться к худшему.

— Именно поэтому я и приехал сюда, — вставил Янь Дун.

— Чтобы готовиться к худшему? — не без ехидства уточнил длинноволосый.

— Нет, потому что некоторая надежда все же остается. — Он повернулся к руководителю бюро. — Вы пригласили меня сюда, исходя из каких-то своих соображений, но я приехал, руководствуясь собственными. — Он указал на непомерно объемную дорожную сумку. — Проводите меня, пожалуйста, в сектор восстановления океанов.

— Да что тебе там делать? — изумился бритоголовый художник. — Там заседают ученые и инженеры.

— Моя основная специальность — прикладная оптика. — Янь Дун посмотрел куда-то в пространство, за спины художников. — И я способен не только грезить наяву тут, вместе с вами, но и делать что-то полезное.

* * *

Янь Дун был настойчив, и руководитель группы «Монумент» все же отвел его в сектор восстановления океанов. Там царило совсем другое настроение. Все деловито сидели за компьютерами. Посреди зала возвышался питьевой фонтанчик, и ученые могли пить, когда хотели. Поистине королевская щедрость! Но вряд ли следовало этому удивляться — ведь именно на этих людей мир возлагал наибольшие надежды.

Янь Дуна представили начальнику сектора — впрочем, его должность именовалась «ведущий инженер», — и он без предисловий сказал:

— Я привез проект уничтожения ледяного кольца.

Раскрыв сумку, Янь Дун достал оттуда белую трубу в руку толщиной и цилиндр метровой длины. Затем подошел к окну, выходившему на солнечную сторону, высунул цилиндр за окно и встряхнул. Цилиндр развернулся наподобие зонтика с зеркальным покрытием на вогнутой стороне — точь-в-точь параболический рефлектор для солнечной печи. Трубу Янь Дун присоединил к отверстию на дне параболоида и сориентировал

рефлектор так, чтобы солнечный свет сфокусировался на ее конце. Из другого ее конца вырвался тонкий луч света, падавший на пол ослепительно ярким пятном. Поскольку труба стояла не перпендикулярно полу, пятно имело форму вытянутого овала.

— Этот световод сделан из новейшего оптоволокна, — пояснил Янь Дун, — с очень малым коэффициентом затухания. Рабочая оптическая система, конечно, должна быть гораздо больше. Впрочем, в космосе параболический рефлектор даже всего двадцати метров в диаметре может создать на другом конце световода точку с температурой выше трех тысяч градусов.

Янь Дун посмотрел по сторонам. Его демонстрация отнюдь не произвела того эффекта, на который он рассчитывал. Инженеры удостоили его конструкцию лишь беглого взгляда и без единого слова вернулись к своим экранам. Лишь после того как от антистатического покрытия пола поднялась струйка дыма, один из сидевших поблизости подошел к нему и осведомился:

— Что это вы делаете? Впрочем, сомневаюсь, чтобы температура была достаточно высокая.

И он отодвинул световод назад, убрав его грань из фокуса параболического отражателя. Светящееся пятно на полу осталось, но сразу же потемнело и остыло. Янь Дун даже удивился тому, как ловко этот человек управлялся с устройством, которое только что впервые увидел.

Ведущий инженер тоже указал на световод.

— Собирайте свое оборудование и выпейте воды. Мне сказали, что вы приехали на поезде. Неужели железная дорога с Чанчунем еще работает? Вас наверняка мучает жажда.

Янь Дун горел желанием разъяснить суть своего изобретения, но ему действительно очень хотелось пить. А после услышанного пересохшее горло так перехватило, что он не смог выдавить ни звука в ответ.

— Вы молодец! Весьма толковый проект, — сказал ведущий инженер, подавая Янь Дуну стакан с водой. Тот осушил его одним глотком и растерянно посмотрел на начальника.

— Вы хотите сказать, что кто-то уже предложил такое решение?

Ведущий инженер рассмеялся.

— Похоже, что вы, за общением с инопланетянами, стали недооценивать интеллектуальные способности своих сородичей. А ведь с того самого момента, когда низкотемпературный художник запустил на орбиту первый блок, множество народу думает о том, как исправить положение. И предложили множество вариантов. Например, вместо рефлектора предлагали использовать солнечные батареи. Или не волноводы, а провода и

электронагревательные элементы. Преимущество такого подхода в том, что это оборудование проще производить и транспортировать. А недостаток — меньшая, чем у световодов, эффективность. В общем, мы пять лет исследуем этот вопрос. Технология уже продумана до мелочей. И необходимое оборудование по большей части готово.

— Тогда почему же вы еще не начали действовать?

— Если применить этот метод, Земля потеряет двадцать один процент своей воды, — вмешался один из инженеров. — Либо во время движения в виде испаренного пара, либо во время входа в атмосферу в результате высокотемпературной диссоциации.

Ведущий инженер повернулся к нему.

— Вы, наверно, еще не знаете: американцы буквально только что смоделировали процесс на компьютере. Уже в ионосфере и ниже водород, выделяющийся при высокотемпературной диссоциации, сразу же вступит в реакцию с окружающим кислородом и образует воду. Мы слишком завысили расчетные потери в этом процессе. Общий их объем составит не более восемнадцати процентов. Он повернулся к Янь Дуну. — Но ведь и это очень много.

— Я так понимаю, что у вас есть план, позволяющий вернуть из космоса всю воду?

Ведущий инженер покачал головой.

— Это можно сделать только с помощью двигателя ядерного синтеза. Но пока что мы не в состоянии добиться управляемости этого процесса.

— В таком случае почему вы еще не действуете? Ясно же, что, если и дальше тянуть, Земля останется без единой капли воды.

Собеседник кивнул.

— Да. Мы долго сомневались, но уже решили начать. Очень скоро Земля вступит в бой за собственную жизнь.

Восстановление океанов

Янь Дун остался в секторе восстановления океана ответственным за проверку качества выпускаемых световодов. Пусть эта должность была не из важнейших, он все равно радовался тому, что участвует в работе.

Проект по восстановлению океанов вступил в активную фазу через месяц после того, как Янь Дун приехал в столицу.

Всего за неделю со всех космодромов мира в космос вышли восемьсот тяжелых ракет-носителей, доставивших на орбиту пятьдесят тысяч тонн груза. Затем с североамериканского космодрома поднялись двенадцать шаттлов, на которых

находилось в общей сложности триста астронавтов. Ракеты направлялись в основном по одной и той же взлетной траектории, и поэтому их инверсионные следы над каждой пусковой площадкой сливались в один, не успевая рассеяться. С орбиты все это походило на паутинки, тянущиеся в космос со всех континентов.

Эти массовые запуски увеличили сразу на порядок космическую активность человечества, но ведь оно по-прежнему пользовалось лишь технологией двадцатого века. Зато люди поняли, что если в существующих условиях весь мир сплотится и предпримет масштабную, хоть и рискованную, акцию, то ему по силам будет все что угодно.

Янь Дун, как и почти весь мир, наблюдал в прямом телеэфире, как на ледяной блок устанавливали первую тормозную двигательную систему.

Чтобы упростить дело, для первого опыта спуска с орбиты выбрали несколько блоков, не вращавшихся вокруг своей оси. Три астронавта высадились на льдину и выгрузили оборудование: похожее на артиллерийский снаряд устройство, способное забуриться в лед, три световода, трубу-дюзу и три сложенных параболических рефлектора. Земляне впервые смогли реально осознать, насколько велики ледяные параллелепипеды, заброшенные в космос. Казалось, будто три человека вступили в хрустальный мир. При ярком свете солнца ледяное поле под их ногами казалось необъятным.

А вокруг, вблизи и вдали, висели в черном небе точно такие же хрустальные миры. Часть из них продолжала вращаться вокруг своей оси. И все эти вращающиеся и невращающиеся глыбы льда сверкали, переливались и отражали солнечный свет. Вокруг стоявших на льду астронавтов шла непрерывная головокружительная пляска светотеневых узоров. Чем дальше, тем меньше казались глыбы, образующие кольцо, но при этом они как будто сходились все ближе и ближе и в конце концов будто сливались в тонкий серебряный пояс, который изгибался и скрывался за краем Земли. А ближайшая глыба находилась всего в трех тысячах метров. Она вращалась вокруг малой оси, и у людей замирали сердца; они ощущали себя муравьями, любующимися небоскребом, который вдруг спятил и принялся выделывать кульбиты. Сила притяжения должна была довольно скоро заставить эти куски льда столкнуться. Тогда светозащитные мембраны порвались бы, льдины рассыпались, а ледяное крошево быстро испарилось бы и исчезло под лучами солнца. В кольце уже случилось два таких столкновения. И для первого опыта по спуску льда на планету выбрали один из тех блоков, которым грозило

скорое разрушение.

Сначала один из астронавтов включил буровое устройство. Крошки льда полетели из-под сверла и закружились в космосе искрящимся вихревым конусом. Буровая головка прорвала невидимую светофильтрующую мембрану и начала погружаться в лед. Сбоку отверстие, уходившее вглубь льда, казалось мутно-белой полосой. Как только бур достиг предписанной глубины, установка переместилась на новое место и просверлила еще одно отверстие. Всего их было сделано четыре; они пересекались в одной точке глубоко во льду. В три отверстия астронавты вставили по световоду, а в четвертое, более широкое, проделанное по направлению орбитального движения глыбы, трубу-сопло. Затем астронавты через специальные тонкие патрубки загерметизировали быстротвердеющей пеной пустоты в скважинах, куда входили световоды. И наконец, они раскрыли параболические отражатели. Отражатели, бесспорно, являлись одним из немногочисленных новейших технических решений, использовавшихся на начальном этапе возрождения океана; большей частью, как отметил начальник сектора при первой встрече с Янь Дуном, применялась техника двадцатого века. А отражатели были чудом, созданным с помощью нанотехнологий. В сложенном виде каждый занимал всего кубический метр, ну а развернутый превращался в параболоид диаметром в пятьсот метров. Три отражателя походили на три серебряных листа лотоса, выросших на глыбе льда. Астронавты отрегулировали каждый световод так, чтобы его приемник совпадал с фокусной точкой отражателя.

Глубоко во льду, там, где встречались скважины, вспыхнул яркий свет. Казалось, будто крошечное солнце озарило внутри ледяной глыбы диковинное зрелище мифических масштабов — косяк серебристых рыб, танцующие морские водоросли, дрейфующие вместе с волнами… Все, что было заморожено за считаные секунды, сохранилось таким, каким было при жизни. Даже струйки пузырьков, вырвавшихся изо рта рыб, были четкими и отчетливыми. В ста с лишним километрах, внутри другой отвоевываемой у космоса ледяной глыбы, солнечный свет, переданный введенными вглубь световодами, обрисовал гигантскую черную тень. Это был синий кит длиной более двадцати метров! Лед, не так давно бывший земным морем, должен был вскоре вернуться к своему прежнему состоянию.

А в глубине этой глыбы сияние несколько ослабло, затуманенное паром. Когда же пар рассеялся, точка превратилась в ярко-белый шар, увеличивавшийся в размерах по мере того, как таял лед. Вскоре давление достигло заданного уровня, поток пара

сорвал крышку с сопла и вырвался наружу. Не имея никаких препятствий на своем пути, пар образовывал острый конус, постепенно рассеивался и в конце концов исчезал в солнечном свете. Впрочем, часть пара попала в тень другой ледяной глыбы и сконденсировалась в ледяные кристаллы, казавшиеся роем мерцающих светлячков.

Таким образом, тормозные двигатели были установлены и запущены на первой партии из ста блоков льда. Для таких массивных объектов тяга была довольно слабой, поэтому льдинам предстояло пробыть на орбите от пятнадцати дней до месяца, прежде чем они замедлятся настолько, чтобы начать спуск в атмосферу. Как только орбитальная скорость каждой глыбы достаточно снижалась, астронавты снова высаживались на нее и извлекали световоды и отражатели. Ведь для того чтобы вернуть на Землю все двести тысяч блоков, это оборудование нужно было использовать не по одному разу, а как можно больше.

С вращающимися блоками дело обстояло куда труднее. Двигательная система должна была сначала остановить их вращение и лишь потом начинать торможение.

Ледяные метеоры

В составе группы сотрудников Кризисного комитета Янь Дун прибыл на равнину на тихоокеанском шельфе, чтобы наблюдать за падением первого роя ледяных метеоров.

То, что несколько лет назад было океанским дном, теперь представляло собой белоснежный простор, отражавший ослепительно яркий солнечный свет. Без темных очков невозможно было открыть глаза. Вроде бы это зрелище должно было заставить Янь Дуна вспомнить о снежных полях родного северо-востока, но он даже не подумал о тех местах, потому что здесь было жарко, как в аду, — около пятидесяти градусов по Цельсию. Горячий ветер поднимал соленую пыль, которая больно жалила лицо. Вдалеке виднелся танкер на сто тысяч тонн, перевозивший нефть. Гигантский корпус, накренившись, лежал на земле. Винт высотой в несколько этажей и руль полностью ушли в слой соли. Еще дальше виднелась непрерывная цепь белых гор. Этот подводный горный хребет никогда прежде не представал человеческим глазам. Янь Дун вдруг вспомнил прочитанное когда-то неизвестно чье двустишье:

Открытое море — суша для лодки,
Ночь — день для любви —

и горько рассмеялся. Он, вместе со всем человечеством переживший трагедию неведомого еще масштаба, все же продолжал воспринимать мир как художник.

И тут раздались радостные крики. Янь Дун задрал голову и уставился туда же, куда указывали все. В серебряном кольце льда, пересекавшем небо, появилась яркая красная точка. Вот она отделилась от кольца. Вот превратилась в огненный шар. Вот за огненным шаром потянулся белый инверсионный след. Этот инверсионный след — полоска пара — становился все длиннее и гуще, все плотнее, все белее. Вскоре огненный шар раскололся на десять частей, каждая часть продолжала раскалываться, и за каждым маленьким кусочком тянулся свой длинный белый инверсионный след. Эта паутина следов заполнила половину неба, как будто там нарисовали белую рождественскую елку с маленькой яркой лампочкой на кончике каждой ветки…

За первым метеором последовали следующие. Они врывались в атмосферу с грохотом, сотрясавшим землю, как раскаты весеннего грома. Следы первых падений понемногу рассеивались, но тут же появлялись новые. Они исчертили небо сложной белой сетью. На Землю вернулось несколько триллионов тонн ее воды.

По большей части ледяные метеоры распадались и испарялись в полете, но один большой кусок льда рухнул на землю километрах в сорока от того места, где стоял Янь Дун. Грохот сотряс всю равнину. Над возвышавшимися на горизонте горами поднялось огромное грибовидное облако. Водяной пар сверкал белизной под жаркими солнечными лучами. Довольно скоро его подхватило ветром, и он превратился в первое облачко на удручающе чистом небосводе. Таких облаков становилось все больше и больше, и вот уже одно из них закрыло солнце, которое пять лет беспрепятственно обжигало землю. Вот они затянули все небо. Янь Дун ощутил лицом и легкими приятную свежесть.

Ну а облачность становилась все гуще и темнее. В тучах вспыхивали алые огоньки — может быть, молнии, а может быть, новые ледяные метеоры, летящие к земле.

И начался дождь! Разразился такой ливень, какие нечасто случались и в Океанскую эру. Янь Дун и все остальные, до единого, как дети, с возбужденными криками носились под хлещущими струями. Они чувствовали, как дождь размягчал очерствевшие души. Но это продолжалось недолго, после всплеска радости люди поспешили укрыться в машинах и вертолетах, потому что первые дожди, вымывавшие из воздуха всю накопившуюся пыль, должны были быть просто ядовитыми.

Дождь продолжался до самых сумерек. За это время во впадинах океанской равнины появилось немало луж. Сквозь

разрывы туч время от времени пробивались золотые мерцающие лучи солнца, как будто Земля наконец открыла глаза.

Янь Дун вместе со всей толпой бежал по густой соленой грязи, направляясь к ближайшей такой впадинке. Он зачерпнул в пригоршню немного воды, вернее, густой соленой жижи, и плеснул ею себе в лицо. Почувствовав, как этот рассол смешался со слезами, он прошептал:

— Океан, наш океан…

Эпилог
Десять лет спустя

Янь Дун, закутанный в потрепанное, слишком большое для него теплое пальто, шел по льду реки Сунхуа. На плече у него висела сумка с инструментами, которые он берег пятнадцать лет, — разнообразные ножи и лопатки, молоток и ковшик для поливания. Время от времени он сильно топал по льду, чтобы убедиться, что река действительно замерзла. Вода вернулась в Сунхуа уже пять лет назад, но замерзла она впервые за это время, и лед, похоже, должен был продержаться до лета.

Из-за многолетней засухи, а также потенциальной энергии множества ледяных метеоров, преобразовавшейся в тепло при их прохождении через атмосферу, глобальный климат оставался жарче, чем до явления космического пришельца. Но на заключительном этапе восстановления океана с орбиты сбросили самые большие ледяные глыбы, которые разваливались на более крупные осколки. Большинство из них не растаяло в воздухе, а рухнуло на землю. При этом было разрушено несколько городов и поднялось много пыли, которая экранировала солнечное тепло. По всему миру быстро понижалась температура. Земля вступила в новый ледниковый период.

Янь Дун посмотрел на ночное небо. Звездный пейзаж был таким же, как в годы его детства. Ледяное кольцо исчезло. Можно было различить лишь немногочисленные небольшие ледяные глыбы, почему-то не спущенные с орбиты — их нетрудно было узнать по быстрому движению на фоне звезд. Море сновидений снова превратилось в настоящие моря. Но это великолепное произведение искусства, его жестокая красота и кошмар, вызванный его созданием, навсегда останутся в коллективной памяти человечества.

Многолетняя операция по восстановлению океана завершилась, но климат Земли теперь будет куда более суровым, чем прежде. Для восстановления экосистемы потребуется много веков. В обозримом будущем существование человечества будет чрезвычайно трудным. Трудным, но все же возможным. Большинство людей были рады и этому. Действительно, эпоха ледяного кольца заставила человечество научиться довольствоваться малым — но не только этому, но и чему-то еще более важному.

Всемирная кризисная организация намеревалась сменить название и впредь именоваться Космической организацией по

поиску воды. Она уже рассматривала другой великий инженерный проект: человечество намеревалось полететь к далекому Юпитеру и еще более далекому Сатурну и привезти на Землю лед с их спутников и колец, чтобы восполнить те восемнадцать процентов, что были безвозвратно потеряны в ходе Проекта по восстановлению океана. Сначала предполагалось использовать ту же самую технологию перемещения ледяных глыб. Но, увы, в таком отдалении от Солнца его свет был слишком слаб. Тягу, необходимую для доставки фрагментов колец Сатурна, можно было получить, только используя для испарения льда энергию ядерного синтеза. Что касается воды с лун Юпитера, то для ее получения требовались еще более крупные и сложные технологии. Уже звучали предложения вытащить из глубокого гравитационного колодца Юпитера его спутник Европу, отбуксировать к Земле и сделать вторым спутником. Таким образом Земля получила бы гораздо больше воды, чем те восемнадцать процентов, и ее экосистема превратилась бы в великолепный рай. Естественно, это было делом далекого будущего. Никто из живых не надеялся увидеть это при жизни. Однако эта надежда заставляла людей, невзирая на нелегкую жизнь, чувствовать счастье, которого они никогда раньше не испытывали. Это было самое ценное, что человечество получило от эпохи ледяного кольца: возвращение на Землю Моря сновидений заставило человечество осознать свою собственную силу, научило его мечтать о том, что оно раньше не дерзало даже видеть во сне.

Янь Дун увидел впереди, на льду, группу людей и, оскальзываясь на каждом шагу, направился к ней. А они, завидев его, поспешили навстречу. Кто-то упал, но тут же поднялся и заторопился за остальными.

— Здорово, дружище! — Человек, бежавший первым, крепко обнял Янь Дуна. Тот узнал его. Это был один из судей многочисленных фестивалей и конкурсов ледовых и снежных скульптур, которые были так популярны до Эпохи кольца. Янь Дун некогда дал себе зарок никогда не разговаривать с судьями из жюри, потому что на предпоследнем фестивале они присудили главный приз молодой скульпторше, несомненно, за милое личико и прекрасную фигуру, а вовсе не за художественные достоинства произведения.

В следующее мгновение он узнал и остальных. В большинстве это были его старые знакомые, ледовые скульпторы из времен, предшествовавших Эпохе кольца. Как и все без исключения в эти дни, они были обряжены в ветхие одежды, а кое-кто даже в лохмотья. Годы и страдания выбелили волосы у них на висках.

Янь Дун почувствовал себя так, будто вернулся домой после многих лет скитаний.

— Я слышал, что скоро состоится новый Фестиваль искусств льда и снега? — вопросительным тоном произнес он.

— Конечно. А для чего еще мы тут собрались бы?

— Я подумал… Времена такие тяжелые…

Янь Дун поплотнее запахнулся в свой балахон. Он оделся как можно теплее, но все равно то и дело поеживался и притопывал по льду коченеющими ногами. Остальные вели себя точно так же: ежились и приплясывали, словно нищие, выпрашивающие милостыню в морозный день.

— Да, времена тяжелые — ну и что из того? Неужели в тяжелые времена следует отказываться от искусства? — стуча зубами, выговорил пожилой скульптор.

— Да ведь искусство — единственный смысл существования человечества, — бросил кто-то.

— Да что там, у меня множество причин, одна другой важнее, — повысив голос, заявил Янь Дун.

Все расхохотались и вдруг умолкли, погрузившись в воспоминания о десяти с лишним годах по-настоящему тяжелых времен. Каждый перебирал, одну за другой, причины, побудившие его вернуться к давнему творчеству. Так или иначе, они из счастливцев, переживших ужасную катастрофу, вновь стали художниками.

Янь Дун достал из сумки бутылку гаоляновой водки. Все с удовольствием согрелись, отхлебывая по глотку и передавая бутылку соседу. Потом разожгли костер на широком берегу реки и долго грели у огня бензопилу, пока она не соизволила завестись на лютом морозе. Потом опять сошли на замерзшую реку. Пила со злобным ревом вгрызалась в лед. Белые крошки летели в стороны. И вскоре они оттащили в сторону первый блок мерцающего, как бы флуоресцирующего льда из реки Сунхуа.

Поэтическая туманность

Первая публикация как 诗云 в «Science Fiction World», Чэнду, 2003 г.

ИИ с двумя своими спутниками пересекал на яхте Южную Пасифиду. Целью этого путешествия, предпринятого во имя поэзии, был Южный полюс. Чтобы добраться туда, им потребуется несколько дней, а потом нужно будет преодолеть земную кору и увидеть Поэтическую туманность.

Нынче и небо, и море были ясными. Казалось, ради стихотворчества мироздание одело планету в стекло. Посмотрев вверх, можно было с редкой ясностью разглядеть в небе североамериканский континент. На огромном, охватывающем весь мир куполе, если смотреть из Восточного полушария, он выглядел пятном отвалившейся штукатурки на стене.

Да, человечество теперь обитало внутри Земли. Точнее говоря, человечество обитало внутри Воздуха, потому что Земля представляла собой воздушный шар. Из планеты выскребли все содержимое, оставив лишь тоненькую — в сотню километров — корочку. Материки и океаны остались на прежних местах, только перевернулись и теперь смотрели внутрь шара. И атмосфера тоже осталась — но внутри. И океаны липли к внутренней поверхности сферы. Полая Земля продолжала вращаться, но смысл этого движения был совсем иным — оно создавало притяжение. Естественное притяжение тоненькой скорлупки — земной коры — было очень слабым, почти неощутимым, поэтому «гравитацию» на Земле приходилось создавать центробежной силой, возникающей при вращении. Но эта «гравитация», естественно, действовала очень неравномерно. Сильнее всего она ощущалась на экваторе, где была в полтора раза сильнее прежней, земной. По мере увеличения широты притяжение постепенно уменьшалось, а на полюсах была невесомость. На той широте, где сейчас находилась яхта, притяжение составляло 1 g по прежней шкале, но И И так и не смог вызвать в себе ощущения, будто стоит на старой твердой Земле.

В центре полой Земли висело крошечное Солнце, создававшее в мире день и ночь. Яркость его свечения плавно изменялась по двадцатичетырехчасовому циклу от наивысшей яркости до полной темноты. В определенные ночи на поверхность изливался даже холодный лунный свет. Но он исходил из одной точки, и увидеть круглую полную луну было невозможно.

Из троих пассажиров яхты двое вообще-то людьми не были. Один, с говорящим именем Большезуб, был динозавром. При

каждом движении его десятиметрового тела яхта опасно раскачивалась, вызывая раздражение у того, кто декламировал стихи, стоя на носу, — высокого тощего человека, облаченного в архаичный просторный халат по моде эпохи Тан. Ветер развевал его длинные снежно-белые волосы и бакенбарды. Он походил на висящий между морем и небом иероглиф, начертанный самым высокопарным из стилей китайской каллиграфии.

Это был создатель нового мира, великий поэт Ли Бай.

Дар

Вся история началась десять лет назад, когда Пожирающая империя завершила разграбление Солнечной системы, продолжавшееся два века. Динозавры, впервые покинувшие Землю в незапамятном прошлом, погрузились на мир-кольцо диаметром пятьдесят тысяч километров и отправились в сторону созвездия Лебедя. Пожирающая империя также взяла с собой 1,2 миллиарда человек, чтобы разводить их в качестве пищевого скота. Однако, достигнув орбиты Сатурна, мир-кольцо вдруг начал сбавлять скорость, а затем, хоть это и казалось совершенно невероятным, повернул обратно, во внутреннюю часть Солнечной системы.

Через неделю по времени мира-кольца после того, как Пожирающая империя легла на возвратный курс, эмиссар Большезуб вылетел с кольца на своем космическом корабле, похожем на старинный дровяной кипятильник, и привез в кармане человека по имени И И.

— Ты будешь подарком! — сообщил Большезуб, глядя в черную бездну, разворачивавшуюся за иллюминатором. От его ухающего голоса у И И дребезжали все кости.

— Кому? — заорал И И из кармана, запрокинув голову. В прорезь он видел только нижнюю челюсть динозавра, похожую на здоровенную скалу, торчащую над краем обрыва.

— Тебя преподнесут богу! Бог прибыл в Солнечную систему. Поэтому и империя вернулась.

— Настоящему богу?

— Их раса владеет невообразимыми технологиями. Они преображаются в сгустки чистой энергии и могут в мгновение ока переноситься с одного конца Млечного Пути на другой. Так что они самые настоящие боги, и с этим не поспоришь. Если нам удастся приобщиться к сотням их сверхпродвинутых технологий, Пожирающей империи гарантировано блестящее будущее. Мы уже на финальном этапе этой наиважнейшей миссии. Тебе следует понравиться богу!

— Но почему вы выбрали меня? У меня же низкосортное мясо, — сказал И И. Ему было хорошо за тридцать. В Пожирающей империи ценили нежное, белое, молодое мясо, а он был старым и невкусным.

— Бог не ест букашек, а только собирает их. А я слышал от скотоводов, что ты очень необычный. Наверное, у тебя много учеников, да?

— Я поэт. И до последнего времени преподавал классическую

литературу людям в загонах. — И И с трудом выговорил слова «поэт» и «литература» — в языке пожирателей они относились к числу самых редко используемых.

— Дурацкое, никчемное времяпрепровождение. Скотоводы закрывают глаза на эти занятия только потому, что какой-то странный духовный эффект от них улучшает вкус мяса… Как я заметил, ты очень высокого мнения о себе и мало замечаешь остальных. Интересно было бы узнать, откуда у пищевого скота берутся такие повадки.

— Все поэты такие! — И И выпрямился в кармане во весь рост и, хоть и знал, что Большезуб не смотрит на него, гордо вскинул голову.

— Твои предки участвовали в Войне в защиту Земли?

И И мотнул головой.

— Мои предки в ту эпоху тоже были поэтами.

— Самая бесполезная порода букашек. Насколько я знаю, она всегда была редкой на Земле.

— Они жили в мире самого сокровенного самоуглубления, куда не доходили перемены, происходящие во внешнем мире.

— Бесстыдство… О, мы уже почти приехали.

Услышав это, И И все же высунул голову из кармана. В широкий иллюминатор прямо по курсу были видны два сверкающих белых объекта, плавающих в космосе — квадрат и сфера. Когда космический корабль поравнялся с квадратом, тот на мгновение пропал из виду. В этом, впрочем, не было ничего удивительного, поскольку квадрат практически не обладал толщиной. Теперь перед кораблем маячила идеальная сфера. И она, и квадрат сияли ровным, мягким белым светом, так хорошо распределенным, что невозможно было выделить ни единой неровности, ни единого заметного места. Они выглядели так, будто их извлекли из компьютерной базы данных, — два подчеркнуто лаконичных выражения совершенно абстрактных концепций в беспорядочной Вселенной.

— И где же бог? — спросил И И.

— Эти два геометрических объекта, конечно. Боги любят простоту и порядок.

Когда они приблизились вплотную, И И увидел, что квадрат величиной примерно с футбольное поле. Космический корабль опустился дюзами вниз, но пламя не оставило на поверхности никакого следа, как будто ракета была всего лишь иллюзией. И все же И И ощутил притяжение объекта, и сотрясение, с которым космический корабль соприкоснулся с его поверхностью, было вполне реальным.

Большезуб явно уже бывал здесь; он без колебаний вышел

наружу. У И И сердце зашлось, когда он увидел, что динозавр решительно повернул рукоятки по обе стороны выходного люка, даже не закрыв воздушный шлюз, но против его ожидания воздух не вырвался в космос с яростным ревом. Когда Большезуб покинул корабль, И И ощутил, как в карман, где он сидел, хлынул свежий воздух, и, высунувшись, почувствовал лицом прикосновение ласкового прохладного ветерка. Это была какая-то сверхпередовая технология, не доступная ни людям, ни динозаврам. Ее применение — вот так, между делом, — ошеломило И И и вошло ему в сердце, пожалуй, даже сильнее, чем когда-то человечество поразило первое столкновение с пожирателями. Он посмотрел вверх. Сфера плавала точно над головой на фоне сияющего Млечного Пути.

— Каким подарочком ты хочешь порадовать меня на сей раз, эмиссар? — спросил бог на языке пожирателей. Его негромкий голос как будто доносился невесть откуда, из бездны дальнего космоса. Тогда И И впервые узнал, что грубая речь динозавров может звучать приятно для слуха.

Большезуб запустил коготь в карман, подцепил И И и поставил его на пол. И И ощущал ногами эластичную поверхность.

— Уважаемый бог, — сказал Большезуб. — Я слышал, что вы коллекционируете мелкие организмы из различных звездных систем, и поэтому привез вам эту забавную мелочь — человека с Земли.

— Меня интересуют только *безукоризненные* организмы. Зачем же ты привез мне это мерзкое насекомое? — сказал бог. Сфера и плоскость дважды мигнули; возможно, это было выражением неудовольствия.

— Вы знаете об этой расе? — в изумлении вскинул голову Большезуб.

— Не сказать чтобы много, но кое-что слышал о ней от различных путешественников, побывавших в этом рукаве галактики. Как ни коротка эволюция этих организмов, но на них успели немало насмотреться, и у всех вызывали отвращение вульгарность их мыслей, низость их поступков, беспорядочность и гадостность их истории. Ни один из посетителей не пожелал снизойти до контакта с ними; скорее уж думали, не уничтожить ли их планету. Выброси это поскорее.

Снова подхватив И И, Большезуб закрутил массивной головой в поисках места, куда бы выбросить его.

— Дезинтегратор сзади тебя, — подсказал бог. Большезуб обернулся и увидел, что за его спиной в идеальной плоскости открылось небольшое круглое отверстие. Внутри мерцал бледно-

голубой свет.

— Вы слишком низкого мнения о нас! Человечество создало замечательную цивилизацию! — изо всех сил заорал И И на языке пожирателей.

Сфера и плоскость снова дважды мигнули. Бог издал два холодных смешка.

— Цивилизацию? Эмиссар, объясни этому насекомому, что такое цивилизация.

Большезуб поднял И И на уровень своих глаз; человек отчетливо слышал, как что-то басовито похрустывало, когда глазные яблоки гиганта двигались в орбитах.

— Козявка, в этой Вселенной общепринятая единица измерения уровня цивилизации — это количество измерений, которые ей доступны. Чтобы вообще считаться цивилизацией, нужно уметь пользоваться хотя бы шестью. Наш глубокоуважаемый бог владеет одиннадцатью. Пожирающая империя в лабораторных экспериментах прикоснулась к четвертому измерению, и нас пока что считают лишь примитивным, нецивилизованным племенем Млечного Пути. Ну а вы в глазах бога ничуть не лучше мхов и лишайников.

— Выброси эту гадость! — нетерпеливо потребовал бог.

Завершив презрительную тираду, Большезуб направился к разверзнутой пасти дезинтегратора. И И отчаянно дергался. Из его одежд вывалились и разлетелись бесчисленные листочки исписанной белой бумаги. Из сферы вырвался тонкий, как игла, луч света и уперся в один из листков, который тут же неподвижно застыл в воздухе. А луч стремительно пробежал несколько раз по его поверхности.

— Эй, подожди! Что это такое?

Большезуб остановился, небрежно держа подцепленного одним когтем за шиворот И И прямо над жерлом дезинтергатора, и повернулся к сфере.

— До… домашние задания моих учеников! — с трудом выговорил И И, болтаясь в гигантской лапище динозавра.

— Эти угловатые символы очень интересны, и матрицы, которые они образуют, также весьма занимательны, — сказал бог. Тот же луч стремительно просканировал остальные листочки, которые к тому времени успели упасть на пол.

— Это знаки ки… китайской письменности. Тут записаны классические китайские стихи.

— Стихи?! — воскликнул бог и погасил свой исследовательский лучик. — Эмиссар, думаю, ты понимаешь язык этих насекомых?

— Конечно, глубокоуважаемый бог. До того как Пожирающая

империя съела Землю, мы довольно долго прожили в их мире. — Большезуб поставил И И на пол рядом с дезинтегратором, наклонился, поднял один из листочков, поднес его к глазам и стал вглядываться, с трудом разбирая мелкие значки. — Это можно перевести примерно так…

— Прекратите! Вы извратите и содержание, и форму! — закричал И И. Он даже руками замахал, стараясь прервать динозавра.

— Это почему же? — спросил явно заинтересовавшийся бог.

— Потому что этот вид искусства можно воплотить только на классическом китайском языке. Даже при переводе их на другие человеческие языки стихи настолько меняются, что теряют бóльшую часть своего смысла и красоты.

— Эмиссар, у тебя ведь имеется этот язык в компьютерной базе данных? Пришли мне релевантную информацию, а заодно и все имеющиеся у тебя сведения об истории Земли. Воспользуйся тем же самым каналом связи, который мы наладили при прошлой встрече.

Большезуб рысью побежал в корабль и кинулся к компьютеру, приговаривая:

— Классического китайского языка у нас тут нет, но ничего, сейчас загрузим из сети империи. Задержечка будет, задержечка…

Через открытый люк И И видел, как в глазищах динозавра отражался неровно мерцающий свет экрана.

К тому времени когда Большезуб вылез из корабля, бог уже начал декламировать с безупречным современным китайским произношением записанное на листочке стихотворение:

— Бай жи и шань цзинь,
Хуан хэ жу хай лю,
Юй цюн цянь ли му,
Гэн шан и цэн лоу.

— Как быстро вы учитесь! — воскликнул И И.

Бог промолчал, как будто ничего не слышал.

Большезуб взялся за перевод:

— Здесь рассказывается о том, что звезда скрылась за горами, возвышающимися над поверхностью движущейся по орбите планеты. Поток жидкости под названием Желтая река течет по направлению к океану. Ах, да, и река, и океан заполнены химическим соединением, состоящим из одного атома кислорода и двух атомов водорода. И если кто-то захочет увидеть дальше, ему придется подняться на верхнюю поверхность искусственного

сооружения.

Бог снова промолчал.

— Глубокоуважаемый бог, вы не так давно соизволили посетить Пожирающую империю. Пейзаж там почти идентичен пейзажу того мира, который описала козявка, сочинившая это стихотворение, — горы, реки и моря, так что…

— Так что, о чем рассказывается в стихотворении, я понял, — перебил его бог. Сфера внезапно переместилась и оказалась точно над головой Большезуба. И И подумал, что это больше всего похоже, будто динозавра рассматривает гигантский глаз без зрачка. — Но не почувствовал ли ты кое-что еще?

Большезуб недоуменно покачал головой.

— Там есть нечто, так сказать, скрытое за прямым содержанием этого простого элегантного набора угловатых символов.

Большезуб, похоже, еще сильнее растерялся, и бог продекламировал еще одно классическое стихотворение:

— Цянь бу цзянь гу жэнь,
Хоу бу цзянь лай чжэ,
Нянь тянь ди чжи ю ю,
Ду цан жань эр ти ся.

Большезуб кинулся переводить:

— А здесь говорится, что, когда смотришь перед собой, не видишь тех козявок, живших на планете в далеком прошлом. А оглянувшись назад, не видишь козявок, которые только будут когда-нибудь жить на планете. Тогда ты понимаешь, что время и пространство безмерно велики, и остается только плакать.

Бог задумался.

— «Плакать» — совершать единственный физиологический процесс, который служит у козявок для выражения печали. При этом их органы зрения…

— Ты все еще ничего не чувствуешь? — перебил его бог. Сфера опустилась еще ниже и уже почти касалась вытянутой морды Большезуба.

Динозавр решительно мотнул головой.

— Глубокоуважаемый бог, я не думаю, что тут может быть что-то спрятано. Всего лишь простенький пустой стишок.

Бог прочитал еще несколько стихотворений подряд. Все они были короткими и простыми, но все же содержали в себе какую-то духовную составляющую, которая далеко выходила за пределы того, что излагали слова. Он продекламировал «Плыву в Цзянлин», «Размышления тихой ночью» и «Пожелание доброго

пути Мэн Хаожаню возле Башни Желтого журавля» Ли Бая, «Снег над рекой» Лю Цзунъюаня, «Башни Желтого журавля» Цуй Хао, «Весенний рассвет» Мэн Хаожаня и многое другое.

— У Империи пожирателей имеется множество исторических эпических поэм длиной в миллионы строк. Мы с радостью преподнесем их вам, глубокоуважаемый бог! По сравнению с ними стишки этих козявок так же примитивны и жалки, как и их технологии…

Сфера неожиданно покинула свое положение над мордой Большезуба и совершила какой-то легкомысленный вираж.

— Эмиссар, я знаю, что твой народ больше всего на свете желает узнать: «Пожирающая империя существует уже восемь миллионов лет. Почему же ее технология замерла на уровне атомного века?» Так вот, теперь я знаю ответ на этот вопрос.

Большезуб уставился на сферу горящими глазами.

— Глубокоуважаемый бог, этот ответ имеет для нас жизненно важное значение! Позвольте…

— Глубокоуважаемый бог! — крикнул И И, высоко подняв руку. — У меня тоже есть вопрос. Позвольте и мне сказать!

Большезуб сверкнул на него глазами так, что стало ясно: ему больше всего на свете хочется одним глотком покончить с наглой козявкой. Но бог сказал:

— Я все так же презираю земных насекомых, но несколько наборов ваших символов заслужили для тебя это право.

— У всех ли рас Вселенной существует искусство?

Висевшая впереди и сверху сфера вдруг мелко, но редко завибрировала, как будто кивая.

— Да. По правде говоря, я как раз занимаюсь исследованием и коллекционированием искусств в межгалактических масштабах. В своих путешествиях я встречал у многочисленных цивилизаций самые разные искусства. Большинство из них воплощается в громоздких, тяжеловесных малопонятных конструкциях. Но чтобы вот так, используя минимум символов, собранных в маленький и хитроумно построенный набор, охватить такие богатые сенсорные слои и тонкий смысл, все время действуя в соответствии с буквально садистически строгими формальными правилами и схемами рифмовки… Надо сказать, что такого я еще не видел… Эмиссар, можешь теперь выбросить насекомое.

Большезуб снова подцепил И И когтями.

— Вы, как всегда, правы, глубокоуважаемый бог, его надо выбросить. В центральной сети Пожирающей империи хранится весьма обширный свод информации о человеческой цивилизации. Все эти ресурсы теперь скопированы в вашу память. Ну а эта козявка все равно вряд ли знает что-нибудь, кроме нескольких

стишков. — Эту фразу он произнес, направляясь вместе с И И к дезинтегратору.

— И бумагу тоже выброси, — приказал бог. Большезуб поспешно вернулся и принялся свободной лапой поднимать с пола листочки. Тут И И, стиснутый несокрушимыми когтями, снова заорал:

— О, бог, сохрани эти листы с древними стихами человечества как экспонат! Ты ведь нашел непревзойденное искусство и сможешь распространить его во Вселенной!

— Погоди! — снова остановил бог Большезуба. И И повис прямо над жерлом дезинтегратора, ощущая жар, испускаемый голубым пламенем. Сфера в очередной раз проплыла в воздухе и остановилась в нескольких сантиметрах перед его лбом. И И подумал, что громадный глаз без зрачка впервые рассматривает его, как немного раньше — Большезуба, и ощутил давление этого взгляда.

— Непревзойденное? — расхохотался Большезуб. — Неужели ты, жалкое существо, даже сейчас, перед лицом могущественного бога, можешь верить в те глупости, о которых болтаешь? Это же смешно! Что осталось от вашего так называемого человечества? Ничего у вас на Земле не осталось! Даже то, что вы называли наукой, почти забыто. Однажды за обедом я спросил человечка, которого собирался съесть, из чего были сделаны атомные бомбы, которые людишки использовали, пытаясь обороняться от нас. И он ответил: они были сделаны из атомов!

— Ха-ха-ха!.. — бог расхохотался почти одновременно с Большезубом; сфера завибрировала так энергично, что растянулась в эллипсоид. — Определенно, это самый точный из возможных ответов. Ха-ха-ха…

— Глубокоуважаемый бог, от этих грязных козявок не осталось ничего, кроме нескольких крошечных стишков! Ха-ха-ха…

— Но их невозможно превзойти! — провозгласил И И, выпятив грудь, насколько позволяли державшие его когти.

Колебания сферы прекратились, и она произнесла чуть ли не интимным шепотом:

— Технология способна превзойти все что угодно.

— Они не имеют никакого отношения к технологии. Это квинтэссенция духовного бытия людей. Их невозможно превзойти!

— Ты так говоришь, букашка, только потому, что никогда не видел истинной мощи технологии. Жалкая мелкая букашка. Ты ничего не видел. — Бог говорил чуть ли не ласковым тоном, как любящий отец мог бы вразумлять малолетнего сына, но И И

содрогнулся от пронзившего все его тело леденящего холода. — Взгляни на Солнце, — велел бог.

И И повиновался. Они находились в вакууме между орбитами Земли и Марса. Ослепительное сияние Солнца заставило его сильно прищуриться.

— Какой твой любимый цвет? — спросил бог.

— Зеленый.

Едва успел он произнести это слово, как Солнце сделалось зеленым. Оттенок завораживал; Солнце напоминало кошачий глаз, парящий в пустоте космоса. Под его пристальным взглядом вся Вселенная выглядела странной и зловещей.

Большезуб содрогнулся, непроизвольно разжал когти и выронил И И на пол. Когда и к человеку, и к динозавру вернулась способность здраво соображать, они обратили внимание на еще более невообразимый факт: свету, чтобы дойти от Солнца сюда, потребовалось бы более десяти минут, и все же изменение произошло мгновенно.

Через полминуты Солнце вернулось в свое прежнее состояние, и от него снова пошел бриллиантово-белый свет.

— Видишь? Вот что такое технология. Это сила, позволившая моей расе превратиться из моллюсков, копошащихся в океанском иле, в богов. Технология же сама по себе — истинный Бог. И мы все преданно поклоняемся ему.

И И поморгал полуослепшими глазами.

— Но этот бог не в состоянии превзойти вершины искусства. У нас тоже имеются боги, они живут в нашем сознании. Мы поклоняемся им, но не допускаем мысли, будто они способны написать такие стихи, как у Ли Бая или Ду Фу.

Бог холодно рассмеялся.

— Просто невыносимо упрямое насекомое, — сказал он И И. — От этого ты делаешься еще противнее. Но я, пожалуй, просто чтобы убить время, быстренько превзойду твое искусство расстановки значков.

И И тоже рассмеялся.

— Это невозможно. Прежде всего, вы не человек и поэтому не способны испытывать те чувства, которые знакомы человеческой душе. Для вас человеческое искусство — всего лишь цветок, выросший на каменной глыбе. И одолеть это препятствие вам не поможет никакая технология.

— Технологии так же просто преодолеть это препятствие, как тебе — щелкнуть пальцами. Дай мне твою ДНК.

И И растерялся.

— Дай богу один волос со своей головы! — рявкнул на него Большезуб. И И поспешно вскинул руку и вырвал волос, который

невидимая сила тут же выхватила у него из пальцев и втянула в сферу. Через несколько секунд волосок выпал оттуда и плавно опустился на пол. Судя по всему, бог взял всего лишь микроскопический кусочек вещества из оболочки корня.

Затем сфера вспыхнула мягким белым светом и постепенно просветлела. Ее заполняла прозрачная жидкость, в которой пробегали цепочки пузырьков. Затем И И разглядел в середине комочек размером с куриное яйцо, окрашивающий бледно-красным проходивший сквозь него солнечный свет, будто сам светился изнутри. Этот комочек рос прямо на глазах. И И понял, что это свернувшийся колечком эмбрион с плотно зажмуренными выпирающими глазами и перекрещенной красными кровеносными сосудами огромной по сравнению с тельцем головой. И этот эмбрион стремительно рос. В конце концов крохотное тельце развернулось и принялось плавать по-лягушачьи внутри сферы. Жидкость постепенно мутнела, так что проходящий сквозь нее солнечный свет обрисовывал лишь нечеткий силуэт, который продолжал увеличиваться и в конце концов сделался плавающим человеком. Тогда сфера вновь сделалась непрозрачной, и из нее на пол выпал голый мужчина.

Клон И И неуверенно поднялся на подкашивающиеся ноги; его мокрая кожа блестела в солнечном свете. Он был длинноволос и длиннобород, однако на вид ему было самое большее немного за сорок. Он был похож на И И только худобой.

Клон застыл в неудобной позе, глядя куда-то вдаль, будто вовсе не замечал Вселенной, в которой только что появился. Сфера над его головой стала меркнуть и, перестав светиться, вдруг бесследно исчезла. Но почти сразу же И И заметил, как начало светиться что-то другое, и понял, что это глаза клона. Если в первые секунды взгляд «новорожденного» был откровенно туп, то теперь он наполнился поистине божественной мудростью. Тут И И откуда-то стало ясно, что бог наверняка должен был скопировать в клонированное тело всю его память.

— Холод… значит, это и есть холод? — По белой платформе пронесся ветерок. Клон дрожал, обхватив руками костлявые плечи, но говорил он с неподдельными интересом и удивлением. — Это холод! Это боль, безукоризненная, безупречная боль, ощущение, которое я искал среди звезд, пронизывающее, словно десятимерная струна, протянутая сквозь время и пространство, прозрачное, как алмаз чистой энергии в сердце звезды, ах… — Он распростер тощие руки и вскинул голову к Млечному Пути. — Цянь бу цзянь гу жэнь, хоу бу цзянь лай чжэ, нянь юй чжоу чжи… — тут его так затрясло, что зубы застучали, и он перестал комментировать в стихах свое рождение

и побежал к дезинтегратору греться.

Все так же дрожа, клон сунул руки прямо в люк, туда, где играло голубое пламя, и сказал, повернувшись к И И:

— Вообще-то, я всегда поступаю именно так. Изучая и коллекционируя искусство какой-нибудь цивилизации, я всегда загружаю свое сознание в организм какого-нибудь из ее представителей, обеспечивая тем самым полное понимание искусства.

Пламя внутри дезинтегратора внезапно стало намного ярче. И пол вокруг люка тоже залил разноцветный свет, так что И И показалось, что вся плоскость — это лист матового стекла, плавающий в море огня.

— Дезинтегратор превратился в синтезатор, — шепнул Большезуб, немного наклонившись к И И. — Бог осуществляет преобразование энергии в вещество. — Увидев, что И И не понял сказанного, он раздраженно добавил: — Идиот! Он делает всякие вещи прямо из энергии; такое только богу под силу!

Внезапно из синтезатора вылетела какая-то белая масса, на мгновение зависла в воздухе и начала разворачиваться на лету. Это была одежда. Клон поймал ее, не дав опуститься на пол, и быстро оделся. И И увидел, что это свободный белый шелковый, с лаконичной отделкой из широкой черной полосы по краям халат в стиле эпохи Тан. И, невзирая на то что несколько минут назад клон выглядел просто жалко, сейчас, в халате, он стал подобен небесному мудрецу. И И, хоть и видел все своими глазами, никак не мог поверить, что это роскошное одеяние сделано всего-навсего из голубого пламени.

А синтезатор уже выдал другой предмет. Что-то черное вылетело из люка и громыхнуло по полу, как камень. И И метнулся туда и поднял предмет. Ладно, зрение могло и обмануть, но осязание не ошибалось — он держал в руке тяжелую каменную тушечницу, которая к тому же была холодна, как лед. Рядом с ним на пол брякнулось что-то еще; И И поднял небольшой черный брикетик. Тут уж никаких сомнений быть не могло — это тушь! Далее последовали несколько кисточек, футляр для них, лист снежно-белой тутовой бумаги (бумага из огня!) и несколько декоративных, старинных на вид статуэток. Последний предмет оказался самым большим — старомодный письменный стол! И И с помощью Большезуба торопливо поставил его на ножки и разместил на столешнице все созданное раньше.

— Энергии, которая потребовалась на создание всего этого, хватило бы, чтоб обратить в пыль целую планету, — шепнул Большезуб немного дрожащим голосом.

Клон подошел к столу, удовлетворенно кивнул, увидев, как на нем все расположено. Погладил одной рукой только что просохшую бороду.

— Я — Ли Бай.

И И внимательно осмотрел клона.

— Вы имеете в виду, что хотите стать Ли Баем, или действительно считаете, что вы — это он?

— Я Ли Бай, без всяких оговорок. Ли Бай, который превзойдет Ли Бая!

И И рассмеялся и покачал головой.

— Ты все еще сомневаешься во мне?

И И кивнул.

— Охотно признаю, что ваша технология намного превосходит все, что я способен постичь. Она укладывается разве что в человеческие представления о магии и божественных деяниях. Вы поразили меня даже в области искусства и поэзии. Несмотря на непомерный культурный, пространственный и временной разрыв, вам удалось ощутить потаенные нюансы классической китайской поэзии… Но понять Ли Бая — это одно, а превзойти его — совсем другое. Я остаюсь при своем убеждении, что вы имеете дело с непревзойденным произведением искусства.

На лице клона — Ли Бая — мелькнула и тут же пропала непонятная усмешка. Он ткнул пальцем в сторону стола, рявкнул: «Разотри тушь!», отвернулся и направился к краю плоскости. Остановившись на самом краю, он уставился на Млечный Путь и погрузился в раздумья, неторопливо поглаживая бакенбарды.

И И взял стоявший на столе исинский глиняный кувшин, капнул воды в углубление тушечницы и принялся тереть край бруска туши о камень. Ему никогда в жизни не доводилось этим заниматься, и он неловко скреб тушь о камень, стачивая уголки. Глядя, как густеет и темнеет жидкость, И И думал о том, что сейчас находится на расстоянии полутора астрономических единиц от Солнца, на бесконечно тонкой плоскости, в бескрайнем космическом пространстве. (И даже в то время, когда эта плоскость создавала вполне материальные вещи из чистой энергии, удаленный зритель воспринял бы ее как не имеющую объемного измерения.) Это была парящая в пустоте Вселенной сцена, на которой динозавр, человек, выращенный этими самыми динозаврами как домашний скот, который они пожирали заживо, и технологический бог в старинной одежде, намеревающийся превзойти Ли Бая, импровизировали затейливую театральную пьесу. И И покачал головой и почти незаметно рассмеялся.

Решив, что тушь готова, И И выпрямился и остановился рядом с Большезубом. К тому времени ветерок на плоскости

совсем утих. Ровно светили Солнце и Млечный Путь; казалось, что Вселенная замерла в предвкушении.

Ли Бай неподвижно стоял на краю плоскости. Воздух над нею практически не рассеивал свет, и фигура не имела полутонов. Если бы не движения руки, продолжавшей неторопливо оглаживать бакенбарды и бороду, ее можно было бы принять за каменное изваяние.

И И и Большезуб терпеливо ждали. Безмолвно текло время. Тушь на лежавшей на столе кисти начала подсыхать. Солнце плавно перемещалось по небу; от стола и космического корабля тянулись длинные тени, а расстеленный на столе белый лист бумаги казался частью плоскости.

В конце концов Ли Бай повернулся и медленно направился к столу. И И поспешно вновь смочил кисть тушью и обеими руками поднес ее поэту, но Ли Бай жестом отстранил его и снова застыл, глядя на лежавший на столе белый лист бумаги. В его взгляде появилось какое-то новое выражение.

И И с тайным злорадством понял, что это растерянность и тревога.

— Мне нужно еще кое-что. Это… хрупкие предметы. Приготовьтесь поймать их. — Ли Бай указал на синтезатор. Приугасшее в нем пламя вновь взметнулось. Едва успели человек и динозавр кинуться к раскрытому люку, как язык пламени выкинул оттуда что-то круглое. Большезуб ловко поймал предмет на лету. Оказалось, что это большой глиняный кувшин. Следом из голубого пламени вылетели три чаши внушительных размеров. Две И И сумел подхватить, но третья упала и разбилась. Большезуб отнес кувшин на стол, аккуратно вынул из горлышка пробку — и оттуда хлынул сильный приятный запах. Большезуб и И И недоуменно переглянулись.

— В базе данных Пожирающей империи оказалось не так уж много документов о виноделии у людей в ту пору, когда они жили на Земле, так что не уверен, что сделал то, что нужно, — сообщил Ли Бай и жестом указал И И: попробуй!

Тот взял чашу, налил туда немного из кувшина и отхлебнул. Через горло в желудок сразу хлынуло резкое тепло. Он кивнул:

— Это вино. Правда, более крепкое, чем то, что пьем мы для улучшения вкуса мяса.

Ли Бай указал на вторую чашу: «Налей!» — и, дождавшись, пока Большезуб наполнит ее до краев, поднял и опорожнил одним глотком. После этого он отвернулся и снова направился к краю площадки, немного покачиваясь на ходу. Снова он остановился на краю и снова уставился на звезды, только на сей раз ритмично раскачиваясь всем телом, словно для него звучала

какая-то не слышная больше никому мелодия. Но простоял он так недолго и вскоре вернулся к столу, спотыкаясь на каждом шагу. И И предупредительно подал ему кисть, но он отшвырнул ее в сторону.

— Налей! — потребовал Ли Бай, указав взглядом на пустую чашу…

Через час Большезуб бережно поднял Ли Бая когтистыми лапами и уложил на расчищенный стол, но тот сразу же повернулся и скатился на пол, бормоча при этом что-то на языке, непонятном ни динозавру, ни человеку. Его уже несколько раз вырвало разноцветной массой (хотя никто из двоих присутствовавших при этом не мог сообразить, когда же он успел поесть), при этом он испачкал свой роскошный халат. Через пятна рвоты просвечивал белый свет пола, и получалось нечто вроде абстрактной картины. Губы Ли Бая были черны от туши: осилив четвертую чашу, он все же попытался что-то начертать на бумаге, но в результате просто стучал по столу кисточкой с комком засохшей туши на конце, а потом сунул этот самый комок в рот и попытался размягчить его, как ребенок на первом уроке каллиграфии.

— Глубокоуважаемый бог… — несмело позвал его Большезуб.

— Вьяаакаааа… кьяаваааа, — заплетающимся языком отозвался Ли Бай.

Большезуб выпрямился, покачал головой, вздохнул и сказал И И:

— Пойдем отсюда.

Мы пойдем другим путем

Ферма, на которой жил И И, располагалась на экваторе Пожирающей империи. Пока планета находилась во внутренней части Солнечной системы, здесь была красивая, с пышной растительностью, степь между двумя реками. Когда же Пожиратели достигли орбиты Юпитера, началась суровая зима, степь скрылась под снегом, реки замерзли. Людей, которых разводили на этой ферме, переселили в подземный город. Но вскоре после того, как пришел вызов от бога и империя легла на возвратный курс, Солнце вновь стало пригревать и началась весна. Лед на реках быстро растаял, и степь снова зазеленела.

В хорошую погоду И И в одиночестве жил в несуразном шалаше, который собственноручно построил на берегу реки, возделывал понемногу землю и радовался жизни. Обычному человеку такого ни за что не разрешили бы, но, поскольку было признано, что его просветительские лекции по классической литературе благотворно влияют на вкус человеческого мяса, скотовод не препятствовал этому.

Прошло два месяца после того, как И И познакомился с Ли Баем. Приближался час заката, солнце уже коснулось идеально ровной линии горизонта планеты Пожирающей империи, где сходились две реки, в которых пылало отражение заходящего солнца. Ветерок доносил в шалаш отдаленные слабые звуки пения — в степи шло веселье. И И сидел один и играл сам с собой в вейци[26].

Подняв голову, он увидел, что по берегу реки к нему приближаются Ли Бай и Большезуб. Ли Бай заметно изменился с первой встречи: отросшие волосы были взлохмачены, борода стала еще длиннее, а лицо сильно загорело на солнце. На левом плече он нес котомку из грубой дерюги, а в правой руке держал большую бутыль из тыквы. Его щегольской халат превратился в грязную тряпку, плетенные из соломы шлепанцы были сношены почти до дыр. И И казалось, что теперь он гораздо больше похож на человека.

Ли Бай подошел к столику, на котором стояла доска для вейци, и, как обычно, не глядя, поставил тыкву и потребовал: «Чашу!» И И вынес из шалаша две деревянные чаши, Ли Бай откупорил тыквенную бутыль, разлил по чашам вино и вынул из котомки бумажный сверток. Развернув его, И И обнаружил кусок жареного мяса. Оно было уже нарезано и источало аппетитнейший аромат. Не удержавшись, он взял ломтик и принялся жевать.

Стоявший в нескольких метрах Большезуб молча наблюдал за ними. Он знал из прежнего опыта, эта парочка сейчас снова начнет рассуждать о поэзии, а ему этот предмет не был знаком и нисколько не интересовал его.

— Восхитительно! — сказал И И, одобрительно кивнув. — Это мясо тоже сделано прямиком из энергии?

— Нет. Я давно уже веду естественный образ жизни. Ты, может быть, и не знаешь, но довольно далеко отсюда есть пастбище, где разводят самых настоящих земных коров. Я сам готовлю мясо по рецепту «шаньси пинъяо». В нем есть одна хитрость. Когда маринуешь мясо, нужно добавить… — Ли Бай наклонился и заговорщицки прошептал в ухо И И: — мочу.

И И недоуменно взглянул на него.

— Нужно собрать человеческой мочи и выпарить ее, чтобы остался белый осадок. Он-то и делает мясо красным, сочным и нежным, не позволяет жиру вытапливаться, а тощим частям — делаться жесткими.

— Моча… Но ее-то вы делаете из чистой энергии? — с надеждой спросил И И.

— Я тебе только что сказал: я веду естественный образ жизни. Мне потребовалось немало времени, чтобы собрать мочу на нескольких человеческих фермах. Это старинный кулинарный рецепт, правда, он вышел из употребления задолго до разрушения Земли.

И И только-только успел проглотить мясо и теперь поспешно схватил чашу с вином, опасаясь, что, если сразу не запьет вином съеденное, его вырвет.

Ли Бай ткнул пальцем в тыкву.

— По моему указанию Пожирающая империя построила несколько виноделен, уже способных изготавливать многие из некогда знаменитых на Земле вин. Вот это самая настоящая настойка чжуэцин из гаоляновой водки на листьях бамбука.

И И только сейчас почувствовал, что вино в его чаше сильно отличается от того, которое Ли Бай приносил раньше. Оно было рубиново-зеленым и оставляло сладкое травяное послевкусие.

— Похоже, вы действительно освоили человеческую культуру, — с чувством похвалил он Ли Бая.

— Это еще не все. Я также много занимался самоусовершенствованием. Как ты знаешь, в Пожирающей империи много мест, очень похожих на те, которые Ли Бай видел на Земле. Я созерцал горы и воды, услаждал зрение живописными ландшафтами, пил вино при лунном свете, декламировал стихи на горных пиках, даже имел несколько романтических приключений на разных человеческих фермах…

— Значит, вы наверняка уже готовы показать мне свое поэтическое творчество?

Ли Бай выдохнул и поставил чашу. Потом встал и, волнуясь, обошел вокруг стола. — Да, я написал несколько стихотворений и уверен, что ты восхитишься ими. Ты, конечно, признаешь, что я замечательный поэт, лучше и тебя, и твоего пращура. Но я не хочу показывать тебе стихи, потому что уверен еще и в том, что ты скажешь, что я не смог превзойти Ли Бая. И я… — Он отвел взгляд, посмотрел вдаль, на померкшее сияние заходящего солнца, и на лице его были растерянность и даже боль. — Я и сам так думаю.

Пение умолкло; танцы в степи кончились. Люди спешили к обильному ужину. Стайка девушек пробежала к реке, чтобы поплескаться на мелководье у берега. Их головы украшали венки, а тела, словно туманом, были окутаны тонкой газовой материей, которая, насквозь просвечивая в лучах заката, создавала умопомрачительное зрелище. И И показал на одну из них, оказавшуюся ближе всех к его шалашу:

— Разве она не прелестна?

— Конечно, прелестна, — ответил Ли Бай, не понимая, к чему клонит И И.

— А теперь представьте себе, что вы вскрываете ее тело острым ножом, извлекаете все органы до единого, выколупываете глаза из орбит, достаете мозг, отрезаете одну от другой каждую мышцу и частицу жировой ткани в соответствии с их положением и функцией, собираете в два пучка ее кровеносные сосуды и нервы. А в завершение представьте, что вы стелете большое белое полотнище и раскладываете на нем все эти части согласно принципам анатомии. Она и тогда будет казаться вам прелестной?

— Разве можно говорить о таких вещах, когда мы выпиваем? Это отвратительно! — сказал, нахмурившись, Ли Бай.

— Что же здесь отвратительного? Разве это не та самая технология, которой вы поклоняетесь?

— Что ты хочешь сказать?

— Ли Бай видел природу так же, как вы сейчас видите девушек на берегу. Зато с точки зрения технологии природа — это совокупность грамотно организованных элементов, пятнающих кровью белое полотнище. Вот и получается, что технология — это антитеза поэзии.

— И что же ты хочешь мне предложить? — осведомился Ли Бай, поглаживая бороду.

— Я до сих пор уверен, что вы не сможете превзойти Ли Бая, но могу указать вам точку правильного приложения энергии.

Технология затуманила вам глаза, она закрывает от вас красоту природы. Следовательно, вам нужно, прежде всего, позабыть все свои сверхвысокие технологические знания. Уж если вы смогли пересадить в эти вот мозги всю свою память, то, несомненно, сможете изъять оттуда ее часть.

Ли Бай переглянулся с Большезубом, и оба расхохотались.

— Глубокоуважаемый бог, я с самого начала предупреждал вас, что эта козявка очень хитра, — сказал динозавр. — Малейшая неосторожность, и вы угодите в расставленную им ловушку.

— Ха-ха-ха! Он действительно хитер, но в то же время очень забавен, — ответил Ли Бай динозавру, а потом, вновь повернувшись к И И, сказал с холодной насмешкой: — Ты, что, действительно решил, что я пришел сюда, чтобы признать поражение?

— Вы не смогли превзойти вершину человеческой поэзии. Это факт.

Ли Бай резким движением вскинул палец и указал на реку.

— Сколькими путями можно попасть на берег?

И И несколько секунд недоуменно смотрел на Ли Бая.

— По-моему… путь только один.

— Ошибаешься. Путей два. Я могу пойти в эту сторону, — Ли Бай указал прочь от реки, — пройти через всю Пожирающую империю, выйти к реке с другой стороны и переправиться на этот берег. Я могу даже обогнуть по дороге Млечный Путь и все равно попасть туда. С нашими технологиями — как нечего делать. Технологии могут всё! Так что я решил пойти вторым путем!

И И долго обдумывал услышанное, растерянно покачивая головой.

— Да, вы обладаете божественной технологией, это бесспорно, однако я не в состоянии придумать другого пути, который позволил бы превзойти Ли Бая.

Новый Ли Бай поднялся на ноги.

— А ведь это так просто! Превзойти Ли Бая можно двумя способами. Первый — написать стихи, которые будут лучше, чем у него. Второй — написать все возможные стихи!

И И растерялся еще сильнее, а вот Большезуб, стоявший рядом, похоже, осознал, о чем речь.

— Я напишу все возможные пяти- и семисложные четверостишья. Ведь Ли Бай писал в основном этими размерами. Кроме того, я собираюсь записать все возможные лирические стихотворения в обычных размерах! Неужели не понимаешь? Я собираюсь составить все возможные сочетания китайских иероглифов, которые соответствовали бы главным стихотворным размерам!

— Потрясающе! Поразительная, невероятная идея! — взревел Большезуб, позабыв о достоинстве, которое постоянно старался демонстрировать.

— Это трудно? — наивно осведомился И И.

— Еще как! Немыслимо трудно! Самый большой компьютер Пожирающей империи мог бы считать до самой смерти Вселенной, но все равно не справился бы с такой работой.

— Не может быть, — скептически заметил И И.

— Еще как может! — Ли Бай, явно довольный собой, кивнул своим словам. — А вот если использовать квантовую технику, до которой вам так же далеко, как отсюда до Пекина пешком, вычисления можно выполнить в приемлемые сроки. Таким образом, я напишу все возможные стихи, включая те, которые были написаны в прошлом и, что еще важнее, всё, что может быть написано в будущем! И в этом своде наверняка окажутся произведения, превосходящие наилучшие работы Ли Бая. Фактически я положу конец искусству поэзии. Как только я завершу работу, любой поэт, до конца существования Вселенной, будет всего лишь плагиатором. Поэтическое творчество сведется к поиску в моих неисчерпаемых запоминающих устройствах.

Большезуб неожиданно испустил гортанный рык, и восхищение во взгляде, который он не отрывал от Ли Бая, сменилось потрясением.

— В неисчерпаемых… запоминающих устройствах?.. — повторил он. — Глубокоуважаемый бог, вы хотите сказать, что намерены… *сохранить* все стихи, которые сочинит квантовый компьютер?

— Подумай сам: какой смысл творить, чтобы уничтожать результаты творчества сразу после их создания? Конечно, сохраню всё! Это будет элемент вклада моей расы в искусство Вселенной!

Потрясенное выражение морды Большезуба сменилось ужасом. Он простер мощные передние лапы с огромными когтями и даже задние подогнул, как будто собирался рухнуть на колени перед Ли Баем, и возопил:

— Глубокоуважаемый бог! Не надо! Не делайте этого!

— Что вас так напугало? — изумленно спросил И И.

— Дурак! Неужели ты не знаешь, что атомную бомбу делают из атомов? И запоминающее устройство тоже будет сделано из атомов, и его погрешность хранения данных не может превышать атомный уровень. Ты ведь не знаешь, что такое атомный уровень хранения данных, верно? Это значит, что все книги, написанные твоим человечеством, можно уместить на кончике иглы! Не пару книжонок, которые ты сохранил, а все книги, существовавшие до

того, как мы сожрали Землю!

— Да, звучит очень впечатляюще. Я слышал когда-то, что в чашке воды содержится столько же атомов, сколько в земных океанах таких же чашек с водой. Значит, ему нужно будет написать все эти стихи, — И И указал на Ли Бая, — и спрятать их в кончике иглы.

Большезуб буквально кипел от ярости; ему пришлось несколько раз пройтись взад-вперед, и лишь после этого он смог ответить:

— Ладно… Тогда скажи мне: сколько богу потребуется символов, чтобы по одному разу записать все пяти- и семисложные четверостишья и стихи в других самых распространенных размерах?

— Не так уж много, не более двух-трех тысяч. Классическая поэзия — самая лаконичная из форм литературного искусства.

— Так вот, козявка, я уже говорил, что ты глупец, и повторю это снова! Сейчас я покажу тебе твою лаконичность… — Большезуб подошел к столу и указал когтем на игровую доску. — Как ты называешь эту дурацкую игру?.. ах, да, вейци. Сколько на доске пересечений?

— Девятнадцать линий по вертикали и столько же по горизонтали, значит, получается… Триста шестьдесят одно пересечение.

— Отлично! На каждом пересечении может стоять черная шашка, белая шашка или не стоять никакой шашки. То есть три возможных состояния. Таким образом, можно представить себе каждое дискретное состояние игры как использование трех символов для написания стихотворения из девятнадцати строк и триста шестьдесят одного символа.

— Какой интересное сравнение!

— Ну, а теперь подсчитаем, сколько стихотворений можно написать таким размером, используя все возможные сочетания трех символов? Не мучайся, я сам тебе скажу: три в триста шестьдесят первой степени или… секундочку… десять в сто семьдесят второй степени!

— Это… это много?

— Дурак! — в третий раз выкрикнул Большезуб. — Во всей Вселенной всего… гр-р-р-р-а-ах! — От злости он даже утратил дар речи.

— Сколько? — все с тем же растерянным видом спросил И И.

— Десять в восьмидесятой степени атомов. Ты, безмозглая козявка…

Лишь сейчас И И действительно удивился.

— Вы хотите сказать, что для того чтобы сохранить все стихи,

которые сочинит его квантовый компьютер, по одному стихотворению в каждом атоме, придется потратить все атомы Вселенной, и все равно они не уместятся?

— Даже и половина не уместится. Останется еще стихов на десять в девяносто второй степени атомов. В запоминающих устройствах, которые научились делать вы, жалкие земные козявки, для того чтобы сохранить одно такое стихотворение, потребуется больше атомов, чем всех вас существует на свете. Что касается нас… хранение информации с емкостью один атом на бит находится в состоянии лабораторных исследований…

— Ну вот, эмиссар, ты и продемонстрировал свою близорукость и недостаток воображения, которые и являются одной из главных причин медленного развития технологий Пожирающей империи, — сказал со смехом Ли Бай. — Используя квантовое запоминающее устройство, основанное на принципе квантовой суперпозиции, можно уложить все эти стихи в довольно-таки ограниченный объем. Конечно, квантовые запоминающие устройства не очень стабильны. Чтобы сохранить собрание стихов навечно, их следует продублировать с помощью более традиционных методов хранения информации. И все же расход материи будет совсем незначительным.

— Сколько? — односложно спросил Большезуб с таким видом, будто ожидал, что у него вот-вот лопнет сердце.

— Примерно десять в пятьдесят седьмой. Действительно, мелочь.

— Это же… это ровно столько, сколько атомов в Солнечной системе!

— Совершенно верно — считая все планеты, вращающиеся вокруг Солнца, и, конечно, Пожирающую империю.

Заключительную фразу Ли Бай произнес совершенно непринужденно, однако И И она поразила, словно гром среди ясного неба. А вот Большезуб, похоже, сразу успокоился, как будто после долгого мучительного ожидания возможной беды услышал именно то, чего ожидал и боялся больше всего.

— Может быть, вы для этого преобразуете энергию в вещество? — спросил Большезуб.

— Ты должен представлять себе, сколько энергии потребуется, чтобы создать такое количество вещества. Это не под силу даже нам. Так что воспользуемся имеющимся.

— Опасения его величества были оправданны, — пробормотал Большезуб.

— Да, да, — бодро подхватил Ли Бай. — Я еще позавчера поставил императора пожирающих в известность об этом. Великая империя мира-кольца будет использована для еще более

великой цели. Динозавры будут гордиться своей участью.

— Глубокоуважаемый бог, вы, несомненно, узнаете, как отнесется к вашему намерению Пожирающая империя, — мрачно сказал Большезуб. — Но у меня есть еще одно соображение. По сравнению с Солнцем масса Пожирающей империи очень мала. Так есть ли необходимость в уничтожении цивилизации, эволюционировавшей миллионы лет, ради того, чтобы получить совершенно незаметную горстку отходов?

— Я полностью понимаю твою озабоченность. Но ты не можешь не знать, что для того, чтобы погасить, остудить и разобрать на мелкие части Солнце, требуется очень много времени. Квантовые вычисления начнутся раньше, и нам необходимо где-то сохранять стихи, которые будут получаться, чтобы обеспечить компьютеру свободную оперативную память и возможность продолжать вычисления. Поэтому без вещества планет и Пожирающей империи при изготовлении запоминающих устройств просто не обойтись.

— Это я понимаю, глубокоуважаемый бог. Но у меня есть еще один, наверное, последний вопрос: так ли необходимо сохранять все результаты? Почему бы не добавить аналитическую программу, которая отсеивала бы все стихи, не заслуживающие того, чтобы оставаться навечно? Насколько я знаю, классическая китайская поэзия следовала очень строгим правилам. Если удалить все стихи, не соответствующие этим формальным ограничениям, объем результатов многократно сократится.

— Формальные ограничения? Ха! — Ли Бай яростно мотнул головой. — Оковы для вдохновения, и ничего больше. До эпохи Северной и Южной династий классическая поэзия не знала подобных правил. Даже в эпоху Тан, когда получили распространение так называемые цзиньтиши, «новые стихи» с регламентацией последовательности тонов, многие мастера игнорировали эти правила и создавали выдающиеся произведения в свободном стиле бяньтиши. Так что я не стану принимать в расчет эти формальные ограничения.

— Но зато вам все равно придется принимать во внимание содержание стихов, верно? Можно заранее сказать, что девяносто девять процентов сочинений будут представлять собой натуральный мусор. Какой смысл хранить массу случайно сгенерированных последовательностей символов?

— Мусор? — Ли Бай пожал плечами. — Ты не первый в истории берешься судить о качестве или значении стихов. Хотя это не под силу ни мне и ни одному живому существу. Рассудит только время. Множество стихов не получили признания, когда были написаны, а намного позже их стали считать шедеврами.

Многие шедевры нынешнего времени и будущего в далеком прошлом были бы признаны никчемными. Я собираюсь написать все стихи, которые были написаны когда-либо, пишутся сейчас и будут написаны в будущем. Кто знает, что всемогущее время сочтет наилучшим через триллионы лет?

— Но это же абсурдно! — Большезуб взревел так, что из травы взлетела целая стая перепуганных птиц. — Если опираться на базу данных по этим смешным китайским закорючкам козявок-людишек, то ваш квантовый компьютер первым делом выдаст:

а а а а а
а а а а а а
а а а а
а а а а ай

— Осмелюсь поинтересоваться: есть ли шанс, что всемогущее Время сочтет *это* шедевром?

— Зачем же ждать решения всемогущего Времени? — торжествующе воскликнул И И. — И сейчас можно смело сказать, что это доподлинный шедевр! Первые три строки и четыре первых знака четвертой — это возглас восхищения — ах! — живого существа при виде величия Вселенной. А завершающий знак — это кульминация, в которой поэт, узревший безбрежность Вселенной, единым вздохом неизбежности выражает мизерность жизни перед бесконечностью времени и пространства.

— Ха-ха-ха!.. — Ли Бай гладил бакенбарды, пытаясь прикрыть ладонью улыбку. — Отличное стихотворение, да, букашка И И, действительно отличное стихотворение. — Он взял тыквенную бутыль и налил И И вина.

Большезуб поднял могучую лапу и ткнул И И так, что тот отлетел прочь.

— Проклятая, мерзкая козявка. Я знаю, что ты сейчас радуешься. Но не забывай, что, когда погибнет Пожирающая империя, твоя раса тоже не выживет.

И И скатился почти до самой воды, там некоторое время отлеживался и лишь потом сумел на четвереньках доползти до своего шалаша. Лицо его было перемазано грязью, но он не просто ухмылялся, а хохотал, счастливо хохотал, превозмогая боль:

— Ха-ха-ха, вот это штука! Мироздание непредсказуемо! С ним ни… не соскучишься! — выкрикивал он, напрочь забыв обо всех правилах поведения.

— Эмиссар, у тебя есть еще вопросы? — спросил Ли Бай. Большезуб отрицательно покачал головой. — В таком случае

завтра я принимаюсь за дело. Послезавтра на квантовом компьютере заработает программа, которая создаст полный свод человеческой поэзии. Одновременно придется гасить Солнце и демонтировать планеты и Пожирающую империю.

Большезуб выпрямился и торжественно объявил:

— Глубокоуважаемый бог, Пожирающая империя за ночь завершит подготовку к сражению.

— Отлично, просто отлично, — весело кивнул Ли Бай. — Значит, следующие несколько дней будут нескучными. Но прежде чем браться за дела, давайте допьем вино, — и собственноручно разлил остатки по чашам. Потом посмотрел на реку, в этот час окутанную тьмой, и произнес, смакуя каждое слово: — Действительно, замечательное стихотворение. Ха-ха-ха, самое первое, и уже замечательное.

Полный свод поэзии

Программа для создания полного свода поэзии была очень проста. На человеческом языке программирования Си она состояла бы не более чем из пары тысяч строк и тоже очень скромного по размеру приложения в виде набора китайских иероглифов. Как только в находившийся на орбите Нептуна квантовый компьютер — колоссальный прозрачный конус, плавающий в вакууме, — была загружена программа, он приступил к работе.

И только теперь Пожирающая империя узнала, что Ли Бай был всего лишь одним из представителей своей сверхразвитой цивилизации. До сих пор динозавры считали, что любое общество, доросшее до такого технологического уровня, должно давно уже существовать в виде единого сознания; такими были все пять высокоразвитых цивилизаций, с которыми им доводилось встречаться за десять миллионов лет. А вот раса Ли Бая все так же состояла из отдельных особей, чем, вероятно, объяснялась и их редкостная восприимчивость к искусству. Как только началось сотворение свода поэзии, в Солнечную систему из самых разных мест отдаленного космоса начало прибывать все больше и больше соплеменников Ли Бая, которые тут же подключались к изготовлению запоминающего устройства.

Люди, жившие в Пожирающей империи, не видели ни квантового компьютера в космосе, ни прибытия многочисленных богов. Для них процесс сотворения полного свода поэзии выражался всего лишь в увеличении и сокращении количества солнц в космосе.

Через неделю после начала работы программы стихотворчества боги успешно погасили Солнце, доведя его излучение до нуля. Но из-за прекращения ядерного деления внутри Солнца внешний слой звезды стремительно спался, и она превратилась в новую звезду, снова осветив темноту. Только теперь Солнце сияло в сто раз сильнее, чем прежнее; поверхность Пожирающей империи заволокло дымом от горящих трав и деревьев. Новую быстро погасили, но через некоторое время она опять вспыхнула. Так продолжалось довольно долго — звезда вспыхивала только для того, чтобы погаснуть, и гасла для того, чтобы снова разгореться, как будто Солнце было кошкой с девятью жизнями и упрямо сопротивлялось, тратя их одну за другой. Но боги имели большой опыт по уничтожению звезд. Они терпеливо раз за разом гасили очередные новые, пока материя, насколько это было возможно, не превратилась в более тяжелые

элементы, необходимые для создания накопителя. Солнце погасло навсегда лишь после одиннадцатой вспышки.

Это случилось через три земных месяца с начала создания полного свода поэзии. Но уже на этапе третьей вспышки в космосе появились другие звезды. Они по очереди росли и уменьшались, разгорались и угасали в разных местах ближнего космоса. Какое-то недолгое время их было сразу девять. Это боги демонтировали планеты, и высвобождалась их энергия. Позже, когда Солнце сравнялось яркостью с любой из видимых звезд, отыскать на небосводе вновь созданные звезды стало практически невозможно.

Пожирающую империю демонтировали через пять недель после начала работы стихотворческой программы. Предварительно Ли Бай сделал империи предложение — боги могли перенести всех динозавров в некий мир по другую сторону Млечного Пути. Теми местами заправляла цивилизация, далеко не доставшая до уровня богов и не способная конвертировать чистую энергию в материальные предметы, но все же намного опережавшая в развитии динозавров. Там динозавров могли бы разводить как домашний скот, и они прекрасно жили бы на всем готовом, владея собственным скотом — людьми. Но динозавры гневно отвергли предложение и предпочли погибнуть, но не сломаться.

Тогда Ли Бай предложил иной вариант: чтобы людям позволили вернуться на их родную планету. Вообще-то Землю тоже демонтировали, и почти все ее вещество ушло на создание записывающего устройства. Однако боги сохранили небольшую часть, которой должно было хватить на тонкую скорлупу для полой Земли, размером соответствующей оригиналу, но в сотни раз меньше массой. Вообще-то говорить, что полая Земля — это Земля, лишенная внутреннего вещества, было бы неверно, потому что тонкий слой хрупких камней, покрывавший планету изначально, не годился для сферической оболочки. Материал для нее, вероятно, взяли из ядра планеты. Кроме того, тонкая, как бритвенное лезвие (в космических масштабах), но невероятно прочная оболочка была дополнительно укреплена сетью, которая окутывала сферу, как градусная сетка глобус. Нити для нее сделали из нейтрония, полученного при коллапсе Солнца.

К всеобщему изумлению, Пожирающая империя не только сразу приняла это предложение Ли Бая и разрешила всем людям покинуть мир-кольцо, но и вернула все взятые при разграблении Земли морскую воду и воздух. Боги восстановили внутри полой Земли континенты, практически неотличимые от изначальных, океаны и атмосферу.

А потом началась страшная битва по защите мира-кольца. Пожирающая империя воздвигла против богов заслоны из ядерных ракет и гамма-лучей, но могущественные враги их попросту не заметили. Боги задействовали какую-то неодолимую невидимую силу, которая стала раскручивать гигантское кольцо до тех пор, пока центробежная сила не разорвала его на куски. И И в это время находился в пути к полой Земле и с начала до конца наблюдал за гибелью Пожирающей империи с расстояния в двенадцать миллионов километров.

> *Кольцо распадалось очень медленно, как во сне. На смоляно-черном фоне космоса огромный мир рассеялся, как кусочек молочной пенки на кофе; осколки по краям медленно погружались во тьму, словно растворяясь в пространстве, и появлялись вновь только при спорадических вспышках взрывов.*
>
> *(Из «Пожирателей».)*

Великая агрессивная и жестокая цивилизация, возникшая некогда на Земле и покинувшая ее задолго до появления человеческого рода, погибла. И И с искренней скорбью оплакивал ее. Уцелело лишь несколько динозавров, вернувшихся на Землю вместе с человечеством. Среди них был и эмиссар Большезуб.

В обратном путешествии на Землю большинство людей пребывало в подавленном настроении, но совсем не по той причине, что была у И И. На возрожденной родной планете им предстояло пахать и сеять, как говорила одна древняя книга, «в поте лица своего есть хлеб свой». За время их пленения динозаврами люди привыкли к тому, что хозяева удовлетворяли все их потребности, обленились, презирали труд, и будущее представлялось им худшим из кошмаров.

Но И И верил, что у Земли есть будущее. Неважно, сколько трудностей лежит впереди — в конце концов люди вновь станут людьми.

Поэтическая туманность

Путешествие за поэзией привело сначала на берег Антарктиды.

Притяжение здесь было уже слабым; волны лениво накатывались на берег, словно в медленном танце. При малой силе тяжести каждый удар волны вздымал на высоту в несколько десятков метров тучу брызг, а там силы поверхностного натяжения собирали их в шары и шарики размером от футбольного мяча до дождевой капли, которые опускались так медленно, что можно было рукой рисовать в воздухе кольца вокруг каждого такого шара. Они еще и отражали лучи микросолнца, так что, как только И И, Ли Бай и Большезуб оказались на берегу, их окутало яркое сияние.

Благодаря вращающим силам Земля получилась немного растянутой по оси, что и помогло Северному и Южному полюсам сохранить прежний морозный климат. Выпадавший при слабом притяжении снег образовывал пушистые сугробы, которые в самых мелких местах доходили до пояса человеку, а в самых глубоких полностью накрывали даже такого гиганта, как Большезуб. Но, даже провалившись с головой, можно было нормально дышать! Этот невесомый снежный пух плавными белыми холмами покрывал весь антарктический континент, создавая неповторимый ландшафт.

И И со своими спутниками разместился в большом — с учетом размера и веса Большезуба — снегоходе, и они направились к Южному полюсу. Снегоход мчался, как глиссер, взрывая снежный пух пушистыми браздами.

Через сутки они оказались на Южном полюсе, местонахождение которого было отмечено высокой хрустально прозрачной пирамидой, воздвигнутой в память о Войне в защиту Земли, случившейся двести лет назад. На ее гранях не было ни надписей, ни изображений. Просто кристалл, возвышающийся над воздушным, как пена, снегом на оси вращения земного сфероида и безмолвно сверкающий в солнечном свете.

Отсюда был виден весь мир. Континенты и океаны окружали яркое маленькое солнце, так что казалось, будто оно встает из вод Северного океана.

— Неужели это маленькое солнце будет светить вечно? — спросил И И у Ли Бая.

— По меньшей мере до тех пор, пока новая земная цивилизация не разовьется до создания нового солнца. Это всего лишь миниатюрная белая дыра.

— Белая дыра? Это черная дыра наоборот? — спросил Большезуб.

— Да, она связана через червоточину с черной дырой, вращающейся вокруг звезды в двух миллионах световых лет отсюда. Дыра втягивает свет звезды, а выходит он здесь. Получается нечто вроде световодного кабеля, протянутого через гиперпространство.

Вершина монумента обозначала южное начало оси Лагранжа, линии с нулевой гравитацией длиной в 13 000 километров между Северным и Южным полюсами полой Земли, получившей свое название в память о существовавшей до нападения Пожирателей точке Лагранжа между Землей и Луной, где небесные тела взаимно гасили притяжение друг друга. Люди предполагали в будущем запустить на лагранжеву ось несколько спутников. По сравнению с теми проблемами, которые приходилось решать при космических запусках людям прошлого, дело было просто плевым: доставить спутник на какой-нибудь тележке к Северному или Южному полюсу и хорошенько пнуть ногой.

Пока они осматривали памятник, подъехал еще один снегоход, даже больше, чем у них, и оттуда высыпала толпа юных туристов. Оказавшись в снегу, они сразу же подпрыгнули и полетели в воздухе вдоль лагранжевой оси, изображая собой спутники. Отсюда было хорошо видно множество мелких черных точек, словно пунктиром, обозначавших саму ось, — туристы с легкими летательными аппаратами дрейфовали в полосе отсутствия притяжения. Если бы не солнце, помещенное точно посередине оси, можно было бы долететь без остановки до Северного полюса. Уже было несколько случаев, когда из-за неисправности реактивных ранцев туристы улетали к солнцу и гибли. Вернее, гибли они, далеко не долетев до светила — просто испарялись на лету.

И выйти в космос из полой Земли тоже было очень просто. Нужно было всего лишь прыгнуть в одну из пяти глубоких шахт, расположенных на экваторе (их называли Земными воротами), и падать (лететь?) сотню километров сквозь оболочку, а затем, подчиняясь центробежной силе, отправиться прямиком в космос.

И И и его спутникам, чтобы увидеть Поэтическую туманность, тоже предстояло миновать подобную шахту, но они выбрали Антарктические земные ворота. Здесь не действовала центробежная сила, и они, вместо того чтобы с разгона вылететь в космос, должны были всего лишь достичь наружной поверхности полой Земли. Облачившись на контрольной станции в космические скафандры, предназначенные для невесомости, они вошли в стокилометровую шахту (хотя при отсутствии

притяжения ее следовало бы называть туннелем) и полетели по ней. Движение здесь было куда медленнее, чем на экваторе, и выхода они достигли только через полчаса.

Наружная поверхность полой Земли была совершенно пуста. Здесь не было ничего, кроме перекрещивающихся полос нейтрония, наглядно рисовавших на сфере градусную сетку географических координат. На Южном полюсе меридианы сходились. Выйдя из Земных ворот, компания оказалась на небольшом плато, от которого во все стороны разбегались скреплявшие Землю полосы, похожие на длинные хребты невысоких гор.

Подняв глаза к небу, они увидели Поэтическую туманность, находившуюся теперь на месте Солнечной системы — маленькую, всего в сотню астрономических единиц диаметром, спиральную галактику, очень похожую по строению на Млечный Путь. Полая Земля находилась в окраинной части одной из ее ветвей, примерно, как Солнце находилось на настоящем Млечном Пути. Разница заключалась в том, что орбита Земли проходила не в той же плоскости, в какой вращалась Поэтическая туманность, что позволяло видеть галактику в плоскости, а не только сбоку, как в случае с Млечным Путем.

Поэтическая туманность испускала серебристый свет, которого хватало даже на то, чтобы рисовать на земле тени стоявших фигур. Впрочем, судя по всему, туманность не светилась, а скорее флуоресцировала под действием космических лучей. Потоки излучения были неравномерны, и поэтому в разных частях Поэтической туманности неожиданно вспыхивали разноцветные световые полотнища. Они колыхались, и переливающееся многоцветье катилось по небу, светящиеся массы часто пробивались сквозь Поэтическую туманность, их разноцветный свет катился по небу, будто там играли в светящейся воде светящиеся киты. Изредка, когда всплески космической радиации оказывались особенно сильными, туманность светилась особенно ярко и становилась совсем не похожа на космический объект. Тогда все небо выглядело поверхностью залитого лунным светом моря, каким она видится из-под воды.

Вращение Земли и туманности происходило не синхронно, и Земля время от времени оказывалась в промежутке между спиральными рукавами. В это время с планеты можно было видеть ночное небо, и звезды, и, что особенно впечатляло, поперечный разрез Поэтической туманности. Огромные массивы, похожие на земные кучевые облака, вздымались над спиралевидной плоскостью, мерцая серебристым светом,

трансформируясь в великолепные формы, которые будоражили человеческое воображение, как будто принадлежали к пейзажу, явившемуся во сне какому-то сверхразвитому сознанию.

И И отвел взгляд от Поэтической туманности и поднял из-под ног очень тонкую хрустальную пластинку размером с пол-ладони. Такие пластинки валялись повсюду и сверкали, как осколки чистого льда зимой. И И поднял пластинку над головой, где клубилась Поэтическая туманность. Если смотреть прямо, пластинка была прозрачной, но стоило лишь немного наклонить ее, как на поверхности появлялось отражение туманности в радужных ореолах. Это был чип квантовой памяти. Одной миллионной доли процента ее объема с запасом хватило бы для того, чтобы сохранить всю письменную информацию, созданную человечеством за время своего существования. Поэтическая туманность состояла из 1040 таких единиц и содержала весь свод поэтических произведений в трех размерах. На ее создание ушло все вещество Солнца, и девяти главных планет, и, конечно, Пожирающей империи.

— До чего же величественное произведение искусства! — искренне вздохнул Большезуб.

— Да, оно прекрасно по сути своей — туманность в миллиард километров в поперечнике, содержащая все возможные стихи. Но она еще и великолепна на вид! — воскликнул И И, тоже глядя в небо. — Даже я готов начать поклоняться технологиям.

Ли Бай звучно, протяжно вздохнул. Он в последнее время почему-то пребывал в подавленном настроении.

— Ох, вы как будто поменялись точками зрения. Я же определил возможность применения технологий в искусстве. И… — он вдруг всхлипнул, — потерпел полную неудачу.

— Что вы такое говорите?! — И И указал на висевшую над головой Поэтическую туманность. — Ведь тут собраны все возможные стихи, значит, наверняка есть произведение, превосходящее стихи Ли Бая, и, вероятно, не одно!

— Они ведь недоступны мне! — Ли Бай топнул ногой, и его подбросило на несколько метров вверх. Повиснув там, он сжался в клубок, спрятав голову в колени, и в этой позе зародыша долго спускался под действием еле ощутимого притяжения земной оболочки. — В самом начале создания свода я немедленно взялся за составление программы, которая анализировала бы получающиеся стихи. И технология снова столкнулась с непреодолимым препятствием на пути постижения искусства. Я по-прежнему не знаю, как написать программу, которая анализировала и оценивала бы поэзию. — Он указал вверх, на Поэтическую туманность. — Действительно, с помощью могучей

технологии я создал полный свод поэзии. Но я так и не могу найти в нем… увы…

— Неужели душа и сущность разумной жизни действительно недоступны для технологий? — громко спросил Большезуб, обращаясь к Поэтической туманности над своей головой. После всего, что ему довелось пережить в последнее время, он ударился в философию.

— Поскольку в Поэтической туманности наличествуют все возможные стихотворения, то, естественно, какая-то часть их описывает все наше прошлое и все наше будущее, возможное и невозможное. Букашка И И наверняка нашел бы стихотворение, описывающее ощущения, которые он испытал однажды ночью тридцать лет назад, когда подстригал ногти, или меню его обеда, который состоится через двенадцать лет. Эмиссар Большезуб тоже может найти стихотворение, в котором описывается цвет определенной чешуйки на его ноге через пять лет…

Произнося последние фразы, Ли Бай наконец-то опустился наземь и вынул из своих одеяний две пластинки, слабо мерцавшие в свете Поэтической туманности.

— Это мой дар каждому из вас — и вам обоим. Квантовый компьютер произвел поиск по вашим именам в Поэтической туманности и отыскал несколько квадриллионов стихотворений, в которых описываются ваши возможные будущие жизни. Конечно, это лишь крохотная часть стихов, в большей или меньшей степени посвященных вам. Сам я прочел только несколько десятков из них. Больше всего мне понравилось семисложное четверостишье, описывающее романтическую встречу И И с очаровательной деревенской девушкой на речном берегу…

— Надеюсь, что после того как я покину вас, люди и оставшиеся динозавры смогут поладить, а человечество наконец-то сумеет примириться с самим собой. Вот если кто-нибудь взорвет что-то атомное и проделает дырку в скорлупе полой Земли, это будет настоящей проблемой… Хорошие стихи, имеющиеся в Поэтической туманности, так и не принадлежат никому. Надеюсь, люди сумеют написать что-то из них.

— А что потом случилось со мною и деревенской девушкой? — с неподдельным любопытством спросил И И.

Ли Бай, озаренный серебристым светом Поэтической туманности, усмехнулся.

— Вы жили долго и счастливо.

Мыслитель

Первая публикация как 思想者 *в «Science Fiction World», Чэнду, 2003 г.*

Солнце

Он до сих пор отчетливо помнил, что почувствовал тридцать четыре года назад, когда впервые увидел астрономическую обсерваторию горы Сиюнь. Он ехал в машине «Скорой помощи», и, как только они миновали перевал, вдали показалась самая высокая вершина массива Сиюнь. Отражавшие золотой свет заходящего солнца сферические крыши зданий, под которыми скрывались телескопы, казались жемчужинами, инкрустированными в горный пик.

Он только что окончил медицинский институт, получив специальность нейрохирурга, и сейчас был интерном и ассистентом главного хирурга. Его срочно отправили в обсерваторию, чтобы спасти приглашенного ученого-исследователя из Англии, который упал во время прогулки. Увы, обширная травма головы оказалась слишком серьезной, и пострадавший был нетранспортабелен. Потому-то с машиной «Скорой помощи» и прислали нейрохирурга, который просверлил черепную кость и откачал немного крови, чтобы уменьшить отек мозга. Теперь нужно было выждать, пока состояние пациента стабилизируется, чтобы его можно было перевезти в больницу на операцию.

Он смог отойти от больного лишь поздней ночью. Дожидаться, пока больной придет в нужное состояние, и переносить его в машину предстояло санитарам, врач же, чисто из любопытства, решил рассмотреть поближе стоявшие вокруг яйцевидные корпуса. В лунном свете астрономический городок наводил его на мысли о Стоунхендже, и хотелось отыскать в расположении зданий какой-то потаенный смысл. Побуждаемый некоей мистической силой, так и оставшейся для него загадкой на протяжении всей долгой жизни, он подошел к ближайшей обсерватории, открыл дверь и вошел внутрь.

В помещении было темно, лишь слабо светились многочисленные маленькие лампочки приборов. Ему показалось, что он перешел из-под звездного неба с яркой, почти полной луной под звездное небо с совсем крохотным, почти невидимым серпиком. Лишь узкий лучик лунного света проникал в проем купола и падал на гигантский астрономический телескоп, частично очерчивая его контуры серебряными линиями. Такой телескоп был бы вполне уместен на городской площади в качестве абстрактной скульптуры.

Чуть ли не на цыпочках он подкрался к основанию телескопа и разглядел в слабом свете скопище каких-то механизмов.

Устройство оказалось куда сложнее, чем он представлял себе. Он поискал глазами окуляр, но тут от двери донесся приятный женский голос:

— Это солнечный телескоп. У него нет окуляра.

Со стороны двери к нему приближалась хрупкая фигурка женщины в белом лабораторном халате, походившая на перышко, неспешно летящее в лунном свете. Это сходство усугублял ветерок, как будто сопровождавший незнакомку.

— Прежние модели солнечных телескопов выводили изображение на специальный экран. А теперь мы используем компьютерный монитор… Доктор, вы, похоже, не на шутку заинтересовались.

Он кивнул.

— Обсерватория — это нечто сакральное и очень сложное. Я испытываю здесь какие-то необычные и довольно приятные ощущения.

— В таком случае почему же вы занялись медициной? О, простите, это неуместно и грубо…

— Но ведь медицина — это отнюдь не сумма тривиальных навыков. Она тоже бывает причастна к сакральному, как, например, моя специальность — нейрохирургия.

— О! Значит, вы берете скальпель, обнажаете мозг и видите там мысли?

Он смотрел на ее улыбающееся лицо в слабом отсвете луны и неожиданно представил себе зрелище, которого никогда не видел, — солнечный свет, падающий из телескопа на экран. Первые яростные вспышки сменились нежным великолепием, заставившим его сердце сбиться с ритма. Он тоже улыбнулся, надеясь, что она заметит его улыбку.

— Ну, если вам так угодно… Но подумайте вот о чем: нечто, напоминающее шляпку большого гриба, которую легко удержать на ладони, оказывается богатой и разнообразной вселенной. С определенной философской точки зрения эта вселенная даже величественнее, чем та, которую наблюдаете вы. Ваша Вселенная простирается на десятки миллиардов световых лет, и все же было установлено, что она конечна. Моя вселенная бесконечна, потому что бесконечна мысль.

— Увы, мысли бесконечны далеко не у всех, но ваши, доктор, действительно не знают границ. Что касается астрономии, то она не столь сакральна и возвышенна, как вы считаете. И несколько тысяч лет назад на берегах Нила, и несколько сотен лет назад во время долгих морских путешествий это был чисто практический навык. Астрономы того времени часто тратили годы на то, чтобы отмечать на звездных картах положение тысяч звезд. Вся жизнь

уходила на перепись звезд. Ну а в наши дни реальная работа по астрономическим исследованиям уныла, скучна и бессмысленна. Например, я изучаю мерцание звезд. Я веду бесконечные наблюдения, делаю заметки, продолжаю наблюдения, делаю новые и новые заметки. В этом определенно нет никакой сакральности или возвышенной сложности.

Он удивленно вскинул брови.

— Мерцание звезд? То самое, которое мы видим невооруженным глазом? — Она беззвучно рассмеялась, и он тоже со смехом тряхнул головой. — О, конечно же, я знаю, что это всего лишь рефракция в атмосфере.

— И тем не менее это довольно точная метафора. Если отбросить стабильный уровень и выявлять только колебания энергии, то действительно будет казаться, будто звезды мерцают.

— Из-за солнечных пятен?

Она сделалась серьезной.

— Нет, это флуктуация общей энергии звезды. Примерно так же, как бывает с обычной электрической лампой: она мигает не потому, что вокруг вьются мотыльки, а из-за колебаний напряжения в сети. Конечно, колебания энергии мерцающей звезды настолько незначительны на общем фоне, что обнаружить их можно только путем чрезвычайно точных измерений. Впрочем, будь они сильнее, мы давно уже сгорели бы в одной из вспышек Солнца. Исследование этих мерцаний — один из способов понять глубинную структуру звезд.

— И удалось уже что-нибудь открыть?

— Открытий нам еще ждать и ждать. На сегодня мы изучали мерцание только одной, самой доступной для наблюдения звезды — Солнца. Наблюдение может продолжаться годами, а потом мы постепенно перейдем и к другим звездам… Так что, прежде чем сделаем какие-либо открытия и придем к какому-то выводу, на измерения какого-то параметра Вселенной можно потратить и десять, и двадцать лет. Это тема моей диссертации, но я думаю, что работать над нею я буду еще долго, возможно, всю жизнь.

— Получается, что вы все же не считаете астрономию скучной?

— То, чем я занимаюсь, по-моему, прекрасно. Войти в мир звезд — все равно что войти в безграничный сад. Нет двух одинаковых цветов… Может быть, эта аналогия покажется вам странной, но именно так я это ощущаю.

Она непроизвольным жестом указала на стену. Там висела картина — совершенно абстрактная, просто широкая, волнистая линия, проходящая от края до края. Заметив, на что он смотрит, она сняла картину со стены и протянула ему. Толстая волнистая

линия оказалась мозаикой из разноцветных камешков, в изобилии имевшихся в этих местах.

— Очень мило, но что здесь изображено? Горный хребет, который виден отсюда?

— Наши самые недавние измерения мерцания Солнца выявили большую интенсивность, и вообще в этом году флуктуации были особенно выразительными. Это кривая энергии, излучаемой при мерцании. Знаете, на прогулках я всегда собираю здесь камешки и из них…

Но его куда сильнее очаровал другой изгиб. Слабый свет приборных ламп освещал одну сторону ее тела. Все остальное растворилось в окружающей тени. Как будто умелый художник провел на листе тонкой белой специальной бумаги изящную каллиграфическую линию тушью. Некая духовность, пронизывающая эту плавную кривую, наполняла, и идеально белую бумагу жизненной силой и содержанием… В городе за горами, где он жил, миллион, а то и больше хорошеньких молодых женщин, словно мириады молекул, вовлеченных в броуновское движение, непрерывно гонялись за внешними эффектами и тешили собственное тщеславие, не оставляя себе ни минуты передышки для размышлений. Но кто мог бы подумать, что на этой горе, о которой большинство горожан имеет самое смутное представление, живет нежная и тихая женщина, которая подолгу смотрит на звезды…

— Вы способны увидеть во Вселенной и явить человечеству такую красоту. Вот это настоящая редкость и к тому же везенье.

Он понял, что невежливо уставился на собеседницу, и отвел взгляд. Потом вернул ей картину, но она легонько подтолкнула ее обратно.

— Оставьте ее себе на память, доктор. Профессор Уилсон — мой научный руководитель. Спасибо, что спасли ему жизнь.

Через десять минут «Скорая помощь» удалилась в лунную ночь. По пути он медленно осознавал, что же именно оставил и получил сегодня на горе.

Первый раз

Женившись, он полностью отказался от попыток противиться времени. Однажды он перевез вещи из своей квартиры в ту, которую теперь делил с женой. А те, что не годились для совместного использования двумя людьми, он отнес в свой кабинет в больнице. Небрежно перебирая их, он нашел мозаику, сделанную из цветных камешков. Увидев многоцветную кривую, он вдруг понял, что со времени поездки на гору Сиюнь прошло уже десять лет.

Альфа Центавра А

Группа молодых сотрудников больницы отправилась на весенний пикник. Он придавал значение этой поездке еще и потому, что почти наверняка не получил бы приглашения туда и на будущий год. На сей раз организатор поездки с самого начала напустил туману — плотно задернул занавески на всех окнах автобуса и потребовал от всех по прибытии угадать, где они находятся. Тому, кто первым даст правильный ответ, был обещан приз. Он понял, куда они попали, как только вышел из автобуса, но промолчал.

Перед ним возвышался самый большой пик горы Сиюнь, сверкавший на солнце жемчужинами куполов.

Дождавшись, пока кто-то, явно наобум, верно назовет место, он сказал организатору поездки, что хочет подняться в обсерваторию навестить знакомых, и зашагал пешком по круто поднимавшейся вверх извивающейся дороге.

Он сказал почти правду, за исключением разве что того, что женщина, имени которой он даже не знал, не была штатной сотрудницей обсерватории. Наверняка ее давно уже нет здесь. Он даже не собирался заходить внутрь, просто хотел оглядеть то место, где десять лет назад его душа, горячая, сухая и яркая, как Солнце, превратилась в нить лунного света.

Час спустя он добрался до вершины горы и белых перил обсерватории. Краска на них потрескалась и выцвела. Он молча рассматривал теснившиеся на небольшой площадке корпуса. Место мало изменилось. Он быстро нашел куполообразное здание, в которое когда-то входил, сел на каменный блок, лежавший в траве, закурил сигарету и зачарованно уставился на железную дверь здания. Из глубин памяти всплыла сцена, которую он так долго лелеял: полуоткрытая железная дверь в луче лунного света, похожего на воду, и легкое перышко, вплывающее в комнату…

Он был настолько погружен в это давнее воспоминание, что не удивился, когда произошло чудо: железная дверь обсерватории действительно открылась. На солнечный свет выплыло то самое перышко, которое когда-то соткалось из лунного света. Женщина быстрым шагом прошла, почти пробежала, в другую обсерваторию. Он видел ее не более двадцати секунд, но знал, что не ошибся.

Через пять минут они встретились.

При ярком освещении она оказалась именно такой, какой он ее себе представлял. Он не удивился этому. А ведь прошло уже

десять лет. Ну, не должна была она выглядеть точно так же, как та женщина, едва освещенная несколькими лампочками приборов и луной. Он был озадачен.

Она была приятно удивлена, увидев его, но не более того.

— Знаете, доктор, я посещаю все обсерватории, работающие по моей теме. В этом году я приехала сюда всего на полмесяца. И почти сразу снова встретила вас. Это, наверно, судьба!

Небрежно брошенная последняя фраза подтвердила его первоначальное впечатление: увидев его снова, она не почувствовала ничего, кроме удивления. Но все же узнала его, хотя прошло целых десять лет. В этом он находил какое-то утешение.

Для начала они перекинулись несколькими словами насчет судьбы того ученого-англичанина, из-за травмы которого он приехал сюда впервые. И лишь потом он осведомился:

— Вы все еще занимаетесь мерцанием звезд?

— Да. Два года я наблюдала за мерцанием Солнца, а потом перешла к другим звездам. Вы наверняка понимаете, наблюдение за другими звездами требует методов, не имеющих ничего общего с теми, какими мы изучаем Солнце. Проект не получил тогда нового финансирования и прервался на много лет. Мы возобновили его — и то в объеме, далеком от предусмотренного, — лишь три года назад. Сейчас мы наблюдаем только двадцать пять звезд. Но их все прибавляется.

— Вы, наверно, сделали много новых мозаик?

Улыбка, которую он когда-то увидел при лунном свете, многократно всплывавшая из глубин его памяти за минувшие десять лет, теперь появилась на солнце.

— Неужели вы помните?! Да, каждый раз, бывая на горе Сиюнь, я собираю красивые камешки. Пойдемте, я вам покажу!

Она повела его в обсерваторию, где они впервые встретились. Войдя, он сразу увидел гигантский телескоп. Неизвестно, тот самый ли, что стоял тут десять лет назад, а вот компьютеры, которые его окружали, были явно новыми. Они-то не могли просуществовать так долго. На высокой изогнутой стене висели уже знакомые ему мозаики самых разных размеров, изображавшие волнистые кривые. Все они были разной длины. Некоторые были нежны, как море. Другие были, напротив, грубыми, как ряд высоких башен, беспорядочно соединенных вместе.

Переходя от картинки к картинке, она рассказывала, какие волны порождены какими звездами.

— Эти мерцания мы называем мерцаниями типа А. Они встречаются не так часто, как другие типы. Разница между

мерцаниями типа А и другими типами не только в том, что их энергетические флуктуации на порядок, а то и несколько, более выражены, но и математика их кривых несравненно элегантнее.

Он растерянно покачал головой.

— Интересно: все ученые, занятые фундаментальными науками, всегда говорят об элегантности математики. Я думаю, это у вас, что называется, пунктик. Например, вы все уверены, что уравнения Максвелла невероятно элегантны. Когда-то я пытался разобраться в них, но так и не смог понять, в чем их элегантность…

Как и десять лет назад, она сразу сделалась серьезной.

— Их элегантность сродни элегантности кристалла — очень твердые, идеально чистые и совершенно прозрачные.

Неожиданно он узнал одну из мозаик.

— О, вы сделали ее копию! — И, увидев недоумение на ее лице, пояснил: — Это же тот самый график мерцания Солнца, который вы подарили мне десять лет назад.

— Но… вовсе нет. Это график мерцания типа А звезды Альфа Центавра А. Мы наблюдали ее… э-э… в прошлом октябре.

Он нисколько не сомневался в том, что она искренне озадачена его словами, но был совершенно уверен в том, что сказал. Слишком хорошо он знал этот график. Более того, он мог бы безошибочно назвать цвет и форму каждого камня, из которого состояла кривая. Он не хотел рассказывать ей, что, пока он не женился в прошлом году, эта мозаика всегда висела у него на стене. Каждый месяц обязательно выпадало несколько ночей, когда лунный свет падал в окно, и он мог разглядывать мозаику, лежа в постели. Он молча пересчитывал камешки, из которых слагалась кривая. Его взгляд ползал по ней, как жук. Обычно он засыпал, пройдя путь в одну сторону и дойдя до середины обратно. В сновидениях он продолжал гулять по этой кривой, порожденной Солнцем, как будто переступал с одного цветного камня на другой, иного цвета, чтобы пересечь реку, берегов которой никогда не увидит…

— Вы можете отыскать график мерцания Солнца десятилетней давности? Точнее 23 апреля.

— Конечно.

Она с легким недоумением посмотрела на него, явно удивленная тем, что он так точно назвал ту дату. Подойдя к компьютеру, она вывела на экран волновой график мерцания Солнца, а следом — Альфы Центавра, мозаичная копия которого висела на стене, ошеломленно уставилась на экран.

Графики совпали в точности.

Не выдержав ее долгого молчания, он предположил:

— Может быть, эти две звезды имеют одинаковую структуру и потому и мерцают одинаково? Вы ведь когда-то сказали мне, что мерцание типа А отражает глубинную структуру звезды.

— Они обе принадлежат к главной последовательности и относятся к спектральному классу G2, но их структуры определенно неидентичны. Но главное в том, что, даже если структуры звезд совершенно идентичны, мы все равно этого не увидим. Это как с баньяновыми деревьями. Вы когда-нибудь видели два абсолютно одинаковых дерева? Чтобы такие сложные графики действительно идеально перекрывались — это все равно что отыскать два больших баньяновых дерева, где даже самые дальние от ствола ветви будут совершенно одинаковыми.

— А что если это действительно два больших баньяновых дерева, оказавшихся совершенно одинаковыми? — попытался утешить ее он, зная, что несет чепуху.

Она чуть заметно покачала головой. Потом подумала еще о чем-то и замерла на месте. В ее взгляде почему-то удивление смешалось с испугом.

— Боже мой! — воскликнула она.

— В чем дело?

— Вы… вам не кажется, что это может быть связано со временем?

Он, как ни странно, стразу сообразил, что она имела в виду.

— Насколько мне известно, Альфа Центавра А — это ближайшая к нам звезда. До нее всего лишь… четыре световых года.

— 1,3 парсека, 4,25 световых года, — машинально поправила она. Видно было, что она все еще не отошла от изумления, и даже последняя фраза прозвучала так, будто ее устами говорил кто-то другой.

Теперь все было ясно: два идентичных мерцания произошли с разницей в восемь лет и 6 месяцев, как раз столько времени требуется свету, чтобы он мог совершить круговое путешествие между двумя звездами. Через 4,25 года, когда свет мерцающего Солнца достиг Альфы Центавра А, последняя стала мерцать точно таким же образом, и ровно через такое же время мы увидели мерцание Альфы Центавра.

Она присела к компьютеру и занялась вычислениями, приговаривая себе под нос:

— Даже если не делать поправку на ошибку регрессии, вводящую разброс в несколько лет, результат все равно удовлетворительный.

— Простите, что я встревожил вас необдуманными словами. Впрочем, это все равно невозможно проверить, поэтому не стоит

так волноваться.

— Говорите, невозможно проверить? Я не стала бы так решительно это утверждать. Свет мерцающего Солнца распространяется в космосе. Что если через определенное время еще какая-нибудь звезда ответит ему таким же мерцанием?

— Следующая, после Альфы Центавра, ближайшая звезда?..

— Звезда Барнарда. 1,81 парсека, но она слишком тусклая. Мы просто не можем измерить ее. Следующая — Вольф-359, 2,35 парсека — тоже тусклая и тоже недоступна для измерения. Потом идет Лаланд-21185, 2,52 парсека — и она тусклая. И, наконец, Сириус.

— Ну, уж Сириус-то, насколько я понимаю, достаточно ярок для любых измерений. И каково расстояние до него?

— 2, 65 парсека, как раз 8,6 световых лет.

— Свет от того мерцания Солнца распространяется уже десять лет. Туда он уже добрался. Что если Сириус уже подмигнул в ответ?

— Но это мерцание мы увидим лишь еще через семь лет. — Она вдруг встрепенулась, будто очнулась от грез, и рассмеялась. — Помилуйте, о чем я думаю! Это же смешно!

— Значит, вы, как астроном, считаете эту идею смешной?

Она посмотрела ему в глаза.

— А что еще можно о ней сказать? Вот вы, нейрохирург, — как вы отреагируете, если кто-нибудь начнет доказывать, что мысли рождаются не в мозгу, а, скажем, в сердце?

Он не нашелся, что ответить на это. Она взглянула на часы, и он понял, что пора уходить. Она не уговаривала его остаться, но довольно долго провожала его по дороге, которая вела вниз с горы. Он подумал было попросить телефонный номер, но удержался, понимая, что для нее он просто незнакомец, вторично попавшийся ей на пути спустя десять лет после первой, столь же случайной, встречи.

Они попрощались, и она направилась обратно к обсерватории. Горный ветерок развевал полы ее белого лабораторного халата. Неожиданно в нем пробудилось то же самое чувство, которое он испытал при их прощании десять лет назад. Солнечный свет, казалось, превратился в лунный. То ли легкое перышко удалялось, чтобы исчезнуть, то ли тонула в воде рисовая соломинка, которую отчаянно хотелось схватить. Он понял, что хочет сохранить эту неощутимую, как паутинка, связь, возникшую между ними. Почти инстинктивно он крикнул ей в спину:

— А если через семь лет вы увидите, что Сириус действительно замигал точно так же?..

Она остановилась, повернулась и ответила с улыбкой:
— В таком случае встретимся здесь!

Второй раз

После женитьбы его жизнь в корне изменилась, а после рождения ребенка — снова, и еще сильнее. Фигурально выражаясь, он пересел с ленивого почтового поезда жизни на экспресс и теперь с бешеной скоростью мчался вперед, без остановок проскакивая бóльшую часть платформ. Он отупел от дорожной скуки, закрыл глаза, больше не обращал внимания на неменяющийся пейзаж и, в конце концов, уснул. Однако, как и у многих других людей, спящих в поезде, крошечные часики в глубине его сердца продолжали тикать. Он проснулся в ту самую минуту, когда добрался до места назначения.

Однажды ночью его жена и ребенок крепко спали, а он никак не мог заснуть. Повинуясь какому-то таинственному порыву, он накинул одежду и вышел на балкон. В ярко освещенном городе было трудно разглядеть на небе звезды. Он все же искал что-то — но что? Прошло немало времени, прежде чем сердце подсказало: он ищет Сириус. Он даже вздрогнул от этой мысли.

Прошло семь лет. Близилось время давным-давно назначенной встречи — до нее оставалось всего два дня.

Сириус

Накануне выпал первый снег в этом году. На дорогах было скользко. Такси не смогло преодолеть последний отрезок дороги. Ему снова пришлось пешком взбираться на вершину горы Сиюнь.

По дороге он не раз спрашивал себя, в здравом ли он вообще рассудке. Бесспорно, вероятность того, что она придет на встречу, была равна нулю. По одной очень простой причине: ну, не мог Сириус мерцать так же, как Солнце семнадцать лет назад. За последние семь лет он изучил немало литературы по астрономии и астрофизике. Ему было стыдно за ту нелепость, которую он ляпнул семь лет назад. Спасибо, что она не рассмеялась тогда ему в лицо. Сейчас-то он ясно понимал, что она, просто из вежливости или пожалев его, сделала вид, будто приняла его слова всерьез. За прошедшие семь лет он много-много раз размышлял над обещанием, которое она дала при расставании. И чем дальше, тем сильнее он ощущал в ее словах насмешку…

За прошедшее время астрономы перешли в основном от наземных телескопов на космические, расположенные на околоземной орбите. Обсерватория горы Сиюнь закрылась четыре года назад. Здания переделали в коттеджи. В межсезонье здесь практически не бывало людей… И что ему там делать? Он остановился. Прошедшие семь лет взяли свое. Он уже не мог с былой легкостью подняться на гору. У него возникло было сомнение в том, что стоит подниматься на вершину, но после секундного колебания он все же пошел дальше.

Он так долго ждал — так почему бы сегодня не завершить путь, по которому вела его мечта?

Увидев белую фигурку перед бывшей обсерваторией, он решил, что это галлюцинация. Женщина в белой ветровке почти сливалась с фоном заснеженной горы. И, едва он успел разглядеть ее, она побежала к нему навстречу. Она походила на перышко, летящее над снежным полем. Он же окаменел от изумления и стоял так, пока она не оказалась рядом. А она хватала ртом воздух и никак не могла отдышаться, чтобы заговорить. Она почти не изменилась, если не считать того, что коротко остригла свои длинные прежде волосы. Семь лет — это совсем немного. По сравнению со временем жизни звезд это нельзя считать даже мгновением, и она изучала звезды.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Доктор, прежде всего, должна сказать, что не очень-то надеялась увидеть вас сегодня. Я и сама-то приехала в основном из чувства долга, поскольку обещала, а может быть, и хотелось.

— Знаете, я тоже.

— Я даже… даже дату наблюдения чуть не упустила из виду. Вообще-то я никогда по-настоящему не забывала ее, лишь задвинула куда-то в самые глубокие тайники памяти. А несколько ночей назад все это вдруг всплыло в голове…

— И у меня тоже.

Тут они оба умолкли и долго молчали, прислушиваясь к ветру, который шумел между деревьями, порождая в горах негромкое эхо.

В конце концов он не выдержал и спросил чуть дрожащим голосом:

— Неужели Сириус показал такое же мерцание?

— График его мерцания точно совпадает с кривой, которую дало Солнце семнадцать лет назад, и с кривой Альфы Центавра А семилетней давности. И случилось это точно в предсказанный срок. Мерцание наблюдал космический телескоп «Конфуций-3». Это никак не может быть ошибкой.

Они снова надолго умолкли. Ветер то тише, то громче рокотал в кронах деревьев. Звук метался среди гор, заполняя пространство между землей и небом. Казалось, какая-то сила гудела по всей Вселенной, как глубокий и мистический хор… Он не мог сдержать озноб. Она, очевидно, испытывала такое же ощущение; во всяком случае, заговорила она так энергично, будто желала избавиться от своих страхов.

— Но эта ситуация, вернее, этот странный феномен не укладывается в рамки наших общепринятых теорий. Чтобы предъявить его научному сообществу, потребуется провести гораздо больше наблюдений и собрать доказательную статистику.

— Я понимаю. Следующая звезда, доступная для наблюдения, — это?..

— Это мог быть Процион в Малом Псе, но пять лет назад он внезапно потускнел и сейчас непригоден для измерения. Возможно, его закрыло облачко космической пыли. Так что остается Альтаир из созвездия Орла.

— И каково же расстояние до него?

— 5,1 парсека, 16,6 световых лет. Семнадцатилетнее мерцание Солнца как раз добралось до него.

— Значит, нам придется ждать еще семнадцать лет?

— Жизнь человеческая коротка и безысходна.

Ее последние слова затронули какие-то глубинные струны в его сердце. Его глаза, высушенные досуха зимним ветром, вдруг наполнились слезами.

— Увы, это так. Жизнь человеческая действительно коротка, и итог ее предопределен раз и навсегда.

— Но, по крайней мере, у нас пока остается немалый шанс еще раз встретиться по этому случаю.

Он озадаченно уставился на нее. Она что, действительно уже строит планы на семнадцать лет вперед?! Быть того не может!

— Извините. Это все очень неожиданно. Мне нужно немного подумать.

Ветер сбрасывал зачесанные назад волосы ей на лоб. Она то и дело поправляла их. Она словно заглянула в его сердце и понимающе рассмеялась.

— Конечно. Я дам вам свой телефон и электронный адрес. Можно поддерживать контакт, если будет желание.

Он тяжело вздохнул, как вздохнул бы пароход, заблудившийся в тумане и наконец-то обретший спасительный свет маяка на берегу. Его сердце заполнилось счастьем, но смущение не позволяло признаться в этом самому себе.

— Но… Позвольте, я провожу вас донизу?

Она со смехом покачала головой и указала за спину, на куполообразный коттедж, переделанный из корпуса, где когда-то стоял телескоп.

— Я останусь здесь на некоторое время. Не волнуйтесь. Тут есть и электричество, и хорошая компания. Здесь постоянно живут лесники… Мне и впрямь нужны тишина и покой, много тишины и покоя.

На этом они распрощались. Он зашагал вниз по покрытой снегом дороге. Она долго стояла на вершине горы Сиюнь и смотрела ему вслед. Они оба настраивались на семнадцать лет ожидания.

Третий раз

Вернувшись в третий раз с горы Сиюнь, он внезапно осознал, что его жизнь близится к концу. Вряд ли у них обоих осталось больше семнадцати лет. Свет ползал по огромной и пустынной Вселенной медленно, как улитка. Жизнь была достойна упоминания не в большей степени, чем грязь.

Они поддерживали связь первые пять лет из семнадцати. Они обменивались электронными письмами, иногда звонили друг другу, но ни разу не встретились. Она жила в другом городе, далеко-далеко. А потом каждый из них сосредоточился на достижении вершины своей жизни. Он стал знаменитым специалистом по нейромедицине и главой крупной клиники. Ее включили в международную академию наук. У каждого из них находилось все больше и больше забот. К тому же он понимал, что неуместно тратить время самого, пожалуй, выдающегося астронома современности на обсуждение слишком уж похожей на миф, а то и сказку, вещи, которая связывала их вместе. Поэтому они постепенно все больше и больше отдалялись друг от друга. К середине семнадцатилетнего интервала они полностью прервали контакт.

Однако он не волновался. Он знал, что между ними существует нерушимая связь — свет с Альтаира, несущийся на Землю сквозь огромное пустынное пространство. Они оба молча ждали, когда он прибудет.

Альтаир

Они встретились на горе Сиюнь темной ночью. Каждый из них спешил прийти пораньше, чтобы не заставлять другого ждать, и в результате оба поднялись на вершину около трех часов утра. Они легко могли бы подняться сюда на своих летающих автомобилях, но совершенно сознательно, не сговариваясь, припарковали их у подножия горы и поднимались пешком. Очевидно, им хотелось и в некоторой степени воспроизвести былое.

Гору Сиюнь десять лет назад объявили природным заповедником, и теперь она являлась одним из немногочисленных диких мест, оставшихся на Земле. Старая обсерватория и коттеджи превратились в руины; их успели обвить виноградные лозы. Среди этих руин они и встретились при свете звезд. Он недавно видел ее по телевизору, поэтому знал, как время сказалось на ее внешности. Эта ночь выдалась безлунной, и он мог как угодно представлять себе ее, но чувствовал, что это та же самая женщина, что предстала перед ним в лунном свете тридцать четыре года назад. Звездный свет, отражавшийся в ее глазах, заставлял его сердце таять от воспоминаний.

Она заговорила первой.

— Давайте не будем сразу говорить об Альтаире, ладно? Я уже несколько лет веду исследовательский проект, занимающийся именно измерением передачи мерцания типа А между звездами.

— О! Я был уверен, что вы побоитесь развивать это открытие. Или попросту выкинете его из головы.

— Ну что вы, разве так можно? Нужно смотреть правде в глаза: что-то такое существует. Во Вселенной, которую описывает классическая теория относительности и квантовая физика, не счесть непостижимых странностей. За несколько лет наблюдений мы обнаружили, что передача мерцания типа А между звездами является универсальным явлением. В любой данный момент его можно наблюдать у бесчисленного количества звезд. Оно распространяется через соседние звезды. Инициировать мерцание или склонить, а может быть, спровоцировать другие звезды к подобным действиям может любая звезда. Все пространство словно пруд, покрытый рябью от кругов, которые порождают дождевые капли… Ну как? Впечатляет?

— Я уже ничего не понимаю. Наблюдение за обменом мерцаниями между четырьмя звездами заняло более тридцати лет. Так как же?..

— Ну, вы ведь умный человек. Не может быть, чтоб вы сами не додумались.

— Пожалуй… разве что в таком роде: установить наблюдение за несколькими звездами, расположенными рядом друг с другом. Например, звезды А и В находятся на расстоянии десяти тысяч световых лет от Земли, но всего в пяти световых годах друг от друга. Таким образом, нам хватит всего пяти лет, чтобы наблюдать мерцание, которое они передали десять тысяч лет назад.

— Вот, я не зря хвалила ваш ум! На Млечном Пути сотни миллиардов звезд. И подобных комплектов можно отыскать сколько угодно.

Он рассмеялся. Точно так же, как и тридцать четыре года назад, она смотрела в ночи, как он смеется.

— Я принес вам подарок.

С этими словами он открыл дорожную сумку и достал оттуда странную штуковину размером с футбольный мяч. На первый взгляд она походила на беспорядочно скомканную рыболовную сеть. Сквозь крошечные отверстия проникали иголочки звездного света. Он включил фонарик, и стало видно, что предмет состоял из бесчисленного количества крошечных шариков размером с рисовое зернышко. К каждому шарику присоединялось разное количество палочек, таких тонких, что они были почти невидимы, и эти палочки соединяли шарики между собой. Все это вместе образовало чрезвычайно сложную сетевидную систему.

Он выключил фонарик, нащупал в темноте выключатель у основания сооружения и нажал на него. Вспышка, показавшаяся в темноте ослепительной, распалась на стремительно перемещающиеся яркие точки, рассыпавшиеся по всему сооружению, как будто там сидели в крошечных полых стеклянных шариках десятки тысяч светлячков. Вот вспыхнул один шарик, и тут же его свет распространился на соседние. В любое мгновение какая-то часть крошечных шаров зажигала начальную точку света или распространяла свет, создаваемый другим шариком. Она наглядно увидела свою собственную аналогию: пруд во время дождя.

— Это модель распространения мерцания среди звезд? О, какая красота. Да разве… неужели вы все это предвидели?!

— Я предполагал, что распространение мерцания среди звезд — универсальное явление. Конечно, это была просто интуитивная догадка. Вот только это не модель распространения звездного мерцания. В нашем университете ведется ряд исследований мозга, одно из которых использует технологию молекулярного позиционирования трехмерной голографической микроскопии

для изучения распространения сигналов между нейронами. Это всего лишь модель распространения сигнала в коре правого полушария головного мозга, хотя и очень небольшой ее части.

Она не могла оторвать взгляда от огоньков, танцующих в сфере.

— Это сознание?

— Да. Точно так же, как работа компьютера сводится к перебору немыслимого количества нулей и единиц, так и сознание — всего лишь продукт огромного количества простых связей между нейронами. Иными словами, сознание — это то, что происходит, когда между узлами распространяется огромное количество сигналов.

Они молча смотрели на искрящуюся звездами модель мозга. А во вселенской бездне, которая окружала их, сотни миллиардов звезд, плавающих на Млечном Пути, и сотни миллиардов звезд за пределами Млечного Пути обменивались между собой и передавали все дальше бесчисленные мерцания типа А.

— Уже почти светает, — как бы невпопад сказала она. — Давайте дождемся зари.

Они сидели рядом на цоколе обрушившейся стены и смотрели на стоявшую перед ними модель мозга. Мигающий свет оказывал гипнотический эффект. Она незаметно задремала.

Мыслитель

Она летела над огромной, бескрайней серой рекой. Это была река времени. Она летела против течения, к источнику времени. В космосе плавали галактики, похожие на ледниковые морены. Она летела быстро. Один взмах крыльев переносил ее сразу на сто с лишним миллионов лет. Вселенная сжималась. Галактики сползались все ближе друг к другу. Радиационный фон резко повышался. Когда до истока остался лишь миллиард лет, морены галактик начали таять в море энергии, быстро распадаясь на свободные частицы. А потом частицы превращались в чистую энергию. Пространство начало излучать свет, поначалу темно-красный. Казалось, она скользит в кроваво-красном энергетическом море. Яркость света быстро росла и переходила от темно-красного к оранжевому, а затем к пронзительному чисто-голубому. Казалось, она летит в гигантской трубе неонового света. Частицы материи уже растаяли в энергетическом море. Пронзая ослепительное пространство, она увидела, как границы Вселенной изгибаются в сферическую поверхность, как будто сжимается гигантская ладонь. Вот Вселенная сжалась до размеров большой гостиной. Она висела в самой середине, ожидая прибытия странной частицы. Наконец все погрузилось в кромешную тьму. Она знала, что уже находится внутри странной частицы.

В следующий миг нахлынул ледяной холод, а потом она обнаружила, что стоит на просторной белой равнине. Над ней простиралась безграничная черная пустота. Чисто белую землю покрывал гладкий слой прозрачной, липкой жидкости. Она пошла вперед, к берегу ярко-красной реки. Поверхность реки была затянута прозрачной мембраной, под которой стремились красные воды. Она оторвалась от земли и взмыла в небо. Неподалеку кровавая река разветвлялась на множество рукавов, образуя сложную сеть потоков. Она поднималась все выше. Кровавые реки становились тоньше, превращаясь просто в линии на белой земле, которая все так же простиралась до горизонта. Она полетела вперед. Появилось море черного цвета. Но, оказавшись над ним, она поняла, что оно не черное. Оно лишь казалось черным, потому что было глубоким и совершенно прозрачным. Глазам открылись горные хребты на обширном морском дне — хребты из цветного хрусталя простирались радиально от центра моря до берега… Она продолжала подниматься и невесть как долго не смотрела вниз. А посмотрев, увидела всю Вселенную разом.

Вселенная оказалась гигантским глазом, который спокойно взирал на нее.

* * *

Она внезапно проснулась. Ее лоб был мокрым. Она не могла понять, пот это или роса. Он не спал и так же сидел рядом, молча глядя на нее. В стоявшей перед ними на траве модели мозга иссякла батарейка. Звездный свет, пронизывавший его, погас.

Над ними светились те же звезды, что и прежде.

— О чем «он» думает? — спросила она, прервав молчание.

— Сейчас?

— В эти тридцать четыре года.

— Мерцание, которое начало наше Солнце, могло быть просто примитивным нервным импульсом. Такое случается постоянно. Большинство из них подобны комарикам, которые порождают на пруду практически незаметную и ни на что не влияющую рябь. Реальное ощущение могут нести только те импульсы, которые распространяются по всей Вселенной.

— То есть мы потратили целую жизнь и увидели в «нем» только один мерцающий импульс, который «он» не мог даже почувствовать? — не очень вразумительно сказала она, как будто все еще пребывала во сне.

— Мы вряд ли увидели бы проявление хотя бы одного из «его» реальных ощущений, даже если бы потратили на наблюдения всю продолжительность человеческой цивилизации.

— Жизнь человеческая коротка и безысходна.

— Воистину — жизнь человеческая коротка и безысходна.

— Воистину глубокомысленная одинокая личность.

— Что? — Он вскинул на нее недоуменный взор.

— О, я сказала «он», имея в виду и всеобщность, и небытие. «Он» — это все. Думает, а может быть, видит сны. Но о чем эти сны…

— Давайте постараемся не вдаваться в философию! — Он махнул рукой, как будто отгонял муху или пылинку.

Ей в голову вдруг пришла неожиданная мысль. Она слезла с остатков стены.

— Согласно теории Большого взрыва, которой придерживается современная космология, пока Вселенная расширяется, свет, излучаемый из определенной точки, никогда не сможет широко распространиться по Вселенной.

— Иными словами, у «него» никогда не будет и не может быть хотя бы одного реального ощущения.

Ее взгляд был устремлен куда-то бесконечно далеко. Она долго молчала, прежде чем бросить короткую реплику:

— А у нас?

Ее вопрос заставил его погрузиться в воспоминания. Между тем в лесах горы Сиюнь защебетали первые птицы. На восточном горизонте появилась светящаяся полоска.

— У меня было, — уверенно сказал он.

Да, у него было реальное ощущение. Это случилось тридцать четыре года назад мирной лунной ночью на этой самой горной вершине. Легкая, как перышко, гибкая фигура в лунном свете, глаза молодой женщины, глядящей на звезды… Мерцание в его мозгу быстро распространилось по всей вселенной его разума. С тех пор это мерцание ни на миг не затухало. Вселенная, заключенная в его мозгу, превосходила великолепием заполненную звездами внешнюю Вселенную, которая расширяется уже почти четырнадцать миллиардов лет. Хотя внешняя Вселенная безмерно огромна, наука в конце концов установила, что она конечна. А вот мысль — бесконечна.

Небо на востоке быстро светлело, и россыпь звезд таяла в этом свете. Стали проявляться грубые очертания горы Сиюнь. На самой высокой вершине этого массива, возле увитых лозой руин обсерватории, два почти шестидесятилетних человека напряженно смотрели на восток, ожидая, когда над горизонтом поднимется ослепительно яркая мозговая клетка.

notes

Примечания

1

Ли — традиционная китайская мера длины; в настоящее время равна 500 метрам (1640 футов).

2

Форма выкупа невесты в некоторых сельских районах северо-западного Китая; как ясно из названия, предполагает денежное возмещение зятем тех мук, которые перенесла мать, рожая дочь (*прим. авт.*).

3

Перевод Вл. Рогова.

4

Альберт Эйнштейн. Физика и реальность.

5

Перевод Л.Н. Меньшикова.

6

Строка из стихотворения Ван Вэя, поэта эпохи Тан: «Провожаю Юаня Второго на службу в Аньси».

7

Министерство угольной промышленности Китая было упразднено в 1998 г. Часть его функций была передана Государственному управлению угольной промышленности.

8

Династия Цин правила в Китае с 1644 по 1912 г.

9

В Китае еще в 1950-х гг. была принята квалификационная тарифная сетка рабочих профессий, в которой 8-й разряд был наивысшим.

10

Династия, правившая в Древнем Китае в период ок. 1045–771 до н. э.

11

Соответствует званию старшего лейтенанта в полиции Российской Федерации.

12

Переполнение стека — ошибка, возникающая при попытке поместить в стек больше элементов, чем это позволяет выделенное для него место. При отсутствии аппаратного контроля стека это вызывает затирание части кода программы или области данных.

13

Эффект Дросте — техника размещения рекурсивного изображения: внутри изображения размещается его уменьшенная копия, внутри которой уменьшенная копия предыдущего изображения, и так далее — теоретически до бесконечности (на практике до пределов допустимого качества изображения).

14

«Служим народу» — политический лозунг и неофициальный девиз Китайской Народной Республики, появившийся на самой заре образования государства; цитата из речи Мао Цзэдуна.

15

Французский музыкант, первый из известных западных пианистов гастролировавший в Китае (в 1992 году), неизменно входит в число виднейших исполнителей классической музыки всего мира.

16

В Китае Пятая симфония Бетховена известна под названием «Симфония судьбы».

17

«Ода “К радости”» (музыка Л. Бетховена, стихи Ф. Шиллера) в 1972 году была принята в качестве официального гимна Совета Европы, а с 1985 года — Европейских сообществ (Европейского союза с 1993 года).

Перевод И. Миримского.

19

Упрощенное разъяснение терминов радиоэлектронной войны. Скачкообразная перестройка частоты: случайное или псевдослучайное переключение несущих частот передатчика в соответствии с шаблоном, встроенным в приемник. Широкополосный псевдослучайный сигнал (с расширенным спектром и кодом прямой последовательности) — при этом методе передаваемый сигнал распределяется в широком диапазоне частот, что затрудняет подслушивание и постановку помех. Система адаптивной нуллификации: способность антенной решетки обнулять сигналы от поставленных противником помех, что позволяет ей поддерживать связь с дружественными антеннами в других направлениях. Пакетная передача характеризуется сочетанием очень высокой скорости посылки сигналов данных и очень короткого времени передачи (поэтому и называется также импульсной передачей) в расширенном частотном диапазоне. Быстрая перестройка частоты: постоянное и очень частое изменение частоты передаваемого сигнала, позволяющее преодолевать поставленные помехи.

20

АВАКС — русифицированная аббревиатура англоязычного термина AWACS (Airborneearly Warningand Control System — Авиационная система раннего предупреждения и управления).

21

1-я кавалерийская дивизия армии США является, на самом деле бронетанковой, но сохраняет за собой название, под которым была создана в 1921 г.

22

Война в Заливе (Вторая война в Персидском заливе) — вооруженный конфликт между Многонациональными силами (МНС) и Ираком за освобождение и восстановление независимости Кувейта в период со 2 августа 1990 года по 28 февраля 1991 года. Известна также под кодовым названием «Буря в пустыне».

23

Национальный день Франции — главный праздник страны; отмечается ежегодно, 14 июля. В России больше известен как День взятия Бастилии.

24

В 1966 году президент Франции генерал Де Голль вывел свою страну из состава военной организации НАТО, что серьезно ослабило позиции Запада в «холодной войне» против СССР и других стран социалистического лагеря.

По-русски эта река именуется Сунгари.

26

В России эта игра больше известна под японским названием «го».